ХРЕСТОМАТИЯ
ПО ИСТОРИИ
СРЕДНИХ ВЕКОВ

ПОСОБИЕ ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Под редакцией
проф. Н. П. Грацианского
и проф. С. Д. Сказкина

Том II

Часть I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1938

Хрестоматия по истории средних веков профессоров Грацианского и Сказкина (том II часть I)) по своей тематике и содержанию соответствует материалу курса истории для VII класса. Первая часть хрестоматии дает значительный документальный материал по истории Франции, Англии, Германии, Италии, Польши и Сербии, главным образом с XI до XV вв. Каждая глава имеет вводную статью, содержащую краткое изложение основных исторических фактов. Текст документов снабжен примечаниями, разъясняющими непонятные термины.

Хрестоматия является учебным пособием для преподавателей средней школы.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Собранные в этом томе исторические источники имеют своей целью дать материал для преподавателя при прохождении им курса истории в VII классе средней школы. Составители, располагая весьма ограниченным временем, решили вначале ограничиться подбором наиболее важного материала из имеющихся уже на русском языке переводов источников и, во всяком случае, не ставили себе целью полный охват всех тем курса. Тем не менее уже в процессе работы оказалось необходимым привлечь новый документальный материал, появляющийся таким образом в переводе на русский язык впервые. Уже имеющиеся переводы документов пришлось пересмотреть, и составители сожалеют, что недостаток времени не позволил провести эту работу более полно. Среди новых переводов особенно следует отметить широко использованную для хрестоматии политическую и хозяйственную корреспонденцию агентов фирмы Фуггер (Fugger-Zeitungen), дающую интересный материал по истории XVI в.; материал по истории славянских стран (полабские славяне, Польша, Сербия, Чехия в период Гуситских войн); документы, касающиеся восстания «Чомпи», и недавно опубликованные новые материалы по истории Крестьянской войны 1525 г. Материал расположен по странам и периодам применительно к программе учебника средней школы, и каждому отделу предпослано краткое введение, содержащее сжатую характеристику периода и самих источников. Документы по экономической истории З. Европы, уже опубликованные ранее в других сборниках средневековых источников (напр. в «Социальной истории средневековья» под ред. Косминского и Удальцова и в других изданиях исторического факультета МГУ), в большей своей части не вошли в настоящий сборник.

Грацианский.
Сказкин.

Москва, 14 июля 1936 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Франция XI—XV вв.

Англия XI—XV вв.

Германия XIII—XV вв.

Италия XI—XV вв.

Польша XI—XV вв.

Сербия XIII—XV вв.

Церковь и культура.

Стр.

II. Ереси и борьба с ними

Стр

I. ФРАНЦИЯ XI—XV вв.

ВВЕДЕНИЕ.

Нижеприводимый документальный материал по истории Франции XI—XV вв. подразделен на 10 глав. Документы, собранные в I главе, характеризуют первых Капетингов — ближайших преемников Гуго Капета, вступившего, как известно, на французский престол в 987 г. Они непосредственно владели лишь пятью графствами в Иль де-Франсе и имели чисто теоретические права феодального верховенства в остальной Франции, фактически распадавшейся на несколько больших независимых княжеств[1]. О том, насколько слаба была власть ближайших преемников Гуго Капета, говорит отношение к ним современников: у нас приведены иронический отзыв о них современного хрониста, а также не совсем почтительное письмо к королю Роберту одного из феодалов средней руки — графа Блуасского. Приводимое нами письмо епископа Фульберта к тому же королю Роберту говорит о бессилии первых Капетингов справиться даже с мелкими феодалами. Известно, что даже в пределах королевского домена, т. е. Иль де-Франса, далеко не все феодалы фактически признавали власть Капетингов: некоторые мелкие сеньеры, опираясь на свои крепкие замки, разбойничали на больших дорогах и грозили самому королю, когда он проезжал из Парижа в Орлеан и обратно.

Королевская власть Капетингов лишь постепенно стала приобретать твердую материальную базу. Королевский домен при небольших его размерах занимал чрезвычайно выгодное географическое положение, так как в нем скрещивались сухие и особенно водные пути северной Франции (проходившие по Луаре и Сене). Естественно, что развитие торговли обогащало Капетингов, так как умножало взимаемые ими пошлины с провозимых и продаваемых товаров. Вместе с тем развитие ремесла и обмена вызвало появление естественных и надежных союзников королевской власти в лице горожан, которые в борьбе с хищничеством феодальных сеньеров держали сторону сильной центральной власти и в критические моменты оказывали ей материальную помощь. Еще раньше Капетинги воспользовались услугами духовенства, поддержка которого обеспечила первые значительные успехи королевской власти при Людовике VI Толстом (1108—1135). Этот король хорошо понимал, что для утверждения королевской власти во Франции необходимо утвердить ее сначала в самом королевском домене, очистивши его от разбойничьих феодальных элементов. Приводимый нами отрывок из жизнеописания Людовика Толстого, составленного аббатом Сугерием, как раз и

[1] Из них наиболее значительными были: в северной Франции — Фландрия, Нормандия, Бретань, Анжу, Шампань и Бургундия, а в южной Франции — Аквитания (Гиень), Гасконь и графство Тулузское (Лангедок).

характеризует ожесточенную борьбу короля с мелкими феодалами внутри Иль де-Франса. Ревностно помогавшее королю в этом деле духовенство поставляло ему советников в делах управления, всячески стремившихся провести в жизнь идеи королевского верховенства. Одним из таких советников был уже упомянутый аббат Сугерий, игравший важную роль в управлении государством при Людовике VI и его сыне Людовике VII. При последнем уже определенно намечается столь успешно протекавший в дальнейшем процесс «собирания» Франции Капетингами в единое национальное государство.

Эта «тенденция к созданию национальных государств, выступающая все яснее и сознательнее, является одним из существеннейших рычагов прогресса в средние века»,— говорит Энгельс (Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. I, стр. 444).

«В каждом из этих средневековых государств,— продолжает он (там же),— король представлял собой вершину всей феодальной иерархии, верховного главу, без которого вассалы не могли обойтись и по отношению к которому они находились в состоянии непрерывного бунта. Основное отношение всего феодального хозяйства — пожалование в лен земли за определенные личные услуги и дань — даже в своем первоначальном, простейшем виде давало достаточно поводов к ссорам, в особенности когда так много народа было заинтересовано в том, чтобы находить поводы для смут. Как можно было избежать конфликтов в эпоху позднего средневековья, когда ленные отношения во всех землях образовывали запутанный клубок прав и обязанностей, дарованных, отнятых, снова возобновленных, прекратившихся вследствие давности, измененных или каким-*либо иным способом обусловленных,— клубок, который никак невозможно было* распутать?.. Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть (das Königtum) была прогрессивным элементом,— это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же как королевская власть тяготела к ним. Союз королевской власти и буржуазии ведет свое начало с X в.; нередко он нарушался в результате конфликтов; далеко не всегда в течение всех средних веков дело шло этим путем объединения, все же этот союз возобновлялся все тверже, все могущественнее, пока, наконец, он не помог королевской власти одержать окончательную победу, и королевская власть в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника».

Конкретная история Франции — яркая иллюстрация к этому замечательному анализу Энгельса.

Во второй половине XII в. на пути «собирания» Франции выросло новое препятствие в виде огромного государства Плантагенетов. Граф Анжу, Генрих Плантагенет, владевший также Мэном, Туренью и Нормандией, в 1152 г. путем брака присоединил к своим землям еще и Аквитанию, а через два года сделался королем Англии. Таким образом Плантагенеты, будучи вассалами короля Франции, сами стали английскими королями. Кроме Англии, они владели всем западным побережьем Франции, устьями рек Сены, Луары и Гаронны и такой территорией на континенте, которая в несколько раз превосходила своими размерами королевский домен Капетингов. Само собой разумеется, что никакие серьезные успехи последних во Франции не были возможны при на-

личии такого могучего противника, как Плантагенеты, закрывшие Франции доступ к морю. Естественно, что борьба с Плантагенетами сделалась со второй половины XII в. главным содержанием политики Капетингов. Решающее значение в этой борьбе имело царствование одного из наиболее талантливых Капетингов — Филиппа II Августа (1180—1223). В царствование Иоанна Безземельного Филипп-Август объявил все владения Плантагенетов во Франции конфискованными, в 1203 г. вторгся в Нормандию и быстро завоевал ее, завладевши таким образом всем нижним течением Сены. Вместе с тем он завоевал Анжу и все земли по нижнему течению Луары. Это знаменовало собой захват основных континентальных владений Плантагенетов и крушение их могущества на территории Франции.

Столкновение Иоанна Безземельного с папой, связавшее свободу действий английского короля, дало возможность Филиппу-Августу стать твердой ногой в завоеванных областях, причем щедрой раздачей привилегий духовенству и горожанам он окончательно привлек их на свою сторону. Лишь после мира с папой (1213) Иоанн Безземельный организовал против французского короля целую коалицию, в которую привлек встревоженных быстрым возвышением Капетингов северо-французских и соседних германских баронов, возглавляемых самим императором. Филипп-Август разбил англичан на Луаре, а надвигавшемуся с севера союзному имперскому войску нанес решительное поражение при Бувине (1214), окончательно закрепивши этой победой свои завоевания. У нас приведена выдержка из современной хроники, описывающая торжества в Париже после битвы при Бувине. Из этого описания мы видим, какое огромное значение придавали король и его приближенные своей победе над союзниками.

Разросшийся королевский домен и усиление авторитета королевской власти требовали новой организации управления, которая и была проведена правительством Филиппа-Августа. В центре, рядом со старыми, время от времени собиравшимися для подачи совета королю, феодальными съездами баронов появился постоянный королевский совет из преданных королю лиц, по большей части проникнутых монархическими идеями юристов, ведавших совместно с королем все отрасли управления по всему королевству. На местах старые полуфеодальные агенты короля — прево — были подчинены новым королевским чиновникам — бальи, из которых каждый заведывал несколькими превотажами. Бальи вербовались из мелкой знати, получали определенное жалованье, назначались и смещались по усмотрению короля. Сосредоточивая в своих руках всю полноту власти на местах, они являлись здесь ревностными и влиятельными агентами центрального правительства, подавлявшими всякие стремления феодалов к независимости и анархии. У нас приведены выдержки из завещания короля (составленного перед отправлением его в третий крестовый поход), характеризующего деятельность бальи и вообще организацию управления в первую половину царствования Филиппа-Августа. Здесь ничего еще не говорится о должностях сенешалов, учрежденных позднее в завоеванных землях. Сенешалы отправляли все функции бальи, но назначались из среды местной крупной знати, которой король такой практикой временно как бы делал уступку: подчиняясь влиятельным людям своего круга, они менее остро ощущали переход к новым порядкам. Власть новых королевских чиновников не ограничивалась пределами их сенешальств и бальяжей. Они вмешивались также и во

внутренние дела остававшихся независимыми крупных феодальных княжеств, требуя выполнения в пользу короля положенных вассальных обязательств, например, военной службы. Кроме того, на землях независимых феодалов бальи и сенешалы непосредственно имели дело с городами и местечками, взятыми под особую королевскую защиту. Они старались использовать свои права в этих подзащитных пунктах для утверждения королевской власти и пропаганды монархических идей в новых районах. Всюду также в независимых феодальных княжествах опорой королевской власти были независимые города (коммуны), которым король особенно покровительствовал, противоставляя их силу феодалам. Вообще Филипп-Август более, чем кто-либо из его предшественников, покровительствовал городскому движению и умел извлекать из него для себя пользу. Города с их все более и более развивавшимися промышленностью и торговлей были важными источниками доходов для королевской казны и вместе с тем важными политическими союзниками в военное время.

Внук Филиппа-Августа Людовик IX (1226—1270) еще более утвердил королевскую власть Капетингов, не только увеличивши ее материальные средства, но и повысивши ее престиж среди представителей феодального общества. Урегулировавши отношения с Англией (окончательно по миру 1259 г.), он обратил главное свое внимание на судебные реформы. Вместо старой феодальной апелляции, состоявшей в вызове на поединок, Людовик IX установил право апелляции к королю по поводу всех судебных решений по всему королевству, даже если они исходили от крупных независимых феодалов. Вместе с тем целый ряд судебных дел по всему королевству был изъят из ведения феодальных судов и подчинен исключительно ведению суда королевского. Таковы дела об убийстве, разбое, поджоге, фальшивой монете и т. п. Это так называемые «королевские случаи», число которых все время возрастало в ущерб старой феодальной юстиции. Так королевский суд распространялся по всему королевству и становился мощным орудием централизации. На местах отправляли суд от имени короля бальи и сенешалы, а в центре при Людовике IX была выделена из королевского совета особая судебная секция, получившая название **парламента**. Заседавшие в парламенте судьи упорно проводили в жизнь идею судебного верховенства короля и всюду стремились насадить законность, несовместимую с феодальной анархией. Под их влиянием король совершенно устранил в своих судах судебные поединки между тяжущимися сторонами, запретил в своих владениях частные войны, а во владениях других крупных феодалов установил так называемые «сорок дней короля» — обязательный сорокадневный срок между началом ссоры и войной, в течение которого слабейшая сторона могла апеллировать к королю. Ниже, в главе III, у нас приведены документы, которые отражают две последние судебные реформы Людовика IX.

В той же главе III мы помещаем безыскусственную, но яркую характеристику короля Людовика IX, принадлежащую его соратнику и другу — **Жуанвилю**, сенешалу Шампани, автору известной «Истории св. Людовика». Здесь же мы даем выдержку из хроники **Салимбене**, в которой фигурирует Людовик IX. Салимбене — итальянский монах, францисканец, много путешествовавший по Франции. В одно из своих путешествий он видел в Сансе короля, когда тот шел в свой первый крестовый поход (1248). Салимбене оставил мастерское описание сцены встречи короля в Сансе, описание, прямо взятое

с натуры и являющееся одним из лучших мест его хроники. Все оно насквозь пропитано подлинным духом эпохи и рисует короля в окружающей его реальной бытовой обстановке. Наконец, в главе III мы приводим выдержки из «Поучения Людовика IX сыну», характеризующего миросозерцание короля и принципы его политики.

В главе IV у нас помещены некоторые документы, относящиеся к царствованию внука Людовика IX — Филиппа IV Красивого (1285—1314). Он присоединил к королевскому домену ряд новых княжеств, из которых важнейшим было графство Шампань, славившееся своими ярмарками. Король пробовал также захватить остававшуюся в руках англичан юго-западную Францию (Гиень), но безуспешно. Преждевременной и безуспешной была также попытка захватить последнее независимое княжество на севере — Фландрию.

Войны Филиппа IV, а также разросшийся правительственный аппарат монархии с его многочисленным чиновничеством требовали больших материальных средств, которых обычные скудные доходы королевской казны дать не могли, так как постоянных налогов не было. Такой недостаток средств придал всей политике Филиппа IV ярко выраженный фискальный характер: она была направлена главным образом на выкачивание денег всеми правдами и неправдами из карманов разных слоев населения. Фискальная политика Филиппа IV привела его к столкновению с папой Бонифацием VIII, оспаривавшим право короля самовольно облагать налогами земли французского духовенства. Борьба с папой кончилась полной победой короля, поддержанного феодалами и горожанами. Полным успехом кончился также судебный процесс против рыцарей тамплиеров, затеянный королем с целью захвата огромных для того времени богатств ордена. Однако в последние годы царствования Филиппа IV его фискальная политика, связанная с порчей монеты и вымогательствами денег у населения, вызвала против него оппозиционное движение баронов, поддержанное горожанами. У нас приведен документ, характеризующий эту оппозицию Филиппу Красивому.

Приведены также два документа, касающиеся созыва королем первых Генеральных штатов (1302 и 1308 гг.). Известно, что в вопросах исключительной важности, когда нужно было опереться на влиятельные круги населения, Филипп IV созывал, по примеру своих предшественников, собрания духовных и светских феодалов, с которыми советовался по поводу тех или иных экстренных мероприятий. В 1302 г., находясь в затруднительном положении во время столкновения с папой, король пригласил на собрание духовенства и светской знати также представителей горожан, положивши тем самым начало Генеральным штатам — политическим собраниям представителей трех сословий французского народа. Штаты король созывал также в 1308 и 1314 гг. Так, по инициативе короля, возник и утвердился во Франции при Филиппе Красивом новый орган центрального управления — Генеральные штаты. Самый факт их созыва знаменовал собой признание широкого социального и политического веса горожан, призванных обсуждать важнейшие дела государства наряду со знатью. Генеральные штаты не были представителями всего французского народа, так как в них никакого участия не принимало крестьянство. Они представляли лишь три сословия Франции — дворянство, духовенство и горожан. Каждое сословие заседало и обсуждало дела отдельно, и решение одного сословия не было обязательным для других. Штаты отража-

ли таким образом своей структурой социальную рознь французского народа — обособленность горожан и разность интересов дворянства и духовенства. Основной функцией Генеральных штатов было разрешение взимания налогов. Однако, соглашаясь на обложение, представители трех сословий очень часто обусловливали это самое согласие проведением ряда реформ в области администрации, суда и даже законодательства. Царствовавшие один за другим (на протяжении 1314—1328 гг.) три сына Филиппа Красивого часто созывали Генеральные штаты, совещаясь с представителями трех сословий о важнейших делах государства. При этом штаты не всегда покорно выслушивали и принимали королевские предложения. Не раз они указывали на злоупотребления правительства и требовали их устранения. События последующих десятилетий открыли широкое поле их деятельности.

В 1328 г. прекратилась прямая линия династии Капетингов, так как ни один из трех царствовавших друг за другом сыновей Филиппа IV не оставил мужского потомства. Бароны провозгласили королем племянника Филиппа Красивого по мужской линии — Филиппа Валуа, исключивши из престолонаследия женскую линию в лице внука Филиппа Красивого по матери — английского короля Эдуарда III. Филипп VI Валуа положил начало новой династии Валуа, представлявшей собой младшую линию Капетингов и правившей во Франции до 1589 г. При этом короле присоединено было Дофинэ, которое стало даваться в удел наследникам престола — старшим сыновьям королей Франции (отсюда название их дофины). При этом же короле началась Столетняя война Франции с Англией.

В сущности эта война была прямым продолжением старинной борьбы французских и английских королей за земли на континенте. Однако на этот раз центр тяжести борьбы переместился на север, во Фландрию, которой Англия поставляла шерсть и которую она не могла позволить захватить французскому королю. При этом сторону англичан, естественно, держали города, между тем как враждебная горожанам знать, во главе с графом Фландрским, искала опоры своей власти у королей Франции. Предлогом военных действий со стороны англичан послужили притязания Эдуарда III на французскую корону.

Военные действия открылись во Фландрии. Уже в первый год своего правления Филипп VI вступился за своего вассала — графа Фландрии, изгнанного из графства горожанами, и предпринял поход для укрощения последних. В битве при Касселе французские рыцари наголову разбили горожан и, восстановивши графа в его правах, удалились во Францию. Граф казнил много горожан, отнял у всех городов, за исключением Гента, их привилегии и, наконец, в угоду французскому королю, распорядился арестовать всех англичан, проживавших во Фландрии. В ответ на эту меру английский король прекратил вывоз шерсти из Англии и тем вызвал во Фландрии жестокий кризис. О дальнейшем рассказывает Фруассар, выдержка из которого приведена у нас в главе V. «Певец рыцарства» Фруассар, сам родом из соседнего с Фландрией графства Геннегау, хорошо зная местные дела, очень интересовался всеми событиями, связанными со Столетней войной, и ярко изобразил в своих «Хрониках» тот кризис, который разразился в городах Фландрии в результате запрещения вывоза шерсти из Англии. Яков (или Жак) Артевельде, о котором рассказывает Фруассар, принадлежал к верхушке Гентской буржуазии

(он был богатый торговец сукнами). Артевельде сумел временно прекратить ожесточенную классовую борьбу среди населения Гента (между суконщиками-предпринимателями и зависимыми от них ремесленниками), поставил Гент во главе фландрских коммун, завел от их имени переговоры с Эдуардом III и добился восстановления нормальных экономических сношений Фландрии с Англией. Естественно, что в начавшейся вскоре войне Фландрия очутилась на стороне Англии.

Война эта началась в 1337 г. и сразу же оказалась очень неудачной для Франции. В 1340 г. при Эклюзе был истреблен французский флот, и эта победа дала возможность англичанам беспрепятственно перевозить свои войска на французскую территорию. Здесь они два раза разгромили французскую рыцарскую армию — при Креси (1346) и при Пуатье (1356). Мы даем в главе VI описание битвы при Пуатье, заимствованное из «Нормандской хроники», а также даем взятое из Фруассара описание того впечатления, какое произвела эта несчастная битва во Франции. Дальше, в главе VII, приводятся обширные выдержки из оффициальных «Больших хроник», повествующие об оппозиции скомпрометировавшему себя военными неудачами королевскому правительству со стороны Генеральных штатов и о восстании Этьена Марселя. Известно, что оказавшийся во главе управления Францией вследствие плена короля Иоанна дофин Карл вынужден был принять все требования Генеральных штатов и узаконить их так называемым «великим мартовским ордоннансом» 1357 г. Между прочим, «мартовский ордоннанс» санкционировал учреждение при дофине совета из представителей трех сословий, передачу сбора налогов уполномоченным от штатов и представление штатам права собираться для обсуждения государственных дел по собственному почину, без приглашения со стороны королевской власти. Однако все эти уступки дофина были неискренними, и он ждал только удобного случая, чтобы избавиться от оппозиции, возглавляемой купеческим старшиной Парижа — Этьеном Марселем. Со своей стороны, Марсель не доверял дофину и держал в Париже наготове вооруженных горожан, чтобы при случае поддержать авторитет штатов силой. Между тем представители дворянства и духовенства, лишь временно увлеченные горожанами в оппозицию королевскому правительству, мало-помалу отошли от нее, так как их интересы с интересами горожан никогда не совпадали. Да и среди самих горожан не было единодушия в вопросе об отношениях к дофину. Парижане, руководимые купечеством, стояли за Марселя; многие другие города были против Генеральных штатов и Марселя, так как установленные штатами налоги были тяжелы, не всегда справедливо разверстывались и собирались, и многие из горожан платить их не хотели. К тому же многие обвиняли Марселя в измене отечеству ввиду его дружбы с личным врагом королевского дома и другом англичан Карлом Наваррским.

Раскол среди оппозиции, укрепляя силы дофина, ослаблял положение Марселя, и последний, опасаясь возвращения к старым порядкам, стал действовать силой. В конце февраля 1358 г. он поднял в Париже восстание, распорядился умертвить двух главных советников дофина — маршалов Шампани и Нормандии — и поставил правительство дофина под строгую опеку парижского купечества. В марте дофин бежал из Парижа в провинцию, нашел здесь поддержку в Генеральных штатах Компьени и стал собирать силы для борьбы с парижанами и Марселем. Марсель, со своей стороны, спешил организовать

оборону столицы, опираясь на расположившуюся в окрестностях армию Карла Наваррского.

За первым — городским — восстанием последовало второе — крестьянское. Война разорила французскую деревню, которую грабила не только вражеская, но и собственная армия. Укрыться от грабителей крестьянам было негде, а сеньеры не только не защищали, но еще довершали их разорение усилением феодального гнета. У крестьян накоплялась жгучая классовая ненависть к знати, авторитет которой был решительно подорван военными неудачами, и эта ненависть, в конце концов, проявилась в открытом восстании. Восстание это, известное под именем Жакерии (от слова «Жак» — нарицательного имени французского крестьянина), не протекало по заранее обдуманному плану. Оно вспыхнуло чисто стихийно, причем жаки не имели другой программы, кроме стремления «истребить знатных людей всех до последнего». Начавшись в области Бовэзи, восстание охватило территорию северной Франции на протяжении 14 современных французских департаментов.

В главе VIII у нас приведены данные о Жакерии, почерпнутые из трех современных хроник. Первая из них — «Хроника первых четырех Валуа», автор которой — незначительное духовное лицо из Нормандии — определенно сочувствует вождю восстания Гильому Калю и дает о нем любопытные сведения. Вторая хроника — это уже упомянутые «Большие французские хроники», рассказывающие о восстании с правительственной точки зрения. Третья хроника принадлежит монаху Жану де-Венетту, который ненавидел дворянство и держал сторону простого народа, в частности крестьянства, хотя и не одобрял действий восставших жаков[1].

Захваченное врасплох дворянство не могло на первых порах дать организованного отпора движению, поэтому крестьяне беспрепятственно уничтожали дворянские замки и истребляли их обитателей. Впрочем, предводитель жаков понимал, что все эти успехи кратковременны и что недисциплинированная армия не выдержит столкновения с рыцарями. Вот почему Гильом Каль искал подмоги в городах, в которых, однако, восставшим крестьянам сочувствовала лишь одна беднота, зажиточные же слои относились к ним с большим недоверием. Правда, Этьен Марсель вошел в сношения с жаками, но он воспользовался их силами лишь для того, чтобы разрушить дворянские замки, мешавшие подвозу в Париж продовольствия. В решительную минуту Марсель оставил крестьян на произвол судьбы и тем обрек их на неминуемое поражение.

Глава мятежного Парижа Этьен Марсель ненадолго пережил крушение Жакерии. Окруженный армией дофина, лишенный подмоги других городов Франции, Марсель решил провозгласить королем Карла Наваррского и передать ему столицу. Но тогда против купеческого старшины поднялись сами же парижане, среди которых была сильна партия дофина. Марсель погиб в ночной схватке, а утром Париж открыл ворота дофину.

Дальнейшая история Франции у нас представлена (в главах VIII — X) документальным материалом очень кратко. В главах VIII — X мы приводим письмо Жанны д'Арк английскому королю из осажденного Орлеана. Дан-

[1] См. более подробные выдержки из источников о Жакерии с подробной характеристикой этих источников в недавно вышедшей книге Грацианского «Французская деревня в XII—XIV вв. и Жакерия», 1935.

ное письмо очень характерно для настроения Орлеанской девы — этой вдохновительницы и руководительницы национального движения во Франции против иноземных завоевателей. В последней, X главе дана характеристика Людовика XI, принадлежащая Коммину. Филипп де-Коммин — приближенный и советник Людовика XI, глубокий наблюдатель и государственный деятель. В своих «Мемуарах» он не гонится, подобно Фруассару, за изображением внешних событий, а старается понять их внутреннюю связь и последовательность. В Людовике XI Коммин, прежде всего, ценит его дипломатические таланты. Но, восхищаясь этими талантами, он далек от преклонения перед королем и рисует его со всеми его достоинствами и недостатками.

Переводы документов I, 1; II, 1, 2; III, 4, 5; IV, 2, 3 взяты у Гизо — «История цивилизации во Франции» (т. III—IV, 1881, стр. 213, 238, 244, 255, 256, 279, 286; там же см. ссылки на подлинные издания цитированных памятников). Переводы документов III, 1, 3 и X взяты из книги «Средневековье в его памятниках», под редакцией Д. Н. Егорова (стр. 207, 212, 214). Документы III, 2 взят из книги Бицилли «Салимбене» (1916, стр. 88—90); документы V, 1; VIII и IX — из книги Марьежоля «История средних веков» (1893, стр. 43, 66, 80). Документ VI дан в переводе Е. В. Оловянишниковой — «Социальная история средневековья» (т. II, стр. 310 и след.). Документ V, 2 переведен Н. И. Радцигом. Остальные документы (I, 2, 3, 4; IV, 1; V, 3; VII, 1, 2, 3) переведены Н. П. Грацианским. Введение к отделу написано Н. П. Грацианским.

I. ПЕРВЫЕ КАПЕТИНГИ.

1. ИЗ АНЖУЙСКОЙ ХРОНИКИ [959 г.].

В этом году умер герцог Гуго, аббат Сен Мартена, сын лже-короля Роберта и отец другого Гуго, который впоследствии тоже сделался королем вместе со своим сыном Робертом. Мы сами видели его постыдно расслабленное царствование, и апатия его перешла к его сыну, нынешнему корольку Генриху [1].

2. ОДОН, ГРАФ [БЛУА], КОРОЛЮ РОБЕРТУ [1025 г.] [2].

Государю своему Роберту, королю, граф Одон... Ричард, граф, вассал твой, увещевал меня явиться для суда или соглашения по поводу споров, которые ты со мною имел, и я передал все это дело в его руки. Тогда он, с твоего согласия, назначил мне срок для суда... Но с наступлением срока, когда я готов был отправиться, уведомил он меня, чтобы я не трудился являться на суд, как было условлено, ибо неугодно-де принимать тебе другого оправдания или соглашения, кроме как того, чтобы признать меня недостойным держать от тебя какой бы то ни было феод. Говорил он также, что не годится ему представлять меня на этот суд без собрания пэров. Вот причина, почему я не явился к тебе на суд. Но удивляешь ты меня очень, государь мой, как столь поспешно, не разобравши дела, присудил ты меня недостойным феода твоего? Ведь если дело касается условий происхождения, то, благодарение богу, родовитость есть у меня. Если [дело касается] качества феода, который ты мне дал, то известно, что не из твоих он владений, но из того, что мне по милости твоей от предков моих перешло по наследству. Если [дело касается] вы-

---

[1] Здесь дана целая генеалогия Робертинов и первых Капетингов, именно здесь названы: Роберт, бывший королем в 922—923 гг.; его сын Гуго Великий, числившийся «герцогом франков»; сын Гуго Великого Гуго Капет, положивший начало династии Капетингов и правивший с 987 по 996 г., и, наконец, сын Гуго Капета король Роберт II (996—1031).

[2] Bouquet, Recueil des historiens des Gaules et de la France, XI, p. 501.

полнения службы, то хорошо тебе ведомо, что, пока я был у тебя в милости, служил тебе и при дворе, и в войске, и на чужбине. Если же потом, когда ты наложил на меня опалу и данный мне феод порешил отобрать, я, обороняя себя и феод свой, нанес тебе какие-либо обиды, то ведь совершил я это раздраженный несправедливостью и вынужденный необходимостью. Ибо как же я могу не оборонять феода своего? Бога и душу свою ставлю в свидетели, что лучше предпочту умереть на своем феоде, нежели жить без феода. Если же ты откажешься от замысла меня феода лишить, ничего более на свете я не буду желать, как... заслужить... твою милость.

3. ПИСЬМО ЕПИСКОПА ФУЛЬБЕРТА КОРОЛЮ РОБЕРТУ

[начало XI в.] [1].

Государю своему, светлейшему Роберту королю, Фульберт, смиренный Шартрский епископ... Писали мы вам о зле, чинимом церкви нашей виконтом Готье, который, не страшась ни бога, ни светлости вашей..., восстановил замок Галардон, некогда вами разрушенный. Можем сказать по сему случаю: «Вот с востока пошло зло церкви нашей!» И еще другой [замок] имел смелость он выстроить в Иллье, среди селений св. Марии, и по сему случаю поистине можно сказать: «Вот зло [пошло] с запада». По необходимости извещая ныне вас письменно о сих утеснениях, умоляем милосердие ваше о совете и помощи... по этому делу, ибо от Гуго, сына вашего, никакого ни содействия, ни облегчения в сих утеснениях мы не добились. Посему в огорчении сердечном простерли мы нашу скорбь до того, что в колокола наши... звонить запретили и... тихими, жалобными, почти близкими к молчанию голосами божественную службу совершать повелели. И вот благочестие ваше с плачем сердечным... коленопреклоненно умоляем, поспешите на помощь церкви святой богоматери, коею мы... недостойные... управляем... Претворите скорбь нашу в радость, умоливши Одона графа, и королевской вашей властью ему приказавши, чтобы все эти дьявольские козни... разрушил. Если же ни вы, ни он [т. е. Одон] не устраните эту как бы постоянную для нашего [святого] места угрозу, ничего нам более не останется [делать], кроме как отправление божественной службы во всей епархии нашей совсем прекратить, самим же, ушедши куда-либо на чужбину..., перед чужим королем или императором сделать признание, что не хотите вы или не можете охранить невесту Христову — вверенную нам для управления святую церковь.

---

[1] Bouquet, Recueil des historiens des Gaules et de la France, X, pp. 457—458.

4. ИЗ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ЛЮДОВИКА ТОЛСТОГО[1].

Священный долг королей — мощною рукою обуздывать дерзость тиранов, кои раздирают страну бесконечными войнами, тешатся грабежами, бедный люд губят, церкви разоряют и столь предаются неистовству, что если давать ему волю, оно зажигает их все большей и большей яростью... Пример тому — Томас Марль, человек отчаянный. Дьявол ему сопутствовал, как бывает это с безумцами, коих успехи неизменно приводят их к гибели. В то время, когда Людовик [король] был занят вышеперечисленными и другими войнами, он, не страшась наказания церковного, разорял и, как хищный волк, пожирал округа Ланский, Реймский и Амьенский, не давая при этом ни малейшей пощады ни клиру, ни народу. Все истреблял, все губил, даже два лучших селения у монастыря святого Иоанна Ланского отнял. Неприступные замки — Креси и Ножан, как если бы они были его собственные, достойными удивления валами и высочайшими башнями укрепил и, сделавши из них как бы гнездо драконов и вертеп разбойников, всю почти округу немилосердно предавал грабежу и пожару. Измученная его неистовством, собралась церковь Галликанская на общем соборе в Бовэ, дабы произнести здесь над врагами истинного жениха своего Иисуса Христа — постановление об осуждении. Достопочтенный святой Римской церкви легат Конон, епископ Пренесте, внявши бесчисленным и горьким жалобам церквей, бедняков и сирот, поразил этого тирана-насильника мечом блаженного Петра, т. е. общим церковным отлучением, и по единодушному приговору заочно лишил его, как гнусного злодея и врага, имени христианского, рыцарского пояса и всех феодов. По просьбе и жалобам великого собора сего король немедленно двинул против него свое войско. В сопровождении клира, к коему всегда относился он со смиренным почтением, направился король к крепчайшему замку Креси и внезапно захватил его могучей рукой своих воинов или скорее [рукой] божией. Приступом взявши крепкую башню, как если бы она была хижиной крестьянина, привел в расстройство преступников... и без милосердия их уничтожил.

Одержавши эту победу..., направился король к другому замку — Ножан..., разрушил это адское и преступное место и, отпустивши невинных, виновных подверг тяжкому наказанию[2]..., а по разрушении этих прелюбодейных замков... вернулся король в город Амьен и осадил башню этого города, в коей засел некий Ада, жестокий тиран, разорявший церкви и всю округу. Держал государь Людовик в тесной осаде эту башню без малого два

---

[1] Sugerii abb. S. Dionisii de vita Ludovici Grossi regis, Bouquet, XII, pp. 41—42.

[2] В 1115 г.

года [1], пока не принудил защитников сдаться на его милость... Разрушивши эту башню, установил он в стране сладостный мир... Известно, что у королей длинные руки...

II. ФИЛИПП II АВГУСТ

(1180—1223 гг.).

1. ТОРЖЕСТВО ПО ПОВОДУ ПОБЕДЫ ПРИ БУВИНЕ [1214 г.].

Кто мог бы рассказать, вообразить, начертать пером на пергаменте или на табличках радостные рукоплескания, триумфальные гимны, бесчисленные пляски народа, сладостное пение клириков, гармонические звуки военных инструментов в церквах, торжественное убранство храмов внутри и снаружи, улицы, дома и дороги всех замков и городов, украшенные занавесами и шелковыми тканями и покрытые цветами, травой и древесной зеленью; жителей всякого сословия, пола и возраста, бегущих со всех сторон посмотреть на столь великое торжество; крестьян и жнецов, бросающих свою работу, и с косами и мотыгами... [так как это было время жатвы] стремящихся толпою к дорогам, чтобы увидать в цепях того Ферранда [2], оружия которого они недавно так боялись...? Весь путь был таков, пока не достигли Парижа. Жители Парижа, и всего более учащиеся, духовенство и народ, шли навстречу королю, распевая гимны и песни и выражая жестами радость, оживлявшую их сердца. Им недостаточно было предаваться веселью в этот день, они продолжали свои удовольствия ночью и даже в течение семи ночей подряд среди многочисленных факелов, так что ночь сияла как день; особенно учащиеся не переставали задавать роскошные пиршества, причем беспрестанно пели и плясали.

2. УПРАВЛЕНИЕ ФИЛИППА II АВГУСТА.

...Повелеваем, чтобы бальи наши выбрали для каждого превотажа... по четыре умных и добросовестных мужа, пользующихся доброй славой. Пусть городские дела не ведутся без их совета или, по крайней мере, без совета двух из них. Что касается Парижа, мы желаем, чтобы их было там шестеро и все храбрые и добросовестные...

---

[1] 1116—1117 гг.

[2] Ферранд, граф Фландрии, один из деятельных членов коалиции против Филиппа-Августа, взятый в плен при Бувине.

Мы определили бальи также в наши земли, названные именами собственными. Каждый месяц они будут назначать по одному дню..., когда люди, приходящие к ним с жалобами, будут немедленно и справедливо удовлетворяемы ими. Там и мы будем получать себе удовлетворение и справедливость...

Кроме того мы желаем и повелеваем, чтобы любезнейшая мать наша королева [Адель] и наш любезнейший и вернейший дядя Гильом, архиепископ Реймский, назначали каждые четыре месяца в Париже один день, для выслушивания жалоб от подданных нашей державы и для справедливого решения их во славу господню и в интересах государства.

Повелеваем еще, чтобы в этот день к ним приходили люди от каждого из наших городов и чтобы тут же и наши бальи имели свои заседания и излагали бы в присутствии всех дела нашей страны.

Если который-нибудь из наших бальи окажется виновным в каком-либо преступлении, кроме убийства, грабежа, душегубства или измены, и будет изобличен в этом перед архиепископом, королевою и другими судьями, назначенными ведать проступки наших бальи, мы желаем, чтобы нам три раза в год посылались письма для извещения нас о провинившихся бальи, о свойстве преступления каждого, о полученной им мзде, а также и о том человеке, чьи деньги, подарки или услуги заставили его пожертвовать правом наших людей и нашим собственным.

Наши бальи будут посылать нам такие же отчеты о наших прево.

Королева и архиепископ не будут иметь права отнимать должность у бальи, разве тот провинится в убийстве, грабеже, душегубстве или измене; точно так же в подобных случаях будут поступать по отношению к прево бальи. Нам же с божьего указания предоставляется, когда мы узнаем истину, отмстить таким образом, чтобы это послужило уроком для других.

Королева и архиепископ будут также отдавать нам три раза в год отчет о состоянии и делах государства.

Если освободится епископское или аббатское место, мы желаем, чтобы каноники той церкви или монахи того монастыря, где открылась вакансия, явились к королеве и архиепископу, как явились бы к нам, чтобы испросить у них право свободного выбора, и мы желаем, чтобы это право было даровано им без всякого затруднения. При этом мы советуем капитулам и монахам избирать такого пастыря, который был бы угоден богу и хорошо служил бы государству. Королева и архиепископ будут хранить у себя доходы с вакантного места до тех пор, пока указанный прелат не будет посвящен и благословлен. После того они возвратят ему их беспрекословно . . . .

. . . .

Если кто-нибудь захочет воевать с нашим сыном, и ему недостаточно будет его доходов для поддержания войны, пусть

тогда все наши подданные помогают ему своим животом и имуществом и пусть церкви дают ему тогда такую же помощь, какую обыкновенно дают и нам.

Кроме того, мы запрещаем своим прево и бальи арестовывать человека или его имущество, если он представит хорошие поручительства для ведения своего дела при нашем дворе, кроме случаев убийства, душегубства, грабежа и измены.

Сверх того мы желаем, чтобы все наши доходы, сборы и оброки доставлялись в Париж в три срока: первые — в день св. Ремигия, вторые — в день сретения господня, третьи — в день вознесения и передавались бы нашим указанным горожанам или вице-маршалу. Если который-нибудь из них умрет, Гильом Гарландский должен назначить на его место другого.

Клерк [дьяк] наш Адам будет при получении доходов с нашего имущества и должен вести им реестр. У каждого из них [т. е. блюстителей доходов] будет ключ от всех сундуков, куда положат наше имущество во храме. И в храме будет также один ключ. Из этого имущества нам будут посылать то, чего мы потребуем в своих письмах...

III. ЛЮДОВИК IX

(1226—1270 гг.).

1. ИЗ ЖУАНВИЛЯ[1].

Во имя господа всемогущего! Я, Жан, сир Жуанвиля, сенешал Шампани, пишу жизнь нашего святого короля Людовика, что видел и слышал за все шесть лет, когда я с ним ходил за море, и все, что было после нашего возвращения. И раньше, чем рассказывать о его великих деяниях и о его рыцарстве, я передам то, что видел и какие слышал его святые слова и добрые наставления, дабы и то и другое, находясь в связи, служило для назидания тех, кто их услышит.

Этот святой муж любил бога всем сердцем своим и следовал ему в делах своих, и это сказалось в том, что, как бог ради любви к народу своему умер, так и он несколько раз подвергал опасности жизнь свою из любви к народу своему, без чего, если бы хотел, мог обойтись, как вы услышите впоследствии... Святой король так любил правду, что даже перед сарацынами не отрекался от того, что обещал, о чем вы услышите дальше. В пище он был так умерен, что никогда в жизни я не видел его заказы-

[1] Изд. Wailly. Jean, Sire de Joinville, texte original accompagné d'une traduction, 1874.

вающим еду, как делают важные господа, но он просто ел то, что приготовляли его повара и подавали ему на стол. В словах он был воздержан, так что никогда я не слыхал, чтобы он плохо о ком-нибудь отзывался или чертыхался, а это весьма распространено в королевстве и, как я думаю, неугодно богу. Вино он пил в меру и смотря по тому, сколько считал для себя достаточным...

Распорядок его жизни был следующий: ежедневно слушал он часы с песнопением и заупокойную тихую мессу, а затем обычную мессу или того святого, который приходился на этот день. Ежедневно после обеда он почивал в постели, а выспавшись и отдохнув, он читал с кем-нибудь из своих капелланов молитвы за усопших, а затем слушал вечерню; перед отходом ко сну он отстаивал еще службу...

В летнее время часто случалось, что он удалялся в Венсенский лес после обедни, садился, прислонившись к дубу, рассаживал нас вокруг себя, и все, кто имел дело к нему, приходили к нему свободно, не препятствовали им ни стражники, ни кто другой. И он собственнолично вопрошал: «Тут ли супротивник этого человека?» И подымались супротивники. И он говорил им: «Молчите вы все, вас разберут по порядку»... Много раз видел я, как он летом шел в «Сад Парижа» [1], чтобы разбирать дела народа; на нем было камлотовое платье, а сверху шерстяная безрукавка, оплечье из черного шелка; голова без чепца, тщательно расчесана и покрыта шляпой из лебяжьего пуха. Он приказывал разостлать ковры, чтобы мы могли сесть вокруг него; и весь народ, имевший нужду до него, стоял вокруг, и король разбирал дела таким же образом, как в Венсенском лесу, о чем я говорил выше...

Мир, который он заключил с королем Англии, заключил он против желания своего Совета, который заявлял ему: «Сир, нам кажется, что вы теряете землю, которую даете королю Англии, ибо он не имеет на нее прав: ведь его отец потерял ее по суду». На это король ответил, что ему хорошо известно отсутствие прав у английского короля, но есть основательная причина дать ему землю. «Ведь мы женаты на сестрах, и наши дети — двоюродные братья, поэтому подобает быть миру между нами. Для меня же в мире с королем Англии великая честь, ибо он становится моим человеком [2], чем он не был раньше»...

2. ИЗ САЛИМБЕНЕ.

И как король Франции выбыл из Парижа и отправлялся в капитул, то, когда он уже приближался к подворью, вышли все братья навстречу ему, чтобы принять его с почетом. И брат

---

[1] Сад вокруг королевского дворца.

[2] Т. е. вассалом.

Ригальд из ордена Меньших братьев, кафедральный магистр, парижский и руанский архиепископ, в епископском облачении вышел из подворья и торопливо шел навстречу королю, спрашивая: где король? где король? И я следовал за ним, ибо он шел один, растерянный, с митрой на голове и с пастырским посохом в руке, потому что он задержался со сборами, так что братья уже вышли и стояли там и сям по дороге, обратив лица в сторону, желая увидеть издали шествие короля... А король был тонкий и стройный, худощавый в меру и длинный, лицо у него было ангельское и вид милостивый. И шел к церкви Меньших братьев не в царской пышности, но в одежде паломника, с сумой и посохом на шее, которая красиво высилась над плечами короля. И шествовал он не конный, но пеший, и родные его братья — три графа, из которых первый звался Робертом, а последний Карлом, — в подобном же смиренном виде следовали за ним... И не пекся король о знатной свите, но более о молитвах и предстательстве бедных... Воистину скорее можно было его назвать монахом по набожности сердца, нежели рыцарем по воинскому оружию. Итак, войдя в церковь братьев, набожно сотворив коленопреклонение перед алтарем, стал он молиться. И когда выходил он из церкви и стоял у двери, я был рядом с ним. И вот была поднесена ему в дар от ризничего санской церкви большая живая щука в воде, в корыте из елового дерева, в каком моют и купают детей, когда они еще в колыбели. Такой дорогой и ценной рыбой почитается во Франции щука! И поблагодарил король как пославшего, так и поднесшего дар. Потом сказал король внятным голосом, чтобы никто не входил в дом капитула, кто не рыцарь, исключая братьев, с которыми он хотел говорить. Когда же собрались мы в капитул, король стал говорить о своих делах, препоручая братьям себя, и своих братьев, и государыню-королеву, мать свою, и всех своих и, набожно склонив колени, просил молитв и предстательства братьев. И некоторые братья из Франции, находившиеся около меня, от умиления и благоговения плакали, как от неутешного горя.

3. ПОУЧЕНИЕ ЛЮДОВИКА IX СЫНУ[1].

Милый сын, первое, чему тебя учу: да исполнится сердце твое любви к господу; без этого никто не может спастись...

Службу церковную слушай благоговейно, не развлекаясь, без шуток и оглядок; молись богу устами и сердцем и всем помышлением своим, особливо же за обедней, когда совершается пресуществление.

Сердце имей доброе и жалостливое к бедным и угнетенным, поддержи их и помоги им, сколько можешь...

Не потерпи, чтобы в присутствии твоем кто-либо сказал непо-

[1] *Напечатано в «Bibliothèque de l'École des Chartes», vol. LXXIII, 1912.*

добное о господе боге или о святых его и оставался без немедленного возмездия...

В деле суда и расправы будь тверд и справедлив к своим поддашным, не уклоняясь ни вправо, ни влево, иди всегда прямо. Поддерживай дело более бедного, пока не выяснится истина...

Остерегайся зачинать войну без большого раздумья, особенно против христианина, а если придется вести войну, охраняй от всякого ущерба святую церковь и всех, за кем нет вины...

Войны и распри, как свои, так и твоих подданных, замиряй возможно скорее, как это делал некогда св. Мартин.

Тщись иметь добрых прево и бальи и расспрашивай чаще о них и о тех, кто у тебя во дворце, как все они себя ведут...

Смотри, чтобы расходы твоего двора были разумны и размерены.

Наконец, возлюбленный сын мой, я заклинаю и умоляю тебя, чтобы ты помог душе моей, буде я умру прежде тебя, обеднями и молитвами по всей Франции и чтобы ты во всех добрых делах своих сделал меня непременным участником...

4. ОТМЕНА ПОЕДИНКОВ.

Мы всем возбраняем побоища, во всех наших владениях, но отнюдь не отменяем исков, возражений, договоров, ни всяких иных условий, какие заключаются в светском суде и поныне согласно обычаям различных стран, но только отменяем бои и взамен битв установляем доказательства через свидетелей, а также не отменяем прочих действительных и законных доказательств, какие были [в употреблении] в светском суде.

5. «СОРОК ДНЕЙ КОРОЛЯ».

Исстари, а именно указами блаженной памяти Людовика Святого, короля Франции, предшественника нашего, при жизни его постановлено и повелено, чтобы всякий раз, когда возникнут между баронами нашего королевства какие-либо распри, ссоры, свалки или буйства, затеянные коварно и умышленно, от чего нередко бывает много убийств, увечий и других тяжких обид,— кровные родственники затеявших подобное пребывали и долженствовали пребывать в своем положении [т. е. в покое] со дня помянутого нападения или злодейства в течение следующих сорока дней, исключая только лиц, [непосредственно] завраждовавших между собою, каковые за свои злодейства могли быть схвачены и задержаны как в течение сказанных сорока дней, так и после и заключены в тюрьмы при судах, в ведомстве которых учинены злодейства, чтобы подвергнуться за то наказанию сообразно свойству преступлений, как повелено в уставах. И если в вышесказанный сорокадневный срок кто-либо из родных, детей, единокровных или свойственников кого-либо из главных

зачинщиков дела кому-либо из родственников другой стороны нанесет каким бы то ни было образом обиду или вред в отместку ли или как иначе, то, кроме вышесказанных злодеев, которые, как уже пояснено выше, [всегда] могут быть схвачены и наказаны по мере вины, эти [вмешавшиеся в ссору первых] как изменники и уличенные в злодействе и как нарушители королевских уставов и уложений должны быть осуждены и наказаны надлежащим судьей того ведомства, где совершено преступление, либо в том месте, где были в преступлении по суду уличены; каковые уставы недаром еще и поныне во многих и различных частях нашего королевства неуклонно соблюдаются, ради общего блага и защиты страны и жителей там обитающих и оседлых, верно хранимые, как сказано выше.

IV. ФИЛИПП IV КРАСИВЫЙ

(1285—1314 гг.).

1. КОРОЛЕВСКАЯ ГРАМОТА О ПРИГЛАШЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОТ ГОРОДОВ НА ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ 1302 ГОДА, АДРЕСОВАННАЯ СЕНЕШАЛУ БОСЭРА

[февраль 1302 года] [1].

Филипп, милостью божией король франков, (сенешалу Босэра и его заместителю привет.) Желая обсудить и рассмотреть совместно с прелатами, баронами и прочими нашими и нашего королевства верными подданными многие затруднительные обстоятельства, не мало затрагивающие положение и вольности наши, а также королевства нашего, церквей, духовных лиц, знати, светских людей, общин и отдельных жителей означенного королевства, предписываем вам распорядиться и приказать от нашего имени... консулам и общинам... городов и местечек (Монпелье и Босэра...,) чтобы означенные консулы и общины упомянутых городов и местечек выбрали по два или по три из лучших и опытных людей..., которые бы явились в воскресенье перед вербной неделей в Париж для совместного с нами рассмотрения, обсуждения, принятия к сведению, исполнения и одобрения от имени консулов и означенных общин всего того..., что будет нами относительно вышеупомянутого... постановлено. Внушите им, что если, вопреки настоящему приказанию, не явятся перед нами, подвергнутся взысканию, как будет установлено.

---

[1] Грамота содержит приглашение на первые Генеральные штаты Франции, созванные Филиппом IV во время его столкновения с папой Бонифацием VIII по вопросу об обложении налогами церковных имуществ. Напечатана у Picot, «Documents relatifs aux États Généraux et Assemblées réunis sous Philippe le Bel» № 1.

2. ИЗВЕСТИЕ СОВРЕМЕННОЙ ХРОНИКИ О СОЗЫВЕ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТОВ 1308 г. в г. ТУРЕ.

Король собрал в Туре парламент из благородных и неблагородных, прибывших из всех замковых округов и городов его королевства. Прежде чем отправиться к папе в Пуатье, он хотел *посоветоваться с ними*, что *нужно сделать* с Тамплиерами согласно их признанию. Для всех приглашенных был назначен день, первое число месяца, следующего за пасхой [бывшею в том году 14 апреля]. Король хотел действовать осторожно, и, чтобы не навлечь на себя нареканий, он желал заручиться мнением и согласием людей разного звания в своем государстве. Вот почему ему нужны были суд и приговор не только благородных и ученых, но также горожан и мирян. Те, явившись лично, произнесли почти все в один голос, что Тамплиеры достойны смерти. От парижского университета и особенно от профессоров теологии настоятельно требовалось, чтобы они выразили свое суждение по этому делу, что они и сделали... в субботу после вознесения.

3. ОППОЗИЦИЯ ФИЛИППУ IV КРАСИВОМУ.

Всем, кто увидит и услышит настоящие грамоты, мы, дворяне и простолюдины Шампани, от нас, от земель Вермандуа, Бовэзи, Понтье, де ла Ферр, Корби, и от всех дворян и простолюдинов Бургундии, и от всех наших союзников и присных, обитающих во всех краях королевства Франции, привет. Да будет ведомо всем, что доблестнейший и могущественнейший государь, наш возлюбленнейший и высокочтимый господин Филипп, божиею милостью король Франции, устанавливал и взимал различные тальи, помочи и незаконные поборы, портил монету и творил многие другие дела, от чего сказанные дворяне и простолюдины несли большую тяготу и оскудение... И не видно, чтобы они послужили к чести и пользе короля и королевства, ни к ограждению пользы общей. По поводу тех обид мы много раз смиренно и благоговейно просили и молили названного короля, чтобы таковые дела он соблаговолил отменить и оставить, но ничего этого он не сделал. И еще в текущем 1314 году сказанный наш король учредил неправильно налоги на дворян и на простой народ, а также и помочи, которые пытался взимать с них; этого мы не можем терпеть и по доброй совести допустить, ибо в таком случае лишились бы своих почетных прав, льгот и вольностей... Вследствие тех вышесказанных дел, мы, вышеназванные дворяне и простолюдины, за себя и за наших родных и присных, а также и за других, во всех краях королевства Франции, как сказано выше, поклялись и обещали под присягою, прямодушно и добросовестно, за себя и своих наследников, графствам Оссер и Тоннер, дворянам и простолюдинам названных

графств, их союзникам и присным, что, по случаю помочи, требуемой на текущий год, и прочих неправд и новизн, незаконно введенных и вводимых ныне и впредь, буде короли Франции, наши государи или другие захотят обложить те земли, мы окажем им помощь и защиту своими собственными силами и средствами... И да будет известно, что, поступая так, мы постановили и постановляем, определили и определяем, чтобы все службы, повинности ленные... и всякие другие, должные королям Франции, государям нашим и прочим нашим господам и их наследникам, оставались сохранно, нерушимо и неприкосновенно.

V. НАЧАЛО СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ.

1. ПОЛОЖЕНИЕ ФЛАНДРИИ И АРТЕВЕЛЬДА.

(Из Фруассара.)

Вы слышали перед этим рассказ о том, как король Англии запер все морские проходы и не пропускал ничего во Фландрию, а особенно шерсть и овечьи шкуры. Этим все страны Фландрии были глубоко поражены, так как суконное производство — главный предмет, которым они живут и было уже много разорившихся благородных людей и богатых купцов. Приходилось выбираться из земель Фландрии многим честным мужчинам и женщинам, которые перед этим были обеспечены трудом по производству сукон, и они шли искать себе довольства в Генегау и другие места, где могли найти его; великие роптания по поводу этого распространились и рассеялись по стране Фландрской, и особенно в больших городах. Говорили, что тяжело и дорого обходится им любовь, которую граф, их сеньер, питал к французам, так как благодаря ему и его делам они подверглись этой опасности и ненависти английского короля и что гораздо полезнее было бы для общего блага страны Фландрской находиться в мире и любви с королем английским, чем с королем Франции. Правда, что из Франции к ним приходит много хлеба, но так как им не на что его покупать и нечем платить, все по недостатку заработка, то в этом-то и беда их, потому что мера хлеба стоит деньги, а у кого нет его, тому нехорошо. Из Англии же к ним идет шерсть и с нею вместе большие выгоды, которые позволяют им поддерживать свое благосостояние и жить в довольстве. К тому же они получают достаточно хлеба и со стороны Генегау, так как область эта в мире с ними.

Так волновались и часто роптали на упущения общего блага по всей стране Фландрской, а особенно в городе Генте, так как в нем всего более во Фландрии делают сукон; жители его всего

менее могут существовать без суконного производства, и убыток был особенно чувствителен для них. Поэтому собирались на площадях толпами и кучками и там говорили и рассуждали на много различных ладов и ругались, как обыкновенно спорят и толкуют люди простонародья, насчет графа Людовика, их сеньера. Высказывали между собою, что этого нельзя более терпеть и что если такая бедность продолжится долго, то все самые крупные и самые богатые люди пострадают от этого, и страна Фландрия придет в разорение.

Граф фландрский хорошо знал, что люди его вообще ропщут на него и на его партию. Поэтому он сам успокаивал как мог и велел успокаивать их; он говорил и велел говорить им: «Мои добрые люди, знайте, что это положение не может долго протянуться, ибо я получил известия от некоторых моих друзей из Англии. Они говорят, что англичане еще более недовольны своим королем, не имея возможности получать выгоду от своей шерсти... Они не могут ни продавать ее, ни помещать куда-либо в другое место, кроме как к вам, если не терпеть слишком большого убытка. Итак, успокойтесь, так как я вижу и знаю много хороших средств исцеления для вас, которые скоро вас утешат, и не думайте и не говорите ничего предосудительного, ничего оскорбительного об этой славной стране, Франции, откуда в изобилии идет к вам столько благ».

Так, чтобы утешить и успокоить их, говорил им или приказывал говорить граф. Тем не менее большинство было так потрясено этой нуждой и бедностью, и последняя все так возрастала, что они не могли успокоиться. Что бы ни говорили им, они не видели никаких признаков облегчения, ни близкого заработка. Поэтому они волновались и приходили в возбуждение со дня на день и все более и более. Однако из-за боязни графа не было между ними такого смельчака, который решился бы предпринять что-либо.

Так это оставалось в течение долгого времени, и все попрежнему собирались толпами на площадях и перекрестках. Однажды сошлись потолковать вместе из разных мест и из многих улиц, среди города Гента, несколько товарищей, которые слышали, как говорил, по их мнению, очень умно, один гражданин, по имени Жак Артевельда... Товарищи эти передавали его слова другим и говорили, что это очень умный человек и что они слышали, как он уверял, будто надеется в короткое время, если бы его послушали и поверили ему, так восстановить благосостояние Фландрии, что они вернут себе весь свой заработок и будут в уважении у королей французского и английского. Слова эти начали распространяться и так быстро переходили от одних к другим, что целая четверть или половина города узнала их, преимущественно мелкий люд и простонародье, которого бедствие коснулось всего более. Тогда начали сходиться с улиц и перекрестков и вместо нескольких собраний соединяться в одном общем.

Случилось, что однажды после обеда они вышли в числе более пятисот один за другим и вызывали своих товарищей, переходя из дома в дом, и говорили: «Идемте, идемте послушать совета умного человека». Так они дошли до дома Жака Артевельды и нашли его прислонившимся у своей двери. Как только они увидали его, сняли свои шапки, кланялись ему и говорили: «Ах! дорогой сеньер, ради бога выслушайте нас. Мы пришли к вам за советом, так как нам говорили, что ваш добрый совет может восстановить благосостояние Фландрии. Удостойте же сказать нам, как быть, этим вы подадите нам милостыню,— не забывайте нашей бедности».

Тогда выступил Жак Артевельда и сказал: «Господа товарищи, совершенно верно, я говорил, что если бы все выслушали меня и поверили мне, то я верну Фландрии благосостояние, и от этого не будет никакого ущерба нашим государям». После этих слов его окружили, теснясь наперебой друг перед другом, увлекли его в толпу и говорили: «Да, вам поверят, вас будут слушать, почитать и служить вам». «Господа, господа, сказал Артевельда, необходимо, чтобы к совещанию была налицо вся наиболее здоровая часть города Гента и чтобы вы поклялись мне, вы, находящиеся здесь, и все те, которые согласны или согласятся с вами, что вы поддержите меня и поможете мне во всех случаях, даже если бы пришлось умирать». И они ответили все в один голос: «Да». После этого он сказал им, что назавтра, в первом часу, они должны быть на месте, называющемся Билок, и должны известить об этом всех в городе Генте и что там, в присутствии всех, он публично укажет им то, чем будет обрадован весь город. И они воскликнули все в один голос: «Это хорошо сказано, это хорошо сказано».

Таким образом эти известия распространились по городу Генту, и оповещены были три части города. На следующий день, в первом часу, вся площадь Билок была переполнена народом, а также и улица, где он жил, была вся полна. Его принесли из дому на руках, всячески расталкивая народ, на самую площадь Билок и устроили ему хороший помост, на который и поставили его. Отсюда он начал говорить им так прекрасно и так умно, что склонил к своим взглядам всех. Содержание его речи было таково, что страны Фландрии будут открыты и сойдутся с королем английским и всеми его подданными, если бы они пожелали платить за все то, что они возьмут оттуда, так как войны и вражда фламандцев к англичанам не могут им принести никакой выгоды, а обходятся дорого. И он указал им пути и условия, которые не могут быть описаны здесь, так как для этого нужно было бы слишком много слов. Но результат был тот, что они обещали ему и клялись, что с этого дня впредь они будут считать его своим повелителем, и все устроили по его совету. Он был приведен в свой дом с удивительным уважением, и со дня на день рос к нему почет.

2. БИТВА ПРИ ПУАТЬЕ.

(Из нормандской хроники.)[1].

Король Иоанн собрал очень большое войско и пошел против принца Уэльского, который взял Роморантенский замок, причем были взяты Бусико́ и многие знатные рыцари, храбро оборонявшиеся. Принц Уэльский[2] начал отступление, когда узнал о прибытии короля Иоанна, и король преследовал его вплоть до Пуатье. И во время этого преследования между Пуатье и Шованьи люди принца встретили графа Жуаньи и с ним более 200 воинов; французы были разбиты, а граф Жуаньи и многие другие взяты в плен. Король Иоанн так преследовал принца, что настиг его близ Пуатье, где тот расположился лагерем в лесу и с ним все его люди. Место, где находился принц, звалось Мопертюи. Там вместе с принцем были граф Варвик, граф Суффольк, Депансье, барон Стаффорд, сиры Лавер Валлюс, Монбрен, д'Альбре, Помье, Капталь де-Бюш, сир Леспарр, сир Комэн, Эсташ д'Оберпикур и многие другие. И было людей у принца свыше 8 тыс. бойцов, из которых он имел около 3 тыс. тяжело вооруженных, а остальных — стрелков. Настолько войско короля Иоанна приблизилось к войску принца, что они видели одно другое и ждали на следующий день боя. Тут прибыл кардинал Перигор, посланный папой, чтобы помирить принцев. И явился этот кардинал к королю Иоанну попросить перемирия от лица принца; чтобы получить перемирие, принц соглашался вернуть королю Иоанну все замки и крепости, которые он завоевал в королевстве французском и которые находились в его руках уже 3 года, и заплатить 100 тыс. флоринов; принц соглашался оставаться пленником и заложником, пока все это не будет выполнено и устроено, с тем чтобы все его люди могли уйти без боя. Эти предложения король Иоанн отклонил и сказал кардиналу, чтобы принц и все его люди сдавались вполне на его милость или же он попытается взять их силой. Когда принц узнал этот ответ, он построил своих людей и ожидал битвы в большом страхе, потому что король Иоанн имел очень большое войско; и были с ним его четыре сына, бывшие очень молодыми, и его брат герцог Орлеанский, герцог Бурбонский и брат его Иаков, Иоанн и Карл д'Артуа; их освободил король Иоанн из тюрьмы, а также и их мать, бывшую теткой королю Иоанну, сейчас же после своей коронации и даровал этому Иоанну д'Артуа графство д'Э. Были вместе с названными также герцог Афинский, граф д'Этамп, граф Даммартен, граф Вантадур, граф Водемон, Анри де-Бар, граф Вандом, сир де-Пон, Жан де-Ланда́, Жоффруа де-Шарни, несший в этот день орифламму Франции [государственное знамя]. Были

---

[1] Chronique normande du XIV s., ed. par Molinier, 1882, p. 112.

[2] Наследник английского престола, командующий английской армией.

тут также Жан де-Клермон и Арну д'Одрегам, оба маршалы Франции, и граф Саррбрюкский.

Англичане образовали два крыла из своих стрелков из лука по бокам своей боевой линии и построились в боевой порядок на большом поле, покрытом виноградником и обнесенном изгородью, в которой имелось много проломов. Король Иоанн имел до 12 тыс. тяжело вооруженных, но мало других бойцов, как-то стрелков из лука и арбалета, и из-за этого английские стрелки попадали более верно, когда дело дошло до битвы. Король Иоанн образовал несколько боевых линий и поручил первую из них маршалам, которые так спешили схватиться с врагом, что линия короля была еще далеко позади, а маршалы прошли уже через изгородь и вошли в соприкосновение с англичанами внутри загороженного поля, где те стояли в боевом порядке. И тотчас были они разбиты, и большая часть их людей убита и взята в плен. Тут убит был маршал Клермонский, а другой маршал взят в плен. И тотчас вслед затем подошел герцог Нормандский, имевший очень густую линию тяжело вооруженных, но англичане собрались у проломов изгороди и вышли немного вперед; некоторые из людей герцога проникли за ограду, но английские стрелки принялись пускать такую тучу стрел, что линия герцога стала пятиться назад, и тогда англичане перешли в наступление на французов. Тут большое количество людей из боевой линии герцога было убито и взято в плен, многие ушли, а часть соединилась с корпусом короля, который теперь только что подходил. Бойцы герцога Орлеанского разбежались, а те, которые остались, присоединились к корпусу короля. Англичане стянули свои ряды и немного перевели дух, а король и его люди прошли большой и длинный путь, что их очень утомило. Тогда король и его корпус стали смыкаться, и тут произошла большая и жестокая битва, и многие англичане поворачивали и убегали, но французы так скучились под жестоким обстрелом лучников, попадавшим им в головы, что большинство их не могло сражаться, и они падали один на другого. Тут стало ясно поражение французов. Тут были взяты в плен король Иоанн и его сын Филипп, Жан де-Бурбон, Жан д'Артуа и его брат Карл, граф Даммартен, Анри де-Бар, Анри де-Саррбрюк и много других благородных сеньеров. И там был убит герцог Бурбонский, герцог Афинский, Жоффруа де-Шарни, сир де-Ланда, сир де-Пон, Гишар де-Боже, Жан де-Шатовиллен, Мутон де-Шамбели. А герцог Карл был уведен оттуда своими рыцарями, также герцог Анжуйский и герцог Туренский. И не столь велико было число убитых в этой битве, сколь тяжело поражение; всего-навсего было убито около 800 тяжело вооруженных французов. Была эта битва в 1356 году.

Потом были отведены король Иоанн и сын его Филипп и другие пленники в Бордо, а Карл, герцог Нормандский, прибыл в Париж и сделался правителем Франции...

3. ПОСЛЕ БИТВЫ ПРИ ПУАТЬЕ.

(Из Фруассара.)[1].

Если королевство Франции было потрясено и возмущено взятием [в плен] короля, своего государя, то в этом не было ничего удивительного, ибо люди всякого звания были очень огорчены этим и опечалены. Мудрые люди королевства хорошо понимали, что все это грозит великими бедствиями, ибо король, их глава, и весь цвет доброго французского рыцарства погибли или попали в плен, а три сына короля, вернувшиеся с поля сражения,— Карл, Людовик и Иоанн — были молоды и по возрасту и по смыслу. Плохая была на них надежда, так как никто не желал взять управление королевством. Вместе с тем к рыцарям, вернувшимся с поля сражения, народ относился с столь великою ненавистью и с таким осуждением, что в добрых городах все их встречали палками... И так все рассуждали и роптали между собой. И видели многие мудрые люди, что дела не могут так долго продолжаться, если не принять мер к их исправлению. Ибо... оставались еще герцог Ланкастерский, мессир Филипп Наваррский и мессир Годефруа де-Гаркур, содержавшие в стране большое количество вооруженных людей — англичан и наваррцев, которые ежедневно учиняли в Нормандии поджоги и наезды, нападая на города, крепости, замки...

VI. ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ 50-х годов XIV в. И ВОССТАНИЕ ЭТЬЕНА МАРСЕЛЯ.

ИЗ «БОЛЬШИХ ХРОНИК».

15 октября[2], в субботу, прибыло в Париж много духовенства и горожан Лангдойля, а в следующий понедельник все собрались в камере парламента, по приказанию монсеньера герцога Нормандского[3], который также находился там, и в его присутствии монсеньер Пьер де-Лафоре, архиепископ Руанский и государственный канцлер, сообщил вышеупомянутым трем сословиям о плене короля, о том, как мужественно он сражался собственноручно с неприятелем и, несмотря на это, потерпел большую неудачу. Канцлер указал им, что каждый из них должен приложить все старания к освобождению короля. Затем он просил у них от имени монсеньера герцога совета, каким способом можно

[1] Oeuvres de Froissart, publ. par. Kervyn de Lettenhove, Chroniques, t. VI, 1868, p. 1.

[2] 1356 г.

[3] Т. е. дофина Карла.

вернуть короля, как вести войну, а также просил помощи в этих затруднительных обстоятельствах.

...После того, как три сословия собирались и совещались больше 15 дней, они избрали от каждого из трех сословий выборных, которым остальные дали полномочия делать постановления, какие они сочтут нужным для пользы королевства; выборные, которых было от всех трех сословий около пятидесяти, сообщили монсеньеру герцогу Нормандскому, что они желают поговорить с ним без свидетелей. Герцог пошел в сопровождении пяти лиц в монастырь Кордельеров к комиссии выборных, которые сказали ему, что они совещались вместе в течение нескольких дней и все пришли к общему согласию. Они просили сеньера герцога, чтобы он держал в секрете то, что они будут ему говорить, что необходимо для спасения государства, на что монсеньер герцог ответил им, что он клясться в этом не будет; несмотря на это, они все-таки сказали ему следующее:

Во-первых, они сказали ему, что король дурно управлял страной в прошлом: все произошло по вине его дурных советников, по их вине король сделал все, что он сделал, через них государство пришло в расстройство, и ему грозит опасность полной гибели и разрушения. Они просили герцога лишить должностей королевских чиновников, которых они назовут, заключить их в тюрьму, а имущество их конфисковать. Так как монсеньер Пьер де-Лафорэ, архиепископ Руанский и государственный канцлер, который был одним из тех, против которых они выставили свои требования, был духовной особой и поэтому неподсуден монсеньеру герцогу, они просили его собственноручно написать папе и умолять его назначить комиссарами тех лиц, какие будут указаны сословиями; чтобы эти комиссары имели право подвергнуть архиепископа наказанию за те преступления, в которых выборные будут обвинять архиепископа и других чиновников. Выборные настаивали, чтобы комиссарами были назначены те, кого они назовут, и чтобы они вели дело в суде против поименованных чиновников по тем преступлениям, в которых их будут обвинять выборные. И если эти чиновники окажутся виновными, пусть они подвергнутся наказанию; если же их найдут невиновными, выборные хотели, чтобы они все-таки были лишены имущества и навсегда лишены права занимать государственные должности. Также потребовали они от монсеньера герцога, чтобы он освободил Наваррского короля, который заключен в тюрьму королем, отцом герцога, как сказано об этом выше; они говорили, что с тех пор, как король Наваррский был заключен в тюрьму, не было добра ни королю, ни королевству из-за греха, совершенного заключением Наваррского короля. Затем потребовали они еще от монсеньера герцога, чтобы он правил при помощи особых советников, которых они ему назначат от всех трех сословий, а именно: 4 прелатов, 12 дворян и 12 горожан; эти советники будут иметь право все делать и распоряжаться в королевстве — так же, как

король, назначать и смещать должностных лиц и все прочее; они предъявили и еще много требований трудных и тяжких.

Монсеньер герцог отвечал им, что он охотно обсудит со своими советниками сделанные ему заявления, но что он хотел бы знать, какую помощь имеют в виду оказать ему три сословия. Они отвечали ему, что они постановили между собой, что духовенство заплатит 15% своего годового дохода, если оно получит на это разрешение от папы. Дворяне заплатят 15% со своих доходов. А горожане выставят с каждой сотни домов по одному вооруженному воину. Выборные говорили, что это чудовищно большая подмога и что ее хватит на содержание тридцатитысячной армии. Герцог удалился от них, чтобы обдумать все их предложения и дать по ним ответ на другой день после обеда. Для этого монсеньер герцог собрал в Луврском дворце многих принцев крови и других дворян и совещался с ними обо всем вышеизложенном; и несколько раз — как на следующий день, так и в последующие два или три дня монсеньер герцог посылал в монастырь Кордельеров к выборным некоторых из принцев крови, чтобы убедить их отказаться от некоторых из выставленных ими требований и прежде всего от тех трех заявлений, о которых говорится выше, объяснив им, что эти требования затрагивают короля, его отца[1], так близко, что он не осмелится согласиться на них без специального разрешения со стороны отца.

В конце концов, так как комиссия выборных не согласилась отказаться ни от одного из сделанных ею заявлений, некоторые из принцев крови и другие дворяне, принимавшие участие в совещании у монсеньера герцога по этому вопросу, пришли к общему согласию и посоветовали монсеньеру герцогу исполнить их требования, так как иначе он не мог получить от трех сословий помощи, без которой он не мог вести войну. По требованию трех сословий, был назначен день для выслушания публично того, что они хотели сказать в камере парламента, именно в понедельник, накануне праздника всех святых. Но монсеньер герцог, очень разгневанный и взволнованный упомянутыми заявлениями, которые были ему сделаны отдельно и без свидетелей, как сказано об этом выше, и которые теперь хотели сделать публично в камере парламента, полагал, что он не может осуществить эти требования, не вызвав недовольства со стороны короля, своего отца, и не нанеся ему значительного ущерба; он пригласил к себе других советников из тех, которые не участвовали в предшествующем совещании, и сам изложил им требования, предъявленные тремя сословиями, а также сообщил им о помощи, которую они обещали, и просил советников высказать свое мнение. Эти последние, в присутствии многих из тех, которые были в предыдущий раз, убедили его, что он не должен исполнять требования, ему предъявленные. Также они указали, что предложенная

[1] Который в это время был в плену, в Англии.

сословиями подмога недостаточна для ведения войны. Комиссия выборных говорила монсеньеру герцогу, что обещанная ими *подмога достаточна для содержания тридцатитысячной армии*, считая по 10 су в день на человека; советники показали монсеньеру герцогу, что указанная подмога хватит на содержание лишь восьми- или девятитысячной армии. При этом они привели соображения, с которыми согласились все присутствовавшие на совещании, а их было около 30 человек или более. И большинство из тех, которые раньше соглашались на то, чтобы монсеньер герцог исполнил предъявленные к нему требования, и в этом смысле давали ему советы, теперь отказались от этого и были того мнения, чтобы он этого не делал.

Но так как много народу собралось в той камере парламента, в которой должны были быть сделаны упомянутые заявления монсеньеру герцогу устами архиепископа Ланского Роберта Лекока, то монсеньер герцог просил совета, как ему поступить, чтобы заставить разойтись собравшихся; согласно данному ему совету, он послал в парламент, чтобы пригласить к себе во дворец несколько человек из трех сословий, и именно тех, которые главным образом руководили другими и советовали предъявить означенные требования. К нему явились: Реймон Макэ, архиепископ Лионский, монсеньер Жан де-Кран, архиепископ Реймский и Роберт Лекок, епископ Ланский,— от духовенства; от дворянства явились: мессир Валеран Люксембургский, монсеньер Жан де-Конфлян, маршал Шампанский и монсеньер Жан де-Пикиньи, губернатор Артуа. От горожан явились: Этьен Марсель, парижский купеческий старшина, Шарль Туссак, эшевен, и многие другие от многих других добрых городов.

И здесь монсеньер герцог сообщил им некоторые новости, которые он получил как от короля, своего отца, так и от своего *дяди, императора, и спросил у них совета, не кажется ли им*, что было бы хорошо, если бы требования, которые должны быть ему заявлены тремя сословиями и для выслушания которых собрался народ в камере парламента, отложить на один или два дня по тем причинам и основаниям, которые он им высказал. И пришли к соглашению все, там присутствовавшие, как члены совета монсеньера герцога, так и посланные от трех сословий, чтобы упомянутые заявления и ответ на них были отложены до следующего четверга...

В следующую среду, на другой день после праздника всех святых, монсеньер герцог пригласил в Лувр нескольких членов королевского Совета и тех представителей трех сословий, о которых упоминалось выше; он предложил им обсудить, не лучше ли будет, если три сословия, находившиеся в Париже, разойдутся по домам, ничего больше не предпринимая по тем причинам, о которых он им говорил. Большинство из присутствовавших на совещании советовали ему так поступить. Поэтому он сказал присутствовавшим представителям трех сословий, чтобы они так

и сделали, и просил их сказать от его имени остальным, которые находились в Париже, чтобы они отправлялись по домам. Он сказал им, что снова созовет их, но что он выслушал некоторых рыцарей, прибывших от короля, его отца, которые принесли ему от него важные новости, а также, что он был у императора, своего дяди, к которому собирается в ближайшее время.

Многие из представителей трех сословий, которые собирались управлять французским королевством при посредстве тех требований, которые они предъявляли монсеньеру герцогу, были очень огорчены; они полагали, что все вышеизложенное было предпринято монсеньером герцогом, чтобы распустить собрание трех сословий в Париже; так это и было на самом деле.

На другой день, в четверг, многие представители трех сословий, находившиеся в Париже, собрались в капитульном зале монастыря Кордельеров, а монсеньер герцог в этот день утром уехал в Монлери. И там епископ Ланский рассказал в присутствии всех собравшихся, как монсеньер герцог просил у них совета и помощи, как с этой целью они собирались несколько раз и в течение нескольких дней и были готовы дать ему ответ, который монсеньер герцог не захотел выслушать. И сказал им, чтобы каждый из них взял копию постановлений, которые были сделаны выборной комиссией, и отвез ее домой; так и поступили многие представители трех сословий, которые присутствовали на этом собрании. Говорили, что монсеньер герцог несколько раз в течение нескольких дней обращался к купеческому старшине и эшевенам города Парижа, прося у них подмоги для ведения войны, но они не соглашались на это, если он не созовет собрания трех сословий, а это ему не советовали делать, и поэтому приказал он разослать по бальяжам королевства королевских советников, чтобы просить подмоги у городов.

...В четверг, 19 января, монсеньер герцог Нормандский послал к купеческому старшине некоторых из своих советников, а именно: монсеньера Гильома де-Мелен, графа Русси, сеньера Ревель, монсеньера Роберта де-Лорри и др.; они просили купеческого старшину отправиться в Сен-Жермен д'Оксерруа, так как они имели нечто сообщить ему от имени герцога Нормандского. Старшина отправился туда в обеденный час в сопровождении множества вооруженных парижских горожан. Там советники герцога просили купеческого старшину, чтобы он перестал сам и заставил перестать и других парижских граждан оказывать противодействие обращению новой монеты [1]; на это старшина и прочие горожане ответили, что они ничего для этого не сделают и что они не допустят и впредь обращения этой монеты. Все в городе были так раздражены, что ремесленникам было приказано прекратить работы, а старшина распорядился, чтобы все горожане

[1] Речь идет о новой неполноценной монете, выпущенной в обращение королевским правительством.

вооружились, и очень опасались, чтобы чего-нибудь не сделали с чиновниками короля; об этих обстоятельствах герцог имел совещание с некоторыми из своих советников. На другой день, в пятницу, 20 января, рано утром монсеньер герцог отправился из Лувра во дворец, а также пошли туда купеческий старшина и многие из парижских горожан.

В камере парламента монсеньер герцог сам обратился к ним с речью, в которой сказал, что он не имеет против них никакого неудовольствия и что он прощает им все, что ими было сделано, и, кроме того, изъявляет согласие, чтобы три сословия собрались, когда им будет угодно. Также он сказал им, что устранит из своего Совета чиновников короля, которых в прошлый раз назвали представители трех сословий, и прикажет арестовать их, если ему удастся их найти, и он будет держать их в заключении до возвращения короля, который произведет над ними правый суд...

Монсеньер герцог назначил собрание трех сословий на воскресенье, 5 февраля...

В назначенный день, в воскресенье, 5 февраля, собрались в Париже многие епископы и другие из духовенства, дворяне и горожане многих французских городов. В течение нескольких дней они собирались в монастыре Кордельеров и выработали несколько ордоннансов...

В пятницу, 3 марта, собрались в королевском дворце в зале парламента в присутствии монсеньера герцога Нормандского, графа Анжу и графа Пуатье — его братьев — и многих других, дворяне, духовенство и горожане в таком количестве, что наполнили всю залу. Начал говорить речь Роберт Лекок, епископ Ланский; он сказал, что в прошлом король и королевство дурно управлялись, что нанесло огромный вред королевству и его населению: от порчи монеты, от права захвата и от дурного управления общественными деньгами, которые король собирал с народа и из которых раздавал очень большие суммы лицам, дурно их использовавшим. И все это произошло, по словам епископа, от советов названных выше канцлера и других и всех тех, которые в прошлом управляли королем. Далее епископ сказал, что народ не может дольше терпеть такое положение вещей, поэтому сословия решили, что вышепоименованные лица, а также и другие, которых они указали теперь, всего 22 человека..., навсегда лишаются права занимать государственные должности; ни один из них не будет занимать ни должности президента парламента, ни начальника счетной палаты или палаты прошений, ни какой-либо иной должности во дворце монсеньера герцога, как сказано выше. Епископ потребовал от монсеньера герцога, чтобы он теперь же лишил должностей 22 вышеупомянутых чиновника...

Еще купеческий старшина потребовал, чтобы все чиновники французского королевства были отрешены от должностей и чтобы были назначены особые реформаторы, которые будут ука-

заны тремя сословиями; они будут осведомлены обо всех жалобах и протестах, которые будут выдвинуты против этих чиновников. Еще потребовал епископ, чтобы была введена хорошая монета, какая будет одобрена тремя сословиями, и еще выставил несколько требований. Рыцарь, по имени Жан де-Пикиньи, от имени дворян выразил свою солидарность со всем тем, что говорил епископ Ланский; аббевильский адвокат Коляр Леконтер сделал то же самое от имени горожан, равно как и парижский купеческий старшина Этьен Марсель. И предложили монсеньеру герцогу от имени трех сословий 30 тыс. солдат в полном вооружении, которым они будут платить сами и через особо назначенных ими лиц. Чтобы иметь для осуществления этого деньги, они вводили определенный налог, именно: духовенство внесет 15% всех своих доходов, дворянство также 15%, т. е. со 100 ливров дохода 15 ливров, а горожане выставят со 100 домов одного вооруженного воина. Но так как они еще не знали, какая сумма получится от налога и будет ли она достаточна, чтобы оплатить тридцатитысячную армию, они потребовали, чтобы им было предоставлено право вновь собраться в понедельник на фоминой неделе, чтобы посмотреть, каковы будут результаты сбора налога. Если они найдут, что к назначенному сроку сумма окажется недостаточной, они увеличат налог. И также они потребовали, чтобы после понедельника фоминой недели они могли еще два раза собраться, когда им заблагорассудится, до 15 февраля. Герцог Нормандский согласился на все их требования как вышеперечисленные, так и другие; вследствие этого 22 сановника, о которых упоминалось выше, были смещены, другие временно *отрешены от должностей, так что в Париже прекратилось* отправление правосудия до следующего понедельника, когда парижский прево был восстановлен в своей должности. Большой совет, избранный тремя сословиями, в следующую пятницу сделал распоряжение относительно парламента, уволив многих из тех, которые были в нем раньше, так что всего оставил в нем, как президентов, так и других, только около 16 человек. Из счетной палаты удалили всех ответственных чиновников, как из клириков, так и из дворян, числом 15, а вместо них назначили четырех совсем новых — двух рыцарей и двух из низшего дворянства. Но, пробыв в своих должностях один день, они отправились в Большой совет и сказали, что необходимо вернуть в палату тех, которые в ней раньше были, чтобы они показали, как нужно вести дела в палате, и на этом основании в счетную палату были возвращены четверо из прежних служащих вместе с четырьмя новыми...

Около середины августа монсеньер герцог Нормандский сказал купеческому старшине, Шарлю Туссаку, Жану де-Лиль и Жюлю Марселю, которые стояли во главе управления городом Парижем, что он желает впредь сам править и не хочет более иметь опекунов, и запретил им вмешиваться в управление королевством,

которое они до такой степени захватили в свои руки, что больше повиновались им, чем монсеньеру герцогу. После этого монсеньер герцог стал объезжать многие добрые города и лично просил у них помощи и многое другое. И говорил им о монете, обращению которой они противодействовали, как об этом рассказано выше; всем этим названные выше заправилы трех сословий были очень смущены.

Епископ Ланский отправился в свою епархию, так как он видел, что дело проиграно.

В четверг, 22 февраля 1358 г., утром — это был второй четверг великого поста — купеческий старшина велел собраться на площади св. Ильи близ дворца всем парижским ремесленникам вооруженными: их собралось около 3000 человек. Около 9 час. утра адвокат парламента, по имени Раньо д'Аси, шел из дворца к себе домой, а дом его находился близ церкви Сен-Ландри; когда он поравнялся с церковью Марии Магдалины, он был убит в лавке пирожника, куда он бросился, когда увидел, что его хотят убить; ему было нанесено множество ран, от которых он и умер, не успев произнести ни слова. Тотчас после этого купеческий старшина в сопровождении нескольких приверженцев поднялся в комнату монсеньера герцога во дворце, помещавшуюся в верхнем этаже; они нашли там герцога, к которому купеческий старшина обратился вкратце с такой речью: «Монсеньер! Не изумляйтесь тому, что вы увидите, так как необходимо, чтобы это было совершено». Как только он это сказал, некоторые из товарищей купеческого старшины бросились на Жана де-Конфлян, маршала Шампани, и убили его возле постели герцога и в его присутствии. А другие из его товарищей бросились на Роберта Клермонтского, маршала герцога Нормандского, который отступил в другую комнату, соседнюю с комнатой герцога, но они последовали за ним и убили его. Монсеньер герцог, чрезвычайно испуганный всем, что он видел, просил купеческого старшину спасти его, так как все его слуги, находившиеся с ним в комнате, бежали и оставили его одного. Купеческий старшина сказал ему: «Монсеньер, вам нечего бояться». И старшина надел на него свою шляпу с цветами города Парижа, красным и синим, синий с правой стороны, а сам взял шляпу герцога из тонкой изысканной материи, с золотой бахромой, и носил ее весь этот день, а герцог носил шляпу старшины. Вслед затем некоторые из сподвижников старшины взяли трупы двух упомянутых рыцарей и поволокли их чрезвычайно грубо на глазах у герцога на дворцовый двор, к мраморной плите; там они оставались распростертыми и обнаженными у всех на виду до позднего вечера, и никто не осмелился к ним прикоснуться.

Купеческий старшина и его единомышленники отправились на Гревскую площадь в помещение городской думы. И там старшина из окон городской думы на Гревской площади обратился с речью к большой толпе вооруженных горожан, собравшихся

на площади. Он заявил, что все им сделанное совершено в интересах государства и что убитые были обманщиками, злодеями и изменниками. И купеческий старшина просил у собравшихся поддержки, так как, повторил он, он совершил это в интересах государства. Тогда многие в один голос закричали, что они одобряют поступок старшины и что они готовы жить и умереть вместе с ним.

Тотчас после этого старшина вернулся во дворец в сопровождении вооруженных приверженцев, которых было так много, что они наполнили весь дворец. Он поднялся в комнату монсеньера герцога, который был подавлен и потрясен всем происшедшим. Трупы убитых маршалов все еще находились на том же месте у мраморной плиты, и герцог мог видеть их из окна своей комнаты. Когда старшина вошел в комнату в сопровождении своих вооруженных приверженцев, он сказал монсеньеру герцогу, чтобы он не огорчался тем, что произошло, потому что все произошло по воле народа и во избежание того, что могло бы быть еще хуже, и что убитые были обманщиками, злодеями и изменниками. Старшина просил монсеньера герцога от имени народа предать забвению совершившийся факт и быть заодно с народной партией. И если все, что совершено, нуждается в прощении, пусть герцог всем простит. Герцог согласился на все, о чем просил его старшина, и просил старшину передать парижскому населению, что он хочет иметь [парижан] своими добрыми друзьями и сам будет их другом. И поэтому старшина послал монсеньеру герцогу два куска сукна, *синего и красного*, чтобы герцог сделал для себя и для своих людей шляпы такие, какие носили парижане, именно — наполовину красные и наполовину синие, синий цвет с правой стороны. Так монсеньер герцог и поступил и носил шляпу, как сказано, равно как и его люди, а также члены парламента и других палат в Париже и все прочие должностные лица, находившиеся в Париже.

В субботу, 24 февраля, монсеньер герцог находился в камере парламента и с ним некоторые члены его Совета, которые с ним остались. Туда пошел старшина и с ним многие его приверженцы, вооруженные и невооруженные; они потребовали от монсеньера герцога, чтобы он неуклонно исполнял все ордонансы, принятые сословиями в прошлом году, и чтобы он предоставил им [сословиям] управление, как это и было сначала, и чтобы он удалил тех из своего Совета, которые еще там оставались, так как народ очень недоволен многим, что делалось в Совете монсеньера герцога против народа; пусть он пополнит свой Большой совет тремя или четырьмя горожанами, которых они ему назовут. На все эти требования монсеньер герцог изъявил согласие.

VII. ЖАКЕРИЯ.

1. ИЗ «ХРОНИКИ ПЕРВЫХ ЧЕТЫРЕХ ВАЛУА»[1].

В то время вспыхнул бунт жаков в Бовэзи, и начался он в Сен-Лё де-Серан и в Клермоне в Бовэзи. Между ними был один человек, видавший виды и хороший говорун, статного телосложения и красивый лицом.

Имя ему было Гильом Шарль. Его-то жаки и выбрали своим вожаком. Но он хорошо видел, что это люди на малые дела, почему и отказался руководить ими. Однако жаки заставили его силою и сделали своим правителем вместе с одним человеком, бывшим госпитальером, видевшим войну. Видел войну и Гильом Шарль, и он говорил жакам, чтобы держались вместе. И когда увидали жаки, что их собралось множество, набросились они на дворян и многих из них умертвили. И еще хуже сделали они, как люди неразумные и необузданные и с малым смыслом; ибо умертвили они [также] множество знатных женщин и детей, хотя Гильом Шарль и говорил им не один раз, что слишком многое они себе позволяют.

И увидал Гильом Шарль, что дело не может так оставаться; ибо, если бы они стали действовать порознь, дворяне легко бы их одолели; поэтому он послал наиболее благоразумных и наиболее почтенных людей к купеческому старшине Парижа, написавши ему, что будет его помощником, если и тот окажет ему в случае нужды подмогу и помощь. Это очень обрадовало руководителей трех сословий, и отписали они Гильому Шарлю, что окажут ему помощь с полной готовностью. И пришли эти жаки в Геллефонтен. Напуганная ими графиня Валуа, там проживавшая, притворно оказала им радушный прием и распорядилась снабдить их съестными припасами. Ибо взяли они в обычай, чтобы люди неукрепленных городов, по которым они проходили, мужчины или женщины, выставляли на улицах столы и угощали там жаков, [которые] проходили потом дальше, сжигая дома дворянства.

Тогда дворяне, прибывшие в поисках убежища к королю Наварры, просили его, чтобы соизволил он принять меры и озаботиться о том, как бы сокрушить, поразить и уничтожить этих жаков. «Государь,— говорили они ему,— вы первый дворянин в мире, не потерпите же, чтобы дворянство погибло. Ведь если эти люди, именующие себя жаками, продержатся долго, а добрые города им помогут, дворянство ими будет совсем уничтожено». Тогда согласился Карл, король Наварры, оказать им подмогу против жаков. И обещали ему дворяне, что никогда против него не пойдут, и в том принесли ему клятву.

---

[1] Chronique des quatre premiers Valois, см. Luce, Histoire de la Jacquerie, Pièces justificatives, № 66.

Когда король Наварры взял с дворян клятву, что в его делах не будут они ему перечить, он выступил из Лонгвиля с рыцарями и английскими наемниками, всего около 400 воинов, пошел спешным маршем на жаков Бовэзи и у Клермона в Бовэзи стал перед ними лагерем. Было там два отряда французского дворянства; одним из них командовал он сам, а другим — сир Пекиньи и виконт де-Кен. Кроме того Роберт Серкот командовал отрядом английских наемников.

Жаки хорошо знали, что король Наварры и дворяне идут на них. И держал им речь Гильом Шарль: «Дорогие сеньеры, вы знаете, что дворяне идут на нас, а они — большие люди, опытные в военном деле. Если вы мне доверяете, пойдемте к Парижу. Там займем какое-нибудь укрепленное место и будем тогда иметь от горожан поддержку и помощь». И закричали тогда жаки, что ни в коем случае они не отступят, так как они достаточно сильны для того, чтобы разбить дворянство. Видя, что их такое множество, слишком они были в себе уверены. Гильом Шарль и госпитальер выстроили жаков [в боевой порядок], образовавши [из них] два отряда по три тысячи человек в каждом. Тех, у кого имелись луки и арбалеты, выставили они вперед, а перед ними поставили свои повозки. Еще один отряд они образовали из своих кавалеристов, и было в нем 600 человек, из которых большинство имело оружие. И стояли они там, выстроенные в таком порядке, два дня.

Король Наварры и дворяне..., всего около 100 вооруженных людей, расположились... перед лагерем жаков, которые держались с внушительным видом, в порядке, трубили в трубы..., громко кричали «Монжуа» [1] и имели множество знамен с изображением цветка лилии...

Король Наварры попросил перемирия у вождя жаков и выразил желание переговорить с ним. Гильом Шарль пошел к нему запросто, не потребовавши никаких заложников... Так как жаки остались без вождя, Роберт Серкот ударил на них с фланга со всеми своими людьми и сломил один из их отрядов силой мечей, да и горячие кони топтали и опрокидывали при этом натиске перед собою жаков. Тогда жаки совсем смешались, так как не было с ними их капитана; они сами стали давить друг друга, и множество их было убито англичанами. Затем вступил в дело другой отряд дворян, ударивший на второй отряд [жаков] и сокрушивший его мечами и конями. Тогда вышеназванные бароны и сеньеры стали избивать жаков почти без сопротивления. А жаки, бывшие на конях, при виде поражения своих [пехотинцев] ударились в бегство и по большей части спаслись. Монсеньер Фрике де-Фрикан и монсеньер Реньо де-Бракемон пре-

[1] «Монжуа» — старый боевой клич королевского французского войска. Этим кличем, а также знаменами, на которых был изображен цветок лилии — знак дома Валуа, крестьяне, очевидно, хотели подчеркнуть свою верность королю.

следовали их со всеми [своими] 100 копьями и истребили их около сотни.

Карл, король Наварры, со всем своим отрядом, который был очень велик, обрушился на пеших жаков и истребил их всех, за исключением очень немногих, укрывшихся в одном хлебном поле и ночью бежавших. Правда, много их было истреблено и в этом хлебном поле, но поле было очень обширно. После поражения жаков король Наварры пошел в Клермон в Бовэзи и велел там обезглавить капитана жаков. Другой отряд дворян..., численностью до 300 копий, шедший на помощь королю Наварры против жаков, узнавши о их поражении, спустился к границе Бовэзи, где было несколько отрядов жаков. Там названные нормандские дворяне соединились с дворянами Амьенской области и Бри. И встретили у Пуа отряд жаков, шедший к большому отряду под начальством Гильома Шарля. И истребили их названные дворяне без милосердия в количестве более 1300 [человек]. Затем поспешили названные дворяне в Жерберрей, разбили между Рэй и Жерберрей другой отряд жаков и умертвили их там около 800 и в одном монастыре сожгли около 300. Потом пришли в Геллефонтен, где проживала мадам Валуа, и долго досаждали ей за то, что она дала жакам съестные припасы, как они говорили. И убили там около 100 крестьян. Так были сокрушены и поражены жаки и в Бовэзи и в окрестностях. В Бри граф де-Русси избил их великое множество и приказывал вешать их на их же дверях...

2. ИЗ «БОЛЬШИХ ХРОНИК» [1].

В понедельник, 28 мая, взбунтовались некие мелкие люди в Бовэзи, в местечках Сен-Ле, де-Серан, Нуантель, Крамуази и в окрестностях и устроили сборище для злого дела. И напали на многих дворян, бывших в названном местечке Сен-Ле, и девятерых из них умертвили — четырех рыцарей и пять оруженосцев. А после того, движимые злобою, пошли по области Бовэзи, каждодневно умножаясь в количестве, и убивали всех знатных мужчин и женщин, которых встречали, и многих детей умертвили. И разрушали или сжигали все дома дворян, которые им попадались, были ли то крепости или другие жилища. И поставили некоего капитана, именуемого Гильом Каль. Подошли к Компьени, но жители этого города их к себе не пустили. Потом пошли к Санли и устроили так, что жители этого города вошли в сообщество с ними. И разрушили все крепости области — Эрменовиль, Тьер и часть замка Бомон на Уазе. Бывшая там герцогиня Орлеанская спаслась оттуда бегством и укрылась в Париже.

В то время разгорелся мятеж этих людей в Бовэзи. Сошлись и устроили сборище также многие другие в разных местах в Мон-

[1] Изд. Délachenal, t. I, pp. 169—170.

моранси и разгромили и сожгли все дома и замки сеньера Монморанси и других дворян этой области. Были и другие сборища таких людей в Мульсьен и прочих окрестных местностях. Участвовали в этих сборищах по большей части хлебопашцы, но были и зажиточные люди, горожане и другие. И всех знатных мужчин, которых они могли найти, убивали. Так же с знатными женщинами и многими детьми в великом своем неистовстве поступали.

В это время означенный регент, пребывавший в рынке Мо, который он распорядился укрепить и каждодневно старался укрепить еще более, отбыл оттуда и пошел в замок Монтери. А оттуда в скорости пошел в город Санс, куда и прибыл в субботу, 9 июня, утром. И принят был горожанами с почетом, как подобало... И хотя оставалось мало городов... в странах Лангдойля[1], которые не поднялись бы против дворян или из сочувствия к горожанам Парижа, питавшим к ним великую ненависть, или же из сочувствия к народному движению, но все же он был принят в названном городе Сансе в великом мире и с великим почетом. И объявил регент в названном городе большой сбор вооруженных людей.

3. ИЗ ХРОНИКИ ЖАНА ДЕ ВЕНЕТТ[2].

И вот в то время, как теснили и совсем не защищали [от врагов] вместе с прочими городами город Париж, приключилось близ него одно неслыханное никогда происшествие. Именно, летом того же 1358 г. проживавшие в диоцезе Бовэ, в окрестностях Сен-Лу, де-Шерен и Клермона крестьяне, видя бедствия и утеснения, которые со всех сторон им учиняли и от которых дворяне не только их не защищали, а, напротив, еще больше, наподобие врагов, их теснили, с оружием в руках поднялись против французской знати. И, собравшись в великом множестве, поставили капитаном одного отличавшегося среди них наибольшим смыслом и происходившего из селения Мело крестьянина, именно Гильома, именуемого Карлом. И вот, выступивши с оружием и знаменами, распространились по всей округе и всех знатных мужчин, каких только встречали, даже собственных сеньеров своих, убивали и уничтожали без жалости. Не довольствуясь этим, дома и крепости дворян сравнивали с землей и, что еще более достойно жалости, знатных дам и малых детей их, которых встречали, предавали мучительной смерти. Так разгромили они сильнейший замок де-Курновиль и многих знатных мужчин и женщин, которые укрывались в нем, поразили насмерть. И до того усилилась эта напасть, что даже наблюдалось то же самое в окрестностях Парижа, ибо, если кто из дворян осмеливался показаться за пределами укрепленных мест, крестьяне его тотчас же замечали и, захвативши в свои руки, либо убивали, либо подвергали жестоким побоям.

[1] То есть к северу от Луары.
[2] D'Achery, Spicilegium, t. III, p. 119.

Означенные поселяне усилились настолько, что их набралось более пяти тысяч, стремившихся знатных людей с их поместьями и их женами и детьми уничтожить. По этой причине дворяне на некоторое время притихли и не смели показываться, как прежде. Однако это чудовищное дело продолжалось недолго, ибо, как бы сами собою, а не по божьему попущению и не по справедливому соизволению верховного владыки, но сами по себе начали его, как я полагаю, означенные поселяне. И вот потому все их стремления в скором времени кончились и пошли прахом, ибо если вначале, как им казалось, они действовали, движимые неким соображением справедливости, так как сеньеры их не защищали, а [напротив] теснили, то [затем] обратились они на дела позорные и ужасные: рассказывают, что знатных жен сеньеров своих они подвергали постыдному насилию, а знатных детей, как мы уже сказали, безвинно убивали; [вместе с тем] захваченное имущество они разграбляли, сами себя и крестьянских жен своих старательно наряжая [в одежды знати]. И вот потому, что чинили такое зло, не смогли они долго держаться... Дворяне, наблюдавшие все это, постепенно собрались с силами и пошли на них, соблюдая мудрую осторожность, с оружием. В скором времени король Наварры некоторых их капитанов ласковыми словами приманил к себе и, когда они ничего не подозревали [плохого] и ни о чем не думали, убил их. А по убиении их напал со своими приближенными и графом Сен-Поль на прочих, во множестве собравшихся у селения Мон Дидье, поразил их мечом и истребил их, и не осталось неразумное дело их без наказания, ибо рыцари и дворяне, снова собравшись с силами и сгорая жаждою мщения, соединились в сильные отряды и, проходя по деревенским поселениям, многие из них предали пламени, а крестьян и всех, кого считали вредными, беспощадно убивали в домах, в виноградниках и на поле. От пожаров тех пострадал... крест св. Авдоена и многие другие поселения открытой страны, которых я не видел и поэтому говорить о них здесь не буду.

В том же 1358 году, когда герцог Нормандский, регент королевства, все еще продолжал упорствовать в своей опале, которую он наложил, как было о том сказано выше, на жителей города Парижа, множество их собралось в городе Мо. Госпожа герцогиня[1] с знатью удалилась из этого города в укрепление Мо. И вот в отсутствие герцога, который был далеко, возникла ссора между засевшими в том укреплении дворянами и нáбольшими города Мо, которые действовали вместе с другими горожанами. Ибо, как рассказывают, некоторые из парижан явились с оружием в Мо, так как горожане Мо, ненавидевшие дворян по причине испытываемых от них утеснений, выражали большое желание напасть на них вооруженной силой при условии получения надежной подмо-

[1] Речь идет о жене дофина Карла, которая укрылась со своими приближенными в крепости Мо, на Марне.

ги из Парижа, что и было исполнено. И вот горожане напали на дворян, засевших в укреплении вместе с герцогиней, и по очереди сражались с ними на мосту перед замковыми воротами. Однако дворяне, более искушенные в военном деле, одолели горожан с помощью мечей и победили их. И после этой победы вышли из крепости и, рыская по городу Мо, как бешеные, всюду и без разбора избивали людей, за исключением тех, коим удалось убежать. Весь город они предали разграблению, мужчин и женщин, взятых в плен, заперли в укреплении Мо и все, что можно было взять в церквах и домах, взяли. А потом весь город предали пламени и все, что могли, разрушили в нем, за исключением крепостей. А совершивши это, рассыпались, как бешеные, по окрестностям, убивая мужчин, которых встречали, и предавая пламени поселения. И такие в это время в округе Мо учинены были дворянством Франции неистовства, что не нужно было приходить для разорения отечества недругам-англичанам, ибо поистине англичане — эти главные враги королевства — не смогли бы наделать столько зла, сколько наделали тогда собственные дворяне.

VIII. ЖАННА Д'АРК.

ПИСЬМО ЖАННЫ Д'АРК АНГЛИЙСКОМУ КОРОЛЮ.

Иисус-Мария.

Вы, король Англии, и вы, герцог Бедфордский, именующий себя регентом французского королевства; вы, Вильгельм Поль, граф Суффольский, Иоанн Тальбот; и вы, Томас, сир Скальский, называющий себя лейтенантом упомянутого герцога Бедфордского,— окажите справедливость королю неба: отдайте деве, посланной сюда богом, небесным королем, ключи всех добрых городов, которые вы взяли и подвергли насилию во Франции. Она пришла сюда от бога, чтобы потребовать обратно королевскую кровь[1]. Она вполне готова притти к мирному соглашению, именно: если вы желаете сделать ей должное удовлетворение, возвратите Францию и заплатите за то, что владели ею. И вы все, стрелки, военные товарищи, джентльмены, и другие, находящиеся перед Орлеаном, уходите, прошу вас именем бога, в свои страны, а если не сделаете так, ждите вестей от девы, которая скоро придет к вам, к вашему великому горю. Если вы, король Англии, не сделаете так, то я беру на себя руководство войною и, где бы ни настигла ва-

[1] Намек на герцога Орлеанского, бывшего тогда в плену у англичан, освобождения которого Жанна д'Арк требовала во что бы то ни стало.

ших людей во Франции, я заставлю их уйти волею или неволею; если они не хотят повиноваться, я всех их уничтожу, если же хотят повиноваться, помилую их. Я послана сюда богом, небесным королем, как его заместительница, чтобы выгнать вас из всей Франции. И не думайте, что вы будете владеть французским королевством, принадлежащим богу, небесному королю, сыну святой Марии, а будет владеть им король Карл[1], истинный наследник, ибо так хочет бог, небесный король, и воля его объявлена девою; король вступит в Париж с славными товарищами. Если вы не внемлете известиям от бога и девы, то, где бы мы ни нашли вас, мы будем вас бить и сделаем такую резню, какой уже не было во Франции тысячу лет,— так будет, если не окажете должного удовлетворения.

И будьте твердо уверены, что король небесный даст деве столько силы, что вы, при всем своем старании, не в состоянии будете отразить ее и ее добрых военных товарищей; и борьба покажет, кто более прав, небесный бог или вы, герцог Бедфордский: дева просит и даже требует не заставлять ее губить вас. Если вы удовлетворите ее, вы могли бы еще итти в ее сотовариществе[2] туда, где французы исполнят самое лучшее дело, какое когда-либо было совершено на пользу христианства. Если вы желаете притти к миру, отвечайте в Орлеан, а если не сделаете так, я скоро напомню вам об этом на вашу гибель.

Писано во вторник на страстной неделе.

IX. ЛЮДОВИК XI

(1461—1483 гг.).

ИЗ СОЧИНЕНИЙ ДЕ-КОММИНА.

Я себе поставил эту задачу, потому что видел на сем свете много обмана; часто обманывали слуги своих господ,— чаще, конечно, князей и гордых вельмож, которые и слушать не хотят людей низкого звания, чем господ простых, которые [людей этих] охотно слушают. Из всех тех, кого я знал когда-либо, всего лучше мог выпутаться из беды и напасти король Людовик XI, наш господин, смиреннейший и в одежде и на словах. Он весьма старался подкупить всякого, кто мог послужить или повредить ему. Он нисколько не досадовал, если человек, которого он хотел расположить к себе, ему отказывал, но продолжал свои усилия, давая щедрые обещания и на самом деле жалуя ему деньги и такие отличия, какие, как он знал, ему любы. Тех же, кого он во времена

[1] Имеется в виду «буржский король» Карл VII.

[2] В крестовый поход в Палестину.

мира и благополучия изгонял и отвергал, он, буде то нужно, снова подкупал дорогою ценою, пользовался ими и не испытывал никакой к ним вражды за прошлое. Совершенно естественно, что он был другом людей среднего класса и врагом всех «вельмож», которые могли обходиться без него. Никто никогда не выслушивал стольких людей, не расспрашивал о стольких вещах, как он, никто не желал узнать стольких лиц, ибо, точно подданных своих, он досконально знал всех людей значительных и сильных в Англии, Испании, Португалии, Италии, а также Бургундии и Бретани. Такое обхождение и привычки, которых он придерживался и о которых я говорил выше, спасли ему корону, хотя сам же при вступлении на престол он приобрел себе врагов. В особенности ему помогла его великая щедрость, ибо насколько мудро он вел себя в беде, настолько, наоборот, в случае полной, как ему казалось, или временной безопасности он легко раздражал людей, притом мелочами, не приносившими ему никакой пользы; с великим трудом переносил он продолжительный мир. Он зло отзывался о людях как в их присутствии, так и в их отсутствии, кроме как о тех, которых боялся, а последних было много: ведь по природе своей он был достаточно боязлив. И когда вследствие такой разговорчивости он терпел какой-нибудь ущерб или предполагал таковой, он, желая исправить дело, обыкновенно обращался к соответствующему лицу с такими словами: «Хорошо знаю, что язык мой приносил мне много вреда, но иногда и большое удовольствие, а посему мне, понятно, приходится за него расплачиваться». Не ограничиваясь такими извинениями, он делал лицу, с которым он говорил, подарки, а подарки его никогда не были малы.

Еще господь оказывает великую милость князю, если тот познает и доброе и злое, особенно если доброе преобладает, как было с королем, господином нашим. По моему мнению, испытание, перенесенное в юности, когда он бежал от своего отца к герцогу Бургундскому Филиппу, у которого пробыл 6 лет, принесло ему большую пользу, ибо он был принужден угождать тем, в ком нуждался, и этому непоследнему добру его научила беда. Когда же он стал велик и короновался королем, то поначалу думал только о мести, но скоро испытал ее вред; тогда явилось и раскаяние. Но он исправил это безумие и заблуждение, примирив-таки с собою, как вы впоследствии услышите, тех, пред кем был виноват. И если бы он не получил воспитания, отличного от того, которое получают, как я видел, вельможи нашей страны, то он, думаю я, никогда бы не оправился: ведь те учатся неистовствовать и в одежде и в речах. Науки никакой они не знают. Нет подле них ни единого мудрого человека. Есть у них управители, с которыми нужно говорить о делах; с ними самими — ни о чем: управители заправляют делами. Есть и такие баре, у которых не более 13 ливров дохода, но которые гордо заявляют: «Поговорите с моим человеком», ибо думают таким образом подражать знатным.

II. АНГЛИЯ XI—XV вв.

ВВЕДЕНИЕ.

Собранный в настоящем отделе документальный материал по истории Англии разбит на семь глав, причем материал первых пяти глав расположен по царствованиям отдельных королей нормандской и анжуйской династий. В главе I подобраны документы, относящиеся к царствованию Вильгельма Завоевателя. Известно, что после битвы при Гастингсе (1066), в которой нормандское конное рыцарство разбило англо-саксонскую пехоту, причем сам король англо-саксов Гарольд был убит, Вильгельм двинулся к Лондону. Лондон запер перед ним свои ворота, и тогда Вильгельм опустошил окрестности города. Лондонцы в конце концов вынуждены были впустить Завоевателя, и он короновался в Вестминстере английским королем по старому англо-саксонскому обряду. На свой поход в Англию Вильгельм смотрел не как на простое разбойничье предприятие: он хотел сесть на английский престол как законный наследник королей англо-саксов и как своего рода блюститель старых порядков. Это он и подчеркнул в грамоте городу Лондону, которую издал тотчас же после коронования и которою он хотел привлечь лондонцев на свою сторону.

Вильгельм присвоил себе все функции и все права англо-саксонских королей и в общем оставил неприкосновенным весь старый аппарат государственного управления, в частности областные собрания сотен и графств и главных областных королевских чиновников — шерифов. В то же время Вильгельм старался свою власть в Англии укрепить строго проведенными началами феодального верховенства. В качестве феодального сюзерена король объявил все английские земли конфискованными, а затем роздал их старым и новым собственникам. Иногда эта конфискация и новая отдача земли были простой фикцией, но вывод из всего этого был вовсе не фиктивным: раз землю все в конечном счете получали от короля, то все обязаны были по отношению к нему «верностью» и военной службой. Англо-саксонская хроника говорит, что все феодальные земельные собственники Англии «били ему челом» и сделались его вассалами. В данном случае английские порядки значительно отличались от континентальных: во Франции, например, только непосредственные вассалы короля приносили ему клятву верности, а вассалы вассалов клятвы верности королю не приносили и не обязаны были ему непосредственной военной службой.

Желая упорядочить прямое обложение («датские деньги»), Вильгельм предпринял перепись всего населения Англии и всего имущества этого населения.

В результате появилась знаменитая «Книга Страшного суда»[1], о которой говорят приводимые в главе I материалы под № 4 и 5. «Книга Страшного суда», конечно, очень много способствовала росту доходов королевской казны, и в этом смысле очень характерна приводимая выдержка из хрониста Ордерика Виталия, который определяет королевские доходы колоссальными (конечно, чрезвычайно преувеличенными) цифрами. Однако «Книга Страшного суда» преследовала не только фискальные цели. «Она влекла за собой пересмотр и переустройство, с точки зрения держания и повинностей, всех социальных связей и отношений, обусловленных земельным владением» (Виноградов) и имела целью проведение в Англии феодального принципа «нет земли без сеньера». Тем самым «Книга Страшного суда» способствовала окончательному закрепощению крестьянства, так как в ней очень ярко сквозит тенденция рассматривать во множестве еще уцелевшие в Англии свободные крестьянские общины как зависимые от помещиков. Необходимо отметить, что если король своими мероприятиями способствовал подчинению феодалам широких крестьянских масс, то в то же время он стремился поставить дело так, чтобы крупные феодалы не являлись конкурентами его власти в Англии. Он стремился избежать образования крупных феодальных бароний, какие имели место на континенте. Он раздавал баронам земли в разных местах, и поэтому нигде в Англии не образовалось больших замкнутых феодальных территорий. Ни один барон не был здесь настолько силен, чтобы противостоять королю.

Вильгельм предпринял свой поход с благословения и при поддержке папы, который стремился через посредство нормандских рыцарей укрепить свое влияние в Англии. В благодарность за такую поддержку Вильгельм дал церкви большие льготы. У нас приведено постановление Вильгельма, согласно которому церковь получала свой особый суд и тем самым до некоторой степени становилась в положение государства в государстве.

После Вильгельма Завоевателя с 1087 по 1135 г. правили один за другим два его сына — Вильгельм II Рыжий и Генрих I. При них бароны не раз пытались поднять восстание, но все эти восстания неизменно терпели крах, потому что ни рыцарство, ни горожане, ни свободное крестьянство их не поддержали. Генрих I, вступивший на престол в обход законных прав брата своего Роберта Нормандского, желая привлечь к себе церковь и феодалов, издал Хартию вольностей, которой восстанавливал установившиеся при Завоевателе феодальные порядки, часто не признававшиеся и нарушавшиеся Вильгельмом Рыжим.

Эта Хартия вольностей Генриха I была прототипом той хартии, издания которой бароны добились позднее, при Иоанне Безземельном. После смерти Генриха I, не оставившего сыновей, в Англии началась смута. Корону оспаривали друг у друга племянник Генриха — Стефан и дочь первого Матильда, вышедшая вторым браком за графа Анжуйского. Во время междоусобной борьбы между Стефаном и Матильдой бароны забрали власть и чинили страшные насилия над населением, о которых картинно рассказывают приводимые в главе III отрывки из хроник того времени. Анархия продолжалась

---

[1] Название «Книга Страшного суда» объясняется тем, что, по мнению современников, ничто при описи не укрылось от короля, точно так же, как в день «Страшного суда» будут ясны все людские грехи и помыслы.

20 лет, и наконец, стараниями церкви и духовенства был заключен договор между двумя боровшимися сторонами. Матильда в 1153 г. согласилась признать королем Стефана с тем, чтобы после его смерти на престол взошел сын Матильды.

Во исполнение этого договора, в 1154 г., когда скончался Стефан, королем сделался Генрих Плантагенет, граф Анжуйский, родоначальник анжуйской династии (или династии Плантагенетов). При нем были проведены чрезвычайно важные государственные реформы, которые имели своей целью укрепить королевскую власть за счет крупных феодалов и дать надежную гарантию против повторения феодальной анархии. Прежде всего надо отметить судебную реформу Генриха II, связанную с установлением института присяжных. В Англии наряду с королевским судом (суд королевской курии) были еще земские суды (в собраниях сотен и графств) и суды феодальные. Земельные и иные гражданские тяжбы между сеньером и его вассалами, а также между вассалами разбирались и решались в феодальных судах. Суд давал феодалам не только моральные, но и материальные выгоды, так как, разбирая тяжбы, феодал получал в свою пользу судебные штрафы. Король решил ослабить силу феодалов, усиливши за счет феодальных судов суд королевский. Он этого и добился введением института присяжных.

В судах того времени (и земских и феодальных) господствовала своеобразная процедура, отнюдь не являвшаяся сколько-нибудь надежной гарантией соблюдения справедливости. Наряду с так называемым «соприсяжничеством» употреблялись как формы судебных доказательств испытания водой и раскаленным железом, а также поединки. Король вводит в практику своего суда процесс иного рода — инквизиционный, который основан на расследовании дела по существу, через опрос местных жителей. И король дает каждому свободному человеку право воспользоваться этим инквизиционным процессом, именно перенести свою гражданскую тяжбу (например иск о земле) из феодального суда, где процесс отличался формализмом, в суд королевский, где расследование производилось через имевших сведения по данному делу местных людей, именовавшихся присяжными.

Самая процедура расследования дела через присяжных в гражданских процессах хорошо вскрывается приведенными в главе IV выдержками из так называемой «Великой ассизы». Отметим только, что право воспользоваться институтом присяжных в королевском суде продавалось свободным (и только свободным) людям за деньги как особая королевская милость, и такая продажа уже сама по себе была немаловажным источником доходов для королевского фиска. Отметим также, что стремясь сделать королевский суд доступным для массы свободных людей, Генрих II ввел институт так называемых «разъездных судей». Это своего рода регулярные выездные сессии королевского суда на места, в собрания графств, где к услугам этого суда мог обратиться всякий желающий.

Король не удовольствовался введением института присяжных только в гражданских делах. Он применил его также в уголовных делах, в которых выступали так называемые «обвинительные присяжные». Процедура привлечения «обвинительных присяжных» хорошо вскрываются приводимыми ниже открывками из Кларендонской и Нортгэмптонской ассиз. Наконец, Генрих II применил институт присяжных и в военном деле. Военная

реформа Генриха II сводилась к замене натуральной военной повинности рыцарей денежными платежами (так называемыми «щитовыми деньгами»), на которые нанимались военные отряды, нередко из тех же рыцарей. Реформа эта давала королю возможность установить в войске более строгую дисциплину и распоряжаться этим войском по своему усмотрению, не стесняясь феодальными обычаями. Вместе с тем король обратил серьезное внимание на старое, пришедшее в упадок общенародное ополчение; он предписал, чтобы каждый свободный человек рыцарского и нерыцарского звания нес военную службу и вооружался на собственный счет сообразно своему имущественному положению. Это последнее, согласно приводимой ниже ассизе о вооружении, определялось путем расследования через присяжных.

Генрих II стремился также провести важную церковную реформу, которая, однако, ему не удалась. Он задумал уничтожить самостоятельное положение церкви как государства в государстве путем подчинения духовного суда светскому. В результате появились известные Кларендонские постановления, встретившие решительную оппозицию английского духовенства, руководимого архиепископом Кентерберийским Фомою Бекетом. Убийство Бекета делу не помогло, так как общественное мнение феодалов всецело было на стороне убитого, и королю пришлось отказаться от своих Кларендонских постановлений. Церковь сохранила свои вольности и продолжала быть опасным конкурентом королевской власти, тем более опасным, что через голову короля она сносилась с папой и беспрекословно выполняла все папские предписания.

Все же в результате реформ Генриха II королевская власть в Англии чрезвычайно окрепла, а политическая сила феодалов ослабела. При преемниках Генриха II королевская власть все более и более давит на феодалов, а это давление вызывает с их стороны противодействие. Во время этой борьбы баронов с королевской властью издается Великая хартия вольностей.

После Генриха II, который умер в 1189 г., правил его сын Ричард Львиное Сердце, принимавший деятельное участие в третьем крестовом походе. В Англии он бывал мало, так как любил разные рискованные отдаленные предприятия. При нем тот стройный правительственный аппарат, который сложился при Генрихе II, действовал попрежнему, и король лично мало вмешивался в управление. По смерти Ричарда (1199 г.) на английский престол вступил его брат — Иоанн Безземельный. Пользуясь выросшей силой королевской власти с ее стройным аппаратом управления, Иоанн старался всячески усилить фискальный гнет, умножая поборы с феодалов, и не только с феодалов, но также с горожан и со всего вообще населения Англии. Он вводил разные поборы и штрафы, требуя их не по закону, вопреки феодальному праву. Такая политика короля в конце концов вызвала против него восстание. Вождями и организаторами восстания были бароны, т. е. крупные феодалы, привлекшие на свою сторону рыцарей, т. е. средних и мелких феодалов, и горожан. Воспользовавшись затруднительным положением Иоанна, поссорившегося с папой Иннокентием III и терпевшего на континенте поражения от французского короля Филиппа II Августа, бароны двинули против него вооруженную силу, и король вынужден был принять условия восставших. Обо всех этих действиях баронов, в результате которых появилась Великая хартия вольностей, довольно подробно рассказывается в приводимых в главе V отрывках из хроники Матвея Парижского. Текст

Великой хартии вольностей мы даем в той же V главе лишь в немногих отрывках. Подчеркнем важное значение статей 12 и 14; в них речь идет об «общем совете королевства», из которого впоследствии развился — путем включения в него, наряду с баронами, также представителей свободного населения графств и городов — английский парламент. Отметим статьи 13, 15, 17 и 20, которые ограждают интересы не одних только баронов, но и других слоев населения, поддержавших баронское движение. Наконец, особо отметим знаменитые статьи 39 и 40, которые в эпоху издания хартии касались только феодалов (под «свободным человеком» хартия подразумевала исключительно феодала), но потом распространились на все свободное население Англии. В таком расширенном толковании эти статьи, дополненные актом «Габеас корпус» 1679 г., и поныне являются основными статьями действующей английской конституции.

Великая хартия вольностей была подписана королем против воли, под давлением силы баронов. В действительности король вовсе не был расположен соблюдать хартию. Вот почему, помирившись с папой и заручившись его содействием, король отказался выполнять навязанные ему баронами положения хартии. Началась опять война феодалов с королем, но король до решительных действий скончался, а после него остался его сын Генрих III, девятилетний мальчик. Естественно, что при малолетнем короле было учреждено регентство, и регенту королевства пришлось поладить с баронами, причем в дальнейшем Великая хартия вольностей несколько раз подтверждалась, правда, с выпусками некоторых существенных пунктов.

Преемник Иоанна Безземельного — Генрих III (1216—1272), достигши совершеннолетия, окружил себя выходцами из Франции и часто действовал в ущерб интересам баронов, руководствуясь указаниями папы. Тогда опять началось движение баронов, причем бароны пытались установить олигархию, т. е. всецело взять власть в свои руки. Эта попытка падает на 1258 г., когда изданы были так называемые «Оксфордские провизии» — результат деятельности так называемого «Бешеного парламента», собравшегося в Оксфорде. Этот «Бешеный парламент» составил новую конституцию, согласно которой вся власть в государстве передавалась крупным баронам. Кстати, парламентом в то время стали называть тот съезд баронов или «общий совет королевства», о котором говорит 14 статья Великой хартии вольностей, хотя он и не был парламентом в собственном смысле этого слова, как позднее привыкли понимать его, т. е. представительством разных сословий. Но вскоре из этого баронского парламента развился настоящий парламент.

Когда оказалось, что попытка установления баронской олигархии потерпела крах, так как баронов не поддержали ни рыцаря, ни горожане, и король просто перестал выполнять баронские требования, тогда началось новое движение против короля, возглавленное известным Симоном Монфорским. Он был француз по происхождению, но имел владения в Англии. По своим французским владениям Симон был графом Монфорским, а по английским владениям — графом Лестерским. Симон Монфорский прекрасно понимал, что баронам одним с королем не справиться, и он настаивал на том, чтобы бароны привлекли к себе на помощь (как это было во времена хартии) рыцарей и горожан. Его политика увенчалась успехом, и он нанес королю Генриху III поражение в открытой битве, причем сам король и его сын — наслед-

ник престола были захвачены в плен баронским войском. Тогда Симон созвал первый английский парламент с приглашением в него не только баронов, но и представителей графств и городов. У нас приведены пригласительные грамоты в парламент 1265 г. Первая обращена к графу, т. е. барону, вторая к шерифу графства, с предписанием пригласить в парламент по два рыцаря от графств и по два представителя от каждого города графства.

Симон Монфорский вскоре был убит в сражении с королевскими войсками, но парламентский строй в Англии не был уничтожен. Преемник Генриха III — Эдуард I вел войны в Уэльсе и Шотландии и, нуждаясь в деньгах, созывал парламент, который разрешал королю сборы налогов. В 1295 г. Эдуард I созвал так называемый «Образцовый парламент». В этот «Образцовый парламент» были приглашены, кроме непосредственных вассалов короля, по два рыцаря от каждого графства и по два представителя от каждого сколько-нибудь значительного города или порта. Таким образом, города получили в этом парламенте широкое представительство, вот почему и принято называть его «Образцовым».

В 1297 г. был окончательно провозглашен принцип, что нельзя вводить никаких налогов без согласия парламента, и в дальнейшем парламент ревниво старался закрепить за собой это право.

Так в конце XIII в. сложились основы парламентского средневекового строя Англии. Для английского парламента, как и для всех сословно-представительных учреждений этой эпохи, характерно то, что он не опирался на широкие народные массы, так как зависимое крестьянство не имело в нем представительства. Но он отличался от других сословно-представительных учреждений тем, что делился не на три, а на две палаты — палату лордов, где заседали непосредственные вассалы короля (т. е. бароны), и палату общин, где совместно заседали представители от графств и городов, т. е. от всего прочего свободного населения Англии. Говоря другими словами, в Англии с самого начала в парламенте не было резкого антагонизма между горожанами и массой дворянства (рыцарства), антагонизма, столь характерного, например, для Генеральных штатов средневековой Франции. Здесь рыцарство и горожане в значительной мере были связаны общими интересами. Вот почему они сообща решали некоторые вопросы в земских собраниях графства, сообща они решали касающиеся их вопросы и в нижней палате парламента.

Последняя глава настоящего отдела посвящена восстанию Уота Тайлера. Здесь мы даем большую выдержку из анонимной хроники аббатства св. Марии в Йорке, представляющую собою подробный и яркий рассказ современника о всех важнейших событиях восстания 1381 г.

Подлинные тексты приведенных в главах I—VI исторических памятников напечатаны у Stubbs в его «Select Charters» (eighth edition Oxford, 1905;) подлинный текст анонимной хроники, повествующей о восстании Уота Тайлера, напечатан в «Englisch Historical Review» (vol. XII, 1898, 509—522). Переводы принадлежат академику Петрушевскому, за исключением документов I, 1, 2, 3, 4, 5, 7; II, 1; IV, V, 1, 2, переведенных Н. П. Грацианским. Настоящее введение составлено Н. П. Грацианским.

I. ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ

(1066—1086 гг.).

1. ГРАМОТА ВИЛЬГЕЛЬМА I ГОРОДУ ЛОНДОНУ.

Вильгельм король Вильгельму епископу и Готфриду портриву и всем лондонским горожанам, франкам и англам дружеский привет. Желаю, чтобы вы пользовались всеми законами времени короля Эдуарда, о чем и довожу до вашего сведения. И желаю, чтобы каждый сын был наследником своего отца после его смерти. И не потерплю, чтобы кто-либо наносил вам обиду. Храни вас бог.

2. ИЗ СТАТУТОВ ВИЛЬГЕЛЬМА I.

Повелеваю и желаю, чтобы все хранили и блюли законы Эдуарда короля в делах, касающихся земли и всего прочего, с присоединением к ним того, что я установил для пользы английского народа.

3. ИЗ САКСОНСКОЙ ХРОНИКИ [1086 г.].

Пришел он в день св. Петра в веригах [1] в Сальсбери, и явились здесь к нему его витаны [2] и земельные собственники всей Англии, кто бы они ни были, и все били ему челом и сделались его людьми и поклялись клятвой верности в том, что крепко будут служить ему против всех.

4. ИЗ ДРУГОЙ СОВРЕМЕННОЙ ХРОНИКИ [1086 г.].

Вильгельм король повелел произвести по всей Англии перепись, в которой бы значилось, сколько земли имел каждый из баронов его, сколько рыцарей-ленников, сколько плугов, сколько животных, а также каким количеством скота владел во всем его государстве каждый, от великого до малого, и сколько каждое владение может давать доходов. И угнетена была земля многими бедствиями, отсюда проистекавшими. В неделю пятидесятницы в Вестминстере,

---

[1] Т. е. 1 августа.
[2] Витаны, т. е. мудрые.

где король держал свою курию, он почтил сына своего Генриха рыцарским вооружением. А немного спустя приказал, чтобы архиепископы, епископы, аббаты, графы, бароны, шерифы и рыцари их пришли к нему в августовские календы в Сальсбери. Когда же они пришли туда, заставил рыцарей принести себе клятву верности против всех людей.

5. ИЗ «КНИГИ СТРАШНОГО СУДА».

Здесь записано обследование земель, как их королевские бароны обследовали, именно по клятве шерифа графства, всех баронов и их свободорожденных и всей сотни [1], священника, старосты, шести вилланов из каждой деревни. Именно, как зовется поместье, кто держал его во время Эдуарда короля, кто теперь держит; сколько в нем гайд [2], сколько плугов на господской земле, сколько у людей, сколько вилланов [3], сколько котариев [4], сколько рабов, сколько свободных людей, сколько сокменов [5], сколько леса, сколько луга, сколько мельниц, сколько рыбных ловлей, сколько прибавилось или убавилось; сколько давало все вместе [раньше] и сколько дает теперь; сколько там каждый свободный человек и сокмен имел [прежде] и имеет [теперь]. Все это трижды, именно во времена Эдуарда короля, и когда король Вильгельм дал, и как оно есть теперь; и может ли давать больше, чем дает в настоящее время.

6. ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВИЛЬГЕЛЬМА I ОБ ОТДЕЛЕНИИ ДУХОВНОГО СУДА ОТ СВЕТСКОГО.

Повелеваю и королевскою властью предписываю, чтобы никакой епископ или архидиакон не разбирал больше в сотне дел на основании епископских законов и не представлял дела, которое относится к управлению душами, на суд мирян, но каждый согласно епископским законам, по какому бы делу или преступлению он ни был привлечен к суду, пусть является в место, какое для этого изберет или назначит епископ, и здесь дает ответ по своему делу или преступлению и не согласно с тем, как это делается в сотне, но согласно канонам и епископским законам дает справедливое возмещение богу и своему епископу. Если же кто, преисполненный гордостью, пренебрежет или не пожелает явиться к

---

[1] Сотня — административное подразделение графства.

[2] Гайда — земельный надел, содержавший в среднем около 120 акров (акр равняется приблизительно 0,4 гектара).

[3] Вилланы — крепостные.

[4] Котарии — крепостные крестьяне, владевшие мелкими клочками земли в пределах поместья.

[5] Сокмены — свободные люди, находившиеся под частной юрисдикцией, так называемой «сокой».

епископскому суду, он будет позван один раз, второй и третий, и если и после этого не явится для исправления, то будет отлучен от церкви, и если понадобится для этого принять принудительные меры, то должны быть применены сила и правосудие короля или шерифа. А тот, кто, будучи позван к суду епископа, не пожелает явиться, за каждое приглашение даст возмещение согласно епископскому закону. Запрещаю также и моей властью возбраняю, чтобы шериф или бэйлиф, или слуги короля, или какой-либо мирянин вмешивался в дела, которые подлежат юрисдикции епископа, и чтобы мирянин другого человека помимо суда епископа к суду не приводил. Суд же ни в каком другом месте не будет производиться, кроме епископской резиденции или в том месте, которое для этого епископ назначит.

7. ИЗ ХРОНИКИ ОРДЕРИКА ВИТАЛИЯ (книга 4-я, глава VII).

Этому королю, как рассказывают, поступало денег по 60 тыс. фунтов стерлингов, 30 солидов и 3 обола ежедневно, не считая приношений и судебных выкупов, а также других многочисленных доходов, ежегодно умножавших казну королевскую. Король Вильгельм тщательно обследовал все свое государство и приказал составить правдивое описание всех королевских поместий, как они были во времена короля Эдуарда. Земли же так распределил между рыцарями и такой установил между ними распорядок, что королевство Англии всегда имело (наготове) 60 тыс. рыцарей, которые быстро могли собираться по приказу короля, когда это требовалось.

II. ГЕНРИХ I

(1100—1135 гг.).

1. ИЗ ИДМЕРА.

Генрих, наследовавший тогда королевский престол после брата[1], в самый день коронования своего обещал блюсти для всего народа добрые и святые законы с запрещением и уничтожением всех утеснений и несправедливостей, которые были при брате его во всем его государстве как в церковных делах, так и в светских. Все это он утвердил клятвой и предписал опубликовать по всему королевству, скрепивши своею печатью.

---

[1] Т. е. Вильгельма II Рыжего, правившего с 1087 г. по 1100 г. и убитого во время охоты.

2. ИЗ ХАРТИИ ВОЛЬНОСТЕЙ ГЕНРИХА I [1100 г.].

1. Знайте, что я по божьему милосердию и с общего согласия баронов королевства Англии коронован в короли этого королевства. И так как королевство было утеснено несправедливыми взиманиями, то я из почтения к богу и из любви, которую к вам всем имею, святую божью церковь прежде всего делаю свободною, так что не буду продавать, ни отдавать на откуп и после смерти архиепископа или аббата не буду ничего брать из домена церкви или с людей ее в то время, пока не вступил еще в нее преемник [умершего]. И все худые обычаи, которыми несправедливо было утеснено королевство Англии, отныне уничтожаю, каковые худые обычаи здесь честью излагаю.

2. Если кто из баронов моих, графов или других, которые от меня держат, умрет, наследник его не будет выкупать свою землю, как делал во время брата моего, но будет вносить за нее справедливый и законный рельеф[1]. Подобным же образом и люди [вассалы] баронов моих будут вносить своим сеньерам за свои земли справедливый и законный рельеф.

3. И если кто из баронов или других людей [вассалов] моих захочет выдать замуж свою дочь, или сестру, или племянницу, или внучку, или родственницу, пусть об этом переговорит со мною. Но я ничего не буду брать из ее имущества за разрешение на это и не буду запрещать ему выдавать ее, если только он не захочет соединить ее с врагом моим. И если после смерти барона или другого человека [вассала] моего останется наследницей дочь, я ее буду выдавать по совету баронов моих вместе с ее землей. И если после смерти мужа останется его жена и будет бездетной, она получит свою вдовью часть и приданое, и я не выдам ее замуж иначе, как согласно ее желанию.

4. Если же останется жена с детьми, она получит [свою] вдовью часть и приданое, пока будет согласно закону соблюдать свою телесную чистоту, и я не выдам ее замуж иначе, как согласно ее желанию. Опекуном земли и детей будет или жена или другой из родственников, который должен иметь на это больше прав. И повелеваю, чтобы бароны мои подобным же образом поступали относительно сыновей, дочерей и жен своих людей [вассалов].

12. Крепкий мир во всем королевстве моем установляю и повелеваю впредь его соблюдать.

---

[1] Рельеф — феодальная пошлина при переходе лена по наследству.

III. СТЕФАН

(1136—1153 гг.).

1. ИЗ ХАРТИИ СТЕФАНА.

Я, Стефан, божьей милостью, с согласия клира и народа в короли Англии избранный и Вильгельмом, Кентерберийским архиепископом и святой Римской церкви легатом, посвященный и Инокентием, святого римского престола первосвященником, впоследствии утвержденный, из почтения и любви к богу соглашаюсь на то, чтобы святая церковь была свободна, и подтверждаю должное ей уважение. Обещаю, что в церкви и в делах церковных ничего не буду делать в духе симонии [1] и не буду позволять это делать. Суд над церковными людьми и над всеми клириками и над их имуществом и власть и распределение церковных должностей повелеваю оставлять в руке епископов и подтверждаю. Постановляю и желаю, чтобы права церквей, привилегиями их подтвержденные, и обычаи их, как они были исстари, оставались неприкосновенными. Соглашаюсь на то, чтобы все владения церквей и держания, которые были у них в тот день, когда король Вильгельм, дед мой, был жив и мертв, без всяких притязаний на них с какой бы то ни было стороны, были свободны и безусловны. Если же чего из владеемого ею раньше смерти этого короля каким-либо образом не оказывается, и церковь потребует его теперь, я оставляю на свое благоусмотрение или возвратить или обсудить это дело. А то, что после этого короля было передано им щедротами королей или щедростью князей [и приобретено] у верных путем дарения, покупки или мены, утверждаю. Обещаю во всем соблюдать и по мере сил моих охранять мир и справедливость...

Все поборы и несправедливости и незаконные судебные взыскания, введенные неправильно или шерифами или кем-либо другим, совершенно искореняю. Добрые законы и старинные справедливые обычаи в делах о тайных убийствах и в тяжбах и в других делах буду соблюдать и повелеваю и постановляю соблюдать. Это все жалую и подтверждаю, оставляю неприкосновенным королевское и справедливое достоинство мое.

2. ИЗ СОВРЕМЕННОЙ ХРОНИКИ.

Написано об одном периоде в истории древнего народа: «В эти дни не было царя во Израиле, но каждый делал то, что было правом в собственных его глазах». Но еще хуже было в Англии в дни короля Стефана. Ибо, так как король был тогда бессилен, а закон был слаб вследствие бессилия короля, то некоторые действительно делали то, что было правом в их собственных глазах;

[1] Симония — продажа церковных должностей за деньги.

но тем с большей охотой многие делали то, о чем по естественному разуму они знали, что это несправедливость, так что страх перед законом и королем исчез совершенно. Вначале казалось, что королевство разорвалось надвое, и одни склонились на сторону короля, другие на сторону императрицы[1]. Ни король, ни императрица не имели действительной власти над своей частью каждый... Ни он, ни она не могли ввести в ряды своих сторонников дисциплины, но каждый позволял им всякого рода произвол из страха потерять их. Стороны долгое время сражались с переменным счастьем. С течением времени, утомленные неверностью счастья, они стали сражаться с меньшей энергией. Но от этого Англии не стало лучше, ибо в то время, когда они устали от продолжительной борьбы и стали действовать более вяло, в провинции раздоры знати продолжали свирепствовать. В каждой провинции стараниями партий возникло множество замков, и в Англии было столько королей, вернее тиранов, сколько было владельцев замков, и каждый имел право чеканить собственную монету и, подобно королю, творить суд над подданными. А так как каждый стремился к такому преобладанию, что некоторые не могли допускать существования кого-либо выше себя, другие — даже равных себе, то они сражались со смертельной ненавистью, огнем и мечом разоряли прекраснейшие местности, и в стране, которая была некогда самой плодородной, они истребили почти весь хлеб.

3. ИЗ ДРУГОЙ СОВРЕМЕННОЙ ХРОНИКИ.

Все сделались клятвопреступниками и нарушили свою верность королю, ибо каждый богатый человек построил себе замки и укрепил их против короля, и земля наполнилась замками. Они сильно притесняли несчастный народ, заставляя его работать при сооружении этих замков, а когда постройка их была окончена, они наполнили их дьяволами и лихими людьми. Тогда они хватали тех, у кого подозревали какое-нибудь имущество, ночью и днем, мужчин и женщин, и заключали их в тюрьмы ради их золота и серебра и мучили их муками несказанными. Они вешали людей за ноги и коптили их в смрадном дыму. Некоторых они вешали за большие пальцы, других за голову и жгли им ноги, поджигая подвязанные к ногам тряпки. Они обвертывали головы людей узловатыми веревками и закручивали их до тех пор, пока не вылезал мозг. Они сажали людей в темницы, где кишели жабы и змеи, и там подолгу мучили их. Некоторых они клали в короткие, узкие и неглубокие ящики, на дне усыпанные острыми камнями, и так всовывали туда людей, что они переламывали себе кости. Во многих замках находились отвратительные и ужасные цепи,

[1] Имеется в виду Матильда, дочь Генриха I, вдова германского императора, вышедшая замуж за графа Анжуйского. Сын ее Генрих II положил начало династии Анжуйцев или Плантагенетов в Англии.

именуемые лисой, такие тяжелые, что поднять их можно было только вдвоем или втроем. Эти цепи прикреплялись к бревну и своей острой стороной окружали шею человека, так что он не мог ни сидеть, ни лежать, ни спать, и в такую-то тяжелую лису заковывали одного человека. Многие тысячи людей они уморили голодом... И это положение вещей продолжалось девятнадцать лет, пока Стефан был королем, и все становилось хуже и хуже. Они постоянно взимали подать с городов, и, когда несчастные жители ничего больше не имели, что бы могли дать им, они грабили и жгли города, так что можно было пройти целый день и не встретить ни одного человека, поселенного в городе, ни возделанных земель.

IV. ГЕНРИХ II
(1154—1189 гг.).

1. ИЗ СОВРЕМЕННОЙ ХРОНИКИ.

Король Генрих начал возвращать под свою власть города, замки и поместья, которые принадлежали короне[1]. Вновь возведенные замки он разрушал и изгонял из государства фламандцев[2]. Самозванных и ложных графов, которым король Стефан неосторожно роздал почти все доходы казны, он низлагал.

2. ИЗ ВЕЛИКОЙ АССИЗЫ.

7. Великая ассиза есть некое королевское благодеяние, милостью государя по совету магнатов народам пожалованное, которым жизни людей и целости государства оказывается такая спасительная забота, что если кто желает сохранить за собой право на ту землю, какою он владеет как свободным держанием, то люди могут отстранить двусмысленный исход поединка... Ибо в то время как поединок возникает из свидетельства одного присяжного, это установление требует присяги по меньшей мере двенадцати полноправных людей.

Начинают дело по этой ассизе в таком порядке. Тот, кто с самого начала положил себя на ассизу[3], испросит приказ о мире[4] для того, чтобы впредь не быть привлеченным в суд противником силою приказа, благодаря которому между ними перед этим воз-

[1] Не были расхищены во времена смуты при короле Стефане.
[2] То есть выходцев с континента.
[3] То есть просит, чтобы его дело разбиралось в суде с присяжными.
[4] Приказ о прекращении дела, уже начатого в обычном порядке.

никло судебное дело о держании, из-за которого держащий положил себя на ассизу.

10. Посредством таких приказов приобретает мир тот, кто держит и кладет себя на ассизу до тех пор, пока противник, явившись в курию, испросит другой приказ, чтобы четырьмя полноправными рыцарями из графства и из соседства было избрано двенадцать полноправных рыцарей из того же соседства, которые под присягою скажут, кто из тяжущихся имеет больше права на искомую землю.

17. Затем приступали к расследованию, хорошо ли известно самое право самим присяжным или же некоторые знают, а некоторые не знают или никто не знает. Если никто из них не знал правды об этом, и это было засвидетельствовано в курии клятвою их, то следовало обратиться к другим, пока не найдутся такие, которые знают правду об этом деле. Если же некоторые из них знали правду об этом, а некоторые не знали, тогда, отстранив незнающих, следует призвать в курию других, пока не найдется по крайней мере двенадцати согласных в этом. Затем, если некоторые из них будут говорить в пользу одного, а некоторые в пользу другого из тяжущихся, должны быть присоединены к ним другие, пока по крайней мере двенадцать будут согласны показывать в пользу той и другой стороны. Каждый из тех, кто был призван для этого, должен присягнуть, что он не будет говорить об этом неправды и, зная, не будет скрывать правды, а чтобы иметь знание тех, кто приносит присягу об этом, требуется, чтобы они знали об этом через посредство собственного зрения и слуха или со слов своих отцов или со слов, которым бы они верили как собственным...

3. ИЗ КЛАРЕНДОНСКОЙ АССИЗЫ [1166 г.].

Начинается Кларендонская ассиза, изданная королем Генрихом, т. е. II, с согласия архиепископов, епископов, аббатов, графов и баронов всей Англии.

1. Прежде всего постановил названный выше король Генрих по совету всех баронов своих для охраны мира и сохранения правосудия, чтобы по отдельным графствам производилось расследование и по отдельным сотням через посредство двенадцати полноправных людей сотни и через посредство четырех полноправных людей каждой деревни под клятвой, что они будут говорить правду: есть ли в их сотне или в их деревне какой-либо человек, которого на основании фактических данных или по слухам обвиняют в том, что он разбойник, тайный убийца или грабитель, или такой, который есть укрыватель разбойников, или тайных убийц или грабителей после того, как государь король стал королем.

И это судьи пусть расследуют в своем присутствии, а шерифы в своем.

2. И если окажется, что обвиняемый на основании фактических данных или на основании слухов, на основании клятвенных показаний, названных выше, есть действительно разбойник, или тайный убийца, или грабитель, или укрыватель их после того, как государь король стал королем, то он должен быть арестован и подвергнут испытанию водой и даст клятву, что не был разбойником, или тайным убийцею, или грабителем, или укрывателем их после того, как государь король стал королем.

5. И над теми, кто были арестованы на основании названных выше клятвенных показаний этой ассизы, никто не имеет права суда и никто не может брать себе их имущество, кроме государя короля в своей курии перед судьями его, и государь король будет получать все имущество их. Относительно же тех, которые будут арестованы иначе, чем на основании этой клятвы, пусть будет так, как это обыкновенно бывает и должно быть.

6. И шерифы, которые арестуют их, пусть приводят перед судьею без другого приглашения, кроме того, которое они уже получили. И когда разбойники или тайные убийцы или грабители и укрыватели их, которые были арестованы на основании клятвенных показаний или иным путем, передаются шерифам, эти последние должны принимать их тотчас же без замедления.

7. И в каждом отдельном графстве, где нет тюрем, они должны быть сооружены в бурге или каком-нибудь замке короля на деньги короля и из его дерева, если он находится близко, или из дерева ближайшего леса под наблюдением слуг короля для того, чтобы шефиры могли в них держать под стражей через посредство должностных лиц, которые обыкновенно это делают, и их слуг тех, которые были арестованы.

8. Желает также государь король, чтобы все являлись в собрании графств для принесения этой клятвы, так чтобы никто не оставался дома в силу какой-нибудь имеющейся у него привилегии или в силу того, что он сам имеет свою собственную курию или соку и поэтому может не являться для принесения этой клятвы.

9. Желает также государь король, чтобы те, которые подвергнутся испытанию и выйдут чистыми из испытания, но в то же время пользуются самой дурной славой и по свидетельству многих и полноправных людей считаются способными на самые предосудительные проступки, оставили пределы земель короля, так чтобы в течение восьми дней переехали море, если только их не задержит неблагоприятный ветер, и с первым же благоприятным ветром они переедут море и после этого не вернутся в Англию иначе, как по особой милости государя короля; пусть они будут объявлены поставленными вне закона и если вернутся, должны быть арестованы как поставленные вне закона.

4. ИЗ НОРТГЭМНТОНСКОЙ АССИЗЫ [1176 г.].

Это — ассизы, изданные в Кларендоне и потом записанные в Нортгэмптоне.

1. Если кто будет обвинен перед судьями государя короля в тайном убийстве, или в грабеже, или в разбое, или в укрывательстве людей, делающих это, или в делании фальшивой монеты, или в поджоге клятвенными показаниями двенадцати рыцарей сотни, а если рыцарей не окажется, то клятвенными показаниями двенадцати свободных полноправных людей и клятвенными показаниями четырех человек из каждой деревни сотни, то он идет на испытание водою и, если окажется виновным, теряет одну ногу. А в Нортгэмптоне прибавлено было для усиления суровости юстиции, что он должен вместе с ногой потерять также и правый кулак и должен покинуть королевство, и в течение сорока дней он будет изгнан из королевства. А если выйдет чистым из испытания водою, то должен найти поручителей и пусть остается в королевстве, если только не будет обвинен в тайном убийстве или в другом гнусном преступлении сообща графством или полноправными рыцарями графства, и если он сказанным выше способом будет обвинен в этом, то хотя он вышел из испытания водою невредимым, тем не менее в течение сорока дней он удалится из королевства и имущество свое унесет с собою, без ущерба для права его сеньеров, и оставит королевство, пока на то будет воля государя короля. Ассиза же эта будет сохранять свою силу с того времени, когда издана была ассиза в Кларендоне, без перерыва до этого времени, а с этого времени, пока будет угодно государю королю, в делах о тайном убийстве и об измене, и о поджоге, и во всех названных выше параграфах, за исключением дел о мелких кражах и грабежах, которые были совершены во время войны, как кража и грабеж лошадей и быков и более мелких вещей.

5. ИЗ АССИЗЫ О ВООРУЖЕНИИ [1181 г.].

1. Всякий, кто владеет феодом одного рыцаря, должен иметь панцырь и шлем, щит и копье, и каждый рыцарь должен иметь столько панцырей и шлемов, и щитов, и копий, сколько он имеет рыцарских феодов в своем домене.

2. Всякий же свободный человек светского звания, который имеет движимость или доход стоимостью в 16 марок, должен иметь панцырь и шлем, и щит, и копье; всякий же свободный светского звания, который имеет движимость или доход стоимостью в 10 марок, должен иметь кольчугу и шишак железный и копье.

3. Далее все горожане и вся община свободных людей должны иметь фуфайку и железный шишак и копье.

5. Если кто имеющий это оружие умрет, оружие его должно остаться его наследнику. Если же наследник не будет еще в таком

возрасте, чтобы мог употреблять в дело оружие, когда это понадобится, то тот, кто будет иметь над ним опеку, должен иметь под своей опекой также и оружие и должен найти человека, который мог бы употребить это оружие на службе государю королю до тех пор, пока наследник придет в такой возраст, что будет в состоянии носить оружие, и тогда пусть он и владеет им.

9. Далее, судьи должны произвести расследование под присягой через посредство полноправных рыцарей или других свободных и полноправных людей сотен и городов, скольких найдут нужным, о тех, которые имеют имущество такой ценности, в соответствии с каковой они должны иметь панцырь и шлем, и копье, и щит согласно тому, что сказано выше, т. е. чтобы назвали им [судьям] отдельно всех из своих сотен и соседств и городов, которые имеют 16 марок или движимости и дохода, а также и тех, кто имеет 10 марок. И судьи после этого должны велеть всем этим присяжным и другим занести в список, кто сколько имеет движимости или дохода и какое должен иметь оружие; после этого перед ними в общем собрании они должны заставить прочесть эту ассизу о вооружении и заставить их поклясться, что они будут иметь это оружие сообразно ценности своей движимости или дохода и будут употреблять его на службе государю королю согласно этой названной выше ассизе по повелению и храня верность государю королю Генриху и королевству его. Если же случится, что кто-либо из тех, которые должны иметь это оружие, не окажется в собрании графства к тому сроку, когда судьи были в собрании этого графства, в таком случае судьи назначат ему срок явиться перед ними в собрание другого графства. И если он не явится к ним ни в одно собрание тех графств, которые будут объезжать они [судьи], и его не будет в этой стране, ему должен быть назначен срок явиться в Вестминстер в течение восьми дней после праздника св. Михаила, чтобы быть там для принесения своей присяги, поскольку он любит себя и все свое. И ему должно быть приказано, чтобы в течение названного выше праздника св. Гилярия он уже имел оружие, какое ему следует иметь.

6. ИЗ КЛАРЕНДОНСКИХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ [1164 г.].

3. Клирики, обвиняемые в чем бы то ни было, по приглашению судьи и короля должны явиться в его [короля] курию, чтобы там дать ответ о том, в чем курии короля угодно будет потребовать здесь от них ответа, а также в курию, церковную, если найдут нужным, чтобы здесь дан был ими ответ, и [в этом последнем случае] судья короля пошлет в курию святой церкви [своего человека], чтобы видеть, как там будет разбираться это дело. И если клирик будет изобличен в преступлении или сам сознается в нем, впредь церковь не должна оказывать ему своей защиты.

7. Никто, кто держит непосредственно от короля, и никто из его слуг домениальных не будет подвергаться отлучению от церк-

ви, и земли никого из них не будут объявляться находящимися под интердиктом, если предварительно об этом не будет сделано представление государю королю, если он будет в это время находиться в стране, или его судье, если он [король] будет находиться за пределами королевства, чтобы он по праву разрешил это дело, и чтобы таким образом то, что будет относиться к королевской курии, в ней и было решено, а то, что будет относиться к церковной курии, было направлено в нее, чтобы там подвергнуться рассмотрению.

8. Относительно апелляций, если бы они возникли, то они должны итти от архидиакона к епископу, от епископа к архиепископу. И если архиепископ не окажется в состоянии дать справедливое решение, то в последней инстанции надлежит обращаться к государю королю, чтобы по его повелению спор был окончательно решен в курии архиепископа, так что нет надобности дальше итти без согласия государя короля.

16. Сыновья крестьян не должны посвящаться в духовный сан без согласия сеньера, на чьей земле они признаны родившимися.

Сделана же запись названных выше обычаев и неотъемлемых привилегий королевских названными выше архиепископами, и епископами, и графами, и баронами и знатнейшими и древнейшими по роду своему в королевстве в Кларендоне за четыре дня до очищения блаженной Марии приснодевы в присутствии здесь сеньера Генриха вместе с отцом своим государем королем. Есть много и других и важных обычаев и неотъемлемых привилегий святой матери церкви и государя короля и баронов королевства, которые не содержатся в этом рукописании. И пусть будут они невредимы для святой церкви, и государя короля, и для наследников его, и для баронов королевства и навсегда нерушимо соблюдаются.

V. ИОАНН БЕЗЗЕМЕЛЬНЫЙ

(1199—1216 гг.).

1. ИЗ ХРОНИКИ МАТВЕЯ ПАРИЖСКОГО [1214 г.].

Николай, Тускуланский епископ и апостолического престола легат, торжественно провозгласил в день апостолов Петра и Павла в кафедральной церкви св. Павла отмену интердикта[1]. Король Англии Иоанн, окончивши за морем дела свои, в четырнадцатые ноябрьские календы вернулся в Англию[2]. Под угрозой этой бури

[1] Имеется в виду отмена папского интердикта, наложенного в 1208 г. на Англию.

[2] После поражения, нанесенного королю и его союзникам на континенте Филиппом-Августом.

собрались у св. Эдмунда графы и бароны Англии как будто бы для богомолья, хотя в действительности было другое. Ибо, когда они долгое время совместно и тайно вели совещание, ходила среди них некая грамота короля Генриха I, которую означенные бароны получили от Стефана, архиепископа Кентерберийского, в городе Лондоне. И вот сошлись все в церкви св. Эдмунда и по почину магнатов поклялись над большим алтарем, что если король не согласится дать им вышеназванные законы и вольности, они будут вести с ним войну и уклоняться от соблюдения верности ему до тех пор, пока он не утвердит за ними всех их требований грамотой, скрепленной его печатью. И порешили в конце концов на том, чтобы после праздника рождества христова всем вместе явиться к королю и требовать утверждения вышеписанных вольностей, а тем временем позаботиться о конях и оружии, чтобы на случай, если король вздумает отступить от своей клятвы, что они считали вполне возможным, зная его двуличность, они могли бы захватом королевских замков немедленно заставить его удовлетворить их требования.

2. ИЗ МАТВЕЯ ПАРИЖСКОГО [1215 г.].

А вышепоименованные магнаты, явившиеся к королю в блестящих доспехах[1], требовали утверждения неких вольностей и законов Эдуарда короля, вместе с другими вольностями, пожалованными королевству Англии и английской церкви, как о том написано в хартии короля Генриха I и в вышеназванных законах... Король же, выслушавши их..., просил перемирия до конца праздника пасхи... Тем временем, желая оградить себя в дальнейшем, он распорядился, чтобы поклялись ему по всей Англии клятвою верности против всех людей и возобновили вассальную зависимость. А чтобы обезопасить себя еще лучше, в день очищения блаженной Марии он принял крест господень[2]... В неделю пасхи собрались у Стэмфорда магнаты... Насчитывали в войске том две тысячи рыцарей, кроме оруженосцев и пехотинцев... Главным советником у них был Стефан, архиепископ Кентерберийский... В ближайшую пятницу после пасхальной недели сошлись упомянутые магнаты в Брэкли[3]. Король послал к ним архиепископа Кентерберийского и Вильгельма Маршала, графа Пемброка, чтобы разузнать, каких это законов и вольностей они требуют. Они же вручили посланным грамоту, содержавшую в большей своей части древние законы и обычаи королевства... Тогда архиепископ и сопровождавшие его вернулись с грамотой той к королю и прочитали в его присутствии все по отдельным главам... Однако архиепископ и Вильгельм Маршал никак не могли склонить коро-

[1] Речь идет о событии, происходившем тотчас же после рождественских праздников.

[2] То есть дал обет крестоносца.

[3] В графстве Нортгэмптонском.

ля к соглашению и, по приказанию короля, вернулись к баронам... Магнаты... назначили Роберта Фиц-Уолтера вождем войска... и в боевом порядке двинулись к Нортгэмптону, но, ничего не сделав, пошли к замку Бедфорду... Явились там к ним посланные от города Лондона и тайно им сообщили, чтобы спешили в город, если хотят свободно войти в него... И вот в девятые календы июня без всякого шума вступили в Лондон... Заручившись помощью горожан, разослали письма к графам, баронам и рыцарям, державшим еще сторону короля, хотя и притворно... Большая часть этих последних, получивши приказание баронов, направилась в Лондон и, покинувши короля, присоединилась к означенным баронам... Днем, в который король должен был притти к ним для переговоров на лугу между Стэнсом и Виндзором[1], назначили 15 июня... И вот, наконец,... король Иоанн, видя, что силы его неравны силам баронов..., законы и вольности им пожаловал.

3. ИЗ ВЕЛИКОЙ ХАРТИИ ВОЛЬНОСТЕЙ [1215 г.].

Иоанн, божьей милостью король Англии, сеньер Ирландии, герцог Нормандии и Аквитании, граф Анжу, архиепископам, епископам, аббатам, графам, баронам, юстициариям, чинам лесного ведомства, шерифам, бэйлифам, слугам и всем должностным лицам и верным своим привет. Знайте, что мы по божьему внушению и для спасения души нашей и всех предшественников и наследников наших, в честь бога и для возвышения святой церкви...

1. Во-первых, дали пред богом свое согласие и настоящей хартией нашей подтвердили за нас и за наследников наших на вечные времена, чтобы английская церковь была свободна и владела своими правами в целости и своими вольностями в неприкосновенности...

12. Ни щитовые деньги, ни [какое-либо иное] пособие не должны взиматься в королевстве нашем иначе, как по общему совету королевства нашего, если это не для выкупа нашего из плена и для возведения в рыцари перворoдного сына нашего и для выдачи первым браком замуж дочери нашей перворoдной; и для этого должно выдавать лишь умеренное пособие; подобным же образом надлежит поступать и относительно пособий с города Лондона.

13. И город Лондон должен иметь все древние вольности и свободные свои обычаи как на суше, так и на воде. Кроме того, мы желаем и соизволяем, чтобы все другие города и бурги, и местечки, и порты имели все вольности и свободные свои обычаи.

14. А для того, чтобы иметь общий совет королевства при обложении пособием в других случаях, кроме трех вышеназванных, или для обложения щитовыми деньгами, мы повелим позвать архиепископов, епископов, аббатов, графов и старших баронов нашими письмами каждого отдельно и, кроме того, повелим позвать

---

[1] Речь идет о знаменитой долине Рэннимид, где была подписана королем Великая хартия вольностей.

огулом, через шерифов и бэйлифов наших, всех тех, кто держит от нас непосредственно.

15. Мы не позволим впредь никому брать пособие со своих свободных людей, кроме как для выкупа его из плена и для возведения в рыцари его перворождного сына и для выдачи замуж первым браком его первородной дочери; и для этого надлежит брать лишь умеренное пособие.

16. Никто не должен быть принуждаем к несению большей службы за свой рыцарский лен или за другое свободное держание, чем та, какая следует с него.

17. Общие тяжбы не должны следовать за нашей курией, но должны разбираться в каком-нибудь определенном месте.

20. Свободный человек будет штрафоваться за малый проступок только сообразно роду проступка, а за большой проступок будет штрафоваться сообразно важности проступка, причем должно оставаться неприкосновенным его основное имущество, таким же образом [будет штрафоваться] и купец, и его товар останется неприкосновенным; и виллан таким же образом будет штрафоваться, и у него останется неприкосновенным его инвентарь, если он подвергнется штрафу с нашей стороны; и никакой из названных выше штрафов не будет наложен иначе, как на основании клятвенных показаний честных людей из соседей [обвиняемых].

35. Одна мера вина пусть будет по всему нашему королевству, и одна мера пива, и одна мера хлеба, именно лондонская четверть, и одна ширина крашеных сукон и некрашеных и сукон для панцырей, именно два локтя между краями; то же, что о мерах, пусть относится и к весам.

39. Ни один свободный человек не будет арестован и заключен в тюрьму, или лишен имущества, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо [иным] способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его и по закону страны.

40. Никому не будем продавать права и справедливости, никому не будем отказывать в них или замедлять их.

41. Все купцы должны иметь право свободно и безопасно выезжать из Англии и въезжать в Англию, и пребывать, и ездить по Англии как по суше, так и по воде, для того чтобы покупать и продавать без всяких незаконных пошлин, уплачивая лишь старинные и справедливые, обычаем установленные пошлины, за исключением военного времени; и если они будут из земли, воюющей против нас, и если такие окажутся в нашей земле в начале войны, они должны быть задержаны без ущерба для их тела и имущества, пока мы или великий юстициарий наш не узнает, как обращаются с купцами нашей земли, находящимися тогда в стране, воюющей против нас; и если наши там в безопасности, то те и другие должны быть в безопасности в нашей земле.

52. Если кто был лишен нами, без законного приговора своих пэров, [своих] земель, [своих] замков, [своих] вольностей или свое-

го права, мы немедленно же вернем ему их; и если об этом возникла тяжба, пусть будет решена она по приговору двадцати пяти баронов, о которых сделано упоминание ниже, где идет речь о гарантии мира; относительно же всего того, чего кто-либо был лишен без законного приговора своих пэров королем Генрихом, отцом нашим, или королем Ричардом, братом нашим, и что находится в наших руках или чем другие владеют под нашим обеспечением, мы получим отсрочку до конца обычного срока принявших крест; исключение составляет то, о чем уже начата тяжба или начато расследование по нашему повелению перед принятием нами креста; когда же мы вернемся из нашего паломничества или если случится, что воздержимся от нашего паломничества, мы немедленно же окажем относительно этого полную справедливость.

61. После же того, как мы для бога и для улучшения королевства нашего и для более успешного умиротворения раздора, родившегося между нами и баронами нашими, все это вышеозначенное пожаловали, желая, чтобы они пользовались этим прочно и нерушимо на вечные времена,— создаем и жалуем им нижеписанную гарантию, именно: чтобы бароны избрали двадцать пять баронов из королевства, кого пожелают, которые должны всеми силами блюсти и охранять и заставлять блюсти мир и вольности, какие мы им пожаловали и этой настоящей хартией нашей подтвердили, таким именно образом, чтобы если мы или наш юстициарий, или бэйлифы наши, или кто-либо из слуг наших в чем-либо против кого-либо погрешим или какую-либо из статей мира или гарантии нарушим и нарушение это будет указано четырем баронам из вышеназванных двадцати пяти баронов, эти четыре барона явятся к нам или юстициарию нашему, если мы будем находиться за пределами королевства, указывая нам нарушение, и потребуют, чтобы мы без замедления исправили его. И если мы не исправим нарушения или, если мы будем за пределами королевства, юстициарий наш не исправит [его] в течение времени сорока дней, считая с того времени, когда было указано нам или юстициарию нашему это нарушение, если мы находились за пределами королевства, то вышеназванные четыре барона докладывают об этом остальным из двадцати пяти баронов, и те двадцать пять баронов совместно с общиною всей земли будут принуждать нас и теснить нас всеми способами, какими только могут, т. е. путем захвата замков, земель, владений и всеми другими способами, какими могут, пока не будет исправлено [нарушение] согласно их решению; неприкосновенной остается при этом наша личность и личность королевы и детей наших; а когда исправление будет сделано, они опять будут повиноваться нам, как делали прежде. И кто в стране захочет, принесет клятву, что для исполнения всего вышеназванного будет повиноваться приказаниям вышеназванных двадцати пяти баронов и что будет теснить нас по мере сил своих вместе с ними, и мы открыто и свободно даем разрешение каждому давать присягу, кто пожелает дать ее, и никому никогда не препят-

ствуем дать присягу. Всех же в стране, которые сами добровольно не пожелают давать присяги двадцати пяти баронам относительно принуждения и теснения нас совместно с ними, мы заставим дать присягу, как сказано выше. И если кто-либо из двадцати пяти баронов умрет или удалится из страны или каким-либо иным образом лишится возможности выполнить вышеназванное, остальные из вышеназванных двадцати пяти баронов должны избрать по собственному решению другого на его место, который подобным же образом принесет присягу, как и прочие. Во всем же, что поручается исполнять тем двадцати пяти баронам, если случится, что сами двадцать пять будут присутствовать и между ними о чем-либо возникнет несогласие или если некоторые из них, получив приглашение, не явятся, или не будучи в состоянии явиться или не пожелав, пусть считается решенным и твердым то, что большая часть тех, что присутствовали, постановила или повелела, так, как будто бы согласились на этом все двадцать пять; и вышеназванные двадцать пять должны принести присягу, что все вышесказанное будут исполнять верно и заставлять [других] исполнять всеми зависящими от них способами. И мы ничего ни от кого не будем домогаться как сами, так и через кого-либо другого, благодаря чему какая-либо из этих уступок или вольностей могла бы быть отменена или уменьшена; и если бы что-либо такое было достигнуто, пусть оно считается недействительным и не имеющим значения, и мы никогда не воспользуемся им ни сами, ни через посредство кого-либо другого.

VI. НАЧАЛО АНГЛИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА.

1. ПРИГЛАШЕНИЕ ГРАФА NN В ПАРЛАМЕНТ [1265 г.] [1].

Король возлюбленному родственнику и верному своему Эдмунду, графу Корнуолла, привет. Так как необходимо позаботиться о мерах против опасностей, которые в эти дни угрожают всему королевству нашему, и мы желаем иметь с вами и прочими королевства нашего магнатами совещание и рассуждение, то мы повелеваем вам именем верности и любви, которые вы имеете к нам, крепко наказывая, чтобы в воскресенье, ближайшее после праздника святого Мартина зимнего, вы лично присутствовали в Вестминстере для того, чтобы обсудить, постановить и исполнить вместе с нами и с прелатами и прочими магнатами и другими жителями королевства нашего то, с помощью чего следует устранить эти опасности. Засвидетельствовано королем в Кентербери в первый день октября.

[1] Подобные приглашения отправлены были семи графам и сорока одному барону.

2. ПРИГЛАШЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГРАФСТВ И ГОРОДОВ В ТОТ ЖЕ ПАРЛАМЕНТ.

Король шерифу Нортгэмптоншира. Так как мы хотим иметь совещание и рассуждение с графами, баронами и прочими магнатами королевства нашего, чтобы позаботиться о мерах против опасностей, которые в эти дни угрожают этому королевству, вследствие чего и повелели им, чтобы они прибыли к нам в воскресенье, ближайшее после праздника св. Мартина зимнего, в Вестминстер, чтобы обсудить, постановить и исполнить то, с помощью чего следует устранить эту опасность, мы предписываем тебе, крепко наказывая, чтобы ты распорядился без замедления избрать и к нам в указанный выше день и место отправить от названного выше графства двух рыцарей и от каждого города этого же графства двух граждан и от каждого бурга двух граждан из более выдающихся и более способных к труду, так чтобы названные рыцари полную и достаточную власть за себя и за общину названного выше графства, а названные граждане и горожане за себя и за общину названных выше городов и бургов отдельно от них здесь тогда имели делать то, что будет тогда по общему совету постановлено касательно того, о чем была речь выше, так чтобы за отсутствием этой власти названное выше дело никоим образом не оставалось бы несделанным. И ты должен иметь здесь имена рыцарей, граждан и горожан и этот приказ. Засвидетельствовано королем в Кентербери 3 дня октября.

3. ИЗ СТАТУТА О НЕНАЛОЖЕНИИ ПОДАТЕЙ [1297 г.].

1. Никакой налог или пособие не будет впредь налагаться или взиматься в королевстве нашем без воли и общего согласия архиепископов, епископов и других прелатов, графов, баронов, рыцарей, горожан и других свободных людей в королевстве нашем.

VII. ВОССТАНИЕ УОТА ТАЙЛЕРА.

ИЗ АНОНИМНОЙ ХРОНИКИ АББАТСТВА СВ. МАРИИ В ИОРКЕ.

После того, как в 1380 г. в Нортгэмптонском парламенте были с легким сердцем разрешены субсидии и разным лордам и общинам показалось, что названные субсидии не были добросовестно собраны, но, как общее правило, взыскивались с бедных, а не

с богатых, к великой пользе и выгоде сборщиков, вводя в обман короля и общины, Королевский совет назначил несколько комиссий для расследования в каждой деревне, как эти субсидии взимались. Одно из таких поручений было отправлено в Эссекс некоему Томасу Бамптону, сенешалу одного лорда, который занимал в этой местности высокое положение, вроде короля или великого магната. Перед пятидесятницей он устроил заседание комиссии в деревне Брентвуд в Эссексе для производства расследования, огласил присланное ему поручение собрать деньги, которых нехватало, и произвести расследование о том, как сборщики собирали вышеназванную субсидию. Он велел явиться к нему деревням ближайшей сотни и пожелал взять с них новую субсидию, наказав людям этих деревень произвести старательное расследование и дать ему ответ и уплатить, что с них следует. Среди этих деревень был Фоббинг, и все его люди дали ответ, что они не желают платить ни одного пенни, потому что у них есть квитанция, полученная от него самого в уплате этой субсидии. Тогда названный Томас сильно пригрозил им, а с ним было два сержанта нашего сеньера короля. И, боясь зла от него, люди Фоббинга стали совещаться с людьми Кэррингэма, и люди этих двух деревень поднялись и стали собираться вместе и обратились к людям Станфорда восстать вместе с ними для пользы их всех. Затем люди трех этих деревень собрались вместе в числе ста и более и с общего согласия пришли к названному Томасу Бамптону и без всякой церемонии дали ему ответ, что они не желают иметь с ним никакого дела и не намерены платить ни одного пенни. Тогда названный Бамптон приказал сержантам арестовать этих людей и посадить их в тюрьму. Но люди этих деревень воспротивились им и не желали быть арестованными, но намеревались убить названного Томаса и названных сержантов, вследствие чего вышеназванный Томас бежал в Лондон к Королевскому совету, а люди эти ушли в леса, боясь его злобы, и там укрывались долгое время, пока едва не умерли от голода, а затем стали ходить из деревни в деревню, чтобы побуждать других людей восстать против больших лордов и состоятельных людей страны. И по причине этих происшествий, случившихся с названным Томасом, сэр Роберт Белкнап, главный судья общей скамьи нашего сеньера короля [Королевской скамьи], был послан в графство с полномочиями произвести расследование и суд по этим делам, и перед ним было выставлено много обвинений против разных людей, вследствие чего люди этого графства были в таком страхе, что собирались бросить свои усадьбы. Вследствие этого общины восстали против него и пришли к нему и заявили, что он изменник короля и королевства и что лишь по злобе и злоумышлению он хотел выставить их недоимщиками с помощью ложного расследования, перед ними произведенного, и заставили его поклясться на библии, что впредь он никогда не будет устраивать таких сессий и не будет судьей в таких расследованиях. И они заставили его сообщить имена

всех присяжных, причем всех их, кого только могли схватить, обезглавили и предали смерти, а их дома сравняли с землей. Названный сэр Роберт со всей поспешностью отправился во-свояси. После этого названные общины собрались перед пятидесятницей в числе пятидесяти тысяч, и они отправились к манорам в деревнях тех, которые не хотели восставать вместе с ними, и сравняли их с землей или предали их огню. Тогда же они схватили трех клерков вышеназванного Томаса Бамптона и отрубили им головы и носили их головы с собою изо дня в день на кольях для примера другим и намеревались убить всех законоведов и всех присяжных и слуг короля, каких только могли найти. В это время все магнаты этого графства и другие сильные люди бежали в Лондон и другие графства, где только они могли спастись. Затем общины разослали разные письма в Кент и Суфольк и Норфольк, чтобы они восстали вместе с ними, и когда они собрались, то затем разбрелись отдельными бандами, чиня великое зло в каждом округе. И после этого общины Кента без главы и без предводителя стали собираться со дня на день в большом числе, и в пятницу после пятидесятницы они пришли в Дартфорд и устроили совещание и постановили, чтобы никто из тех, кто жил вблизи моря в любом месте, в расстоянии двенадцати миль, не шел с ними, но оставался там, чтобы защищать берега моря от врагов, говоря между собою, что существует королей больше, чем один, и они не желают терпеть и иметь другого короля, кроме короля Ричарда. И в это же время общины Кента явились в Мэдстон и отрубили голову одному из лучших людей города и сравняли с землей разные дома и владения людей, которые не хотели восставать вместе с ними, как это было сделано в Эссексе, а в ближайшую пятницу после этого они пришли в Рочестер и здесь встретили большое число общин Эссекса и... осадили замок... И они сильно напирали на замок, а комендант замка мужественно защищал его полдня, но, наконец, из страха, который он ощутил перед таким бунтом и перед толпой людей без разума из Эссекса и Кента, он сдал им замок... И здесь они сделали своим предводителем Уота Тайлера из Мэдстона, чтобы он поддерживал их и давал им советы. А в ближайший понедельник после праздника троицы пришли они в Кентербери около полудня, и 4 тыс. из них вошли в собор св. Фомы во время торжественной обедни, и, набожно преклонив колена, все затем в один голос закричали монахам, чтобы они приготовились избрать одного из монахов архиепископом Кентерберийским, потому что тот, кто состоит им теперь, изменник и будет обезглавлен за свою несправедливость. И это и сталось с ним через пять дней...

В это время общины имели своим советником одного капеллана с дурною славою по имени сэр Джон Болл, каковой сэр Джон Болл советовал им убрать всех лордов и архиепископа и епископов, аббатов и приоров и многих монахов и каноников, так чтобы не было ни одного епископа в Англии, кроме архиепископа, каким будет он сам, и ни одного монаха, каноника в религиозной

обители, кроме двух, и что их владения должны быть поделены между мирянами. За это он считался среди общин пророком и изо дня в день трудился над тем, чтобы укрепить их в их злобе, и за это получил впоследствии достойную награду, когда из него выпустили внутренности, а затем повесили его и обезглавили как изменника. После этого сказанные общины ходили по разным деревням и поднимали людей, одних по доброй их воле, других против их воли, так что их собралось добрых 60 тыс. И, идя к Лондону, они встретили разных законоведов и двенадцать рыцарей государя нашего этой страны и схватили их и заставили их дать им клятву, что они будут поддерживать их, иначе они будут обезглавлены. Они наделали много бед в Кенте и в частности Томасу Газельдену, слуге герцога Ланкастерского, из ненависти, какую они имели к сказанному герцогу, ибо они сравняли с землей его маноры, а также растащили его постройки, продали его скот, лошадей, его хороших коров, овец и свиней и всякого рода хлеб в зерне по самой дешевой цене. Они все хотели иметь его голову и голову сэра Томаса Оргрева, заведывающего приемом денег и помощника казначея Англии.

Когда услышал об их деяниях король, он отправил к ним своих посланцев в среду, ближайшую после названного праздника троицы, чтобы узнать, почему они так поступают и по какой причине они восстали на его земле. И они отправили через сказанных посланцев ответ, что они восстали для спасения его и для того, чтобы уничтожить изменников его и королевства. И сказанный король во второй раз послал сказать им, чтобы они перестали делать то, что они делали, из уважения к нему, чтобы он мог поговорить с ними, и что он сделает согласно их желанию резонные исправления того, что было сделано худого. И общины из чувства расположения к нему через его посланцев просили сказать ему, что они хотят видеть его и говорить с ним на Блэкгизе. И король в третий раз послал сказать им, что он охотно прибудет к ним на другой день в час заутрени, чтобы услышать от них об их намерениях. В это время король был в Виндзоре. Со всей поспешностью, с какой он только мог, он отправился в Лондон; тогда мэр и уважаемые люди Лондона вышли к нему навстречу и проводили его в безопасности в цитадель [Тауэр] Лондона. Здесь собрались весь Совет и все сеньеры из окрестностей, т. е. архиепископ Кентерберийский, канцлер Англии, и епископ лондонский, и магистр госпиталя св. Иоанна в Клеркенвелле, тогдашний казначей Англии, и другие, числом 600.

Накануне дня тела христова пришли общины Кента на Блэкгиз, в трех милях от Лондона, в числе 50 тыс., чтобы ждать короля, и развернули два знамени св. Георгия и сорок небольших флагов. И общины Эссекса подошли с другой стороны воды в числе 60 тыс., чтобы помочь им и получить ответ от короля... И тогда в среду король, находясь в цитадели Лондона [Тауэре] и думая, как уладить дело, приказал приготовить барку и взял с собою на

свою барку архиепископа и казначея и других из своего Совета, а четыре другие барки — для своей свиты и двинулся к Гриничу, в трех милях от Лондона. И здесь сказанный архиепископ и казначей сказали королю, что будет великим безумием отправляться к ним, потому что они люди без разума и не умеют вести себя пристойно. Но сказанные общины Кента по причине того, что король не захотел прибыть к ним благодаря увещаниям канцлера и казначея, отправили к нему петицию, требуя, чтобы он дал им головы герцога Ланкастерского и пятнадцати других лордов... На это король не хотел дать своего согласия, вследствие чего они отправили к королю одного йомена с просьбой, чтобы он прибыл к ним и поговорил с ними, и он отвечал, что он и сам хотел это сделать, но сказанные канцлер и казначей посоветовали ему повернуть назад, и велел им сказать, что, если они хотят притти в ближайший понедельник в Виндзор, там они получат от него приличествующий ответ.

И сказанные общины имели между собою пароль: «Ты кого держишься», и ответ был: «Короля Ричарда и верных общин», и те, кто не знал или не хотел так ответить, обезглавливались и предавались смерти.

И в это время прибыл один рыцарь со всей поспешностью, с какой только мог, крича, чтобы король подождал. Король вздрогнул от этого и ждал его прихода, чтобы услышать, что он хотел сказать. И сказанный рыцарь явился к королю и сообщил ему со слов одного слуги, который был взят ими в тот день, что если он прибудет к ним, то вся страна будет потеряна, потому что он не уйдет от них ни за что, но они будут водить его с собой по всей Англии, и они заставят его дать им все, чего они ни пожелают, и что их намерение перебить всех сеньеров и знатных дам, и всех архиепископов, епископов, аббатов и приоров, монахов и каноников, приходских священников и викариев по подстрекательству и совету вышесказанного сэра Джона Болла.

Вследствие этого король вернулся в Лондон как только мог скорее и прибыл в Тауэр в час третий. А в это время вышесказанный человек, называемый йомен, поспешил на Блэкгиз, крича своим товарищам, что король удалился и для них будет хорошо итти в Лондон и выполнить свое намерение в тот же день, в среду. Перед часом вечерни общины вошли в большом числе — 60 тыс.— в Саусверк, где находилась тюрьма Маршалси. И они ворвались в нее и разрушили все дома Маршалси и вывели из тюрьмы всех заключенных, которые были заключены сюда за долги или за преступление, и затем сравняли с землей прекрасную усадьбу Джона Имуорта, тогдашнего маршала Маршалси из [суда] Королевской скамьи и стража заключенных в этом месте, и все дома присяжных и стряпчих, принадлежащих к Маршалси, разрушали в течение всей ночи. А в это же время общины Эссекса подошли к Ламбету близ Лондона, манору архиепископа Кентерберийского, и вошли в дома и разрушили большое количество добра сказанного

архиепископа и бросили в огонь все книги регистра и свитки мемориалов, принадлежащие канцлеру, там найденные.

А на следующий день, в четверг, который был праздником тела христова, в тринадцатый день июня, сказанные общины пришли утром в Гайбери, в двух милях от Лондона к северу, очень красивый манор магистра госпиталя св. Иоанна в Клеркенвелле. Они предали его огню и пламени к очень большому ущербу и урону госпитальеров св. Иоанна, и одни из них вернулись в Лондон, а другие оставались в открытом поле всю ночь.

В тот же день тела христова утром сказанные общины Кента разбили один непотребный дом возле лондонского моста, который находился в руках фламандских женщин,— они держали в аренде этот дом от лондонского мэра. А затем они подошли к лондонскому мосту, чтобы перейти в Сити, но мэр был готов к их приходу и приказал протянуть цепь и поднять подъемный мост, чтобы помешать им пройти. И общины Саусверка восстали вместе с ними и стали кричать тем, кто охранял сказанный мост, чтобы они опустили подъемный мост и дали им проход, иначе они будут уничтожены. И из страха за свою жизнь, какой они ощутили, те позволили им войти, сильно против своей воли. В это время монахи и приходские священники и викарии шли набожно в процессии молить бога о мире. В это же самое время сказанные общины держали свой путь через Лондон и не сделали никакого зла и ущерба, пока не дошли до улицы Флитстрит... И на Флитстрите сказанные общины Кента разбили тюрьму Флит и вывели всех заключенных и позволили им итти, куда хотят, затем остановились и разрушили и сожгли лавку одного свечника и другую лавку кузнеца посреди сказанной улицы. И, как предполагают, никогда не будет потом здесь домов, что уничтожает красоту этой улицы. Затем они отправились к Темплю, чтобы погубить владельцев сказанного Темпля, разрушили дома и разбросали все черепицы, так что сделали их плохо покрытыми. Они вошли в церковь Темпля и взяли все книги и свитки и мемориалы, которые находились в ящиках в Темпле и принадлежали изучавшим право, и вынесли их на площадь и сожгли их. И на пути к Савою они сжигали все дома, которые принадлежали магистру госпиталя св. Иоанна. А затем они отправились к Савою и подожгли разные дома разных людей, которые навлекли на себя проклятия, на западной стороне и, наконец, пришли к Савою и разбили ворота и вошли в дом и отправились в гардероб и забрали все факелы, подставки для головы большой ценности, ибо по слухам, как об этом рассказывали, они оценивались в 1000 марок. И все столовое белье и другое добро, какое могли найти, снесли в зал и зажгли сказанными факелами. И они сожгли зал и комнаты и все дома внутри ворот, принадлежащие к сказанному дворцу или манору, какие общины Лондона оставили несожженными. Как рассказывают, они нашли три бочонка с порохом и думали, что в них золото или серебро, и бросили их в огонь, и этот порох взорвался и вос-

пламенил залу скорее, чем это произошло бы иначе, к великой потере и убытку герцога Ланкастерского. На общины Кента легло обвинение в поджоге, но некоторые говорят, что лондонцы виновны в этом из ненависти к названному герцогу...

В это самое время большая толпа общин подошла к лондонской цитадели [Тауэру], чтобы поговорить с королем, и они не могли дождаться разговора с ним, вследствие чего они подвергли Тауэр осаде со стороны св. Екатерины, к югу. А другая часть общин, которые были в Сити, отправились к госпиталю св. Иоанна в Клеркенвелле и по дороге сожгли усадьбу и дома Роджера Легетта, стряпчего, который был обезглавлен в Чипсайде, и все сданные в аренду дома и владения св. Иоанна, какие только могли, а затем вошли в красивое приорство названного госпиталя и предали пламени многие дома, красивые и изящные в этом приорстве, к великому ущербу и ужасу на все будущие времена, а затем вернулись в Лондон для отдыха или для худых дел.

В это время король находился в одной из башен большого лондонского Тауэра и увидел манор Савой и Клеркенвеля и дома возле Ньюгета и усадьбу Джона Беттервика пылающими огнем. Он позвал всех лордов, бывших с ним, в одну комнату и просил у них совета, что делать в такой трудный час. И ни один из них не умел или не хотел дать совета, вследствие чего юный король сказал, что он велит мэру Сити сделать распоряжение шерифам и олдерменам, чтобы они в своих кварталах приказали громко оповестить, что все в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет под страхом за жизнь и члены должны завтра утром, в пятницу, быть на Майл-Энде, чтобы видеть и слышать его, так чтобы все, кто находился в Тауэре, могли в безопасности выйти, куда им было угодно, и спастись. Но из этого ничего не вышло, потому что некоторым не привелось спастись. А в тот же четверг, в названный праздник тела христова, король находился в Тауэре, задумчивый и грустный. Взойдя в малую башню против св. Екатерины, где расположилось большое число общин, он приказал громко объявить им, чтобы все тотчас же мирно расходились по домам и что он простит им все их проступки. И все закричали в один голос, что они не уйдут прежде, чем не получат находящихся в Тауэре изменников и хартий, которые освободят их от всякого рода рабства и дадут им и другое, чего они потребуют. И король благосклонно пожаловал им это и приказал клерку написать билль в их присутствии в таком роде: «Ричард, король Англии и Франции, премного благодарит свои добрые общины за то, что они так сильно хотели его видеть и иметь своим королем, и прощает им всякого рода проступки, оскорбления и преступления, содеянные до этого часа, и хочет и приказывает, чтобы вслед за этим каждый изложил свои жалобы на письме и прислал их ему, и он по совету верных лордов и своего доброго Совета измыслит такое средство, которое будет на пользу ему и им и всему королевству». И к этому он приложил свою печать в присутствии

их и затем отправил названный билль с двумя из своих рыцарей к ним к св. Екатерине и велел прочесть его им. И тот, кто читал билль, стоял на старом кресле перед другими, так что все могли слышать. И все это время король находился в Тауэре в большой тревоге. И когда общины выслушали билль, они сказали, что это только пустяки и издевательство. Поэтому они вернулись в Лондон и велели оповестить по Сити, что все законоведы, и все из канцлерского суда и из Палаты шахматной доски, и все, кто умеет писать бумаги, должны быть обезглавлены, где только их найдут. В это же время они сожгли много домов в Сити, и король взошел на высокую башню Тауэра, чтобы смотреть пожар. Затем он опять сошел вниз и послал за лордами, чтобы иметь их совет. Но они не знали, что советовать, и были удивительно как подавлены и смущены.

На другой день, в пятницу, общины из окрестностей и общины Лондона собрали страшные силы, числом 100 тыс. и более, кроме 80 тыс., которые оставались на холме у Тауэра, чтобы стеречь тех, которые находились в Тауэре. И некоторые отправились на Майл-Энд на Брентвудской дороге, чтобы ждать прибытия короля после оповещения, им сделанного, а другие отправились на холм возле Тауэра. И когда король узнал, что они здесь, он отправил к ним посланца сказать им, чтобы они шли к своим товарищам на названный Майл-Энд и что он сам скоро туда прибудет. Тогда же утром он дал совет архиепископу Кентерберийскому и другим, которые были там, в Тауэре, спуститься к малым воротам у воды, взять лодку и спастись. И архиепископ так и сделал, но какая-то злая женщина подняла крик на него, и он вернулся в Тауэр в смятении.

И вот около семи часов король отправился на Майл-Энд и с ним его мать в карете и графы Бэкингэм, Кент и Уоррик, и Оксфорд, и сэр Томас Перси, и сэр Роберт Ноллис, и мэр Лондона, и много рыцарей и оруженосцев, а сэр Обри де-Вер нес государственный меч. И когда он прибыл и общины увидели его, они все склонили перед ним колена и сказали: «Добро пожаловать, наш сеньер король Ричард, и мы не хотим иметь другого короля, кроме вас». И Уот Тайлер, их предводитель и главарь, стал просить его от имени общин, чтобы он позволил им взять всех изменников против него и против закона, и король соизволил на то, чтобы они взяли по своему желанию тех, кто были изменниками и о которых можно было законным порядком доказать, что они были изменниками. И названный Уот и общины держали два знамени и флаги и флажки, когда они обращались со своей петицией к королю. И они просили, чтобы ни один человек не был больше крепостным и не приносил феодальной присяги и никакой повинности не нес никакому сеньеру, но давал бы по четыре пенса за акр земли, и чтобы никто не должен был никому служить иначе, как по своей доброй воле и по договору.

И в это время король велел общинам выстроиться в два ряда

и оповестить их, что он хочет подтвердить и пожаловать им, чтобы они были свободны и вообще все, чего они желают, и что они могут пройти через все королевство Англии и брать всех изменников и в безопасности приводить их к нему, и он будет наказывать их, как того требует закон.

Под предлогом этого пожалования названный Уот Тайлер и некоторые общины отправились к Тауэру, чтобы взять архиепископа, а другие остались на Майл-Энде. В это время архиепископ набожно пел свою мессу в Тауэре..., и, когда он произносил «все святые, молитесь за нас», вошли общины и вытащили архиепископа из капеллы в Тауэре, грубо толкали и били и других, которые были с ним, и вывели их на холм у Тауэра и отрубили голову владыке..., архиепископу Кентерберийскому... В это же время общины сделали оповещение, чтобы всякий, кто может схватить фламандца или какого-либо другого иностранца, какой бы нации он ни был, отрубил бы ему голову. И так потом и делали. А затем они взяли головы архиепископа и других, насадили их на деревянные колья и понесли их перед собою в процессии по всему Сити до святой обители Вестминстерского аббатства на поругание их и бога и святой церкви; и месть настигла их в непродолжительном времени. Затем они вернулись к лондонскому мосту и здесь выставили голову архиепископа на воротах моста и восемь других голов тех, которые были обезглавлены, чтобы все могли видеть их, кто будет переходить через мост. Когда это было сделано, они отправились в церковь св. Мартина у Винного подворья и нашли в сказанной церкви тридцать пять фламандцев, вытащили их и на улице отрубили им головы. И было обезглавлено в этот день 140 или 160 человек. Затем они отправились к домам ломбардцев и других иноземцев, врывались в их дома и грабили их, забирая все их имущество, какое только могли найти, в течение всего дня и наступившей ночи с отвратительными криками и страшным шумом.

На следующий день, в субботу, большое число общин пришли в Вестминстерское аббатство в час третий и здесь нашли Джона Имуорта, маршала Маршалси и стража заключенных, человека без жалости, мучителя, возле раки св. Эдуарда, схватившегося за мраморную колонну и просившего у него помощи и поддержки для своего спасения от врагов. Общины оттащили его руки от колонны названной раки, отвели на Чипсайд и обезглавили его... И все это время король велел оповещать по Сити, что всякий должен удалиться в свой округ и в свой дом и не делать больше зла. Но на это они не согласились. В тот же день в три часа пополудни король отправился в Вестминстерское аббатство, и с ним была свита в 200 человек. Аббат и конвент этого аббатства, и каноники, и викарии капеллы св. Стефана вышли в процессии ему навстречу, одетые в мантии и с босыми ногами, на полпути к Чэринг-Кроссу, и проводили его в аббатство, а затем в церковь к высокому алтарю, и король набожно творил свою молитву и оставил

свое приношение алтарю и реликвиям. А затем он беседовал с затворником и исповедывался у него и долго был с ним. Затем король велел оповестить среди всех общин окрестностей, которые были в Сити, чтобы они отправились на Смисфилд, чтобы встретиться там с ним, и так они и сделали. И когда король прибыл со своими людьми, он стал с ними к востоку, возле госпиталя св. Варфоломея, дома каноников, а общины стояли к западу в боевом порядке, в большом числе. В это время подъехал мэр Лондона Уильям Уолуорс, и король велел ему отправиться к общинам и сказать, чтобы их предводитель явился к нему. И когда он, по имени Уот Тайлер из Мэдстона, был позван мэром, он подъехал к королю с большой учтивостью, сидя на небольшой лошади, чтобы его могли видеть общины. И он сошел с лошади, держа в руке кинжал, который он взял у другого человека. И когда он сошел, он взял короля за руку, наполовину согнул колено и крепко и сильно потряс кисть руки, говоря: «Будь спокоен и весел, брат. Через какие-нибудь две недели общины будут хвалить тебя еще больше, чем теперь, и мы будем добрыми товарищами». А король сказал названному Уоту: «Почему вы не хотите отправляться в ваши места?». Тот отвечал с большой клятвой, что ни он, ни его товарищи не уйдут до тех пор, пока не получат грамоту такую, какую они хотят получить, и пока не будут выслушаны и включены в грамоту такие пункты, какие они хотят потребовать, угрожая, что лорды королевства будут раскаиваться, если они [общины] не получат пунктов, какие они хотят. Тогда король спросил его, какие это пункты, которые они хотят, и он охотно и без прекословий прикажет написать их и приложить к ним печать. И тогда названный Уот прочел вслух пункты, которые они требовали, и потребовал, чтобы не было никакого другого закона, кроме Уинчестерского закона, и что впредь ни в каком судебном процессе не будет объявления вне закона и что ни один сеньер не будет иметь сеньерии, и все они будут справедливо разделены между всеми, и только один сеньер король будет их иметь, и что имущество святой церкви не должно находиться в руках монахов, приходских священников и викариев, ни других из святой церкви, но те, кто владеет им, будут получать достаточное для жизни содержание, а все остальные имущества должны быть разделены между прихожанами; епископов не будет в Англии, кроме одного, и прелатов, кроме одного; и все земли и держания, находящиеся у этих владетелей, будут взяты у них и разделены между общинами, с оставлением им умеренного содержания, и что в Англии не будет ни одного крепостного, ни крепостничества, ни холопства, но все должны быть свободны и одного состояния. На это король спокойно ответил и сказал, что все, что он может, он честно им пожалует, оставляя за собою регалию своей короны, и велел ему отправляться в свой дом без дальнейшего промедления.

Все это время, когда король говорил, ни один лорд и ни один

из его советников не осмеливался и не хотел давать ответ общинам ни в одном месте, кроме самого короля. В это время Уот Тайлер приказал в присутствии короля принести себе склянку воды, чтобы освежить себе рот из-за большой жары, которую он испытывал, и, как только вода была принесена, он стал полоскать свой рот грубым и отвратительным образом перед лицом короля. А затем он велел принести себе фляжку пива и выпил большой глоток и в присутствии короля опять влез на свою лошадь. В это самое время один слуга из Кента, находившийся среди людей свиты короля, попросился посмотреть названного Уота, предводителя общин, и, когда он его увидел, он сказал во всеуслышание, что это величайший вор и разбойник во всем Кенте. Услышав эти слова, названный Уот потребовал, чтобы он вышел к нему, тряся головой в его сторону в знак раздражения, но названный слуга отказался итти к нему из страха перед толпой. Но, наконец, лорды велели ему выйти, чтобы посмотреть, что он будет делать перед королем. И когда названный Уот увидел его, он приказал одному из своих, что следовали за ним, который сидел на лошади, держа развернутое знамя, сойти с коня и отрубить голову названному слуге. Но слуга ответил, что он не заслужил смерти, но то, что он сказал, была правда, и он не станет отрицать этого, но в присутствии своего государя он не может вести спора по закону без его разрешения, разве только в свою собственную защиту, и это он может сделать без упрека; поэтому тот, кто против него выступит, получит от него контрудар. И за эти слова названный Уот хотел нанести ему удар своим кинжалом и убить его в присутствии короля. Поэтому мэр Лондона, по имени Уильям Уолуорс, стал укорять названного Уота за это насилие и неуважительное поведение в присутствии короля и арестовал его. И за этот арест названный Уот в большом раздражении ударил мэра кинжалом в живот. Но, как было угодно богу, названный мэр носил кольчугу и не потерпел никакого вреда, но, как человек смелый и мужественный, извлек свой меч и ответил названному Уоту сильным ударом в шею *и еще раз сильным ударом в голову. Во время столкновения один* слуга королевского двора извлек свою шпагу и ударил его два или три раза в живот и ранил его насмерть. И названный Уот пришпорил лошадь, крича общинам, чтобы они отомстили за него; и лошадь пронесла его каких-нибудь восемьдесят шагов, и тут он свалился на землю полумертвый. И когда общины увидели, что он свалился и не знали наверное, что с ним случилось, они стали натягивать свои луки и стрелять, вследствие чего сам король пришпорил своего коня и поехал к ним и велел им, чтобы все они шли к нему на поле св. Иоанна Клеркенвельского.

Тем временем лондонский мэр со всей поспешностью, с какой только мог, поскакал в Лондон и сделал распоряжение, чтобы все те, кто стоял во главе двадцати четырех кварталов Сити, сделали оповещение по своим кварталам, чтобы все вооружились как только могли скорее и отправились к королю на поле св. Иоанна, где

находились общины, чтобы оказать ему помощь, потому что он находится в большой тревоге и затруднении. А в это время все рыцари и оруженосцы королевского дома и многие другие из страха, какой они испытали от этого ужасного происшествия, оставили своего законного государя и каждый из них ушел своим путем. Затем, когда король прибыл в открытое поле, он велел общинам стать в порядке на западной стороне. И сюда прибыли олдермены, ведя с собой начальников кварталов во главе выстроенных в военном порядке людей их кварталов, прекрасный отряд хорошо вооруженных людей большой силы. И они окружили общины, как овец в загоне. И после того, как мэр отправил начальников городских кварталов к королю, он вернулся с отрядом копейщиков на Смисфилд, чтобы покончить с вышеназванным предводителем общин. Когда он прибыл на Смисфилд, он не нашел названного предводителя Уота Тайлера, и этому он очень удивился и спросил, куда девался изменник. И ему сказали, что он был отнесен частью общин в госпиталь для бедных возле св. Варфоломея и положен в комнату начальника названного госпиталя. И мэр вошел туда и нашел его и приказал вынести его на Смисфилд в присутствии его товарищей и велел обезглавить его и так окончил его преступную жизнь. И велел мэр насадить его голову на кол и нести перед собой к королю, который находился в поле. И когда увидел король сказанную голову, он приказал принести ее поближе к нему, чтобы привести в замешательство общины, и очень благодарил названного мэра за то, что он сделал. И когда общины увидели, что их предводитель Уот Тайлер умер таким способом, они пали на землю среди пшеницы, как люди обескураженные, громко умоляя короля о прощении им их преступлений. И король благосклонно даровал им прощение, и многие из них бросились бежать...

После этого король разослал своих посланцев по разным местам хватать злоумышленников и предавать их смерти. И многие были схвачены и повешены в Лондоне. И много виселиц было поставлено тогда вокруг лондонского Сити и в других городах и деревнях в южной части страны. Наконец, с божьего соизволения король увидел, что слишком много из его подданных погибло и много крови пролито, сердце его охватила жалость, и он даровал им прощение под условием, что впредь они никогда не будут восставать под страхом потери жизни и что каждый из них возьмет грамоту о помиловании и заплатит королю пошлины за его печать двадцать шиллингов, чтобы сделать его богатым. Так кончилась эта несчастная война.

III. ГЕРМАНИЯ XIII—XV вв.

ВВЕДЕНИЕ.

Настоящий отдел содержит документальный материал, иллюстрирующий некоторые основные явления общественной жизни Германии XIII—XV вв.

В первых двух главах содержатся исторические источники, характеризующие немецкую колонизацию заэльбских стран и Прибалтики. Известно, что немецкая колонизация на протяжении XII—XIII вв. более чем вдвое увеличила территорию расселения немецкого народа. Колонизация шла из наиболее густо заселенных областей западной Германии и имела целью прежде всего захват новых земель для поселения. Местами она была вызвана также торговыми интересами. В ней принимали участие разные слои германского общества — крестьянство, горожане, дворянство и духовенство. Колонизация эта на северо-востоке сопровождалась кровавыми насилиями немецких феодалов над славянским, литовским и финским туземным населением.

Наиболее сильный поток немецкой колонизации был направлен за Эльбу в область полабских славян — лютичей и ободритов и соседей их — славян поморских (обитавших в Поморье, по обе стороны нижнего Одера).

Захват и колонизация земель за Эльбой были произведены не общими силами империи, а территориальными князьями (маркграфами). Около половины XII в. саксонский герцог Генрих Лев (современник Фридриха Барбароссы) завоевал страну ободритов (бодричей) и построил первый немецкий город на Балтийском море — Любек. Здесь возникло герцогство Мекленбургское. Почти одновременно Альбрехт Медведь получил в лен от императора северную марку (на средней Эльбе), завоевал и заселил немецкими колонистами территорию лютичей. Здесь образовалось зерно будущего Прусского королевства — Бранденбургская марка, сделавшаяся в XIII в. чуть ли не самой большой княжеской территорией во всей империи.

В приводимом ниже отрывке из Славянской хроники Гельмольда[1] как раз охарактеризована деятельность Альбрехта Медведя за средней Эльбой. Гельмольд — своеобразный писатель XII в. Он происходил из Любекской области, был сельским священником, писал в национально-немецком духе и изобразил процесс колонизации славянских земель как процесс, сопровождавшийся истреблением и онемечением коренного населения.

Гельмольд — современник описываемых событий, и его антиславянские настроения, очевидно, прямо отражают настроения тех правящих слоев немецкого общества, которые проводили колонизацию.

Северо-восточный поток немецкой колонизации не ограничился одними лишь славянскими землями, а пошел дальше по побережью Балтийского моря. Уже со времени основания Любека (половина XII в.), и даже еще раньше, немецкие купцы начали принимать детальное участие в торговле на Балтийском море. Они плавали к берегам Швеции и через Финский залив проникали

[1] Helmold, Chronica Slavorum, lib. I, c. 88 — SS. Rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannoverae 1868.

в Новгород и другие русские земли. В поисках кратчайшего торгового пути к русским городам немецкие купцы проникли в устье Двины и в 1201 г. основали здесь город Ригу. Для завоевания обитавших здесь латышских племен *был организован особый духовно-рыцарский орден Меченосцев, который* притянул к себе множество рыцарей-авантюристов из разных местностей Германии, а частью даже из других стран Западной Европы. Колонизация Прибалтики была купеческой и рыцарской колонизацией. Латыши насильно были обращены в христианство и попали в зависимость от помещиков-рыцарей.

Ниже приводится рассказ о завоевании немцами территории латышского племени ливов, взятый из современной хроники Генриха Латышского[1]. Священник Генрих, повидимому, родом латыш, был очевидцем большей части описываемых событий и даже сам принимал в некоторых из них деятельное участие. Вот почему его повествование, доведенное до 1226 г., представляет *чрезвычайно большую ценность для историка, хотя все время необходимо учи*тывать католическое настроение автора и его приверженность рыцарям-меченосцам. Мы даем лишь те отрывки из хроники Генриха, которые касаются первых действий католических миссионеров и рыцарей в Ливонии до 1207 г. включительно. Известно, что орден в дальнейшем быстро завоевал не только всю Лифляндию, но также Эстляндию и Курляндию. Однако с 1226 г. у него явился конкурент в лице перенесшего в этом году из Палестины в устье Вислы (землю литовского племени пруссов) свою деятельность Тевтонского ордена. С утверждением Тевтонского ордена в Пруссии главная масса немецких рыцарей, ранее направлявшихся к ливонским Меченосцам, стала оседать ближе, у Вислы, и вследствие этого орден Меченосцев утратил свою прежнюю силу. Потерпевши одно за другим два страшных поражения — от *русских и от литовцев, Меченосцы не могли уже существовать самостоятельно* и влились в 1237 г. в Тевтонский орден, который стал владеть всей Прибалтикой — от устьев Вислы до Финского залива. В начале XIV в. рыцари распространили свои владения за Вислу, отбивши у поляков восточное Поморье (Померанию) с городом Гданском (Данцигом). Так на востоке сложилось в *результате колонизации второе обширное территориальное княжество* — Тевтонский или Немецкий орден, столицей которого сделался с 1309 г. Мариенбург, неподалеку от Вислы.

Кровавой эпопее восточно-германской колонизации Маркс посвятил немало выразительных строк в недавно опубликованных «Хронологических выписках». Приводим здесь важнейшие из них: «Христианско-германская культура прежде всего захватила пруссов[2]; живя на границе Польши, они видели, что это означает покорение императору и папе — и христианский экономический базис — десятина попам; в конце X столетия они убили первого апостола их страны, епископа Адальберта, они точно так же оказывали сопротивление, когда были подвергнуты крещению поморяне и венды по побережью Балтийского моря; язва христианства все более и более проникает в западную часть страны»...

«1201. Адальберт Апельдерский, епископ, основывает город Ригу, а для того, чтобы иметь постоянное войско, учреж-

[1] Heinrici Chronicon Lyvoniae — SS. Rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannoverae 1874.

[2] Литовское племя. — *Ред.*

дает орден божьих рыцарей (Gottesritter), иначе Меченосцев (Schwertbrüder), иначе братьев Марии (Marienbrüder); эти молодцы были присоединены к епископству Рижскому. Иннокентий III утверждает орден; объявляет туземных язычников вне закона («Vogelfrei»); император Оттон IV дарует епископу Рижскому в лен город Ригу с ее областью (!); все больше немецких рыцарей стремятся в новый германский лен; их лозунг был: христианство или смерть!..»

«В 1229: горожане приморских немецких городов заключили свой первый торговый договор с городом Ригой и новгородскими князьями. Заразить пруссов христианством особенно старается герцог Конрад Мазовецкий»...

«1215: немецкий вонючий монах Христиан из монастыря Оливы — первый епископ в Пруссии; так как те восстают против десятины, строительства церквей, чуждого духовного гнета:

«1218, вонючий монах проповедует крестовый поход, т. е. убийство и т. д. Иннокентий III почти в то же время, когда он проповедует истребление штедингов как еретиков, призывает в публичных посланиях немецкое рыцарство к крестовому походу против язычников пруссов; появляется масса этих бродяг, они завоевывают Кульмскую область, которая была присоединена к герцогству Мазовии... Но было необходимо постоянное войско; в те феодальные времена его мог доставить только духовный рыцарский орден, член которого имели определенные поместья и на доходы с них содержали всадников; поэтому:

«1225, вонючий Христиан (Stink-Christian) создает орден рыцарей Добринских братьев (Добрин их главная резиденция); пруссы перебили первых из этих «рыцарей»; Христиан мог набирать рекрутов только из дворянства, Нижней Германии и Померании; он увидел, что все это дворянство вошло в рыцарский орден Иоаннитов, в Тевтонский орден и в орден Меченосцев; из этих трех он избрал Тевтонский орден, который изъявил согласие, потому что не надеялся осесть в Палестине твердо подобно ордену Иоаннитов, однако, часть молодцов пока еще осталась при великом командоре в Акре».

«1226: Император и папа утверждают договор Христиана Кульмского и тогдашнего великого магистра Тевтонского ордена Германа фон Зальца; Тевтонский орден обязуется бороться против пруссов; Кульмская область была дарована ему в собственность для того, чтобы он там всех истреблял и грабил».

«1234 г. ...Для обремененного долгами, голодного немецкого рыцарства это занятие было гораздо более удобным, чем опротивевшее ему дело в святой земле; немецкие горожане присоединялись к рыцарству, так как им было разрешено «основывать» свободные города; также и «свободное крестьянство», которому была предложена собственность на сносных условиях. «Рыцари» неистовствуют, как испанцы в Мексике и Перу; пруссы храбро сопротивляются, но все более и более изнемогают; чужеземные завоеватели проникают в глубь страны, вырубают леса, осушают болота, уничтожают свободу и фетишизм коренного населения,

основывают замки, города, монастыри, сеньерии и епископства немецкого образца. Там, где жителей не истребляют, их обращают в рабство. В результате того, что папа все снова и снова проповедует крестовые походы,— все новые и новые потоки немецких грабителей и колонистов.

«1236, обнаглевшие меченосцы, рассчитывая на толпы своих ливов и эстов и на стекающуюся со всех сторон крестоносную сволочь, предприняли, при своем последнем магистре Фолькуине, крестовый поход против Литвы; этих псов жестоко отдули и сейчас же после поражения им грозило нападение со стороны литовцев, датчан и русских; тогда при папском посредничестве.

1237, разбитые меченосцы в Лифляндии объединяются с тевтонскими рыцарями в Пруссии...»

«1242 г. Александр Невский выступает против немецких рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты (die Lumpacii) были окончательно отброшены от русской границы».

В главе III даются некоторые материалы, характеризующие деятельность Рейнского союза городов. Эти материалы иллюстрируют ту политическую обстановку, которая сложилась в Германии после гибели Штауфенов, в эпоху междуцарствия (1254—1273 гг.), когда не стало в западной Германии крепкой центральной власти и ее представителей в отдельных территориях. Пользуясь этим, феодалы вели друг с другом нескончаемые междоусобные войны и всячески притесняли мирных жителей-горожан, особенно же крестьянство. При господстве «кулачного права» каждый делал что хотел, и многие мелкие рыцари жили исключительно грабежами и разбоями. Рейнский союз представлял собою попытку прирейнских вольных городов установить «Земский мир», причем города старались привлечь к охране этого мира также и крупных феодалов. Попытка эта, как известно, успеха не имела, так как даже среди городов союза не было единодушия в результате торгового соперничества.

Глава IV содержит материалы, касающиеся Ганзейского союза. Известно, что союз этот объединял северо-немецкие города, расположенные у побережья морей — Северного (или Немецкого) и Балтийского. По этим морям и впадавшим в них рекам шел обмен товарами между северо-восточными и юго-западными странами. Из Руси, Польши и Скандинавии везли меха, кожи, хлеб, соленую рыбу (сельдь, треску), сало, воск, мед, пеньку, медную и железную руду, строевой лес, смолу, деготь. В обмен через немецкие реки и через фландрский порт Брюгге вывозили на северо-восток сукна, полотна, металлические изделия, соль, вино, пиво и другие продукты юго-западной промышленности и сельского хозяйства, а также восточные пряности (перец, гвоздику, корицу, мускат и пр.). Северные немецкие города лежали в самом центре северного торгового пути. Отсюда и естественно, что купечество этих городов так же посредничало в немецко-балтийской морской торговле, как итальянские купцы посредничали в торговле средиземноморской. Особенно велико было значение Любека и Гамбурга, так как они лежали на концах кратчайшей сухопутной дороги, соединявшей (в обход Ютландии) Немецкое море с Балтийским. Немецкие купцы устраивали торговые конторы в тех чужеземных городах, с которыми они вели торговлю, и объединялись на чужбине в союзы для совместной защиты своих интересов. С течением времени

стали устраиваться в тех же целях союзы городов в самой Германии. Зерном будущей Ганзы немецких городов послужило объединение Гамбурга и Любека, заключивших во второй четверти XIII в. договоры о взаимной дружбе и о взаимной охране своих купцов от морских пиратов и разбойников (см. материалы № 1 и 2). Любек заключал аналогичные договоры и с другими городами (см. № 3) и, между прочим, с немецкой колонией города Висби на о. Готланде (см. № 4), игравшем огромную роль в северной торговле благодаря своему центральному положению на Балтийском море. В 60-х годах XIII в. приморские северо-немецкие города устраивают первые съезды в городе Висмаре и выносят первые общие постановления (см. № 5). Эти ранние общие постановления свидетельствуют о том, что Ганзы как постоянного и прочного союза городов в данное время еще нет. Пока она представляет собой лишь временное объединение ряда городов (главным образом в целях совместной борьбы с морскими разбойниками), объединение, в котором главная роль принадлежит Любеку.

Этот временный союз в XIV в., по почину Любека, превращается в постоянный. В его состав входит около 80 северо-немецких (нидерландских, рейнско-вестфальских, саксонских и прибалтийских) городов, главной артерией торговых операций которых является путь Брюгге — Новгород. Везде на этом торговом пути и его ответвлениях Ганза стремится подавить самостоятельность местных купцов и захватить для своих членов исключительное право торговли. В случае надобности она готова защищать это право силой оружия. Хозяйственные интересы союза лежат попрежнему вне ганзейских городов, так как главные торговые операции его членов совершаются в ганзейских конторах за границей. Приводимый ниже документ № 6 говорит о вольностях купцов ганзейского подворья в Лондоне (где потом образовался знаменитый «Стальной двор»), а документы № 7 и 8 характеризуют организацию и своеобразные уставы ганзейских контор в Лондоне, Брюгге и Новгороде. Правила, регулирующие немецкую торговлю в Новгороде Великом, особенно ярко отражают, с одной стороны, стремление ганзейцев не давать отдельным немецким купцам в течение длительного времени и в широком масштабе пользоваться выгодами этой торговли в ущерб прочим купцам, а с другой стороны — стремление немецких купцов захватить в свои руки монополию внешней торговли, с полным отстранением от этого дела местного купечества. Последним (№ 9) у нас приведен документ, в котором содержатся обязательства Бремена при обратном приеме его в Ганзу в августе 1358 г. Этот документ, между прочим, интересен тем, что он говорит об обязанностях и правах члена Ганзы. Ганза здесь выступает уже как вполне оформленный постоянный союз немецких торговых городов во главе с Любеком[1].

Материалы, приводимые в главах V и VI, иллюстрируют своеобразный политический строй, установившийся в Германии с избранием Рудольфа Габсбургского (1273 г.), когда власть перешла к князьям, избиравшим

---

[1] Подлинники документов, помещенных в настоящей главе русских переводов, взяты у Keutgen, Urkunden zur städtischen Verfassungsgeschichte (Berlin 1901, № 427—430; 432; 435—436), а также у Sartorius-Lappenberg, Urkundliche Geschichte des Ursprungs der deutschen Hanse (Hamburg 1830, B. II, № 41) и у Koppman, Die Recesse und andere Akten der Hansetage von 1256—1430 (Leipzig 1870, B. I, № 216).

и низлагавшим королей и всячески препятствовавшим установлению сильной центральной власти в государстве. Князьям не нравилось быстрое возвышение Габсбургов, сумевших завладеть Австрией, и после смерти Рудольфа (1291 г.) они вздумали переменить династию, избравши в короли незначительного графа Адольфа Нассауского. Однако вскоре они не поладили с Адольфом, низложили его и снова выбрали на престол Габсбурга, сына умершего Рудольфа — Альбрехта. В 1308 г. князья снова переменили династию, избравши королем князя Люксембургского — Генриха. Сын Генриха Люксембургского, женившись на наследнице чешских Пржемысловичей (правнучке Оттокара II), завладел Чехией. При чешских королях из дома Люксембургов произошло в Чехии гуситское движение.

Этому движению посвящены материалы последней — VII главы. Гуситское движение — по существу социальное — началось как национальное антинемецкое движение, направленное против немецкого влияния и немецких колонистов, которые господствовали в городах и захватили в свои руки лучшие земли. Движение носило религиозную окраску и началось с оппозиции против безнравственного и богатого духовенства, верхние слои которого в большинстве состояли из немцев. Идейным центром оппозиции сделался основанный в 1349 г. Пражский университет. Профессор и ректор университета, чешский проповедник Ян Гус, обличая духовенство, высказывался против торговли индульгенциями (папскими грамотами об отпущении грехов) и нападал на действия самого папы. Его отлучили от церкви, вызвали на суд Констанцского собора и сожгли на костре как еретика (1415 г.), несмотря на то, что у него была охранная грамота короля Сигизмунда. Весть об этой казни встречена была в Чехии страшным негодованием. Чехи объявили себя сторонниками церковной реформы в духе учения Гуса, стали громить богатые церкви и монастыри и ополчились на все немецкое.

Движение носило явно социальный характер. Дворянство хотело воспользоваться им, чтобы завладеть церковными землями и ослабить влияние немецких городов. В городах ремесленники и городская беднота поднимались против городских заправил или немцев, державших в своих руках городское управление. Вместе с тем поднимавшаяся чешская буржуазия боролась против засилия немецких купцов и горных промышленников. Наконец, крестьянство шло против немецких колонистов, захвативших лучшие земли, и стремилось к отмене крепостного права. Когда в 1419 г. по смерти короля Вацлава чешская корона перешла ко второму сыну Карла IV — Сигизмунду, бывшему уже немецким королем, чехи отказались принять его, так как увидели в нем представителя немецких интересов и католической церкви. Тогда он решил завладеть королевством силой, осадил Прагу, но был отбит.

Начались так называемые «Гуситские войны». В течение 11 лет король, князья и папа посылали против гуситов многочисленные армии, но чехи, организованные радикальным крылом гуситства — таборитами, неизменно одерживали над ними победы. От обороны они перешли в наступление и опустошили пределы империи до Балтийского моря. Ядро гуситской армии составляла пехота из крестьян и горожан, предводительствуемая искусными военачальниками из дворянства. Самым выдающимся полководцем гуситской армии был Ян Жижка. Его вооруженная копьями и железными цепами пехота была очень подвижна и снабжена легкой артиллерией, передвигавшейся

на специальных повозках. Кроме того, Жижка ввел обычай окружать войско повозками, которые связывались цепями. Лагерь гуситов, окруженный такими повозками, был неприступен. Достойным преемником Жижки был священник Прокоп Большой, названный так в отличие от другого, тоже известного вождя гуситов — Прокопа Малого, отличавшегося маленьким ростом. Прокопы Большой и Малый водили гуситов в разные области империи, предавая последние страшным опустошениям и наводя панику на неприятеля. В 1431 г. против гуситов было двинуто набранное по инициативе папы крестоносное войско, насчитывавшее в своих рядах 40 тыс. всадников и 90 тыс. пехотинцев. Оно в панике разбежалось, едва только заслышало скрип телег приближавшейся армии гуситов. Воззвания гуситов, сеявшие «гуситский яд», распространялись не только в Германии, но также и в Англии, Франции и Испании. Гуситы призывали массы восстать против господ и угнетателей и установить «божеский порядок», при котором не будет крепостной зависимости, не будет цехов, выгодных немногим мастерам, не будет торговых монополий, выгодных немногим купцам, а будут справедливая плата за труд и установленные властями дешевые цены на все товары.

Дело гуситов погибло в результате классовой борьбы в их среде и измены умеренного их крыла, так называемых чашников (получивших свое название оттого, что они требовали недозволявшегося у католиков причащения из чаши). Чашники — это представители чешского дворянства (особенно крупного), буржуазия Праги и чешская интеллигенция, руководимая профессорами Пражского университета. Они не хотели коренных перемен в социальном строе и стремились к соглашению с католиками и немцами на основе взаимных уступок. Им противостояло левое крыло гуситов, уже упомянутые выше табориты (от горы Табор, где был их лагерь), в состав которых входили крестьяне, ремесленники и городская беднота, частью также мелкие оскудевшие рыцари. Они добивались социальных реформ, которые улучшили бы материальное положение широких масс населения. В среде таборитов были союзы людей, проповедовавших уничтожение частной собственности и идеи уравнительного коммунизма.

Классовая борьба среди гуситов временами доходила до кровавых вооруженных столкновений, причем победителями в этой борьбе выходили табориты. Так дело шло до тех пор, пока чашники не вошли в соглашение с католической церковью и императором. Это соглашение вылилось в форму так называемых базельских и пражских «компактатов». На основе признания папой и императором «четырех пражских статей» (см. текст их ниже) гуситские магнаты и имущие горожане удержали в своих руках отобранные во время войн церковные и монастырские земли и организовали национальную чешскую церковь. Табориты не признали соглашения чашников с немцами, и между обеими партиями гуситов вспыхнула открытая война, закончившаяся полным разгромом таборитов (1434 г.). Социальные реформы, о которых мечтали табориты, таким образом, не удались, и гуситское движение послужило главным образом на пользу крупному дворянству, которое усилилось за счет духовенства и королевской власти и окончательно закрепостило крестьянские массы.

Ниже приводится, во-первых, отрывок из хроники неизвестного автора под заглавием «О происхождении таборитов и о смерти короля Чехии Венце-

слава IV»[1]. Из содержания отрывка видно, что автор — ревностный католик; для него гуситы или, как он их называет, «виклефеты»[2] (обычное прозвище гуситов в первые годы их деятельности со стороны католиков) — опасная секта, исчадие ада, отвратительное сочетание жестокости и лицемерия и пр., но в то же время автор, может быть, сам того не желая, воздает должное своим опасным противникам, и в результате получается довольно цельный, яркий и правдивый образ воинствующих религиозных фанатиков и умелых и энергичных борцов с католицизмом.

В приводимом отрывке выпукло показаны первые шаги деятельности таборитов как особого течения в гуситстве, их энергичная и умелая борьба с католической реакцией и их роль в событиях, предшествовавших смерти короля Венцеслава и оказавшихся прелюдией к гуситским войнам.

Дальше приводится текст четырех пражских статей, представлявших собой минимальные условия для начала мирных переговоров, которые собирались вести с королем Сигизмундом гуситы после того, как летом 1420 г. первый крестовый поход против них потерпел неудачу. Как чашники, так и табориты признавали четыре пражские статьи достаточной базой для начала мирных переговоров. Текст этих четырех статей был окончательно отредактирован и сформулирован в Праге к августу 1420 г. и представлен в письменном виде Сигизмунду и войску на латинском, чешском и немецком языках. Мирные переговоры не имели успеха; вскоре после того табориты выставили ряд еще более радикальных требований, и четыре пражские статьи с небольшими, правда, изменениями остались в качестве программы одних чашников.

Приводимый текст взят из хроники Лаврентия из Бржезовы[3].

Следующий приводимый ниже документ — «Низложение короля Сигизмунда и организация гуситского национального правительства» — представляет собой договор, заключенный гуситскими баронами, рыцарями, городами и прочими чешскими общинами друг с другом о том, чтобы восстановить порядок в чешском королевстве, держаться четырех пражских статей, считать низложенным Сигизмунда и повиноваться вновь организованному национальному правительству. Этот договор был заключен на общем сейме в городе Чаславе, собравшемся 1 июля 1421 г. и заседавшем не менее недели, пока между всеми присутствовавшими представителями сословий и общин как из Чехии, так и из Моравии не было достигнуто соглашение относительно принятия четырех пражских статей, а относительно низложения Сигизмунда бароны и рыцари не захотели принять этот пункт, и, таким образом, чехам одним пришлось договариваться на этот счет; отсюда вытекала и организация гуситского правительства в пределах только чешского королевства.

Документ взят из упомянутой уже хроники видного современника гуситских войн Лаврентия из Бржезовы[4]. Вся хроника написана на латинском языке, самый же договор чешских сословий и общин приводится в хронике

---

[1] Напечатана у Höfler, Die Geschichtsschreiber der Husitischen Bewegung in Böhmen, Theil I. SS. 538—543. Wien 1856.

[2] Т. е. последователи Виклефа, известного английского реформатора XIV в., учение которого оказало большое влияние на Гуса.

[3] Megister Laurent de Beresowa: De gestis et variis accidentibus regni Boemiae 1414—1422. Напечатано у Höfler, op. cit., S. 318—384.

[4] См. Höfler, op. cit., S. 464—466.

по-чешски с последующим немецким переводом. Для перевода приводимого документа использован как чешский, так и немецкий его тексты.

Следующий из приводимых документов — «О военном деле у таборитов» — представляет собой выдержку из «Истории Чехии», написанной на латинском языке и принадлежащей перу итальянского гуманиста Энея Сильвия Пикколомини (род. в 1405 г., ум. в 1464 г.). Эней Сильвий последние годы своей жизни занимал папский престол под именем папы Пия II.

Его «История Чехии» заканчивается пятидесятыми годами XV в. и содержит довольно много интересных данных из истории гуситских войн, в частности из истории Табора и таборитов. Чешский историк Палацкий характеризует приводимый ниже текст как недостаточно полную, правда, но зато живую и ясную картину ведения войны таборитами в самый разгар гуситского движения, т. е. в 20-е годы. Палацкий помещает приводимый ниже текст на страницах своей «Истории Чехии» во второй части III тома.

В конце отдела приведен материал, иллюстрирующий учение таборитов. Данные о социально-политическом учении таборитов имеются в трактате видного богослова чашников Яна Пржибрама (1249) против таборитских священников, откуда их буквально выписал и поместил в своей Geschichte von Böhmen (т. III, ч. 2-я, стр. 190) Фр. Палацкий. Несмотря на то, что эти пункты вышли из-под пера одного из ярых противников таборитства, они, тем не менее, дают довольно полное представление о таборитской социально-политической идеологии, по крайней мере до 1422 г., т. е. в годы оформления таборитства как особого течения в гуситстве. Мы вынуждены черпать данные о таборитской идеологии из сочинений их ярых врагов потому, что существовавшая таборитская литература по этому предмету почти не дошла до нас, а та, какая дошла, не изобилует конкретным материалом и очень скупа на детали. В этом отношении большая хроника таборитского епископа Николая Пельгржимова не представляет исключения. Приводимые далее тексты, в которых содержится религиозное учение таборитов, представляют собой сделанную вышеупомянутым Фр. Палацким сводку разрозненных данных, извлеченных им из разных источников: из хроник Лаврентия из Бржезовы и Николая Пельгржимова, из разных сочинений Яна Пржибрама и из других рукописных и печатных источников. Все эти данные свидетельствуют о резком разрыве таборитского вероучения и церковной организации с католической верой и церковью. Перевод всех этих данных о таборитской идеологии сделан с текста, помещенного у Палацкого, op. cit., стр. 190—193.

Отрывок из Гельмольда переведен Н. П. Грацианским. Переводы из Генриха Латыша взяты из «Сборника материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. I, Рига 1877. Материалы, касающиеся Рейнского союза, избрания Рудольфа Габсбургского и низложения Адольфа Нассауского, заимствованы из сборника «Средневековье в его памятниках», под ред. Д. Н. Егорова, Москва 1913. Перевод материалов о Ганзе сделан Н. П. Грацианским (№ 1, 3, 5, 7, 8) и М. В. Бердоносовым (№ 4, 6, 9). Материалы о гуситах переведены М. В. Бердоносовым. Настоящее введение к приводимому ниже материалу составлено Н. П. Грацианским, за исключением характеристики документального материала о гуситах, данной М. В. Бердоносовым.

I. НЕМЦЫ В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ ЗА ЭЛЬБОЙ.

ИЗ «СЛАВЯНСКОЙ ХРОНИКИ» ГЕЛЬМОЛЬДА.

Об Альберте Медведе. (Книга 1, глава 88.)

В то время восточной Славией владел маркграф Адальберт, по прозвищу Медведь [1]. Он подчинил своей власти всю землю бризанов, стодеранов [2] и многих других племен, обитавших между Гавелой и Эльбой, и обуздал мятежи их. В конце концов, так как славян становилось все меньше и меньше, послал он (приглашения)... в прирейнские местности, а также к тем, кто обитал у океана и терпел от натиска моря, именно к голландцам, зеландцам и фландрцам, вывел оттуда множество народа и поселил его в славянских городах и местечках. Много также споспешествовал он приходу колонистов в епископства Бранденбургское и Гавельбергское, вследствие чего умножились церкви и очень возросли церковные десятины. Также и южные берега Эльбы..., всю болотистую и равнинную землю, именуемую Белезем и Маршинер, начали в то время населять выходцы из Голландии, завладевшие весьма многими городами и местечками до самых пределов Чехии [3]. Рассказывают, что в земле той раньше, именно во времена Оттонов, проживали саксы, как свидетельствуют о том древние насыпи, возведенные на берегах Эльбы, в болотистой земле бельзамов. Однако потом славяне, одолевши саксов, истребили их, и вся земля оставалась во владении славян до сего дня. Ныне же, так как господь даровал нашему герцогу и другим князьям благоденствие и победу, славяне везде поражены и подверглись изгнанию. И пришли от края океана сильные и многолюдные племена, которые захватили славянские земли, воздвигли города и церкви и возросли в богатстве превыше всякого чаяния.

---

[1] Альберт (или Альбрехт) Медведь считается основоположником Бранденбургско-Прусского государства. Будучи родом из Швабии, он в 1134 г. получил от императора в лен так называемую «северную марку» (на средней Эльбе), *привлек сюда немецких колонистов и захватил соседние славянские* земли, в частности Бранденбург, главное княжество лютичей. Умер Альбрехт Медведь в 1174 г.

[2] Названия славянских племен.

[3] Сообщение Гельмольда о том, что главную роль в колонизации славянских земель играли голландцы, очень оспаривается.

II. НЕМЦЫ В ЛИВОНИИ.

ИЗ ЛИВОНСКОЙ ХРОНИКИ ГЕНРИХА ЛАТЫШСКОГО.

Был достопочтенный и поседевший в благочестии муж, по имени Мейнард, священник ордена святого Августина в Зигеберской обители[1]. Он лишь христа и проповеди ради прибыл[2] в землю ливов в сопровождении немецких купцов, которые, находясь в дружбе с ливами, не раз бывали в их земле и на кораблях приставали к устьям Двины[3].

Названный священник, получив позволение на проповедь христианства от короля плоцекского Вольдемара[4], которому языческие ливы платили дань, и вместе с тем подарок от него, приступил усердно к божескому делу и, проповедуя христианство ливам, воздвиг церковь в деревне Икесколе[5].

В следующую зиму леттоны[6] опустошили землю ливов и очень многих увели в полон. От ярости литовцев тот священник спасся тем, что с икескольцами скрылся в лесах. Когда литовцы удалились, Мейнард начал упрекать ливов в неразумии, что у них нет никаких укреплений, и обещал, что у них будут замки, если они решатся сделаться и пребывать детьми божьими. Ливы приняли предложение и поклялись, что примут крещение.

Поэтому в наступившее лето прибыли каменщики из Готланда[7]. Между тем ливы снова заверили в искреннем своем намерении принять христианскую веру и обещали, хотя и ложно, что часть народа крестится перед началом постройки икескольского замка, а когда замок будет совсем готов, то крестятся и остальные. Тогда каменщики положили основание. Пятая часть замка, воздвигавшаяся на счет проповедника, составляла его собственность, землю же под церковь он приобрел ранее того. Когда, наконец, замок был готов, крестившиеся отпали, а некрещеные отказались креститься.

В это время соседние язычники, семигалы[8], услышав о постройке из камня и не зная, что камни скрепляют известью, прибыли с большими корабельными канатами и хотели, по неразумию, замок стащить в Двину. Но они были переранены из метательных орудий и отступили, ничего не сделав.

---

[1] Зигеберская обитель — в Гольштейне, в Германии.

[2] В 80-х годах XII в.

[3] Немецкие купцы (главным образом из Любека) через Зап. Двину стали ездить со второй половины XII в. в русские города — Полоцк, Смоленск и Новгород.

[4] Речь идет о полоцком князе Владимире.

[6] Леттоны — литовское племя. Речь идет о событии 1184 г.

[5] На Зап. Двине.

[7] Готланд — остров на Балтийском море с главным городом Висби. Имел большое значение в балтийской торговле.

[8] Семигалы, или земгалы — латышское племя.

Подобными же лживыми обещаниями обманули Мейнарда соседние жители Гольма и, получив замок, извлекли пользу из своей хитрости.

В то время[1], когда строились вышеназванные замки, Мейнард был бременским архиепископом посвящен в епископы.

Но по окончании второго замка хитрецы забыли клятвы и никто из них не принял крещения. Проповедник скорбел, конечно, и в особенности когда они разграбили его имущество, избили кулаками его людей и решились его самого удалить из их земли; крестившиеся в воде думали омовением в Двине смыть с себя крещение и отослать его обратно в Германию.

Далее в хронике рассказывается, что язычники-ливы чуть было не принесли в жертву богам одного из помощников епископа — проповедника Дитриха. Его же ливы хотели убить во время солнечного затмения, «ибо язычники говорили, что он пожирает солнце» своими волхованиями. В конце концов епископ, видя упорство ливов, решил действовать силой оружия. Посланный в Рим Дитрих исхлопотал у папы объявление крестового похода против ливов, причем папа «дал отпущение грехов всякому, кто возложил на себя крест для устроения новоучрежденной церкви». Однако епископ Мейнард не дождался крестового похода. Он умер в 1196 г., а на его место был прислан новый епископ Бертольд. Ливы приняли его ласково, но вскоре «стали спорить между собою, сжечь ли епископа в церкви, убить ли его или утопить». Епископ убежал на Готланд и принес жалобу папе. Папа снова объявил крестовый поход, и епископу удалось собрать против ливов сильное войско.

Епископ, собрав войско, прибыл с ним в Лифляндию и двинулся к Гольмскому замку, стоявшему на острове посреди реки. Тут он послал гонца в замок спросить, желают ли они принять крещение, а принявшие крещение желают ли не отступить от христианства. Они воскликнули, что не хотят ни признавать веры, ни держаться ее. Епископ воротился с войском на то место, где теперь Рига, и советовался со своими, что делать дальше.

Между тем ливы собрались и в готовности к бою заняли позицию по ту сторону Риги. Они, однакоже, прислали гонца к епископу спросить, по какой причине он привел войско. Епископ отвечал: из-за того, что они из христианства возвращаются в язычество. Возражая, ливы говорили: «Эту причину мы устраним; отошли войско и возвращайся в мире со своими на твое епископство. Тех, которые приняли веру, ты можешь принуждать сохранять ее, но других привлекай к вере любовию, а не побоями». Епископ для верности потребовал, чтобы они дали ему заложниками своих сыновей; некоторые отказались наотрез. Но, чтобы, между тем, собрать часть заложников, они просили и получили краткое перемирие и по обычаю, для уверения в мире, прислали копья. Во время перемирия они убили многих немцев, отправившихся на фуражировку. Увидя то, епископ отослал обратно их копья и отказал им в мире.

[1] Речь идет о событии 1186 г.

Ливы тогда начали, по языческому обычаю, кричать и вопить, а с другой стороны саксонские войска готовились к бою и внезапно напали на язычников. Ливы бежали. Епископ, увлеченный быстротой своего коня, которым дурно правил, очутился посреди бегущих; двое схватили его, а третий, по имени Имаут, пронзил его копьем в спину; другие разорвали епископа на куски. Войско было, конечно, раздражено потерей своего вождя и как на коне, так и с кораблей, огнем и мечом, начало опустошать поля ливов.

Когда ливы увидели это, то, чтобы избегнуть еще больших потерь, возобновили мир и, призвав к себе священников, позволили в первый день в Гольме окрестить около 50 человек, а на другой — в Икесколе окрестилось около 100 человек. Они приняли в замки к себе священников и положили давать на содержание каждого священника по мерке зерна с плуга. Войско, видя это, успокоилось и приготовилось ехать домой...

По истечении одного месяца ливы нарушили мир; напав на братьев, мучили их и воровским и насильственным образом расхитили их имущество.

Следующим постом ливы снова собрались и положили умертвить всякого духовного, который останется на их земле после пасхи. Потому духовные как из страха смерти, так и для того, чтобы искать себе пастыря, удалились в Саксонию. Ливы положили также перебить и купцов, которые оставались в их земле, но купцы дали старшинам подарки и тем спасли свою жизнь...

В третий год своего посвящения епископ[1], оставив заложников в Германии, возвратился в Ливонию с пилигримами, сколько мог набрать их.

И в это самое лето на широкой равнине, у которой могла быть корабельная гавань, был построен город Рига[2]...

В это время названный брат Дитрих, предвидя вероломство ливов и невозможность противиться массе язычников, а также для того, чтобы увеличить число верующих и сохранить церковь между язычниками, учредил рыцарский орден братьев воинства христова[3], которому папа Иннокентий дал устав тамплиеров и знаки для ношения на одежде, именно меч и крест, и повелел ордену быть в повиновении епископу...

Рыцари давали 4 обета: послушания, целомудрия, бедности и непрестанной борьбы с противниками католичества. Из этих обетов меченосцы ревностно выполняли только последний. В Ливонию устремилась из Германии масса рыцарей-авантюристов, жаждавших легкой добычи. Больше всего их

---

[1] Речь идет о епископе Альберте, преемнике убитого епископа Бертольда. Это второй поход епископа в Ливонию, первый был неудачен.

[2] В 1201 г.

[3] Орден был основан в 1202 г. Позднее он получил название ордена Меченосцев. В 1210 г. папа дал новому ордену устав ордена тамплиеров. Рыцари носили белые плащи с нашитыми на них красными крестами и мечами (отсюда и название Меченосцев).

приходило из северо-западной Германии. Генрих Латыш сообщает, что среди крестоносцев, прибывших в Ливонию в 1205 г., были рыцари главным образом из Вестфалии и Саксонии. О действиях крестоносцев 1205 г. в хронике рассказывается следующее:

Когда это происходило и пилигримы возвращались по своей дороге, на них с ожесточением напали в густом лесу ливы из Леневардского и Икескольского замков.

Но нападение их обошлось без большой опасности для пилигримов, и они прибыли в Икесколу.

Увидев, что этот замок [Икескола] сильно укреплен (он был построен епископом Мейнардом) и пуст, они решили, что ливы недостойны иметь такое укрепленное место, ибо они хотя и были крещены, но все являлись бунтовщиками и неверующими. И по этой-то причине они ввели рыцаря Конрада во владение этим леном и оставили ему из пилигримов нескольких храбрых и готовых к бою мужей. Они хотели также снабдить его хлебом и для того сжали спелые уже посевы ливов частью серпами, а частью мечами. А как они не были в состоянии выдержать частых засад язычников, то жали все вооруженные. И когда замок был наполнен хлебом сверху до низу, то епископ, довольный подобным распоряжением, поручил господу богу остающихся здесь людей, а сам с прочими пилигримами отправился в Ригу.

Вскоре после этого, когда пилигримы вышли из Икескольского замка для сбора зернового хлеба, на них в лесах напали ливы и умертвили 17 человек, из которых одних принесли в жертву своим богам, других жестоко замучили...

Таким образом произошло, что все ливы, жившие по Двине, в смущении сердца и с пристыженным духом, дали заложников и, примирившись с епископом и прочими немцами, обещали, что те, кто еще пребывал в язычестве, примут крещение. Так случилось, что некрещеный и преданный языческим обычаям народ, повинуясь зову христа, приведен был под иго господне, оставил тьму язычества и узрел истинный свет, который есть христос. Поэтому им справедливо дозволено было иметь снова деревни и поле, и то, что они потеряли по праву; но они были совсем удалены из замка, устроенного близ деревни Икесколы, и затем как леневардские, так и икескольские ливы воротились во-свояси.

О том, как епископ и рыцари оформили свои права на захваченные земли, Генрих рассказывает следующее:

Епископ Альберт проходил [1] по местечкам, улицам и церквам Германии, ища пилигримов. Пройдя Саксонию и Вестфалию, он явился, наконец, ко двору короля Филиппа [2]. А так как епископ не мог ждать помощи ни от какого короля, то обратился

---

[1] В 1206 г.

[2] Филипп Швабский, избранный в 1198 г. королем одновременно с Оттоном IV.

к империи германской и Ливонию получил [в лен]от империи, вследствие чего блаженной памяти король Филипп обещал выдавать ему в пособие ежегодно по сто марок, но обещаниями богат не будешь...

В это самое время господь бог со дня на день увеличивал число и дружину братьев-рыцарей. По мере того как увеличивались численность и труд рыцарства, оно должно было получить увеличение в даяниях и имуществе, дабы, неся в войнах и других трудах тягости дня, могло получить в виде утешения динарии за свою работу. Потому они, братья-рыцари, просили епископа отдать им третью часть как всей Ливонии, так третью часть и других некрещеных еще соседних земель или народов, которых господь бог посредством их, рыцарей, и других рижан в будущем подчинит христианской вере, дабы они, рыцари, неся большие расходы, могли пользоваться и большими доходами. Поелику же епископ о таких мужах, кои, подобно каменщикам, денно и нощно стояли перед домом господа, отечески заботился и желал увеличить их число, потому он, дабы вознаградить их за труды и издержки, предоставил им третью часть одной Ливонии, ибо он сам получил Ливонию с верховною властью и правами от императора и передал им третью часть со всеми правами и верховною властью, но относительно передачи непокоренных или некрещеных земель он отказал им на том основании, что не может давать того, чего сам не имеет. Но рыцарство настаивало на своих просьбах; потому таковые были перенесены на усмотрение святейшего отца, который, поручив непокоренные еще земли господу богу, положил отдать рыцарям третью часть из покоренных земель с тем, чтобы епископу была предоставлена как признание послушания четвертая часть десятины в их частях. По просьбе епископа братья рыцарства разделили земли ливов на три части и предоставили епископу, как отцу, первому выбор [1].

III. РЕЙНСКИЙ СОЮЗ.

1. СЪЕЗД В МАЙНЦЕ

[13 июля 1254 г.].

Во имя святой и нераздельной троицы. Аминь. Судьи и консулы и все горожане Майнца, Кельна, Вормса, Шпейера, Страсбурга, Базеля и иных городов, клятвенно связанных союзом священного мира, привет всем верным во христе во имя того, кто зиждитель мира и источник спасения.

---

[1] Это происходило в 1207 г.

1. Поелику бедствия в землях [немецких]и дорожные напасти уже издавна вконец разорили многих из наших и привели к упадку многих добрых и степенных людей, так что ни в чем неповинные люди терпят утеснения безо всяких оснований,— то подобало в предупреждение подобных бурь и напастей посмотреть да поискать, как бы нам, отбросив всякие отступления от справедливости, вернуть к мирному состоянию хотя бы наши пределы и округа.

2. Вот почему мы настоящей своей грамотой желаем объявить всем, что мы, с помощью господа нашего Иисуса христа, единодушно согласились на следующем: взаимно обязавшись присягою, мы поклялись нерушимо соблюдать общий мир от ныне предстоящего праздника св. Маргариты[1] сего 1254 года на 10 лет.

2а. На этом мире вместе с нами присягнули также и досточтенные отцы архиепископы Герард майнцкий, Конрад кельнский, Арнольд трирский, епископы Рихард вормский, Генрих страсбургский, Яков мецкий, Бертольд базельский, а также многие графы и знатные господа, причем они, как и мы со своей стороны, благосклонно и щедро уменьшили тяжкие поборы как на суше, так и на воде.

3. Силой этого договора будет охраняться таковое обещание, что не только старшие среди нас будут наслаждаться этой общей охраной, но и все младшие вместе со старшими церковные люди и монахи всех орденов, миряне и евреи пусть с радостью пользуются этой охраной и благоденствуют, пребывая в спокойствии священного мира.

3а. А кто нарушит или смутит мир сей, против тех мы подымемся всеми силами своими, пока не заставим их дать подобающее удовлетворение...

4. Относительно же вопросов, которые уже возникли между заключившими союз мира или, быть может, возникнут впоследствии, чтобы из-за них ни теперь, ни в будущем — да не случится этого — не возникало очага раздора или повода к разногласию, остановились на таком спасительном лекарстве: пусть каждый город и каждый сеньер, вошедший в наш союз, изберет нарочито для этого четырех присяжных, достойных доверия людей, которые, в силу переданных им на этот предмет полномочий, под обязательной присягой будут решать все вопросы путем полюбовного соглашения или суда...

7. Если во владении какого-либо сеньера или в каком-либо городе мир будет нарушен, упомянутые четверо, предназначенные для этой цели сеньерами или городами, соберутся из-за нарушения мира, а также для обсуждения дела о мире и будут обсуждать общим советом, как можно почетным способом поправить дело и восстановить священный мир.

[1] 13 июля.

2. СОБРАНИЕ В ВОРМСЕ.

[6 октября 1254 г.].

Во имя господне, аминь. В 1254 году, в неделю св. Михаила, в городе Вормсе собрались воедино мы, связанные присягою, для охраны мира, города, как верхние, так и нижние, имели съезд и тщательно обсуждали то, что касается общего мира, во славу бога и матери нашей, святой церкви, а также и священной империи, во главе которой ныне стоит светлейший государь наш Вильгельм [1], король Римский...

1. Во-первых, мы постановляем, что не станем совершать никаких походов, иначе как по общему зрелому обсуждению всех городов, и притом прежде всего в такие места, где они наиболее необходимы, взаимно помогая друг другу по мере сил и равномерно неся все тяготы.

2. Также постановили мы, чтобы ни одному сеньеру, противнику заключенного нами на присяге мира, ни один город не доставлял припасов, ни один сеньер, связанный с нами договором, не доставлял оружия или другого вспоможения, никто, ни христиане, ни евреи.

3. Также, чтобы не оказывалось никакого кредита и не давалось никакого займа в городах наших тем, кто противник мира и наш.

4. Также мы постановили, чтобы никто из граждан ни в одном городе не имел с ними никакого общения ни советом, ни помощью, ни одолжением; так что если это станет известным и очевидным, а именно, можно будет доказать это его собственными словами, то виновный изгнан будет из города, а с движимого и недвижимого его имущества взыскано будет столько, чтобы другим впредь было неповадно.

5. Также, если кто-нибудь из рыцарей за пределами земель своего сеньера, враждебного нам, преследует нас или утесняет, помогая своему сеньеру против общего мира, то мы заприметим себе это лицо и поступки его, кто бы это ни был, дабы расплатиться с ним каким-нибудь способом. Если же он будет схвачен в каком-нибудь городе, то мы задержим его до надлежащего удовлетворения. Если же вилланы, для которых мы хотим быть охранителями и защитниками от обид, раз они будут жить с нами в мире,— выступят против нас, то мы восстанем на них с должным возмездием и, схватив их, накажем их в городе, как злодеев наших.

6. *Также мы желаем*, чтобы все города привлекли и притянули к себе суда с ближайших переправ, чтобы не было ни одной переправы за пределами городов, вошедших в союз, чтобы противникам мира не оставалось ни одной переправы через

---

[1] Вильгельм Голландский, числившийся королем Германии с 1248 по 1256 г.

Рейн и чтобы они, вследствие этого, не могли пользоваться удобствами.

7. Также постановляем, что если кто-нибудь из сеньеров или рыцарей поклянется стоять за наш мир, то он и будет охраняться миром в меру сил наших, а кто не заключит с нами мира, тот останется выключенным из общего мира.

11. Также запретили мы накрепко, под страхом наказания, чтобы никто из граждан никоим образом не объявлял файды[1] сеньерам, хотя бы они были и нашими противниками; этим мы вовсе не отказываемся от взыскания с них за обиды, однако сначала попробуем усовестить самих сеньеров, чтобы они прекратили обиды, не принуждая нас выступать против них.

13. Также обещали мы, чтобы в то место, где назначим мы съезд,— а в этом часто бывает нужда,— господа и города посылали тех самых четырех, которые предназначаются для этой цели, или часть их, согласно тому, как этого требует ход разбираемого дела; послы эти должны иметь полные полномочия от своих городов для решения предстоящих дел и тут же сообщать своим городам постановления. Все же приехавшие с городскими послами или прибывающие к ним будут неприкосновенны, так что их нельзя подвергнуть никакому суду.

15. Также обещали мы накрепко, что если кто-либо из соучастников союза нарушит мир, то мы выступим против него скорее, чем против чужого, и принудим его к подлежащей расплате.

16. Также обещали мы честно предупреждать посредством грамот друг друга и состоящих с нами в союзе сеньеров обо всем, что мы разузнали про наших соперников, или про иных могущих нам повредить, для того чтобы своевременно предусмотреть все.

17. Также постановили мы, чтобы никто не смел насильственно проникать во дворы или дома церковных людей: всяких монахов и монахинь, серых, черных, белых и всяких других орденов, и не смел требовать от них, против их желания, приюта, съестных припасов или услуг или чего бы то ни было и никоим образом не смел вымогать. Буде же кто-нибудь нагло дерзнет сделать такую попытку, то будет сочтен за нарушителя мира и подвергнут суду.

18. Также постановили мы, чтобы каждый город требовал и добивался от всех тех своих соседей, которые еще не примкнули к союзу, чтобы они присоединялись. Если же те этого не сделают, они будут совершенно оторваны от мира, так что никто не станет считаться нарушителем мира по отношению к их личности или имуществу, если сделает что-нибудь против них.

---

[1] Частная война.

19. Также мы желаем, чтобы все участники союза как господа, так и города и все другие надлежаще и сообразно своему званию заготовляли бы себе вооружение, с тем чтобы они в любое время, когда нам понадобится и когда от них этого потребуют, были наготове.

3. ТРЕТИЙ СЪЕЗД В ВОРМСЕ

[14 октября 1255 г.].

1. Также назначили мы съезд в Страсбурге в Михайлов день [29 сентября] для обсуждения дел мира. Ехавшие на этот съезд послы городов были захвачены... Эмиконом, графом Лейнинген, воровски, в тиши ночи, а именно, Арнольд казначей, Фридрих, староста майнцкий, Вольфрам рыцарь и Генрих, сын Рихера, оба из Вормса, и отведены были в замок Ландек, в самый канун Михайлова дня...

2. После этого мы сейчас же собрались для обсуждения о случившемся в Вормсе в день св. Калликста [14 октября]. Постановили впредь иметь четыре общих съезда по делам святого мира в следующие сроки первый в Кельне, в богоявление господне, второй в Майнце, на пасхальной неделе; третий — в Вормсе, в день апостолов Петра и Павла; четвертый — в Страсбурге, в рождество пресвятой богородицы.

4. ТРЕТИЙ СЪЕЗД В МАЙНЦЕ

[12 марта 1256 г.].

1. По преставлении светлейшего государя нашего Вильгельма, блаженной памяти короля римского, собрались мы в Майнце 1256 г. на второе воскресенье великого поста, где также обсуждали многое, для святого мира важное. Осиротев без царя, мы постановили тут, чтобы каждый город по мере сил приготовился к войне, имел также копейщиков и стрелков, с которыми, буде нужда, мы сможем быстро притти на помощь друг другу. Тем же господам, рыцарям или иным, которые не поклялись в мире, мы не окажем никакой помощи.

2. А все, что идет королю, мы обещались на все время бескоролевья всеми силами охранять, а также обеспечить всякому владение и имущество.

3. На благо также всего народа и земли мы постановили и обещали там же под обязательством клятвы, что если господа князья, от которых зависит избрание короля, может быть изберут в короли более одного, то мы не станем поддерживать ни одного из них ни словом, ни делом и не окажем ему никаких услуг ни тайно, ни явно и не дадим взаймы и не впустим ни в один город и не принесем присяги на верность.

4. Если же какой-либо город это постановление нарушит, то будет считаться клятвопреступным и лишенным чести, и мы всеми силами восстанем против него до полного его разрушения.

5. Если же князья выберут одного, мы немедленно и беспрекословно окажем ему должные службы и почести.

IV. ГАНЗЕЙСКИЙ СОЮЗ.

1. ГАМБУРГ И ЛЮБЕК. ГРАМОТА О ДРУЖБЕ И ВЗАИМНОЙ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЕ [около 1230 г.].

Честным и мудрым мужам и возлюбленным друзьям своим — фогту, консулам и прочим любекским горожанам фогт, консулы и община города Гамбурга шлют изъявления готовности к услугам и доброжелательства. Да ведает благоразумие ваше, что настоящую нашу взаимную дружбу и взаимную любовь мы всемерно и со всяким тщанием и впредь соблюдать желаем. Посему уведомляем вас, что наши права должны быть и вашими правами, и наоборот; вследствие этого горожане ваши и товары их, к нам беспрепятственно вывозимые, должны пользоваться тем же миром и тою же безопасностью, какими и наши горожане с их товарами пользуются. На то издаем настоящую нашу грамоту, скрепленную приложением нашей печати.

2. ЛЮБЕК И ГАМБУРГ. ДОГОВОР ОБ ОХРАНЕ ТОРГОВЛИ [1241 г.].

Фогт, совет и община города Любека... Мы и возлюбленные друзья наши, горожане Гамбурга, заключили взаимное соглашение о нижеследующем:

1. В случае, если против наших или их горожан поднимутся разбойники и иные злые люди, начиная от места впадения в море реки, именуемой Травой[1], и до Гамбурга, а также по всей Эльбе до моря, и будут чинить на наших и на их горожан вражеские нападения, то мы с ними и они равным образом с нами на одинаковых началах должны будут участвовать в расходах и тратах на уничтожение и искоренение этих разбойников.

2. Далее, если кто из проживающих вне города кого-либо из горожан Гамбурга или Любека дерзким самосудом лишит жизни, ранит, изобьет палкою или каким-либо иным образом, чего да не будет, обидит, мы совместно с ними и они с нами сообща

[1] На этой реке, впадающей в бухту Балтийского моря, был расположен город Любек.

понесем расходы, какие потребуются для возмещения вреда и наказания. И если с их горожанами около их города или с нашими около нашего что-либо приключится, они со своими, а мы с нашими горожанами на общий счет накажем [виновных].

3. Кроме того, если над кем-либо из их горожан близ нашего города Любека или над нашими горожанами близ города Гамбурга будет учинено какое-либо насилие, мы их обидчика или обидчиков, а они нашего или наших на общий счет будем разыскивать для наложения на них взыскания и наказания по этому делу...

3. ЛЮБЕК, РОСТОК И ВИСМАР. ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПРЕСЛЕДОВАНИИ РАЗБОЙНИКОВ И ИХ УКРЫВАТЕЛЕЙ [1259 г.].

Всем во христе верным... Общины городов Любека, Ростока и Висмара. Так как многие купцы, плавающие с товарами по морям, не могут из-за пиратов и разбойников пользоваться твердым миром и надежною безопасностью..., то вот мы общим советом постановили объявить настоящею грамотою во всеобщее сведение о нижеследующем: грабители купцов не могут пользоваться миром в церквах, на кладбищах, на воде и в полях, но все горожане и купцы будут считать их лишенными покровительства законов. А если разбойники явятся куда-нибудь с награбленною добычею, всякая область и всякий город, какие примут их добычу, будут считаться городами и всем купечеством виновными наравне с разбойниками и также лишенными покровительства законов...

4. ДОГОВОР МЕЖДУ НЕМЕЦКОЙ КОЛОНИЕЙ В ВИСБИ И ГОРОДОМ ЛЮБЕКОМ ОБ ОХРАНЕ ТОРГОВЫХ СНОШЕНИЙ ПО БАЛТИЙСКОМУ МОРЮ [1280 г.].

Всем, до кого дойдет настоящая запись, фогт, консулы и община немцев города Висби шлют привет во имя спасителя мира.

Хотим довести до всеобщего сведения, что мы и наши особенные друзья, все достопочтенные горожане и купцы — обитатели города Любека взаимно договорились о нижеследующем. Если бы случилось,— пусть этого не будет,— что какие-нибудь лица как высшего, так и низшего звания причинят нам или им, или же их или нашим согражданам, или каким-либо другим, к нам искренне расположенным, немецким купцам какое бы то ни было утеснение, отягощение или убыток в гавани реки Травы или в Зундском проливе, или начиная от тех мест вплоть до Новгорода, или на всем протяжении Восточного[1] моря и во всех портах и на всех промежуточных станциях для судов, мы совместно с любекскими горожанами исправим это [зло] и отомстим общими

[1] То есть Балтийского.

усилиями и за общий счет, согласно нашей и их потребности в силах [для этой цели], поскольку так было условлено сообща между нами и ими.

Но так как указанный договор должен нерушимо соблюдаться нами и ими целиком в течение ближайших десяти лет, мы засвидетельствовали выше писанное на данном листе своей подписью и прочно скрепили привешенной нашей печатью.

Дано в год от рождества христова 1280, в субботу перед рождеством богородицы.

5. ГАНЗА. ПЕРВЫЕ ОБЩИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ.

Постановления 1260—1264 гг.

Желаем довести до вашего сведения о [нижеследующем] решении, принятом по тщательном обсуждении мудрыми и честными людьми на помощь всем купцам, которые пользуются и управляются Любекским правом.

1. Во-первых, каждый город пусть по мере возможности оберегает море от пиратов и иных злодеев, так чтобы морские торговцы свободно могли вести свою торговлю.

2. Далее, если кто подвергнется за свой проступок изгнанию из одного города, пусть ни в какой из них вновь не принимается.

3. Далее, если кто-либо из горожан будет захвачен в плен, его не должно выкупать никакими средствами, но следует послать ему его пояс и нож.

4. Далее, никакой купец не должен покупать другого, если тот будет захвачен в плен, или принимать его от кого-либо в уплату долгов. Если сделает это, потеряет жительство свое в том городе и во всех прочих, в каких действует Любекское право.

5. Далее, если кто за разбой и грабеж будет объявлен вне закона в одном городе, он будет числиться таковым и во всех [городах].

6. Далее, если кто из государей осадит один из городов, никакой другой город не будет оказывать ему в чем-либо помощи в ущерб первому[1], если только [государь этот] — не сеньер его.

7. Далее, если в стране будет война, ни один город не будет вредить телу или имуществу кого-либо из горожан этих городов, но искренно окажет ему помощь.

8. Далее, если кто возьмет жену в каком-нибудь из этих городов, но явится первая жена и потребует его и сможет через посредство правомочных свидетелей доказать, что он ее законный муж, он будет обезглавлен.

9. Далее, если кто из горожан выдаст за кого-либо свою дочь или внучку, а другой заявит, что она его законная жена и не

[1] То есть подвергшемуся осаде.

сможет доказать этого через посредство правомочных свидетелей, он будет обезглавлен.

Настоящее решение будет действовать в течение одного года, а о том, что определят после, город городу даст знать своими письмами.

Дано в день Иоанна Крестителя в Висмаре.

Из постановлений 1265 года.

2. Далее, мы должны собираться однажды в год, где постановим, для [совместного] обсуждения городских дел.

5. Далее, если на морях соберутся пираты, все города должны нести затраты для истребления их сообразно раскладке.

6. ГРАМОТА, ДАННАЯ АНГЛИЙСКИМ КОРОЛЕМ ЭДУАРДОМ II НЕМЕЦКИМ КУПЦАМ, ПРИНАДЛЕЖАЩИМ К СОСТАВУ ГАНЗЕЙСКОГО ПОДВОРЬЯ В ЛОНДОНЕ

[7 декабря 1317 года].

Эдуард, божьей милостью король Англии... привет. Да будет вам ведомо, что славной памяти государь Генрих[1], покойный король Англии, наш дед, своей грамотой, пожалованной купцам немецкого королевства, именно тем, которые владеют подворьем в городе Лондоне, называемым в простонародье немецкий гильдейский двор, обещался поддерживать всех и каждого в отдельности и соблюдать по всему его королевству все те вольности и вольные обычаи, которыми они пользовались как в его правление, так и в правление его предков. И блаженной памяти государь Эдуард, покойный король Англии[2], наш родитель, продолжая оказывать такую же милость вышеуказанным купцам, соизволил поддерживать их и охранять все их вольности и вольные обычаи... Так как названная грамота родителя нашего, не упоминая о его наследниках, тем самым не обязывала нас к соблюдению вышеуказанных привилегий названным купцам, мы, по особой милости нашей, разрешили указанным купцам именем нашим и наследников наших, чтобы эти купцы все вместе и каждый в отдельности, и их преемники, к которым перейдет владение названным подворьем в названном городе, пользовались всеми этими вольностями и вольными обычаями...

Желая оказать названным купцам еще бо́льшую милость, мы... пожаловали им именем нашим и наших наследников и данной нашей грамотой утвердили за ними и их преемниками — обладателями вышеназванного подворья на вечные времена в пределах нашего королевства и власти нижеследующие вольности:

---

[1] Генрих III (126—1272).

[2] Эдуард I (1272—1307).

1. Именно, чтобы ни сами они, ни их имущество, ни товары их в пределах указанного королевства и власти не подвергались аресту и не задерживались никем, кроме как их сотоварищами, ни за какой долг, в отношении которого отсутствовали бы поручители или главные должники, и ни за какой действительно совершенный или намеченный к совершению поступок.

2. И чтобы мы или наследники наши не облагали ни их самих, ни их имущество или товары новой, неположенной пошлиной, сохраняя за нами и наследниками нашими исстари существующие поборы.

3. И чтобы эти купцы по всему королевству на вечные времена были свободны от мостового, дорожного и городового[1] сборов.

7. СТАТУТЫ ГАНЗЕЙСКОЙ КОНТОРЫ В БРЮГГЕ.

а) Приблизительно от 1348 г.

Во имя божие, аминь. Для пользы и блага всего купечества Римской империи германской нации определены и приняты с ведома и согласия всего вышеназванного купечества, пребывавшего в то время в Брюгге, писанные здесь статьи о нижеследующем:

1. Во-первых, вышеназванное купечество желает, что если кто нарушит постановления статей, содержащихся в наших привилегиях, учинивши тем вред господам и нарушивши договор, он повинен уплатить всему вышеназванному купечеству соответствующий штраф.

2. Далее, они желают, чтобы никто не должен был торговать товаром, который нельзя перепродать без убытка в Брюгге или вообще в области Фландрии; никто не должен также ссужать деньги под залог, письменное обязательство или на срок, чтобы нажить этим более денег или прибыли в пределах города или вышеназванной области. Желают также, что если кто-либо будет таким образом обманут вопреки справедливости и это сможет быть доказано через двух добрых купцов или маклеров, имеющих сведения по данному делу, он должен уплатить названным купцам по 5 шиллингов с каждого фунта всей суммы. И когда бы старшины ни пожелали, они могут всякого привести по своему усмотрению к присяге, чтобы он показал правду по этому делу.

3. Далее, никто не должен давать маклеру более того, что положено исстари, под угрозой штрафа в 5 шиллингов.

4. Далее, ни один купец не может вызвать другого в какой-либо суд, помимо нашего собственного суда, разве только кто-нибудь будет от суда уклоняться. И никто из наших людей не может наложить арест на чужое имущество иначе, как по нашему праву, разве только он сделает это из-за опасения того, что другой может предупредить его, действуя по фландрскому праву,

[1] Имеется в виду сбор на ремонт городских стен.

или разве он сделает это с разрешения старшин. Штраф за это — марка золота.

5. Дальше, желают, чтобы если какой-либо человек, живущий не по нашему праву, учинит кому-либо из наших несправедливость и не пожелает за это уплатить штраф сообразно учиненной несправедливости, тогда следует сделать о том представление перед старшинами. Старшины же должны просить всех купцов, чтобы они не давали этому человеку зарабатывать у них деньги до тех пор, пока он не внесет штраф. Далее, желают, чтобы, если кто-нибудь из наших людей это нарушит, повинен был уплатить штраф в размере одного фунта...

б) От 1354 г.

Эти нижеписанные статьи установлены с разрешения и согласия всего немецкого купечества... в Брюгге, в год [воплощения] нашего господа... 1354, в 20-й день апреля месяца.

7. Далее, постановлено... в названном году..., что если кто-либо заплатит за свой товар пошлину не в таком размере, как следовало бы заплатить по обычаям Фландрии, и будет в том уличен сборщиком пошлин, он должен внести купеческой общине столько же, на сколько он провинится перед сборщиком, да еще заплатить 10 шиллингов штрафа. И это не должно быть допускаемо.

8. Далее, если какой-нибудь своеправный человек в гордыне и гневе, без разрешения купечества, будет гнушаться немецким правом и отвергать его, такового не должно вновь принимать под покровительство купеческого права... И если кто-либо имеет с вышеназванным человеком соглашение, именно относительно недвижимости или общей доли в купеческом корабле, таковому следует соглашение с ним разорвать в течение года и дня, под угрозой штрафа в размере марки золота.

в) Приблизительно от 1360 г.

9. Далее, ни один человек, пользующийся немецким правом, не должен входить в товарищество и владеть недвижимостью совместно с фламандцами, под угрозой штрафа в размере марки золота.

8. ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ГАНЗЕЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ В НОВГОРОДЕ

[22 февраля 1346 г.].

Да будет ведомо всем, кто увидит и услышит эту запись, что старшины и мудрейшие из немецких купцов, которые тогда были в Новгороде, в полном единодушии согласились, руководствуясь письмами и полученными через вестников указаниями городов вне страны и внутри ее, у моря, о нижеследующем.

1. Чтобы никто не совершал в Новгород более одной поездки в год, кто бы он ни был, и не привозил в Новгород товары более одного раза в течение года, будут ли эти товары его собственные или компанейские или какие-либо иные. Постановлено, что если кто-либо будет застигнут с такого рода товарами, их подлежит считать конфискованными, вне или внутри страны, где бы то ни было, в пользу св. Петра[1].

2. Далее, всякий, кто приезжает сюда по санному пути, по санному пути должен и уехать обратно; и лишь в том случае, если кто-либо везет общий фрахт или если можно доказать, что у него есть какая-либо уважительная причина, он может ехать с первой водой. И если случится, что кто-либо воспользуется первой водой, он должен именоваться летним путешественником.

3. Далее, если кто приедет сюда водным путем, тот должен водным путем и выехать обратно; и лишь в случае, если он везет общий фрахт, ...может он ехать в зимнее время. И если случится, что кто-либо пропустит вышеназванную последнюю воду, таковой должен именоваться зимним путешественником. Это решение должно действовать до рождества, как оно действовало уже в течение трех лет, и его надо соблюдать честно.

4. Далее, никто не должен ездить с товарами по суше, будет ли то [путь] через Пруссию или Швецию, нельзя также ездить с повозками на Эзель или в Курляндию и вообще каким бы то ни было путем совершать поездки с повозками, под угрозой лишения свободы и конфискации имущества; разрешается ездить только на кораблях — в Ригу, в Ревель или в Пернов. Если случиться, что кто-либо нарушит это вышеназванное постановление, тот лишится свободы и имущества, и это не должно быть терпимо.

5. Далее... должны мы держаться следующих правил в отношении русских: по единодушному решению, для пользы всего купечества, после ближайшего праздника св. Михаила[2] нельзя покупать — ни в розницу, ни оптом — сукна, материи и изделия *из пушнины русского производства*, а *также все прочее*, что изготовлено вне домашнего хозяйства [русских]. Можно покупать лишь хлеб и тому подобные [сырые] продукты по их настоящей стоимости. Все вышеупомянутое никто не должен покупать после ближайшего дня св. Михаила ни в Новгороде, ни в Пскове, ни в Полоцке, ни в Риге, ни в Дерпте, ни в Ревеле, ни в Феллине, ни в Готланде, ни в ином каком-либо месте, куда обычно ездят русские... Все это не должен покупать ни один человек, который желает пользоваться купеческим правом, кто бы он ни был. А если кто нарушит это постановление, тот карается конфискацией имущества и платит штраф в 10 марок... в пользу св. Петра.

[1] Имеется в виду церковь св. Петра, бывшая центром ганзейского подворья в Новгороде.

[2] То есть 29 сентября.

6. Далее, никто не должен иметь в Новгороде в год более тысячи марок [вложений] ни в товариществе, ни в своем собственном деле, ни как-нибудь по-иному. Если кто это нарушит, его товар должен быть конфискован в пользу подворья св. Петра...

7. Далее, вменяется в обязанность старшинам св. Петра от каждого принимать клятву в том, что он с помощью бога, всех святых и св. Петра будет соблюдать по доброй воле и без всякого коварства содержащиеся в настоящей записи постановления...

8. Далее, ни один ученик старше 20 лет не может пользоваться в Новгороде купеческим правом, но всякий, кто желает жить по этому праву, должен пройти обучение здесь, кто бы он ни был.

Дано в 1346 г., в соборе св. Петра. Вам вменяется в обязанность... *прибивать список этой записи на носу корабля.* Будьте здоровы, милые друзья.

9. *ОБЯЗАТЕЛЬСТВА БРЕМЕНА ПРИ ОБРАТНОМ ПРИЕМЕ ЕГО* В НЕМЕЦКУЮ ГАНЗУ

[3 августа 1358 года.].

Мы, консулы и община города Бремена, выражаем безмерную благодарность почтенным мужам, консулам приморских городов, а также других городов и рядовым купцам немецкой Ганзы Священной римской империи за то, что они вновь благосклонно приняли нас в свою среду и допустили пользоваться вольностями и привилегиями названных купцов, хотя мы и были лишены этих *вольностей в течение некоторого времени*[1]. Мы *желаем довести* до сведения всех и каждого, кто когда-либо пожелает лично выслушать или увидеть настоящий документ, и публично заявляем этим документом, что хотим нерушимо и твердо соблюдать все без исключения нижеписанные пункты и статьи, по которым договорились и пришли к соглашению в городе Любеке: от нашего имени и с нашей стороны достопочтенные мужи и господа Генрих, по прозванию Донельдей, и Бернард Деттенгузен, специально посланные нами для данной цели сочлены нашей консульской коллегии, а со стороны купцов вышеназванной Ганзы собравшиеся в Любеке достопочтенные мужи, господа консулы города Любека и других городов.

А именно, во-первых, когда бы и сколько бы раз ни потребовали нас господа консулы нижеписанных городов, т. е. Любека, Висмара, Ростока, Штральзунда и Грейфсвальда, для успеха и пользы всех вышеупомянутых купцов на помощь и для обороны гавани, именуемой Норзунд, мы должны охотно послать туда одно хорошее, вполне снаряженное судно с 50 вооруженными людьми и прочим военным снаряжением на наш счет и риск; и если бы бог дал нам и нашим помощникам, таким же защитни-

[1] В течение какого именно времени, в точности неизвестно; есть основание думать, что это время было довольно продолжительным.

кам названной гавани, победу над пиратами и прочими грабителями, то полученную при этом добычу мы должны быть готовы охотно разделить с названными нашими помощниками по количеству людей, т. е. по доле на каждого мужа.

Затем, когда бы и сколько бы раз ни потребовали нас господа гамбургские консулы для обороны реки Эльбы, мы обязаны охотно послать для означенной обороны на Эльбу на судне сотню вооруженных мужей точно так же за наш счет и риск, и если бы мы и тут захватили добычу у грабителей, мы должны поделить ее поровну между нами и помощниками нашими сообразно количеству и числу лиц, так, как это выше сказано. А если окажется необходимым послать в вышеуказанные места не по одному, а по нескольку судов, мы должны это сделать без какого-либо возражения.

Равным образом мы хотим с признательностью выполнять и твердо соблюдать все пункты и пожелания, принятые и постановленные господами консулами вышеуказанных городов в качестве представителей всех вышеуказанных купцов; и если бы кто-либо из наших граждан безрассудно дерзнул поднять паруса и совершить со своими кораблями и товарами такие рейсы и посетить такие места, которые оказались бы под запретом со стороны вышеуказанных господ консулов и купцов, стало быть, нарушил бы соответствующие постановления и решения и не захотел соблюдать ни тех, ни других, у такого [нашего согражданина] надлежит конфисковать все его имущество, а самого лишить свободы, причем две части имущества, которое он имел при себе в том городе, где его поймали, должны отойти к вышеназванным купцам, а третья часть — господам консулам того города, где он был захвачен; все же остальное его имущество, которым он до той поры владел в нашем вышеуказанном городе и в других местах, должно быть сохранено в неприкосновенности для передачи в распоряжение его наследников и ближайших родственников.

Равным образом настоящим обещаем и даем твердое обязательство в том, что будем ограждать вышеназванных купцов от ущерба. В отношении же всех тех преимуществ и договоров, которые мы имели и которыми пользовались до сих пор с тех времен, когда мы были лишены тех вольностей, какими пользуются вышеназванные купцы, разумеется, мы всецело за то, что такие преимущества и договоры не должны быть убыточными и опасными для вышеназванных купцов, так как всякие лукавые и зловредные оговорки совершенно исключены всем вышеписанным.

Точно так же, если, боже упаси, нам или кому-либо из нас, или нашим согражданам, или кому-нибудь от нашего имени, с нашего ведома, отбросив в сторону всякие церемонии, довелось бы действовать или выступать против вышеписанного, в таком случае мы и преемники наши должны быть исключены на вечные

времена из упомянутой Ганзы вышеназванных купцов и должны быть лишены всех прав вышеназванных купцов. В удостоверение всего выписанного к настоящему [документу] привешена печать нашего вышеназванного города...

V. ИЗБРАНИЕ РУДОЛЬФА ГАБСБУРГСКОГО.

КНЯЗЬЯ ИЗВЕЩАЮТ ОБ ЭТОМ ИЗБРАНИИ ПАПУ [1237 г.].

Так как несколько времени империя сиротствует, то, чтоб не блуждать нам долее без головы, собрались мы в день, для сего нами всеми указанный и согласно принятый, во Франкфурте для заботы об империи; после долгого рассуждения о назначении будущего короля, призвав сперва благодать св. духа с должной и обычной торжественностью, сохранив во всем подходящие чин и порядок, все и каждый по общему согласию, единодушно, обратили наши взоры на славного мужа господина такого-то как на лицо наиболее полезное и подходящее, и, имея особливое попечение о деле божием и государственном, мы единодушно и единогласно избрали его по указанию всевышнего в короли римские и будущие императоры.

Когда это избрание было отпраздновано по правилам, или, лучше сказать, как бог велит, мы торжественно повели его с несказанно великой радостью, при рукоплесканиях всех знатных и в сопровождении ликующего народа, и с поздравлениями, воспевая хвалу всевышнему, в Ахенскую соборную церковь, которая полагает первую ступень возвышения и славы королевской. Здесь он — в день такой-то — нами, Кельнским архиепископом, коему издревле надлежит сообщать королям благодать помазания, был коронован на престоле Великого Карла и помазан елеем священнейшего помазания.

Посему просим вас, святейший отец, примите благосклонно сего сына, в коем вы, без сомнения, найдете бестрепетного борца за матерь нашу. церковь, и непобедимого защитника веры православной. Действо же, столь мудро, столь верно, столь своевременно о нем совершенное, одобрите милостивым согласием и благосклонным утверждением и довершите дело божие, соблаговолив, когда угодно и удобно будет вашей святости, всемилостивейше призвать его к сиянию императорского венца, да ведает и уразумеет вселенная, что господь поставил вас светочем миру и что изволением вашим воссияет желанный после мрака светлый день.

VI. НИЗЛОЖЕНИЕ АДОЛЬФА НАССАУСКОГО.

[23 июня 1298 г.].

...Хотя мы с надлежащим почтением и мягкостью неотступно настаивали и просили светлейшего господина нашего Адольфа, первейшего из светских князей, о соблюдении общего мира, о том, чтобы он сам исправился, искупил свои проступки и достойно загладил бесчинства,— оный князь,— хотя мы его увещевали не раз, а многажды, униженно и преданно,— подражая жестоковыйности фараоновой и, яко аспид, затыкая уши свои, презрел с гордым упрямством и упрямой гордостью сии наши просьбы и спасительные увещания. А посему, не в силах без тяжкого оскорбления христа переносить дольше его несправедливости, мы принуждены, уязвленные голосом нашей собственной совести, всемерно покарать его по всей справедливости...

И вот, по голосу собственной совести и по многократному призыву славнейших князей Германии, которым вместе с нами принадлежит право избрания короля, будущего императора, в заботах лежащей на нас обязанности решили: не только вышеназванных князей, но и самого короля, ради восстановления святого мира, ради возобновления согласия, ради благополучия государства и блага всей земли, созвать на 15 июня, если это непраздничный день, а иначе — в ближайший непраздничный день[1], в каковой они непременно соблаговолят явиться в Майнц для обсуждения и решения о смутах и нестроениях царства, господу богу на утешение и людям на пользу. Итак, когда приблизился вышеназванный срок и был продолжен до кануна святого Иоанна Крестителя[2], вследствие *упорного уклонения короля* и отсутствия некоторых курфюрстов, славные князья, а именно господин Альберт, герцог Саксонии, за себя и за славного Людовика, пфальцграфа Рейнского, и господин Генрих и господин Герман, маркграфы Бранденбургские, и многие другие князья, графы и бароны Германии заодно с нами[3], а мы замещаем досточтенного отца Викбальда, святой Кельнской церкви архиепископа, равно и пресветлого государя Вячеслава, короля Чехии,— по специальному поручению сих князей и в силу переданных ими нам неограниченных полномочий в указанное время и в указанном месте, в общем и в частностях, сошлись на вышеуказанном и на нижеследующем.

По рассмотрении и тщательном обследовании князьями и иными бывшими налицо мудрыми людьми вышеназванный король Адольф, вследствие устных свидетельств очень многих честных людей и других законных данных, оказался явно и доподлинно замешанным в упомянутых бесчинствах и преступлениях

---

[1] 15 июня в 1298 г. как раз пришлось на воскресенье.
[2] 23 июня.
[3] То есть архиепископом Гергардом.

Сверх того, король этот был найден недостаточным и бесполезным для столь великого правления и столь великой власти, как это доказала тяжелая, все более и более разраставшаяся по всей Германии бранная смута, безумно вызванная им самим и его людьми, т. е. теми, которые скорее должны были ее утишить.

Посему, после тщательного рассуждения с курфюрстами, епископами, прелатами, герцогами, графами, баронами и всеми мудрыми, здесь находящимися, по общему решению, воле всех и единодушному согласию всех тех, кого это касается, — вышеназванного господина Адольфа, который оказал себя столь недостойным королевской власти и который за свои злодейства и прочие дела отвергнут богом, мы лишаем царства, — да не царствует более! — и открыто заявляем, что это лишил его господь, и тем самым, согласно единодушно выраженному решению курфюрстов, постановляем освободить от нерушимой присяги всех тех, кто связан с ним оной, накрепко запрещая кому-либо впредь повиноваться и служить ему как королю.

Дано в Майнце в год 1298, в канун святого Иоанна Крестителя.

VII. ГУСИТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

1. НАЧАЛО ВЫСТУПЛЕНИЯ ТАБОРИТОВ.

(Из современной хроники.)

Итак, следует отметить, что король Чехии по настоятельной письменной просьбе короля римского[1] и по настояниям папского легата[2] приказал изгнать из города Праги некоего Яна Есениц[3], из-за которого над городом больше года тяготел церковный интердикт[4], а прогнанных приходских священников приказал вернуть в их приходы; таким образом была восстановлена божественная служба в пражской и в других церквах. По-моему, это было в 1419 г. Видя это, виклефиты стали придумывать, как бы им расстроить этот восстановленный порядок, чтобы их секта не погибла от немилости короля. Они собрались во время пасхальных праздников на одной горе, отстоявшей на 500 или несколько

---

[1] Таков был официальный титул Сигизмунда как главы Священной римской империи до коронования его императорской короной.

[2] Уполномоченный римского папы при дворе какого-либо государя или вообще в какой-либо стране.

[3] Деятель гуситского движения, магистр свободных искусств и доктор прав Пражского университета.

[4] Запрет совершать церковные службы и религиозные обряды в месте пребывания того лица, из-за которого наложен интердикт. Одна из мер борьбы католической церкви со своими противниками.

больше шагов от замка Бехин, каковую гору они назвали Табором, вследствие чего эти сектанты позднее и были прозваны таборитами. Сперва на этой горе, через восемь дней на другой горе, а еще через десять или четырнадцать дней опять на новой горе они собирались торжественно на свои сходбища, и на протяжении четверти года число их увеличилось настолько, что в их зловредном сообществе насчитывалось до 50 000 чел., не считая женщин и детей. Сойдясь в субботу, в день святой Марии Магдалины [1], на вышеуказанной горе Табор, они единодушно согласились на том, что скорее готовы претерпеть смерть, чем вынести душевные терзания в случае, если бы они сошли с избранного ими пути, на котором они совершали многие допущенные у них мерзости, а именно причащались каждодневно под обоими видами [хлебом и вином] и утверждали, что это необходимое для спасения души причастие должно преподноситься не только взрослым, но и детям, причем над новорожденными таинство причащения совершалось путем растирания хлеба пальцами и растворения его в материнском молоке; таким нечестивым и отвратительным способом они преподносили святое причастие грудным младенцам.

Заключив между собой такого рода соглашение, они послали сказать королю, что их до сего времени вводили в заблуждение нечестивые священники, которые предлагали мирянам великую тайную вечерю господню лишь под видом хлеба, и что все они предпочли бы смерть без сопротивления и без ропота отказу от причащения под обоими видами.

Эти их слова, брошенные на ветер, по ветру и рассеялись бесследно; но, увы, другое крылось в их сердцах, что обнаружилось из их кровавой деятельности, а именно они предпочли не умирать, а умерщвлять всех, кто сознавал себя противником их секты, допускающей такое лицемерие и склонной не претерпевать смерть, а со свирепой жестокостью причинять ее другим.

В течение этого же 1419 года и двух последующих лет табориты выступали во многих местах, опустошая города и местечки, монастыри, обители, страннопримные дома, разрушая церкви и алтари, а некоторые из них и сжигая, и беспощадно убивая застигнутых там верных сынов католической церкви. Такой участи в числе других [населенных пунктов] подверглись Кадан, Хомутов, Берона, Чешский и Немецкий Броды, Гермер и Троцнов, которыми они овладели изменническим путем и в которых они всех твердых в своей вере христиан, в каком бы количестве ни удавалось их там найти, как знатных, так и простолюдинов, рыцарей, оруженосцев, женщин, девушек, грудных младенцев и стариков, и в особенности священников и монахов, лишали жизни, одних сжигая на костре, других кидая в воду, третьим отсекая головы мечами, не щадя ни монашеского безбрачия, ни святости священнического сана, ни слабого пола, ни нежной юности, ни зрелой и

[1] 22 июля

достопочтенной старости. Они разрушали до основания все богато обеспеченные королями и князьями обители и монастыри, расположенные как в сельских местностях, так и в городах Чехии, за исключением лишь двух. Я прохожу молчанием разрушение монастырей, расположенных в сельских местностях маркграфства Моравии.

В тех городах, предместьях и местечках, которые держат в своей власти виклефиты, они разгромили и сравняли с землей все обители нищенствующих монахов, за исключением одного лишь францисканского монастыря св. Иакова, который мучители не допустили громить, а превратили его в склад для хранения зерна и плодов.

Все, что здесь рассказывается о захвате городов и разгроме монастырей, происходило после смерти короля Чехии Венцеслава [1]. При его же жизни была разрушена одна единственная обитель нищенствующих монахов доминиканского ордена в предместье Глатова да в Пильзене, Саце, Луне шесть или семь обителей доминиканского и францисканского орденов.

Король, принимая во внимание, что эти сектанты таборитского согласия множатся свыше меры, и опасаясь их заговора против своей жизни, так как они несомненно устроили бы его и давно убили бы короля, если бы подвернулся случай,— решил вступить в борьбу с их учениями; спохватившись, хотя и поздно, он расспрашивал и советовался насчет того, какими способами ему раздавить это ехидное, повсюду распространяющее свой змеиный яд содружество и очистить от вышеназванных сектантов подвластные ему земли. Советовался и расспрашивал он весьма настойчиво, но безуспешно: пока была возможность, он не хотел действовать, а когда захотел, то оказался лишенным возможности довести дело до конца. Среди своих советников он нашел немногих ему верных, не зараженных виклефитской ересью и не ставивших покровительство таборитскому сообществу выше почтения к королю и исповедания католической веры. Полагаясь на поддержку этих своих верных, хотя и немногочисленных советников, король решил для усмирения и обуздания тех, кто в своем буйном своеволии поднялся против декретов святого Констанцского собора [2], провести такую меру: сперва в Новом городе Праги, а в дальнейшем имея в виду сделать то же самое и в Старом городе и на Малой стороне Праги, назначил новых городских советников, мужей честных, справедливых и верных сынов католической церкви, надеясь, что они смогут достигнуть каких-либо хороших результатов в отношении сошедших с истинного пути, хотя эти последние, как говорит Соломон, с трудом поддаются исправлению. Таким образом, эти мужи, вступив в должность членов городского сове-

---

[1] Венцеслав или Вацлав, сын императора Карла IV, король Чехии с 1378 по 1419 г. После его смерти чешская корона перешла к его брату, королю, потом императору Сигизмунду.

[2] Имеются в виду декреты собора против гуситской ереси.

та, стали работать с неослабной энергией над тем, как добиться прежде всего того, чтобы простой, неученый народ не прилеплялся впредь к своим учителям и вождям, вернее сказать, соблазнителям, а скорее пришел бы в повиновение королю и закону, обнародованному святым Констанцским собором. Благодаря верной службе королю новых советников король узнавал от них о всех тайных планах таборитов, принятых ими в вышеупомянутый день праздника Марии Магдалины на горе Табор, и получил предупреждение о выступлении, которое должно было произойти в ближайший праздник св. Венцеслава близ Нового замка в окрестностях Праги, так как в нем в это время постоянно проживал со своим двором король. Ведь эти советники имели своих разведчиков на названной горе, которые присоединялись к таборитам, прикидывались их собратьями по секте и таким образом старались разузнать то, что их интересовало. Ввиду того, что они предостерегали короля о грозящих ему опасностях, а также вследствие насильственного изгнания из церковно-приходских школ учившихся там до тех пор детей гуситов, через восемь дней после праздника Марии Магдалины бургомистр, три городских советника, судья с несколькими бывшими вместе с ними горожанами — все эти известные в городе лица, общим числом 13 или 14, были безжалостно убиты. В воскресенье 30 июля некий Ян, бывший монах цистерцианского ордена [1], говорил проповедь в этот день в одном пражском храме и этой проповедью возбудил слушавший его народ к мятежному выступлению против городских советников и всех их ревностных сторонников... По окончании этой злосчастной проповеди, так часу в третьем, этот Ян устроил процессию к церкви св. Стефана, что в Новом городе Праги, неся с собою в ковчеге тело христово в сопровождении многочисленной толпы, вооруженной мечами и палками... [2].

Толпа осадила ратушу Нового города, выломав двери, поднялась наверх в ратушу и выбросила из окон сверху на землю бургомистра Николая Подвинского с тремя советниками, судьей, тоже по имени Николай, и несколькими горожанами, причем некоторых из выброшенных предварительно рассекали мечами и

---

[1] Этот Ян известен в истории под именем Ян Желивского, так как монастырь, в котором он раньше был монахом, был в городе Желиве. Цистерцианский орден, к которому принадлежал Ян Желивский, известен был, начиная с XII в., своей колонизаторской деятельностью за Эльбой.

[2] Момент начала вспышки замалчивается автором анонимной хроники. Судя по данным хроник Лаврентия из Бржезовы и Николая Пильгржимова, собранным у Ф. Палацкого (в конце ч. I т. III его «Истории Чехии»), этот момент рисуется в таком виде. Когда процессия во главе с Яном Желивским проходила мимо ратуши Нового города, члены городского совета вместе с их слугами загородили дальнейший проход и подвергли участников процессии насмешкам и оскорблениям. Говорили также, будто из окон ратуши бросали камнями в Яна Желивского. Участники процессии, очевидно, дали знать своим единомышленникам, и те вооруженными отрядами поспешили на выручку с разных сторон. Эти отряды под предводительством рыцаря Яна Жижки и бросились на штурм ратуши Нового города.

пронзали копьями. А руководитель этого злодеяния, названный Ян-отступник, не удалился с телом христовым, а все время возбуждал народ к совершению этого чудовищного преступления, вследствие чего лютые убийцы и мучители, возбужденные зажигательными словами названного Яна-отступника, искололи трупы кинжалами, а головы убитых разбивали молотилами и топорами настолько, что вследствие силы и обилия ударов и ран лица убитых, выброшенных из ратуши, едва могли быть узнаны, настолько зверски они были изуродованы...

После того как это дьявольское и злосчастное избиение стало известно королю, последний пришел в сильное замешательство; что же касается города Праги, то не весь он был смущен этим событием вместе с королем. Ведь очень многие радовались этому печальному кровопролитию и ликовали от этого весьма дурного дела, в особенности городские советники Старого города Праги, за исключением пятерых из них... Что же касается советников Малой стороны города Праги, то как будто все они без исключения, а также многие другие обитатели и окрестные жители всех трех городов [1] и большая часть придворных короля и королевы явились соучастниками этого достойного проклятья человекоубийства, так как они и подавали советы и оказывали помощь убийцам. По этой причине непосредственным исполнителям убийства было позволено остаться безнаказанными и гулять на свободе, в то время как согласно требованиям правосудия они за совершение этих злодеяний должны были без всякого промедления понести заслуженное суровое наказание. И, наконец, народ в Новом городе, опираясь на поддержку таборитов, самочинно выбрал в городской совет новых советников, или скабинов [2], а во главе их поставили в качестве бургомистра некоего известного еретика из мирян, по имени Петр и по прозвищу Гус.

2. ЧЕТЫРЕ ПУНКТА, ИЗ-ЗА КОТОРЫХ ЧЕХИ ОКАЗАЛИ СОПРОТИВЛЕНИЕ КОРОЛЮ.

Во-первых: пусть слово божие проповедуется священниками свободно и беспрепятственно, как подобает согласно слову спасителя: «Идите по всему миру и проповедуйте евангелие всей твари». И никто не должен запрещать употребление любого языка для проповеди в церкви божией.

Во-вторых: пусть таинство божественной евхаристии [3] свободно преподносится под обоими видами, а именно — под видом хлеба

[1] В XV в. термин «город Прага» был собирательным именем для обозначения трех самостоятельных городских общин (Старый город, Новый город и Малая сторона), в разное время возникших и пользовавшихся каждая специальными правами и вольностями.

[2] Собственно, это заседатели городского суда; в данном случае, видимо, было соединение в одном лице двух должностей.

[3] То есть таинство причащения.

и вина всем верным христу, не отягощенным никаким смертным грехом, согласно изречению и наставлению спасителя, который сказал: «Примите и вкушайте, сие есть тело мое; и пейте её все, сия есть кровь моя нового завета, за многих изливаемая».

В-третьих: пусть отнимется и упразднится у духовенства право собственности на мирские богатства и блага, которым оно обладает вопреки наставлению христа, во вред своему служению и к ущербу для светской власти; и пусть само духовенство возвратится к той апостольской жизни по евангелию, которою жил христос со своими апостолами, согласно слову спасителя: «И, призвавши 12 апостолов, послал их с таким предписанием и словами: не обладайте ни золотом, ни серебром, ни деньгами в местах вашей деятельности» (евангелие от Матфея, X глава). «Будем довольствоваться, если у нас есть пища и есть чем тело прикрыть» (из посланий апостола Павла: послание к Тимофею, гл. VI).

В-четвертых: пусть все смертные грехи, особенно вызывающие общественный соблазн и другие непорядки, противные закону божию и совершенные представителями какого бы то ни было сословия, подавляются и искореняются подобающим образом теми, кому это ведать надлежит. Достойны смерти не только совершающие эти грехи, но и потакающие им, а грехи эти среди мирян следующие: блуд, чревоугодие, воровство, человекоубийство, ложь, клятвопреступление, занятие промыслами с мошенническими и надувательскими целями, занятие волшебством, корыстолюбие, ростовщичество и прочие тому подобные [грехи]. Среди духов[illegible]ства же такими грехами будут ересь, именуемая симонией[1], [illegible]нежные поборы за совершение таинства крещения, за конфи[illegible]цию[2], за исповедь, за совершение таинства причащения, за [illegible] освящение, за венчание, денежные таксы за заказные обедни, за заупокойные обедни, за молебны, за помин в годовой день смерти и проч., за погребение и изгнание бесов, за освящение церквей, алтарей и часовен, за получение пребенд и бенефициев[3], за получение духовных званий как высших, так и низших, денежные поборы при купле-продаже индульгенций и все бесчисленные, возникающие отсюда и оскверняющие церковь христову ереси. Нечестивые и неправедные обычаи, как-то: бесстыдные сожительства, дающие незаконнорожденных сыновей и дочерей, и другие мерзости, гнев, ссоры, пререкания, вздорное и произвольное сутяжничество с простыми людьми, терзающее и разоряющее этих последних, ненасытное взимание платежей, выпрашивание пожертвований и бесчисленные вымогательства у простых людей путем лживых обещаний. Все это вместе и по отдельности взятое

---

[1] Симония — продажа духовных должностей за деньги.

[2] Так называется первое причастие, которое в римско-католической церкви дается лишь подросткам.

[3] *Пребенды — доходы* с церковных имуществ, шедшие *на содержание* духовенства; бенефиции — церковные имущества, главным образом земли, приписанные к той или иной церковной должности.

пусть каждый преданный христу раб божий и верный сын матери своей церкви обязуется *преследовать и в себе самом и в других* и как самого дьявола ненавидеть и клеймить, однако не нарушая ни в чем порядка и не роняя своего звания. Если же кто-либо приписал бы нам помимо этого нашего благочестивого и святого намерения какое-либо безнравственное и чрезмерное стремление, пусть того считают верующие во христа за лживого и несправедливого свидетеля, так как в сердце нашем нет другого желания, кроме как из всех сил и при всякой возможности угождать господу Иисусу христу и верно следовать и выполнять его закон и заповеди и эти 4 католические статьи.

Защищая евангельскую истину по долгу каждого доброго христианина, мы с помощью предоставленной нам светской власти должны как жесточайшему тирану и антихристу оказать решительное сопротивление всякому дурному противнику и кому бы то ни было, кто вздумал бы нападать на нас за это и вопреки богу отвращать нас от такого доброго намерения и преследовать нас за него. А если бы из-за преступления кого-либо из нашей среды произошло что-либо дурное или скандальное, то мы заранее заявляем, что это случилось бы безусловно помимо нашей воли; ведь мы стоим за то, чтобы искоренить всякого рода преступления. А если бы в отношении какого-либо лица или церкви причинен был с нашей стороны имущественный ущерб или телесное повреждение, это значит, что мы вынуждены были к этому или крайней необходимостью или защитой закона божия и себя *против тиранического насилия. Однакоже мы заявляем,* что если кто-либо будет считать, что мы поступаем неправильно, мы изъявляем полнейшую готовность исправиться, выслушав поучение из священного писания.

3. НИЗЛОЖЕНИЕ КОРОЛЯ СИГИЗМУНДА И ОРГАНИЗАЦИЯ ГУСИТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Мы, Ульрих Розенбергский и проч.[1], открыто признаем этим самым, что, *после того как мы осознали многие и разнообразные* крупные бедствия — бури, опустошения и пожары, насилия и прочие неурядицы, которые были вызваны в нашем чешском королевстве отсутствием единства воли, разума и ревности к истинам, ясно провозглашенным священным писанием, и которые приковывают к себе все наше внимание,— наш долг требует превратить этот непорядок в порядок, а бури в тишину и согласие и тем самым восстановить и поддерживать всеобщее благо этого королевства. Поэтому мы и созвали общий сейм чешской земли, на котором мы обязались быть в согласии, и единодушно обсудили и заключили настоящий договор, в силу коего мы устанавливаем

[1] То есть гуситские бароны.

и решаем следующее. Прежде всего мы хотим охранять и оборонять нижеуказанные божеские истины с единодушием и полным рвением против всякого, кто вздумал бы препятствовать или вредить нам в их осуществлении или захотел бы насильно вырвать их у нас; мы хотим их исповедовать совместно с нашими подданными и защищать их на деле, за исключением того случая, если бы мы еще лучше того были научены священным писанием, против чего возразить были бы не в состоянии ни пражские магистры [1], ни священники. Содержание этих истин выражается в следующем. [Далее следует сокращенное изложение знаменитых 4 пражских статей, полный текст которых приведен выше.]

В-пятых: венгерский король Сигизмунд, который со своими пособниками больше всего причиняет нам вреда,— ведь от его несправедливости и жестокости все чешское королевство потерпело большой урон,— не должен считаться или приниматься нами, пока живы мы или он, как король или как наследник чешской короны, носить которую он стал недостоин вследствие своего недостойного поведения; разве только на то была бы божья воля и дали бы на то свое согласие пражские магистры, чешские бароны, таборитские общины [2], рыцари, рядовые воины, города и прочие чешские общины, которые приняли или примут истины, в вышеуказанных статьях содержащиеся. Ведь король этот известен своим презрительным отношением к этим святым истинам, о которых часто упоминается и которые ясно доказываются священным писанием. Он враждебно относится и к чешскому языку, и к тем, кто им владеет. В случае, если какие бароны, дворяне, города или какие-либо общины пожелали бы все-таки отколоться от баронов и дворян, преданных сказанным божественным истинам, и перешли бы на сторону короля и оказали бы ему помощь советом или делом без согласия на то пражской общины, баронов, дворян и других вышеназванных общин и если они после добросовестно доказанных увещаний как письменных, так и через специальных посланцев все-таки не пожелали бы немедленно покинуть короля, на них налагается нижеприводимое наказание.

В-шестых: мы сообща и единогласно наметили из нашего круга 20 мудрых, стойких и верных людей и выбрали Яна из Кнежевцев, Лидержа из Родкониц, Павлика, Яна Хорваша — мещан Старого и Нового города Праги, Ульриха Розенбергского, Ченека Варжембергского, барона Ульриха Градецкого, Гинека Крушину Лихтенбургского и Генриха Берку Дубского; Яна Жижку, Сбинека Буховского, Яна Смиковского, Микулаша Барховского, Милошу

[1] То есть ученые Пражского университета.

[2] Эти общины в ходе войны должны были приспособиться к задачам этой последней. Они разделились на двоякого рода общины: полевые (военные) общины и домашние общины. Последние оставались дома, занимались ремеслом и сельским хозяйством, работая на себя и на полевые общины. Полевые же общины были заняты исключительно военным делом. Они всегда стояли под оружием.

Богданека, Юша из Миркониц, Генриха Богаринского, Франца Рожмитальского, Ваха из Татти, Матвея Пражака из Градца на Эльбе, Матвея Гостица из Кауржима[1] для управления и руководства верховными делами чешского королевства. Этим должностным лицам, правителям и директорам всем вместе дали мы и даем в силу этого полную власть и права для управления, умиротворения и для всяческого успокоения чешской земли, для прекращения споров, разногласий и непорядков всякого рода, возникших и возникающих в чешском королевстве среди общин и отдельных лиц, и обещаем исполнить с несокрушимой верностью, без всякого злого коварства все то, что вышеназванные директора и правители решили бы сообща и единогласно или, по крайней мере, большинством голосов обеих сторон[2], принять, сделать или высказать или если бы они приказали кому-либо из нас честно и без промедления взяться за дело, вести его и выполнить до конца; в особенности обязуемся повиноваться им в том случае, когда от нас всех или от некоторых из нас потребовалась бы спешная помощь и защита отечества и других стран; при этом мы обещаем в первую очередь лично за себя быть в готовности со всеми нашими силами и выполнять все их распоряжения там, где будет приказано нам находиться.

К этому каждый из нас обязывается, за исключением того случая, когда имеется серьезное основание для невыполнения, и оно было бы принято во внимание теми правителями; но эта власть должна рассматриваться всегда как исходящая от нас, как нами руководимая и получающая от нас директивы. Согласились также на том, что если бы кто-нибудь захотел уклониться от присоединения к этому договору и к благословенным, вышеозначенным статьям, его должно принудить к этому решением вышеуказанных правителей, а если бы некоторым из этих последних довелось вызвать неудовольствие избравшей его общины, эта община может избрать другого на его место. Точно так же директора во всех тяжелых случаях, которые они не были бы в состоянии или не сумели бы решить ни сами, ни по предписанию закона божия, должны пригласить к себе 2 духовных лиц: магистра Яна Пржибрама[3] и священника Яна, пражского проповедника[4], выслушать их добрый и правильный совет и воздавать каждому по праву и справедливости. Было прибавлено далее, что правители и директора не должны вверенную им вышеуказанным порядком власть

---

[1] В этом списке первые 4 лица являются представителями города Праги, вторые 5 — представителями баронов, третьи 2 — таборитских общин, четвертые 5 — рыцарства, пятые 4 — представителями остальных городов и прочих чешских общин.

[2] Повидимому, здесь разумеются, с одной стороны, представители баронов и Праги (т. е. чашники), с другой — представители рыцарства и прочих городов и общин (табориты).

[3] Видный гуситский богослов, один из известных «чашников».

[4] Это — Ян Желивский, известный нам по той роли, которую он сыграл в пражском восстании 1419 г. (см. «Начало выступления таборитов»).

удерживать долее, чем до ближайшего праздника св. Венцеслава, за исключением того случая, если бы мы в течение этого времени получили с божией помощью короля. Каждое вышеуказанное сословие должно поэтому оставаться при своих учреждениях и вольностях, но так, чтобы каждый придерживался вышеприведенных четырех статей, разве только вышеназванные общины единогласно выскажутся специально по данному поводу и на основании этого захотят принять другое решение.

4. О ВОЕННОМ ДЕЛЕ У ТАБОРИТОВ.

Они располагались с находившимися при войске женщинами и детьми на поле, так как у них имелось множество повозок, которыми они имели возможность огородить себя и укрепить наподобие вала и стены. Когда они шли в бой, то выстраивали повозки в два ряда, между которыми помещали пехотинцев; конников же они ставили снаружи перед повозками, не на далеком расстоянии от них. Перед началом боя, по данному командиром сигналу, быстро окружали какую-либо точно намеченную часть неприятельского войска; после окружения повозки снова смыкались, и, таким образом, враги, стесненные и зажатые между повозками, не имея возможности получить от других своих отрядов помощь и защиту, либо падали под ударом мечей пехотинцев, либо их поражали пулями и пиками мужчины и женщины на повозках. Конники сражались перед повозками; если враги делали на них мощный натиск, они медленно отступали за свои повозки и оборонялись там как в укрепленном стенами городе, и таким способом они выигрывали много битв и одерживали победу. Ведь соседние народы не знали этого способа ведения войны, а чешская земля с ее обширными и ровными полями по природе своей давала достаточно возможностей выстраивать рядами телеги и повозки, пускаться с ними врассыпную по полю и вновь соединять их.

5. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ТАБОРИТОВ.

«В это время [1] не будет на земле ни королей, ни властителей, ни подданных, исчезнут все подати и налоги, никто никого не будет принуждать к чему-либо, ведь все одинаково будут братьями и сестрами».

«Как в городе Таборе нет «моего» и «твоего», но все общее, так и всегда все должно быть общим для всех и никто не должен иметь отдельной собственности, а кто таковую имеет, повинен в смертном грехе».

---

[1] То есть во время «второго пришествия» христа на землю, в которое горячо верили наиболее экзальтированные религиозные мечтатели из таборитов.

Сообразно с этим они находят нужным учить, что не подобает впредь ни иметь короля, ни выбирать себе таковового, но что теперь сам бог хочет быть королем над людьми, и правление должно быть передано в руки народа, что всех господ, дворян и рыцарей следует ниспровергнуть и уничтожить, как неправильно растущие деревья в лесу, что должны быть уничтожены теперь подати, налоги и платежи вместе со всякой княжеской властью и светским владычеством, что должны быть отменены все княжеские, земские, городские и крестьянские права как выдумки людей, а не дело божие, и что даже прежний закон божий во многих его разделах, например в разделах о терпении, о повиновении королям и господам, а также о податях и т. д., должен быть признан недействительным, так как тогда каждый будет иметь закон божий написанным в своем сердце.

6. РЕЛИГИОЗНОЕ УЧЕНИЕ ТАБОРИТОВ.

«Тому, о чем ясно не сказано и не написано в библии, христиане не должны верить и за то не должны держаться, и кроме библии не следует никогда читать для поучения и проповеди никаких сочинений святых докторов или каких-либо магистров и светских мудрецов: ведь это люди, которые могли ошибаться; поэтому кто изучает семь свободных искусств или добивается стать магистром этих искусств или же допускает, чтобы его величали магистром семи свободных искусств, тот подражает язычникам, является суетным человеком и впадает в смертный грех против учения христа».

«Обедню не следует петь ни по-латыни, ни на каком-либо другом языке, кроме народного языка, и следует совершать ее в обычном платье и во всякое время, выпуская все прочее, кроме благословляющих слов, так как их произнес сам христос; так, а не иначе должна совершаться обедня».

«Каждая церковь, каждая часовня и каждый алтарь, выстроенные не во имя бога, а во имя какого-либо святого, должны быть разрушены или сожжены как места идолослужения».

«Никто не должен ни изготовлять, ни иметь, ни почитать изображений небесных или земных предметов или какую-либо картину, ведь это было бы идолопоклонством» [1].

«Никто не должен молить и призывать святых на небе о помощи или заступничестве у бога, ведь это было бы идолослужением».

«Мощи и останки святых не следует ни хранить в церквах их имени, ни почитать их, как священную память об этих святых».

«После телесной смерти души христиан не имеют ни времени,

---

[1] Впрочем, в других пунктах своего учения табориты, по словам Палацкого, допускали изображения на монетах, печатях и знаменах, а также картины светского содержания.

ни места для их очищения, и не следует верить ни в какое чистилище».

«Бесполезно и неразумно молиться, поститься и подавать милостыню за упокой душ умерших, и таким образом не должно быть никаких заупокойных обедеп и всенощных».

«Сорокадневный пост, посты в равноденствие, всенощные по пятницам и другие всенощные бдения не должны соблюдаться, как установления антихриста, но в эти дни всякому надлежит есть мясо или что ему заблагорассудится».

«Священники, не возведенные в епископский сан, могут, если того пожелают, выбрать или поставить священника своим епископом, а этот последний может посвящать во священники дьяконов или мирян».

«Ни один священник, который впал бы в смертный грех или какую-либо ересь, не имеет права благословлять тело и кровь Иисуса христа или крестить или отпускать грехи».

IV. ИТАЛИЯ XI—XV вв.

ВВЕДЕНИЕ.

В настоящем отделе прежде всего подобран (в гл. I) материал, касающийся торговли итальянских городов с Левантом.

Средиземноморская торговля европейцев с Левантом, т. е. с восточными странами (Левант — Levante — по-итальянски значит восток): Египтом, Палестиной и Сирией, Малой Азией, входившей в состав Византийской империи, с черноморским побережьем и с более отдаленными странами — Персией и даже Индией, имела очень большое значение для хозяйственной жизни Западной Европы в средние века.

Время расцвета этой левантийской торговли — XII—XV вв. Она начала развиваться с того времени, как европейцам — итальянцам и норманнам — удалось вытеснить арабов со средиземноморских путей. Торговля пришла в упадок к концу XV в., когда был открыт новый морской путь в Индию вокруг Африки и Средиземное море потеряло свое торговое значение.

В течение всего этого времени наибольшую роль в торговых сношениях с Левантом играли приморские североитальянские городские республики: Венеция, Генуя, Пиза. Выступивший несколько раньше их (X—XII вв.) южноитальянский город Амальфи сравнительно скоро потерял торговое значение. В XIV и XV вв. выдвигается Флоренция, но не столько как торговый, а как промышленный город — флорентинское сукно славилось по всей Европе и в больших количествах вывозилось на восток. Кроме того, флорентинцы выступали главным образом в качестве банкиров.

Города южной Франции (Марсель) и Каталонии (Барселона) тоже участвовали в левантийской торговле, но занимали в ней второстепенное место.

Между Венецией, Генуей и Пизой все время идет почти непрерывная ожесточенная борьба. Часты военные столкновения, но нередко и в мирное время предприимчивые капитаны за свой страх и риск, но с ведома, а иногда и при содействии городских властей выходят в море в качестве корсаров для нападений на суда торговых соперников. Происходят также столкновения в заморских городах между поселившимися там или приехавшими на время гражданами различных итальянских торговых городов. Пускается в ход и сложная дипломатическая интрига. В Константинополе итальянцы принимают участие в дворцовых переворотах. Генуя, Венеция и Пиза — каждая старается склонить византийское правительство на свою сторону, получить льготы и подорвать доверие к сопернику.

Через Средиземное море Западная Европа получала произведения далеких восточных и тропических стран, в первую очередь пряности: перец, гвоздику, имбирь, корицу, мускатный орех. Пряности употреблялись в средние ве-

ка в пищу, а также в качестве лекарств в очень больших количествах. Наряду с пряностями с востока привозились благовонные смолы: бальзам, камфара, ладан. Оттуда же Западная Европа получала роскошные шелковые и парчевые ткани — произведения высокоразвитого ткацкого искусства арабов, византийцев, а также и более отдаленных стран — Персии и Китая. С побережья Черного моря вывозили хлеб, меха, воск. Эти товары занимали большое место в левантийской торговле. Наконец, важной статьей была торговля рабами. Город Сарай на Ахтубе, рукаве Волги, и Кафа в Крыму были большими невольничьими рынками. С Черноморского побережья рабы-пленники партиями доставлялись в Египет, где из них составлялась армия султана — мамелюки; нередко и в Италии можно было встретить рабов и рабынь из черноморских стран. Несмотря на запрещения и ограничения этой торговли, итальянские купцы принимали в ней деятельное участие — дело было очень прибыльное.

Из Европы на восток по Средиземному морю вывозились шерстяные и льняные ткани, серебро, а главное — лес, медь, железо. Особенно бойко шла торговля лесом и стальными изделиями, в том числе оружием, с Египтом, несмотря на частые и строгие запреты со стороны папы продавать эти товары «неверным» и таким образом вооружать и усиливать их в борьбе против христианских государств.

Азиатские товары проходили длинный путь, прежде чем попадали к восточным берегам Средиземноморья. Выходы этих торговых путей к Средиземному морю и являлись главными торговыми центрами, с которыми западные европейцы завязывали сношения и где они стремились укрепиться.

Самый южный путь, целиком почти морской, шел из Индийского океана в Красное море, отсюда, с северного конца его, сравнительно короткой караванной дорогой к Нилу, затем вниз по этой реке. Он оканчивался в Александрии. Этот город был одним из важнейших торговых центров.

Другой путь, наполовину по суше, наполовину морской, шел из Индийского океана в Персидский залив к устью Тигра и Евфрата, вверх по этим рекам через Багдад по Месопотамии и далее круто на запад через Дамаск или Алеппо к берегам Сирии.

Из Средней и Южной Азии были еще пути по суше, шедшие через Тавриз в Персию. От Тавриза один путь ответвлялся на северо-запад и выходил к Трапезунду на Черное море, другой — на юго-запад и оканчивался в так называемой Малой Армении, в северо-восточном углу Средиземного моря, в Ляйяццо на берегу Александреттского залива. Оба эти пути приобрели особенно большое значение в XIV в., когда европейцы были вытеснены из Сирии и Палестины. К этому же времени относится и торговый расцвет острова Кипра.

Самым важным торговым центром был Константинополь. Сюда, в столицу Византии, свозились лучшие произведения византийской промышленности. Здесь оканчивался один из путей из Средней Азии и Индии, шедший через Малую Азию, сюда стекались и товары со всего черноморского побережья.

Черное море получило большое торговое значение с конца XIII в., когда монгольские завоеватели объединили под своей властью огромные пространства от Карпат до Великой китайской стены. В устье р. Дона заканчивался великий сухопутный тракт, который шел из глубины Азии, от западной границы Китая через степь Гоби вдоль Тяньшаньского хребта в Среднюю Азию

и далее мимо Аральского моря, между Каспийским морем и Уральским хребтом, к низовьям Волги, и по Дону спускался к Азовскому морю. Отсюда от него отходило ответвление, которое тянулось по Приазовским степям дальше на запад и выходило через Перекоп на южный берег Крыма.

Итальянцы придавали очень большое значение торговле с черноморским побережьем и прочно укрепились на нем. Венецианцы имели свою колонию в Тане, в устье Дона, а генуэзцы с конца XIII в. утвердились на южном берегу Крыма. Главной генуэзской колонией тут был город Кафа (нынешняя Феодосия), а затем Солдай (нынешний Судак) и Чембало (теперь Балаклава). В Солдае и Чембало генуэзцами были выстроены неприступные крепости.

В главе II собран документальный материал, относящийся к истории Флоренции XIII—XV вв. Известно, что раннее развитие торговли и товарно-денежных отношений в Италии повлекло за собой и глубокие социальные последствия. В Италии в областях больших торговых городов раньше, чем где-либо в Европе, происходит разложение феодализма. Власть переходит в руки бюргерства, дворяне часто изгоняются совсем или принуждены полностью подчиниться бюргерам.

Приводимые ниже флорентинские «Уставы правосудия», изданные в конце XIII в., являются яркой иллюстрацией этой полной победы бюргерства над дворянством. Вслед за тем приводятся данные об освобождении флорентинских крестьян от феодальной крепостной зависимости. Торговле, морской по преимуществу, нужны были свободные рабочие руки в виде портовых грузчиков, строительных рабочих на корабельных верфях, матросов. Поднимающаяся в некоторых городах, как, например, во Флоренции, промышленность (шерстяная) имеет не меньшую потребность в вольном, не крепостном труде. Но освобождение крестьян от личной крепостной зависимости здесь одновременно было и «освобождением» их от земли. Из феодального держателя земли крестьянин превратился в простого арендатора, земельным собственником становится бюргерство.

«В Италии,—говорит Маркс («Капитал», т. I, гл. 24, прим. 189),—где капиталистическое производство развилось раньше всего, раньше всего разложились и крепостные отношения. Крепостной эмансипировался здесь прежде, чем успел обеспечить за собою какое-либо право давности на землю. Поэтому освобождение немедленно превращает его в поставленного вне общества пролетария, который к тому же тотчас находит новых господ в городах, сохранившихся по большей части еще от римской эпохи. После того как революция мирового рынка с конца XV столетия стала уничтожать торговое преобладание северной Италии, началось движение в обратном направлении. Рабочие массами вытеснялись из городов в деревню и там положили начало неслыханному расцвету мелкой земледельческой культуры, организованной по типу садоводства». Маркс имеет в виду знаменитых итальянских половников, мелких арендаторов из части продукта, о которых он писал впоследствии, что их положение мало чем отличается от положения ирландских арендаторов. (Маркс и Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 112, письмо Маркса к Вейдемейеру от 11 сентября 1851 г.)

Следующий раздел документов касается восстания «чомпи».

Раннее развитие капиталистических отношений углубило классовые противоречия и вызвало ожесточенную классовую борьбу в итальянских городах.

республиках. Под феодальной оболочкой цехового ремесла зреют капиталистические формы эксплоатации наемного труда. В конце XIV в. во Флоренции происходит восстание младших, эксплоатируемых цехов и внецеховых рабочих шерстяной промышленности против старших цехов, объединявших купцов, банкиров и предпринимателей, захвативших в свои руки власть в республике. Восстание «чомпи» 1378 г. показало, что нецеховые рабочие уже достаточно сильны, чтобы выставить собственные требования и добиться — пусть на короткий срок — их осуществления. 18 июня 1378 г. младшие цехи *и нецеховые рабочие, подняв восстание, добились включения представителей* младших цехов в правительство, а 20 июля того же года «чомпи» — чесальщики шерсти — нецеховые рабочие, неудовлетворенные достигнутыми результатами, поднялись снова и, осадив здание правительства флорентинской республики, так называемой Синьерии, и разрушив ряд домов крупных капиталистов, выставили следующие требования: 1) учреждение трех новых цехов, в состав которых могли бы войти все неорганизованные ремесленники; 2) отмена кровавых телесных наказаний за уголовные преступления; 3) двухлетняя отсрочка платежей по долговым обязательствам, не превышающим суммы 50 флоринов; 4) замена существующей системы налогов единым подоходным налогом; 5) денежное вознаграждение друзьям чомпи и изгнание из города их врагов; 6) недопущение к занятию государственных должностей в течение 10 лет граждан, дома которых были сожжены во время восстания; 7) полная амнистия для всех восставших. Синьерия принуждена была принять эти требования и утвердить в звании гонфалоньера правосудия предводителя чомпи Микеле ди-Ландо.

Установив демократический порядок, чомпи не могли свергнуть буржуазии, которой предстоял еще долгий путь успешного развития, да они и не были достаточно сознательны для того, чтобы мечтать о собственном господстве. Поэтому рано или поздно владычеству чомпи должен был притти конец. Предприниматели стали закрывать мастерские, капиталисты уехали из города, начался голод. Микеле ди-Ландо, став во главе правительства, отменил некоторые налоги и приказал раздавать хлеб бедноте. Вскоре он, однако, оказался предателем. Оставив в неприкосновенности старое политическое устройство республики, он прежде всего позаботился о неприкосновенности имущества состоятельных граждан, а когда голодавшие чомпи в конце августа подняли новое восстание, Микеле ди-Ландо принял деятельное участие в его подавлении. Чомпи потерпели полное поражение. Во Флоренции были восстановлены старые порядки. Из трех вновь образованных цехов остались только два, третий, в который входили сами чомпи — чесальщики шерсти, был закрыт.

Непрекращающиеся в итальянских городах-республиках волнения низших слоев населения заставили правящую буржуазию в некоторых городах переходить к новой форме политической власти, более обеспечивавшей быстрое подавление восстаний, чем республика. Так в ряде городов вместо республики появляется своеобразная, чисто итальянская форма монархической диктатуры — итальянские «тирании». Тираны выходили либо из среды правящей буржуазии (Медичи во Флоренции), либо из среды «кондотьеров» — предводителей наемных войск.

Но переход к монархической власти не уничтожил политического раздробления Италии, существовавшего раньше. Хозяйственные причины раздроб-

ленности Италии — перевес купеческого капитала над промышленным и внешней торговли над внутренней и, отсюда, соперничество городов-республик за господство на внешних рынках и незаинтересованность их в единстве страны вследствие второстепенной роли внутреннего рынка — все эти причины продолжали оставаться и в период тираний. И напрасно лучшие умы Италии оплакивали ее политическую немощь — результат ее раздробленности и причину непрекращавшихся ограблений, которым она подвергалась со стороны ее более сильных соседей, французов и испанцев, объединившихся в это время в крупные национальные государства. Ниже приводится отрывок из «Государя» Макиавелли, характеризующий внутреннее состояние раздробленной Италии. *Итальянские тираны с их эгоистической политикой фамильного* обогащения в обстановке начинающегося упадка Италии со времени открытия морских путей в Индию и Америку превратились в своеобразных охранителей накопленного предшествующими веками богатства крупной итальянской буржуазии от натиска нищавших масс трудового населения Италии. Ни одна страна не знала в это время такого разительного контраста между богатством и роскошью с одной стороны и бедностью и нищетой — с другой. Пышная роскошь итальянской буржуазии XV—XVI вв. и изумительное богатство искусства итальянского возрождения на фоне исключительной нищеты вызывали иногда возмущение, которое выливалось в формы самого страстного религиозного обличения богатства и его охранителя, итальянской тирании. Такова проповедь Савонаролы во Флоренции в конце XV в., деятельность которого характеризуется целым рядом приводимых ниже документов.

В главе III приведен материал, характеризующий упадок итальянской торговли в XVI в.

В XVI в. Италия хиреет экономически, в XVII в. сходит политически на второе место. Из ее городов-республик дольше других сохраняет некоторое значение Венеция, но и она теряет в конце XVI в. одно за другим свои владения на востоке: (в 1573 г.) турки у нее отобрали Кипр, а в средине XVII в. она им же уступила Крит, после чего сошла на роль третьестепенной державы. И если время расцвета итальянской торговли и промышленности, время господства богатой и просвещенной итальянской буржуазии породило исключительное богатство культуры итальянского возрождения с его великими поэтами, мыслителями, художниками и учеными, то время ее упадка заставило мысль, воспитанную в атмосфере высокой духовной культуры XV—XVI вв., пытливо вопрошать о возможности идеального общественного строя, в котором разрешались бы противоречия между богатством и бедностью, между просвещением и невежеством. Таковы предпосылки утопического социализма Кампанеллы и его мечты о «Государстве Солнца», выдержками из которого заканчивается отдел об Италии (глава IV).

Материалы главы I, касающиеся левантийской торговли, подобраны и переведены М. П. Лесниковым. Выдержки из Маркионне и Макиавелли, характеризующие восстание чомпи, переведены М. С. Фельдштейном. Постановления флорентинской Синьерии во время и после восстания чомпи переведены М. В. Бердоносовым. Весь остальной материал подобран С. Д. Сказкиным. Введение в части, касающейся левантийской торговли, написано М. П. Лесниковым. Остальная часть введения написана С. Д. Сказкиным.

ТОРГОВЛЯ ИТАЛЬЯНСКИХ ГОРОДОВ С ЛЕВАНТОМ.

А. ВЕНЕЦИАНЦЫ В ИЕРУСАЛИМСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ

Генуя, Пиза, Венеция занимают видное место среди организаторов крестовых походов, открывших им новые рынки, и принимают в них деятельное участие. За оказанную ими крестоносцам военную помощь они выговаривают себе льготы в завоеванных крестоносцами странах и основывают свои колонии в ряде городов Сирии и Палестины. Договор венецианцев с патриархом иерусалимским Вармундом является примером одного из многих подобных соглашений. По этому договору венецианцы, помимо торговых привилегий, получили в свое распоряжение третью часть прибрежных городов Тира и Аскалона. Тир надолго остался центром венецианских колоний в Сирии и Палестине.

Приблизительно таких же льгот и привилегий, как изложенные в договоре Вармунда, добились и генуэзцы. Они также приобрели доли в нескольких сирийских городах, при взятии которых оказали особенно большую помощь. Главным опорным пунктом генуэзцев в Сирии был Аккон.

Обстоятельства возникновения договора видны из его текста и следующих отрывков из хроник.

1. ИЗ ВЕНЕЦИАНСКОЙ ХРОНИКИ АНДРЕА ДАНДОЛО.

1119-й год... В это время патриархи антиохийский и иерусалимский и король иерусалимский Балдуин II..., тревожимые непрерывными войнами с турками и сарацинами, отправили послов к папе и венецианскому дожу с просьбой о присылке помощи... Дож..., созвав собрание в церкви св. Марка, убеждал венецианцев оказать помощь. Венецианцы единогласно принимают крест. Решено снарядить 200 галер и боевых и грузовых кораблей.

2. ИЗ КНИГИ МАРИНО САНУДО ТОРСЕЛЛО «ТАЙНЫ ВЕРНЫХ КРЕСТУ»[1].

Когда Доминико Микаэле, дож Венеции, напал на флот вавилонян[2], капитан их был убит, и лишь немногие спаслись бег-

---

[1] Венецианский историк и политик Марино Санудо Торселло излагает в своем сочинении «Тайны верных кресту» (законченном в 1318 г.) историю крестовых походов и планы вторичного отвоевания Палестины.

[2] То есть египтян.

ством... Услышав об этом, бароны и прелаты иерусалимские отправили послов к дожу с приглашением прибыть в Иерусалим, где он и был торжественно принят...

3. ИЗ ДОГОВОРА ВАРМУНДА, ПАТРИАРХА ИЕРУСАЛИМСКОГО, С ВЕНЕЦИАНЦАМИ [1123 г.].

...Так как Балдуин II Иерусалимский... со многими другими находится в плену, то мы, Вармунд, божьей милостью патриарх св. города Иерусалима (вместе с высшими должностными лицами и рыцарством Иерусалимского королевства)..., собравшись в Акконе в церкви св. Креста, утверждаем обещания короля Балдуина согласно его письмам и заявлениям, которые король через своих послов, отправленных в Венецию, сделал венецианскому дожу, и... нижеписанные условия соглашения.

Во всех городах, находящихся под властью упомянутого короля или его преемников, а также его баронов, венецианцы пусть имеют церковь, улицу, торговую площадь, баню и печь, владея ими вечно и наследственно и так же свободно от всяких поборов, как [свободна] собственность короля. В Иерусалиме, на торговой площади, пусть они имеют столько же, сколько и король.

Если же венецианцы пожелают устроить в Акконе, в своем квартале, печь, мельницу, баню, весы, меры и чаны для меры вина, масла или меда, то всем живущим там, кто бы ни пожелал, пусть будет дозволено беспрепятственно печь, молоть и мыться так же свободно, как у самого короля; пользоваться же мерами, весами и чанами разрешается следующим образом: когда венецианцы ведут торг между собой и собственными товарами, то они должны мерить венецианскими мерами, когда же венецианцы продают свои товары иноземцам, то должны продавать на свою меру, а когда венецианцы совершают сделки, приобретая что-либо от иноземцев, не-венецианцев, то пусть при покупке пользуются за установленную плату королевскими мерами.

Венецианцы не должны уплачивать каких-либо сборов, установленных обычаем или как-либо иначе, а именно: ни при въезде, остановке, продаже, покупке, пребывании или выезде, ни вообще по какой-либо иной причине. Только когда они приходят или уходят со своими кораблями, везя паломников, то по обычаю королевства должны отдавать королю третью часть.

---

[1] Помимо оказания военной помощи венецианцы дали иерусалимскому патриарху ссуду в 100 тыс. византиев. Сирийский византий — золотая монета с содержанием чистого золота около 3,12 грамма.

Со своей стороны король Иерусалимский и мы все должны по условию займа[1] уплачивать дожу венецианскому из королевской доли доходов с рынка в Тире ежегодно в день Петра и Павла [29 июня] по 300 сарацинских бизантиев[1]...

С иноземцев, ведущих торговлю с вами, мы не будем взимать больше того, что они до сих пор платили, и не больше, чем с тех, которые ведут торговлю с другими народами.

Если венецианец будет иметь какую-либо тяжбу или спор по какому-либо делу с венецианцем, то пусть это разбирается в курии венецианцев. Если кто имеет жалобу или иск к венецианцу, то пусть дело разбирается в венецианской курии. Если венецианец подаст жалобу на кого-либо не-венецианца, то дело рассматривается в королевской курии.

Если умрет венецианец, сделав предсмертное распоряжение или без него, что мы называем без языка, то его имущество передается в распоряжение венецианцев.

Если венецианец погибнет во время крушения, то оставшееся имущество возвращается его наследникам или другим венецианцам[2].

Над горожанами всякой нации [т. е. не-венецианцами по происхождению и потому не обладающими их правами], живущими в квартале и домах венецианцев, пусть венецианцы имеют те же податные и судебные права, что и король над своими горожанами...

Наконец, когда венецианцы получат навсегда третью часть двух городов Тира и Аскалона со всем относящимся к ней и с третьей частью принадлежащих к ним земель, если святому духу угодно будет с божьей помощью и их подмогой... передать во власть христиан один или оба эти города, находящиеся... еще в рабстве у сарацин, а не в руках франков, то пусть венецианцы... владеют этой третью свободно и с теми же самыми правами, что король над остальными двумя третями...

Вышесказанные условия мы, патриарх Иерусалима Вармунд, заставим самого короля, если он с божьей помощью когда-либо выйдет из плена, утвердить на святом евангелии. Если же кто другой прибудет в Иерусалимское королевство для избрания в короли, то также до его провозглашения заставим подтвердить вышеустановленные обещания, в противном случае никоим образом не дадим согласия на его вступление на престол.

---

[1] Сарацинский бизантий — золотая монета с содержанием золота около $2^{1}/_{2}$ граммов.

[2] В этой статье Вармунд в виде льготы венецианцам отказывается от общераспространенного в средние века так называемого берегового права, по которому судно, потерпевшее крушение, и все находящееся на нем имущество становились собственностью владельца побережья, близ которого произошла катастрофа.

Б. ГЕНУЭЗСКАЯ ТОРГОВЛЯ XII в. ТОРГОВЫЕ ТОВАРИЩЕСТВА.

Заморские торговые предприятия редко велись единолично. Для дальних торговых поездок образовались товарищества из нескольких участников: только таким образом можно было собрать достаточно товаров, чтобы загрузить корабль. С другой стороны, уменьшался и риск каждого участника. Купец вкладывал свои деньги небольшими паями в несколько товариществ одновременно, отправлял товары незначительными партиями на разных кораблях. Договоры о товариществе заключались в присутствии нотариусов и записывались (иногда в сокращенном виде) в нотариальные книги (нотуларии). Сохранилось несколько таких книг генуэзских нотариусов XII в.

Можно различать два главных типа договоров: в одном случае оба товарища являются вкладчиками, но один участвует только деньгами или товарами, а другой и товарами и своим трудом — он везет товары за море, ведет все торговые операции и т. д. Вклад первого вдвое больше, чем второго пайщика, а прибыль между ними делится пополам. Другой тип договора — это когда один участник дает деньги, а другой ведет только торговые операции, но деньгами не участвует. Первый — денежный вкладчик (капиталист) — получает три четверти прибыли, а второй — одну четверть. Этот тип договора называется коммеида (commenda), что значит поручение.

В качестве денежных вкладчиков можно часто встретить представителей генуэзской знати и феодального дворянства. Товарищество обыкновенно заключалось на одну поездку за море.

4. ИЗ КНИГ ГЕНУЭЗСКОГО НОТАРИУСА ДЖОВАННИ СКРИБА [1156—1164 гг.].

11 апреля 1157 г. [приводятся имена пяти свидетелей, затем следует текст договора]. Я, Рибальдо Сарафия, получил от тебя, Планкарде, 202 канны[1] бандинеллы и вогии[2] стоимостью в 41 ливр[3]. Их я должен везти за море[4] для оборота или послать с верным человеком. С этого я должен получить четвертую часть прибыли, а расходы производить по раскладке на каждый ливр.

3 июля 1157 г. [имена четырех свидетелей]. Я, Готоэрро, заявляю, что получил от тебя, Оберто Спинола, 100 генуэзских ливров, каковые должен вести для оборота в Салерно[5] и оттуда в Александрию и оттуда куда захочу. По возвращении я должен предоставить капитал и прибыль в твое распоряжение. А означенный Оберто заявил, что Готоэрро должен получить четвертую долю прибыли от означенных 100 ливров.

25 августа 1157 г. [имена трех свидетелей]. Ансальдо Бufферио, Оберто ди-Бонтомасо и Фулько Буфферио составили товарищество, куда по их общему заявлению Оберто внес 100 ливров, Фулько — 50 ливров. Эту складчину Фулько должен вести для

[1] Канна — мера длины, равная 2,23 метра.
[2] Сорта льняных тканей.
[3] Генуэзский ливр — счетная денежная единица по весу заключающегося в ней металла, в 50-х — 60-х годах XII в. равная приблизительно 8,75 грамма золота. Ливр делится на 20 солидов, а 1 солид равен 12 денарам.
[4] «За море» — обычно подразумевается Сирия.
[5] Город в южной Италии.

оборота в Константинополь и оттуда куда ему будет угодно, а по возвращении вернуть в распоряжение Оберто. Вычтя капитал, прибыль... делить пополам.

16 августа 1157 г. [четыре свидетеля]. Гульельмо Филардо и Угоне Маллоне заявили, что они составили товарищество, куда Гульельмо внес 200 ливров, а Угоне 100 ливров. Из них Рибальдо, сын означенного Угоне, должен везти 200 ливров для оборота за море и оттуда куда ему угодно, а другие 100 ливров другой его сын Оттоне должен везти для оборота в Сицилию и вернуться с ними оттуда в этом году. По возвращении все должно быть передано в распоряжение Гульельмо или его доверенному и оставаться у него до раздела. Вычтя капитал, делить прибыль пополам. Сверх того, упомянутые Рибальдо и Оттоне поклялись, что каждый из них то, что ему поручено из вышеозначенной складчины, добросовестно будет беречь и прилежно оборачивать к выгоде вышеуказанных контрагентов, а также, что они, как выше сказано, вернут складчину в распоряжение Гульельмо. И все это они будут выполнять, поскольку не будут остановлены указаниями самого Гульельмо и его доверенного или каким-либо божьим препятствием. Договаривающиеся стороны, кроме того, согласились, что Рибальдо отдельно должен продать 84 либраты сукна[1], которые дал ему в счет своих 200 [ливров] Г. Филардо, и если он за них выручит меньше бизантиев на ливр, нежели с остальных 116, принадлежащих Гульельмо, то разницу эту внесет в товарищество. Если же они будут проданы дороже других, то избыток он получает сам в свою пользу. Кроме того, они заявили, что прежнее товарищество, куда Филардо вложил 70 ливров, переходит в настоящее.

18 августа 1257 г. ...Бонджованни Мальфуасто и Бонсиньоре Рубео составили товарищество, куда Мальфуасто внес 34 ливра, а Бонсиньоре 17 ливров. Эту складчину Бонсиньоре должен везти в Александрию для оборота и оттуда вернуться в Геную. Вычтя капитал, прибыль делить пополам. Кроме того, Бонсиньоре заявил, что везет товаров, принадлежащих Мальфуасто, на 20 ливров 13 солидов, за которые должен иметь четвертую часть прибыли, какая получится сверх прибыли от складчины.

Кроме того, Бонсиньоре поклялся, что будет добросовестно беречь означенную складчину и порученную сумму [комменду] и пускать в оборот складчину на пользу свою и Бонджованни, а комменду на пользу Бонджованни и что вернет всю складчину и комменду и прибыль с них в распоряжение Мальфуасто или его доверенного, у которого все это и должно находиться до раздела.

6 августа 1158 г. [три свидетеля]. Я, Гульельмо Филардо, заявляю, что у меня в подвале находится из комменды, которую я с тобой, Иоанн [Филардо], заключил на товары моего племянника Ансальдино: 24 корзины перца, 6 связок бразильского дере-

[1] То есть сукна на 84 ливра.

ва[1], 10 фунтов[2] мускатных орехов, одна цурра[3] корицы, 1 связка гвоздики.

Из комменды, которую я с тобой заключил на товары моего племянника Гульельмо: 3 мешка перца, 1 связка бразильского дерева, 1 цурра корицы, 60 фунтов нарда[4] и 2½ фунта мускатных орехов.

Из складчины моей с тобой: 2 связки бразильского дерева, 3 корзины перца, 3 мешка перца, 4 связки галанги[5].

Все это связано и помечено так, как это прибыло из Александрии. Товар Ансальдино имеет метку «А», товар Гульельмо — «Г», наши товары — «И К».

Из нашей складчины я получил 3 связки гвоздики, которые ты считаешь в 5 фунтов без одной унции, и ты еще принес 1 корзину камеди, которая была продана за 37 ливров 22 динара, из коих у меня осталось 8 ливров 4 солида без 3 динаров.

Если я до твоего возвращения из Сант-Яго из этого что-либо возьму или продам, то я должен это сделать при свидетелях и письменно закрепить и записать количество по весу, а также цену. Если же я продам или возьму без свидетелей, то я хочу, чтобы веса товаров в отдельности были бы такими, какие ниже отмечены.

14 корзин перца из комменды Ансальдино имеют на александрийский кантар[6] чистого веса 65 кантаров 45 ротулов; 6 связок бразильского дерева — чистого веса 47 кантаров; 1 цурра корицы — 87½ мин[7]. Товар, принадлежащий Гульельмо: 3 мешка перца, по твоим словам — 17 кантаров 42 ротула; связки бразильского дерева — 8 кантаров без 48 ротулов чистого веса, 1 цурра корицы — 1 центенарий[8] и 87 фунтов, 2 связки бразильского дерева из нашей складчины, по твоим словам — 17 кантаров без 12 ротулов, 3 корзины перца — 12½ кантаров 15 ротулов, 3 мешка перца — 7 кантаров 49 ротулов[9].

---

[1] Бразильское дерево — буквально «пылающее дерево», от итальянского слова «браджья», что значит пыл, жар. Названо так потому, что своим цветом напоминает раскаленный докрасна уголь; применялось в качестве красящего вещества для тканей.

[2] Генуэзский фунт = 315 граммам.

[3] Цурра — мера объема.

[4] Нард — ароматическое растение, высоко ценившееся в средние века. Вывозилось из Индии.

[5] Галанга или кардамон — корневище растения, растущего в Индии; употреблялось как приправа в пищу и как лекарство.

[6] Александрийский кантар = 43,5 килограмма, делится на 100 ротулов.

[7] Мина = 106 литрам.

[8] Центенарий = ста фунтам = 31,5 килограмма.

[9] Договор от 6 августа 1158 г. требует некоторых пояснений. Упоминаемый в нем Иоанн Филардо вел торговые операции на капиталы трех лиц: 1)Гульельмо Филардо, с которым у него был заключен договор товарищества, 2) Ансальдино — племянника Гульельмо, 3) Гульельмо — другого племянника Гульельмо Филардо. Оба племянника дали деньги или, может быть, товары на условиях комменды. По возвращении из торговой поездки Иоанн Филардо

В. ВЕНЕЦИАНЦЫ И ГЕНУЭЗЦЫ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ [XI—XII вв.].

Из итальянских торговых городов Венеции и Амальфи удалось раньше других установить оживленные торговые сношения с Константинополем и занять там привилегированное положение. Этому способствовало то обстоятельство, что как Амальфи, так и Венеция долгое время входили в состав Восточной Римской империи и хотя пользовались полной автономией и вели даже самостоятельную внешнюю политику (Венеция), однако считались как бы под верховным покровительством византийского императора. Граждане этих городов рассматривались не как иноземцы, а как подданные Византии, а потому и их торговле чинилось меньше препятствий. Но было еще другое обстоятельство, позволявшее Венеции выговаривать себе известные льготы.

Морские силы Греческой империи были всегда слабы и плохо организованы. Венеция могла оказать Византии существенную военную помощь своим флотом, *за что венецианцам и предоставлялись большие привилегии в империи.*

Несколько позже венецианцы силой и угрозами поддерживают это свое привилегированное положение: попытки византийского правительства отнять у них льготы и вообще нанести их торговле ущерб обычно сопровождаются набегами итальянских эскадр на побережье и островные владения Византийской империи.

Привилегии излагались обыкновенно в грамотах с золотой печатью, так называемых хризобулах, выдаваемых византийскими императорами. Древнейший из дошедших до нас хризобулов относится к 1082 г., он послужил основой для всех позднейших льгот.

Генуэзцы появились в Византии позже венецианцев, в начале XII в., но особенно оживленные дипломатические переговоры с Византией велись в средине XII в. Императоры стремились найти в генуэзцах поддержку против венецианцев. Исключительно привилегированного положения достигли генуэзцы во второй половине XIII в. В своей борьбе против основанной венецианцами Латинской империи император Михаил Палеолог опирался на генуэзцев. Соответствующий договор был заключен между ним и генуэзцами 13 марта 1261 г. в Нимфеуме (летняя резиденция императора недалеко от Смирны). Договор обеспечивал генуэзцам господствующее положение в торговле Византийской империи, вытеснял их соперников венецианцев и открывал генуэзцам Черное море.

5. ИЗ ХРИЗОБУЛА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСЕЯ I [1082 г.].

В вознаграждение заслуг венецианцев [имеется в виду военная помощь против норманнов] мое императорство соблаговолило настоящей златопечатной грамотой постановить, чтобы венецианцы получали ежегодно почетный дар в 20 ливров[1]... Почтили мы также и благородного дожа почетным званием протосеваста с

сдал весь закупленный им товар на склад Гульельмо Филардо, но окончательного расчета не было произведено, так как Иоанн отправился по обету на богомолье в Сант-Яго де-Компостелла — город в северной Испании, место *больших паломничеств к мощам апостола Якова, считавшегося вождем и покровителем воинов, сражавшихся против мавров.* Условия хранения и ликвидации этих товаров изложены в договоре.

[1] Ливр (венецианский) — денежная единица; считался равным двум бизантиям. Бизантий (константинопольский) или иперпер — монета с содержанием золота около 3,5 грамма.

Может быть, тут имеется в виду «ливр иперперов», равный 72 иперперам, тогда получается огромная сумма в 1440 иперперов.

полным причитающимся ему жалованьем. Эта честь должна переходить и его преемникам. Почтили мы также и препочтеннейшего патриарха ежегодным пожалованием в 20 ливров, и эта почесть пусть переходит по преемству тем, которые будут патриархами... Также мы постановили, чтобы церковь святого Марка в Венеции получала бы ежегодно по три иперпера с каждого амальфитанца, имеющего лавку в городе [т. е. в Константинополе] и повсюду в империи Романии [т. е. Византии]...

Сверх того даем мы венецианцам лавки с их верхними этажами, находящиеся по проезду в Перу [один из городских районов Константинополя], имеющие с него вход и выход на всем пространстве от еврейского квартала до Виглы, как жилые, так и нежилые, как занятые венецианцами, так и занятые греками. Даем им три морские пристани, находящиеся в этих пределах. Жалуем также святому Акиндину [1] пекарню, которая находится у стены этой церкви и примыкает к дому Петра и сдается за 20 византиев..

Император жалует им свободу торговать всякими товарами.... не платя решительно ничего за какую-либо сделку во всех частях Романии... и в самом великом городе [т. е. Константинополе] и вообще во всех областях, находящихся под властью императора.

6. ИЗ ДОГОВОРА ГЕНУЭЗЦЕВ С ИМПЕРАТОРОМ МАНУИЛОМ [1169 г.].

За услуги и доброе расположение к империи император обещает дать Генуэзской республике квартал, пристань и церковь вне Константинополя, в так называемом Оркосе... Также дарит каждый год республике по 500 иперперов и по 2 куска парчи, архиепископу же генуэзскому по 60 иперперов и 1 куску парчи... Торговые пошлины они будут уплачивать в Константинополе по 4 со ста, в остальных же областях государства так же, как и остальные латиняне, уплачивающие пошлину.

Во всех областях личность и имущество генуэзцев будут неприкосновенны, если же генуэзцам будет кем-либо нанесен ущерб, то они найдут суд и управу у императора, как установлено. Если генуэзцы хотят принести жалобу на кого-либо из греков или иноземцев [т. е. не-генуэзцев], то они найдут управу в императорском суде.

Корабли генуэзцев могут плавать повсюду, кроме Росии и Матрахии [2], если императором не будет дано на последнее особого разрешения...

---

[1] Церковь венецианцев в Константинополе.

[2] Росия — поселение русских, по данным позднейших источников — в устье Дона, на левом его берегу. Матрахия — на Таманском полуострове, у входа в Азовское море, может быть, древняя Тмутаракань, о которой говорят русские летописи. С Азовского моря византийцы очень выгодно получали огромные количества рыбы.

Если генуэзский корабль потерпит у берегов империи крушение и что-либо из его груза будет кем-либо присвоено, то император прикажет взыскать и вернуть отнятое.

Если генуэзец в чем-либо провинится, то он не будет судим кем-либо из иноземцев, но дело его будет разбираться в императорском суде... и виновный не будет заключен в тюрьму до суда, если даст поручителя...

7. ИЗ ГЕНУЭЗСКОЙ ЛЕТОПИСИ КАФФАРО.

Погром пизанцами генуэзского квартала в Константинополе в 1162 году.

В это время пизанцы, которых около тысячи жило тогда в Константинополе, порвав мирный договор, вооруженной рукой напали на немногих генуэзских купцов, которые там в это время находились, чтобы ограбить и убить их. Генуэзцы, защищаясь от несправедливого нападения пизанцев, взялись за оружие и в течение целого дня мужественно защищали себя и свое имущество. При наступлении вечера пизанцы, видя невозможность победить генуэзцев, сказали: «Прекратим вражду и впредь взаимно не будем допускать нападений друг на друга». После этого обе стороны перестали биться. Но на следующее утро пизанцы, собрав великое множество венецианцев и греков и других злодеев, живущих в Константинополе, вооруженные подошли к генуэзскому подворью, чтобы его сжечь. Генуэзцы, видя невозможность сопротивляться такой массе, покинули свои жилища и деньги и бросились в бегство, спасая только свою жизнь. Пизанцы ворвались в подворье, захватили деньги и товары, всего на 30 тыс. иперперов, и убили взятого ими в плен одного из самых знатных юношей — сына Оттоне Руфо.

8. ДОГОВОР МЕЖДУ ВИЗАНТИЙСКИМ ИМПЕРАТОРОМ МИХАИЛОМ ПАЛЕОЛОГОМ И ГЕНУЭЗСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В НИМФЕУМЕ в 1261 г. 13 марта.

...Во-первых, отныне и впредь наше императорство и его преемники будут иметь вечную любовь и дружбу с республикой Генуэзской и жителями ее областей и будут вести войну с республикой Венецианской и со всеми венецианцами, нашими врагами, и не будут заключать мира с означенной республикой, а также перемирия или соглашения без ведома и желания Генуэзской республики. А Генуэзская республика не будет заключать мира, перемирия или соглашения с означенной Венецианской республикой без ведома и желания нашего императорства.

...Все генуэзцы и из генуэзской области и признающиеся за генуэзцев вольны, свободны и изъяты во всей нашей империи от

всяких таможенных пошлин, налогов и сборов при въезде в нашу империю и при выезде, во время пребывания и при передвижении из одной области в другую морем или сушей с товарами или без них, туда привезенными или там купленными для вывоза, как они лично, так их товары...

...[Император пожаловал] в нижеперечисленных землях и во всем, что к ним принадлежит, в полное право собственности и владения: в Анее [1], Смирне, Андрамитте [2] и, божьим милосердием, в Константинополе [3] и в области Салоник в Касандрии, а также в нижепоименованных островах, а именно Митилене, Хиосе и, божьим милосердием, на Крите и Негропонте [4] торговые помещения, дворец [5], церковь, баню, печь, сад и достаточно домов для поселения купцов, которые будут там вести торговые дела, и за все это не должно взиматься или взыскиваться никакой арендной платы. Во всех означенных землях и островах генуэзцы должны и могут иметь по своему желанию консулов, курию и полную юрисдикцию во всех гражданских и уголовных делах над всеми генуэзцами или из области Генуи и теми, кто признается за генуэзца.

Во всей нашей империи и владениях, которые божьим милосердием будут приобретены, никто из генуэзцев не будет задержан... за деяния или преступления другого как лично, так и его имущество, но виновники понесут сами наказание, так что остальные не потерпят никакого убытка или ущерба за долги, проступок или грабеж других лиц.

...Не будет допущено во всех землях и островах нашей империи... снаряжение какого-либо флота, который предназначался бы для действий против республики Генуэзской или генуэзцев и области генуэзской.

...Врагам Генуэзской республики [император] не предоставит какого-либо рынка, за исключением пизанцев, которые являются верными людьми в нашей империи, а также он изгонит из всей нашей империи всех пиратов, [действующих] против Генуэзской республики, и будет преследовать их и виновных карать по закону...

...[Если удастся овладеть Константинополем, то император обещает подтвердить все льготы генуэзцев, которыми они там пользовались], а также он даст Генуэзской республике дворец, жилые помещения и сверх того окажет милость республике, а именно даст ей церковь святой Марии, которой сейчас владеют венецианцы, с торговыми помещениями, находящимися вокруг

---

[1] Город на западном берегу Малой Азии, против острова Самоса.

[2] В северной части западного побережья Малой Азии.

[3] Константинополь еще не находился во власти императора, его предстояло еще взять, для чего и заключался договор с генуэзцами.

[4] Эти острова находились еще под властью венецианцев.

[5] Общественное здание, где жил глава колонии — подеста или консул.

церкви, и кладбище, а также участок земли, занимаемой замком венецианцев, находящимся в этом городе,— это если республика быстро и решительно пришлет галеры для взятия этого города.

Также [император] дал и уступил в полное право собственности и владения с полной юрисдикцией город Смирну и ее порт с подчиненными городу владениями и областью и населением и доходами от въезда и выезда по море и суше... Означенный город очень удобен для купцов и имеет хорошую гавань и сюда притекают всевозможные товары.

Император обещал, что не будет чинить республике Генуэзской во всей означенной империи какого-либо запрета... на какие-либо товары, продовольствие или зерно, но будет разрешать означенные товары, продовольствие и зерно вывозить из всей империи всем и каждому генуэзцу...

Император обещал, что он не разрешит впредь вести торговлю в пределах Великого (т. е. Черного) моря кому-либо из латинян, за исключением генуэзцев и пизанцев и тех, кто везет деньги или предметы для императорского обихода. Генуэзцам же не будет чиниться препятствий к входу в Великое море и выходу оттуда с товарами или без товаров, но они смогут свободно без уплаты какой-либо пошлины входить туда и выходить.

Г. ТОРГОВЛЯ СО СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИЕЙ В XIV в. ВЕЛИКИЙ ТОРГОВЫЙ ПУТЬ ИЗ ТАНЫ В КИТАЙ.

ИЗ КНИГИ ФРАНЧЕСКО ПЕГОЛОТТИ «ТОРГОВОЕ ДЕЛО».

Книга Франческо Бальдучи Пеголотти «Торговое дело» (Practica della Mercatura) является одним из самых старинных и подробных практических руководств и справочников в этой области и очень ценна как исторический источник обилием сообщаемых там сведений.

Жизнь Пеголотти неизвестна нам во всех подробностях, но то, что мы знаем о ней, показывает, что Пеголотти должен был быть очень хорошо осведомлен в торговых делах. Он флорентинец по происхождению. В 1311 г. как посол Флоренции он ведет переговоры с соседним городом Сиеной относительно заключения торгового соглашения. Затем мы видим его на службе большого флорентинского банкирского дома Барди. По делам Барди он несколько лет (около 1315 г.) провел в Нидерландах, а потом (с 1317 по 1320 г.) в Англии. В этих странах он хорошо мог ознакомиться с западноевропейской торговлей. С 1324 по 1327 г., а затем в 1335 г. Пеголотти вел дела Барди на острове Кипре.

Кипр тогда был одним из важнейших торговых центров на Востоке, через который проходила масса самых разнообразных товаров. В своей книге Пеголотти дал подробное описание их. Пеголотти сообщает очень много данных о мерах, весах, ценах на различные товары во множестве торговых пунктов.

Повидимому, сам Пеголотти не делал путешествий в глубь Азии, но, наверное, слышал неоднократно подробные рассказы об этих путях от купцов, побывавших там.

1) *Указания для путешествия в Китай*[1] *через Тану и для возвращения оттуда с товарами.*

От Таны до Джинтархана[2] пути на волах 25 дней, а на лошадях только 10—12 дней. По пути встречается много мокколей, т. е. вооруженных людей. И от Джинтархана до Сары 1 день пути водой по реке, а от Сары[3] до Сараканко[4] 8 дней пути водой. Туда можно пройти и сухим путем, но отправляются обычно водой вследствие более дешевой перевозки товаров. От Сараканко до Органчи[5] 20 дней в повозке на верблюдах. Кто отправляется с товарами, тому следует пройти в Органчи, так как там идет бойкая торговля. От Органчи до Ольтраро[6] от 35 до 40 дней пути в повозке на верблюдах. Кто из Сараканко идет прямо на Ольтраро, тот доходит туда в 50 дней, и у кого нет товаров, для того этот путь лучше, чем итти на Ургенч. Из Ольтраро до Армелекко[7] 45 дней пути на ослах. Каждый день там можно встретить мокколей. Из Армалекко до Камексу[8] 70 дней пути на ослах и от Камексу до реки, которая называется[9], 45 дней пути на лошадях. От этой реки можно отправиться в Кассай[10] и там продать все взятые с собой серебряные слитки, так как это очень торговый город, а от Кассая ехать уже с деньгами, полученными в обмен на проданное серебро. Это бумажные деньги и называются они «бабисчи»[11], и четыре «бабисчи» равны по ценности в странах Китая одному «слитку серебра», а от Кассая до Гамалекко[12], который является главным городом страны Китай, пути 30 дней.

---

[1] В тексте всюду стоит «Катай» (Kathay), как называли тогда западноевропейские путешественники Северный Китай.

[2] Джинтархан — Астрахань. Старый город Астрахань, разрушенный Тамерланом, был расположен на левом берегу Волги, в 8—10 километрах к северу от нынешней Астрахани.

[3] Сара, Сарай — столица ханов Золотой Орды на Ахтубе. Очень оживленный торговый пункт, где особенно бойко велась торговля рабами.

[4] Сараканко, Сарайчик — нынешняя станица Сарайчиковская на р. Урале, на расстоянии около 60 километров от устья реки.

[5] Органчи — Ургенч, на Аму-Дарье, в 40 километрах от Хивы.

[6] Ольтраро — Отрар, древний Фараб.

[7] Армалекко — предполагают, что город, носивший это название (Армалеха, Армалит, Алимали), находился в районе плодородной и населенной долины реки Или, в нынешней Кульдже. Но есть также мнение, что Армалекко — это нынешняя Алма-Ата.

[8] Камексу — город Канчу, у западного конца Великой китайской стены.

[9] В единственном сохранившемся экземпляре рукописи книги Пеголотти название реки случайно пропущено. Предполагают, что Пеголотти имел в виду реку Танхо — приток Желтой реки.

[10] Кассай — вероятно, китайский город.

[11] Бабисчи — или балисчи — не общее обозначение бумажных денег, как пишет Пеголотти, а определенные денежные суммы, безразлично — в золоте, или в серебре, или в бумажных знаках.

[12] Гамалекко — Пекин.

2) Что необходимо купцам, желающим совершить вышесказанное путешествие в Китай.

Прежде всего нужно отпустить бороду и не бриться. В Тане нужно нанять переводчика... и по меньшей мере двух хороших слуг, которые хорошо бы знали куманский язык... От Таны до Джинтархана нужно взять припасов на 25 дней, а именно муки и соленой рыбы, так как мясо можно найти в достаточном количестве повсюду в пути. Также и во всех местах нужно запасаться мукой и соленой рыбой на столько дней пути, сколько было указано выше. Все же остальное, в особенности мясо, можно найти. Путь из Таны в Китай, по словам купцов, свершивших это путешествие, вполне безопасен и днем и ночью, только если купец по дороге туда и обратно умрет, то все его имущество перейдет к государю страны, в которой он умер, и будет взято его чиновниками. То же самое случится, если он умрет в Китае, но если вместе с ним там окажется его брат или близкий друг, который скажет, что он — брат умершего, то ему и будет отдано имущество умершего, и оно таким образом будет сохранено.

Есть еще и другая опасность: когда умирает государь страны, то в промежуток времени, пока не будет выбран новый правитель, чинятся притеснения франкам (так называются все христиане в странах, начиная от Романии и дальше на восток), тогда дороги становятся не безопасны.

Один купец с одним переводчиком и двумя слугами, имея с собой товара на 2500 флоринов[1], истратит на путешествие в Китай от 60 до 80 слитков серебра... А на весь обратный путь все расходы, считая пропитание, жалованье слугам, составят около 5 слитков на каждый вьюк; слиток стоит около 5 флоринов.

Повозку может вести один бык, груз ее — от 10 генуэзских кантаров[2]. В воз запрягают трех верблюдов, груз 30 кантаров. Повозка, запряженная одной лошадью, поднимает $6^{1}/_{2}$ кантаров.

От Таны до Сары дорога менее безопасна, чем весь остальной путь. Но если соберется человек 60, когда по дороге неспокойно, то они будут путешествовать в такой же полной безопасности, как если бы они шли по собственному дому...

Кто хочет отправиться из Генуи или Венеции в эти места и в путешествие в Китай, тот пусть везет с собой ткани и идет в Органчи, а в Органчи купит на них серебро и идет дальше, не вкладывая его в какие-либо товары, разве только если у него было несколько тюков самых тонких тканей, которые занимают мало места и не требуют для перевозки больше расходов, чем более грубые ткани. Купцы могут ехать верхом на лошадях или на ослах или на чем им угодно. Все серебро, которое купцы взяли с собой, государь Китая отбирает от них и складывает в свою казну, а куп-

[1] Флорентинская золотая монета с содержанием золота около 3,9 грамма.
[2] Генуэзский кантар = 47,25 килограмма.

цам выдает бумажные деньги, т. е. листы желтого цвета с печатью государя. Эти деньги называются «бабисчи», и на них можно купить шелк и всякие другие товары и какие угодно вещи. И все жители страны обязаны принимать их, а так как это бумажные деньги, то цены на товары не возрастают[1]. Эти деньги трех родов — один дороже другого. Ценность их устанавливается государем...

В Китае можно получить 19—20 генуэзских фунтов шелка-сырца за один слиток серебра весом в $8^1/_2$ генуэзских унций пробы 11 унций[2] 17 динаров чистого металла на фунт сплава. В Китае за один слиток можно купить 3—$3^1/_2$ штуки камчатного шелка и от $3^1/_2$ до 5 штук шелковой золотой парчи.

Д. МОРСКОЕ И ТОРГОВОЕ МОГУЩЕСТВО ВЕНЕЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

10. «ЗАВЕЩАНИЕ» ДОЖА ТОМАЗО МОЧЕНИГО.

Речи венецианского дожа Томазо Моченито (время его правления 1414—1423 гг.), дошедшие до нас в изложении венецианских летописцев, были произнесены в 1421 г., и одна, приводимая ниже, в 1423 г., незадолго до смерти дожа. Она поэтому называется иногда «Завещанием Томазо Моченито». Моченито в своих речах привел ряд общих цифровых данных, которые характеризуют финансы, морские силы и торговлю Венеции. Он дал и общую оценку блестящего политического положения Венеции, настаивая ради сохранения его на мирной политике в дальнейшем. Этими данными и интересны его речи.

Первая четверть XV в.— пора торгового и политического расцвета Венеции. К этому времени республика оправилась после тяжелой, но победоносной войны, закончившейся в 1381 г. разгромом ее соперницы Генуи. Венеция укрепила и расширила свои позиции в восточной части Средиземного моря. Под ее властью, не говоря уже о восточном побережье Адриатического моря, находился юг Греции (Морея), ей принадлежали Афины, остров Эвбея (Негропонт). Она владела Кандией (Критом), занимала господствующее положение на Кипре, ей принадлежали некоторые острова из Циклад и Спорад. В 1423 г. она купила у разваливающейся Византийской империи Салоники, считавшиеся вторым городом в империи. Некоторыми областями Венеция управляла непосредственно через своих наместников — баюло, консулов, в других она являлась сюзереном над укрепившимися тут феодалами и оказывала им поддержку против турок. Венеция занимала очень влиятельное положение в Константинополе, прочно держалась в Тане, имела цветущую колонию в Трапезунде, Тавризе; у нее были налажены отношения с самой сильной магометанской державой — Египтом.

Очень опасному врагу, с которым в будущем предстояла долгая борьба,— туркам было нанесено при первом военном столкновении с ними тяжелое поражение. 29 мая 1416 г. венецианский адмирал Пьеро Лоредано разгромил наголову турецкий флот. Об этой войне и напоминает Моченито в своей речи.

---

[1] Пеголотти намекает на широко применяемую в Европе порчу монеты. Выпускали в обращение монету неполновесную или низшей пробы, т. е. с большей примесью неблагородных металлов, чем было объявлено, сохраняя, однако, ее номинальную стоимость. Порчу эту скоро открывали, деньги падали в цене, т. е. цены на товары повышались.

[2] В одном фунте 12 унций, в одной унции — 20 динаров.

Для оценки данных, приводимых Мочениго, надо сравнить их с цифрами, относящимися к другим государствам, и тут окажется, что Венецианская республика занимала среди них по своему могуществу одно из первых мест. Государственные доходы Венеции, составлявшие около миллиона дукатов, были равны доходам Франции. Они превосходили доходы таких государств, как Испания, Англия, Бургундия (900 тыс. дукатов), и далеко оставляли позади такие итальянские города, как Милан, Флоренция, и даже папскую курию.

Наш город вложил 10 млн. дукатов[1] капитала в торговлю во всем мире и на своих нефах[2], галерах[3] и прочих судах ведет ее так, что прибыль от вывоза достигает 2 млн. дукатов и от ввоза в Венецию тоже 2 млн. дукатов. От вывоза и ввоза скапливается 4 млн. дукатов.

Вы знаете, что в нашем флоте имеется 3 тыс. мелких судов размером от 10 до 200 амфор[4] и 17 тыс. моряков. Мы имеем 300 нефов с 8 тыс. матросов. Каждый год у нас плавает 46 больших и малых галер, на которых 11 тыс. матросов. У нас имеется 3 тыс. корабельных плотников, 3 тыс. конопатчиков, у нас 16 тыс. ткачей по шелку, льну и фустанее[5]. Стоимость домов составляет 7 млн. 50 тыс. дукатов, а аренда их дает 500 тыс. дукатов. Тысяча благородных имеет доход от 700 до 4 тыс. дукатов в год.

Вы знаете, что доходы Венеции составляют 774 тыс. дукатов, доходы с Терра-фермы[6] — 464 тыс. дукатов, доходы с моря[7] — 376 тыс. дукатов

[Мочениго далее настойчиво советует избегать войн и вести мирную политику...]

Если последуете моему совету, то увидите, что будете господами золота христиан и весь мир вас будет бояться и чтить вас...

Война с турками создала доблестных людей, опытных в морском деле и испытанных во всяких обстоятельствах как уменьем управлять, так и своим мужеством... Вы имеете семь капитанов[8], могущих командовать флотом в 60 галер и больше, и на кораблях среди арбалетчиков у вас есть рыцари, которые могли бы быть хорошими командирами галер и могли бы управлять ими. У вас

---

[1] Дукат или цехин (от цекка — монетный двор) — золотая монета, которую начали чеканить в Венеции с 1284 г., с содержанием около 3,56 грамма чистого золота (золотой рубль содержит 0,77 грамма чистого золота). Дукат делился на 100 сольди.

[2] Неф — широкое тяжелое судно, главным образом торговое, идущее под парусами.

[3] Галера — быстроходное гребное судно. Галеры служили преимущественно для военных целей и для перевозки ценных грузов.

[4] Амфора — мера объема, равная 0,6 тонны.

[5] Фустанея — смешанная ткань с льняной основой и хлопчатобумажным утком.

[6] Терра-ферма — твердая земля, континент, венецианское владение на континенте. Сама Венеция, как известно, расположена на острове.

[7] С заморских колоний.

[8] Капитан — командующий эскадрой.

сотни человек штурманов, годных управлять вооруженными галерами, очень опытных, чтобы выполнить какое-нибудь предприятие. У нас имеется опытных и надежных экипажей на сотню галер и опытных гребцов на сотню галер. Таково положение, созданное войной с турками, так что весь свет говорит: «Венецианцы — они господа над капитанами матросов и гребных команд на галерах».

Вы знаете, что наш город чеканит ежегодно золотой монеты на 1 млн. 200 тыс. дукатов, а серебряной в виде мещанини («половинок», т. е. полугроссо), гроссо[1] и сольди на 800 тыс. дукатов, из коих 5 тыс. марок[2] в год идет в Египет и в Сирию, а в ваши владения в Италии идет ежегодно на 100 тыс. дукатов и мещанини и сольди, а в ваши заморские владения уходит ежегодно гроссет (грошиков) и сольди на 50 тыс. дукатов. В Англию ежегодно уходит сольди на 100 тыс. дукатов. Остальная монета остается в Венеции.

Вы знаете, что флорентинцы вывозят к нам ежегодно 16 тыс. штук сукна тончайших, тонких и средних сортов. И мы вывозим их в Апулию [южная область Италии], в королевство Неаполитанское, Киликию, Каталонию, Испанию, Берберию [север Африки], Египет, Сирию, Кипр, Родос, Романию, Кандию, Морею, Лиссабон, и каждую неделю означенные флорентинцы привозят еще разного рода товаров на 7 тыс. дукатов и покупают у нас шерсть французскую, каталонскую, кармазин, кошениль, шелк, воск, золотую и серебряную нить, сахар, серебро и всякие специи крупные и тонкие, квасцы, индиго, кожи, драгоценные камни, и все это к великой прибыли нашей страны.

ФЛОРЕНЦИЯ XIII—XV вв.

А. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВО ФЛОРЕНЦИИ В XIII в.

1. «УСТАВЫ ПРАВОСУДИЯ»[3].

После возвращения армии Флоренция в течение нескольких лет переживала период величия и мощи. Но знатные и богатые, полные надменности, постоянно задевали простых людей, нападая

[1] Гроссо (буквально «толстяк») — серебряная монета, введенная в Венеции около 1200 г. вместо прежних тонких обесцененных серебряных динаров. По ценности гроссо составлял около $1/24$—$1/25$ дуката.

[2] Марка — мера веса для драгоценных металлов; венецианская марка была равна приблизительно 200 граммам.

[3] Dino Campagni, La Cronica fiorentina (русский перевод взят из книги Розенталя «История Европы в эпоху торгового капитала», 1927, стр. 183—184).

на них и нанося им тысячи оскорблений. Тогда несколько добрых граждан, ремесленников и торговцев, заключили между собой союз; с ними был один великий и могущественный гражданин по имени Джано делла-Белла, отличавшийся умом, мужеством и добрым сердцем. Несмотря на свое благородное происхождение, он порицал заносчивость знати; поэтому он сделался вождем и руководителем народной партии, которая поддержала его на выборах в Синьерию 15 февраля 1292 г. К обычному числу приоров тогда был присоединен еще один, названный знаменосцем правосудия. Первым занял эту должность Бальдо Руффоли из квартала Порто-Дуомо. Он принял из рук народа знамя — красный крест на белом поле — и получил в свое распоряжение тысячу вооруженных пехотинцев, носивших такие же значки и обязанных находиться в постоянной готовности выступить по первому зову знаменосца, будь то на городской площади или где бы они ни понадобились. Изданные тогда законы получили в то время название Уставов правосудия; они были направлены против насилий, чинимых знатными над простым народом. Уставы вводили круговую ответственность членов семьи. Для обвинения было достаточно показания двух свидетелей, пользующихся хорошей репутацией, или просто народной молвы. Каждая фамилия, имеющая в своих рядах людей рыцарского звания, считалась принадлежащей к знати и в силу этого отстранялась от участия в общественной деятельности; ее члены не могли входить в состав Синьерии, быть знаменосцами правосудия или их товарищами. Таким путем было поражено в правах много фамилий (тридцать три или даже тридцать семь). Приоры, вместе со специально выбранными лицами, назначили новую Синьерию. Двадцать один цех связались между собой клятвой, укрепив этим власть своих консулов.

Члены цеха судей и нотариусов, полные злых умыслов, начали возражать против уставов, составленных мессером Донато ди-Альберто Ристори, мессером Убертино делла-Строцца и мессером Бальдо Агульони. Возражавшие говорили, что если эти уставы будут введены в действие, то они нанесут большой ущерб многим невинным людям, вследствие чего правители не решатся их применять; что если оскорбленное лицо и судья окажутся оба гибеллинами или оба гвельфами, то не будет никакой справедливости; наконец, что члены знатных фамилий никогда не выдадут своих родственников, чтобы самим не подвергнуться той же участи. Однако знатным удалось скрыть лишь немногие из совершенных ими преступлений, так как на них доносили их противники; большая часть этих преступлений была обнаружена и наказана соответственно законам. Первыми понесли кару Галлиган. Один из них имел столкновение во Франции с двумя сыновьями почтенного купца Уголино Бенивьени. Между ними произошла ссора, в результате которой один из двух братьев был ранен Галлиган и вскоре умер. Я сам, Дино Кампани, будучи в 1293 г. знаменосцем правосудия, приказал, согласно закону, разрушить их дома, а

также дома их родственников. Этот пример явился тяжелым уроком для следующих знаменосцев: когда им приходилось разрушать дома, народ упрекал их в слабости, если они делали это недостаточно основательно. Многие из них из страха перед народом даже заходили дальше, чем требовалось правосудием. Однажды был разрушен дом у сына мессера Буондельмонте, не совершившего убийства.

Дерзость черни становилась все необузданнее, потому что знатные карались с неумолимой строгостью. Народное возбуждение было так велико, что правителю нельзя было бы ждать для себя оправдания и защиты, если бы обвиняемые остались без наказания; ввиду этого ни один подсудимый не бывал оправдан. Знатные горько жаловались на законы и говорили о них: «Лошадь пробежит и заденет хвостом по лицу простолюдина, в суматохе нечаянно толкнешь кого-нибудь локтем или маленькие дети подерутся между собой,— сейчас же пойдут жалобы! И за такие пустяки нужно разрушать дома?»

Джано делла-Белла, целомудренный и великой души человек, был достаточно смел, чтобы отстаивать то, от чего другие отступали, и говорить то, о чем другие умалчивали; он поступал так во имя правосудия на страх всем преступникам и требовал того же от правителей, запрещая им покрывать злодеяния. Вследствие этого знатные начали роптать на него; они говорили, что им руководят не любовь и справедливость, а желание истребить своих врагов, и проклинали как его самого, так и его законы. Повсюду, где они собирались, они строили планы о том, как бы отнять власть у народной партии («пополанов»). Но их подслушали и донесли об их замыслах пополанам, которые пришли в негодование и, частью под влиянием страха, частью гнева, издали еще более суровые законы (в апреле 1293 г.).

2. ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН ВО ФЛОРЕНЦИИ [1].

Во имя господа, аминь.

В год его спасительного воплощения тысяча двести восемьдесят девятый, Индикта второго, в шестой день месяца августа.

Так как свобода и воля каждого, многообразно украшаясь, зависят, в силу естественного права, не от чужого, но от собственного усмотрения, ввиду чего даже государства и народы защищают себя от гнета и всячески отстаивают и умножают свои права, то, желая не только сохранить свободу и ее формы, но и увеличить ее..., господа приоры цехов флорентинского государства и другие мудрые и добродетельные люди, собравшись с этой целью в доме Гани Форези и Колтани, отведенном коммуной для пребывания приоров, своим соизволением, властью и авторитетом, которые

[1] Villari, I primi due Secoli della Storia di Firenze (русский перевод взят из цитированной книги Розенталя, стр. 185—186).

предоставлены им от имени флорентинской коммуны, нерушимо и здраво постановили и определили:

Чтобы никто, кто бы он ни был и какое бы звание или положение ни занимал, не мог, не смел и не думал, лично или через посредника, тайно или открыто, покупать или под каким-либо иным титулом, правом, видом или предлогом приобретать навсегда или на время зависимых людей («верных»), колонов, постоянных или условных, крепостных и оброчников или каких-либо других, в каких бы условиях они ни находились, а также принуждать кого-либо к выполнению барщинных повинностей (ангарии) или вообще покушаться на чью-либо свободу и независимость в пределах города, округа и государства Флоренции; и чтобы никто, кто бы он ни был и какое бы звание или положение ни занимал, не мог, не смел и не думал названных людей или кого-нибудь из них продавать или под каким-либо иным титулом, правом, видом или предлогом отчуждать или уступать навсегда или на время другому лицу, кто бы оно ни было и какое бы звание или положение ни занимало в городе, округе или государстве Флоренции; все сделки, совершенные вопреки этому постановлению, признаются неправомерными и недействительными... Все верные и другие люди, находящиеся в зависимости, их имущество, дети и потомки объявляются свободными по своему положению и состоянию.

А те, кто отчуждает или каким-либо образом передает навсегда или на время, лично или через посредника, их синдики, прокураторы и нунции, а также покупатели и те, кто под каким-либо титулом, видом, предлогом или правом приобретает, лично или через посредника, навсегда или на время, и их прокураторы, синдики, нунции, судьи, нотариусы и свидетели, которые при этом присутствуют и дают свою подпись,— каждый из них приговаривается к штрафу в тысячу малых флоринов, каковые будут действительно взысканы, несмотря на договоры и сделки, хотя бы скрепленные клятвой и неустойкой, которые уже состоялись или должны были состояться в отношении предусмотренных продаж, мен и тому подобных передач. Эти договоры вышеупомянутые господа приоры и мудрые люди объявили лишенными всякой силы и значения.

Они постановили также, что если кто недоступен суду коммуны Флоренции, не подчинен ее гражданским и уголовным законам, не выполняет ее постановлений и будет заключать лично или через посредника, под каким-либо видом или предлогом, вышеназванные сделки, то его отец, братья или другие родственники, если у него нет ни отца, ни братьев, приговариваются к штрафу в тысячу флоринов, каковые будут с них действительно взысканы....

Всякие же иные сделки, купли и передачи могут происходить беспрепятственно. Отныне верные и другие [зависимые люди] могут беспрепятственно выкупать себя, своих детей и потомков и свое имущество, а те, кто имеет права [на верных], могут, если верные желают выкупиться, безнаказанно продать эти права и освободить их...

3. ИЗ «ИСТОРИИ ФЛОРЕНЦИИ» МАКИАВЕЛЛИ.

Никколо Макиавелли (1469—1527) — крупнейший политический писатель и флорентинский политик. Состоял секретарем «Совета десяти» во Флоренции с 1498 по 1512 г., т. е. в период республики, образовавшейся после изгнания Пьеро Медичи в 1494 г. Исполнение этой должности ставило Макиавелли в центр повседневной политической работы и вооружило его огромным запасом конкретных политических наблюдений и знаний, которые он попытался позднее обобщить в своих политических трактатах. В 1512 г., после падения республики и реставрации Медичи, Макиавелли отставляется от всех должностей, и наступает период вынужденного практического бездействия и напряженного литературного творчества. В это время пишутся все крупные произведения Макиавелли: «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», «Князь», «Семь книг о военном искусстве». Попытки вернуться к практической деятельности при Медичи кончаются неудачей, и Макиавелли получает эту возможность только в 1525 г., т. е. в последние годы жизни. К последнему периоду творчества Макиавелли относится и «История Флоренции».

Макиавелли — одно из немногих имен в истории мировой политической литературы, сохранивших актуальный интерес до нашего времени. Значение его основано на том, что он сделал замечательную попытку вскрыть теоретические основы государственной власти, проследить ее деятельность в республиканской («Рассуждения») и монархической форме ее проявления («Князь») и раскрыть свою концепцию на историческом материале флорентинской истории. Наблюдая флорентинскую действительность, Макиавелли связал свой политический опыт с изучением идеализированных римских образцов и дал апологию буржуазной демократии и патриотизма. Наблюдая современную ему крупную монархию и деятельность бесчисленных итальянских тиранов своего времени, жадных, хитрых и бессовестных, он дал образ «Князя», в котором с откровенностью, непревзойденной в истории политической литературы, вскрыл природу нарождающегося абсолютизма и безжалостно обнажил самые условия его существования. «Начиная с Макиавелли, Гоббса, Спинозы, Бодена и т. д., и т. д.,— говорит Маркс (К. Маркс и Ф. Энгельс, «Немецкая идеология» изд. 1935 г., стр. 303),— в новейшее время, не говоря уже о более ранних авторах, сила изображалась как основа права; благодаря этому теоретическое рассмотрение политики освободилось от морали...» Никто из перечисленных выше мыслителей не сделал этого с такой беспощадной ясностью, как Макиавелли, и поэтому имя Макиавелли стало синонимом беспринципного политика, хитростью, лицемерием, обманом и попиранием всякой морали и честности достигающего своей цели. Как историк Макиавелли прежде всего остается политиком, т. е. проводит свою концепцию применительно к историческому материалу, создавая исторический комментарий к своим политическим идеям. Знание психологии политических партий и мотивов партийной борьбы позволило ему дать отчетливую общую картину роста и заката Флоренции, картину, применимую не только к флорентинской, но и ко всякой буржуазной демократии.

Приводимый отрывок, излагающий восстание чомпи, особенно интересен тем, что он отчетливо выявляет эти свойства Макиавелли как исторического писателя. Его центральная часть — это речь анонимного чомпи, которая, конечно, никогда не была произнесена, но с необычайной яркостью вскрывает идеологию классовых противников.

Далекий эпизод социальной истории XIV в. получает художественную конкретность, делающую его почти современным событием, но читатель должен всегда помнить, что перед ним не летописец событий, а политик, изложение которого во многом произвольно и требует постоянной проверки.

IX. Стоял апрель 1378 г., и мессер Лапо не хотел откладывать дальше, утверждая, что для всякого дела нет ничего вреднее оттяжки, а для них она особенно опасна, ибо при следующей Синьории гонфалоньером легко может оказаться Сальвестро Медичи, принадлежавший, как это было им известно, к враждебной партии.

Наоборот, Пьеро дельи-Альбицци советовал обождать, так как считал, что им понадобятся силы, которые нельзя собрать, не выдавая себя; если же они будут открыты, опасность станет явной. Поэтому Пьеро считал необходимым потерпеть до ближайшего дня Сан-Джованни; это был самый торжественный праздник в городе, когда во Флоренцию стекалась громадная толпа, в которой можно было скрыть сколько угодно своих людей. Чтобы отвести опасность, грозящую со стороны Сальвестро, лучше всего было бы применить к нему аммоницию [1], а если бы это не удалось, то применить ее к какому-нибудь члену Коллегии из жителей его же квартала; так как мешки были пусты, то при выборах заместителя легко могло случиться, что жребий падет на кого-нибудь из родственников Сальвестро или на него самого, а это уже лишит его возможности быть гонфалоньером [2]. На этом и остановились, хотя мессер Лапо согласился нехотя: он считал всякую оттяжку вредной и думал, что для таких дел никогда не бывает вполне удобного времени; тот, кто выжидает, пока все будет ему благоприятствовать, тот или никогда ни на что не решается, или если решается, то большей частью проваливает дело. Аммоницию к члену Коллегии применили, но устранить Сальвестро не удалось, так как Коллегия Восьми поняла в чем дело и добилась того, что избрание заместителя не состоялось.

Таким образом, гонфалоньером стал Сальвестро, сын Аламанно Медичи. Происходя из знатнейшей семьи пополанов, он не мог примириться с тем, что народ могут угнетать немногие сильные люди. Замыслив положить предел их дерзости, убедившись в сочувствии народа и в согласии многих родовитых пополанов, сочленов его по должностям, он сообщил о своих намерениях Бенедетто Альберти, Томмазо Строцци и мессеру Джорджо Скали, которые обещали ему в этом деле всяческую помощь. Они составили тайный союз, стремившийся к тому, чтобы возобновить действие Уставов правосудия против дворян, уменьшить власть капитанов партии [3] и восстановить всех, пострадавших от аммониции, в праве занимать государственные должности. Дабы закон был одновременно внесен и принят, он должен был обсуждаться сначала

---

[1] Аммониция — институт флорентинского государственного права, введенный в 1358 г. и явившийся в руках крупной флорентинской буржуазии, выступавшей под знаменем гвельфов, сильнейшим орудием подавления ее политических противников. Всякий флорентинский гражданин, официально признанный гибеллином, обязывался, под страхом жестокого наказания, не выставлять своей кандидатуры ни на какую общественную должность. Аммониция явилась, таким образом, своеобразной системой лишения избирательных прав в порядке принудительного самоустранения нежелательных кандидатов.

[2] В силу закона 1307 г. родственники членов Коллегий не могли избираться на общественные должности.

[3] Капитаны партии гвельфов — первоначально чисто партийные должностные лица, учрежденные в 1267 г. для распоряжения имуществом, конфискованным у гибеллинов. Впоследствии капитаны партии приобретают власть, далеко выходящую за пределы партийной организации.

в Коллегиях, а затем в Советах[1], и Сальвестро, будучи председателем приоров (должность, которая на срок его полномочий делала его почти что властителем города), распорядился созвать Коллегию и Совет в одно и то же утро; отделив предварительно Коллегию от Совета, он предложил ей готовый закон, который, как всякое новшество, был встречен в этом собрании немногих так враждебно, что не прошел. Видя, что первоначально намеченные пути отрезаны, Сальвестро притворился, что ему по крайней надобности надо выйти из зала, прошел незаметно для других в Совет и, поднявшись на возвышенное место, где каждый мог его слышать и видеть, сказал: «Я считал, что меня избрали гонфалоньером не с тем, чтобы разбирать частные дела, для которых существуют обычные судьи, а для того, чтобы стоять на страже государства, обуздывать дерзость сильных и умерять действие тех законов, применение которых явно губит республику; к тому и другому я готовился усердно и принимал необходимые меры, поскольку это было возможно, однако злоба людей противилась всем моим справедливым делам, так что путь к добру для меня закрыли, а у вас отнимается не только власть решать, но и даже возможность меня выслушать. Поэтому, раз я не могу ни в чем быть полезен ни республике, ни общему благу, я не вижу причины сохранять должность, которую я не заслужил или не заслуживаю по мнению других; я ухожу, дабы народ мог поставить на мое место человека, более доблестного или более счастливого, чем я».

С этими словами он вышел из Совета и направился домой.

X. Члены Совета, посвященные в дело, и другие сторонники перемен подняли шум, на который прибежали синьеры и члены Коллегии; увидав, что их гонфалоньер собирается уходить, они удержали его своими просьбами и требованиями и заставили вернуться в Совет, в котором все были возбуждены до крайности; многие родовитые граждане подверглись здесь самым оскорбительным угрозам; между прочим какой-то ремесленник схватил Карло Строцци за грудь, намереваясь его убить, и окружающие с трудом его защитили. Однако самую сильную тревогу, заставившую весь город вооружиться, поднял Бенедетто Альберти, который, стоя у окна дворца, громким голосом призвал народ к оружию, и площадь тотчас же наполнилась вооруженными людьми; члены Коллегии сделали тогда под угрозой то, чего не хотели сделать раньше по просьбам. В то же время капитаны партии собрали многих граждан в своем дворце, чтобы посоветоваться с ними, как бороться против постановления Синьерии. Однако, когда они услышали шум народного волнения и узнали о решении Советов, все разошлись по домам.

Да не воображают зачинатели переворотов в городе, что они могут остановить движение по своему усмотрению или управлять

[1] Совет народа и Совет коммуны, образованные в 1328 г.

им по своей воле. Сальвестро Медичи хотел провести закон и успокоить город, а дела пошли иначе: разыгравшиеся страсти так взволновали всех, что лавки не открывались, граждане укреплялись в домах, многие прятали свое имущество в церквах и монастырях, и казалось, что каждый страшится близкой беды. Цехи собрались и выбрали каждый своего синдика. Приоры созвали свои Коллегии и целый день совещались с синдиками о том, как успокоить город и удовлетворить всех; однако к соглашению не пришли, так как мнения разделились. На следующий день цехи развернули свои знамена; узнав об этом, синьеры, в страхе перед грядущими событиями, созвали Совет, надеясь, что он сумеет помочь делу. Однако Совет не успел собраться, как поднялся шум, и на площади показались знамена цехов, сопровождаемые множеством вооруженных людей. Совет, чтобы подать цехам и народу надежду на удовлетворение их желаний и отнять у них повод творить зло, облек Синьерию, Коллегии, Коллегию Восьми, капитанов партии гвельфов и синдиков цехов неограниченной властью, которая во Флоренции называется «балия» и уполномочил их преобразовать строй города ко всеобщему благу. Тем временем некоторые мелкие цехи, подстрекаемые теми, кто жаждал отомстить гвельфам за недавние обиды, отделились от остальных, разграбили дом мессера Лапо да-Кастильонкио и сожгли его. Лапо, когда узнал о постановлениях Синьерии против гвельфов и увидел вооруженный народ, понял, что для него нет другого исхода, как скрыться или бежать, и действительно он укрылся сначала в церкви Санта-Кроче, а затем бежал в Казентино, переодетый францисканцем; здесь он не раз во всеуслышание упрекал себя за то, что согласился с Пьеро дельи-Альбицци, а Пьеро за то, что тот хотел дождаться праздника Сан-Джованни, чтобы обеспечить себе правительственную власть. Однако Пьеро и Карло Строцци скрылись при первых же вспышках волнений и были уверены, что, когда эти волнения улягутся, им можно будет безопасно оставаться во Флоренции, где у них было много родственников и друзей. После поджога дома мессера Лапо, вследствие общей ненависти или личной вражды, было разграблено и сожжено много других домов, ибо зло вначале творится с трудом, но разрастается легко. Дабы набрать сотоварищей, жаждущих вместе с ней поживиться чужим добром, толпа взломала двери государственных тюрем и монастырей дельи-Аньоли и Сан-Спирито, куда многие граждане снесли свое имущество; городское казначейство тоже не ушло бы от рук этих разбойников, если бы преданность одного из членов Синьерии его не защитила: на коне, в сопровождении множества вооруженных людей, он сопротивлялся ярости толпы как только мог. Влияние Синьерии, с одной стороны, и наступившая ночь, с другой — несколько успокоили народный гнев, и на следующий день балия помиловала всех, пострадавших от аммониции, с условием, что они в течение трех лет не могут занимать никаких должностей; законы, изданные гвельфами во вред гражданам, были отменены;

мессер Лапо да-Кастильонкио и его родственники были объявлены бунтовщиками вместе со многими другими гражданами, которых народ особенно ненавидел. Когда затем оглашен был список членов новой Синьерии, с гонфалоньером Луиджи Гвиччардини, во всех зашевелилась надежда, что волнения прекратятся.

XI. Лавки, однако, попрежнему не открывались, граждане оставались при оружии, и по всему городу ходили большие отряды городской стражи; по той же причине вступление Синьерии в должность происходило не вне дворца с обычно установленной пышностью, а в самом дворце, без всякого торжественного обряда. Синьеры полагали, что самое полезное дело, которое они могут совершить с первых же дней своего управления,— это умиротворить город, поэтому они заставили враждующих положить оружие, открыть лавки и удалили из Флоренции множество людей, живущих в городском округе и вызванных гражданами на помощь; в разных местах города поставили стражу. Меры эти успокоили бы город, если бы граждане, подвергшиеся аммониции, были бы вообще в состоянии успокоиться. Однако им совсем не улыбалось ждать три года, пока они снова получат право занимать должности; чтобы удовлетворить их, цехи собрались вновь и во имя блага и спокойствия города потребовали от Синьерии закона, по которому ни один гражданин, бывший когда-нибудь членом Синьерии, Коллегий, капитаном партии гвельфов или консулом одного из цехов, не мог быть подвергнут аммониции за гибеллинство; кроме того, они просили, чтобы партия гвельфов завела новые мешки с именами кандидатов и чтобы прежние избирательные записки были уничтожены. Требования эти были сейчас же приняты не только Синьерией, но и всеми Советами, и, таким образом, казалось, что вновь поднявшиеся волнения должны улечься. Однако, так как люди не удовлетворяются возвратом своего, а хотят получить чужое и отомстить, то граждане, рассчитывавшие выгадать от беспорядков, убедили ремесленников, что они никогда не будут в безопасности, пока многие враги их не изгнаны и не уничтожены. Имея это в виду, Синьерия призвала цеховые власти вместе с синдиками, и гонфалоньер Луиджи Гвиччардини сказал им следующее: «Если бы члены Синьерии и я не знали с давних пор, что городу этому искони суждено начинать войны внутренние, когда кончаются войны внешние, то происшедшие волнения поразили бы нас больше и вызвали бы более суровое осуждение. Дела привычные приносят меньшее зло, и потому мы терпеливо перенесли последние беспорядки, начавшиеся без всякой вины с нашей стороны; мы надеялись, что, по примеру прошлых времен, они когда-нибудь да кончатся, тем более, что мы согласились на многие и столь значительные ваши домогательства. Однако мы видим, что вы не успокаиваетесь, а, наоборот, требуете по отношению к вашим согражданам все новых несправедливостей и новых приговоров к изгнанию; ваше недостойное поведение только усиливает наше неудовольствие. Если бы мы могли думать, что во

время исполнения нами этой должности городу нашему в борьбе с вами или в угоду вам предстоит гибель, мы уклонились бы от оказанной нам чести путем бегства или изгнания; все же мы надеялись, что будем иметь дело с людьми, в которых живы человеческие чувства и любовь к родине, и потому охотно приняли эту должность в уверенности, что наша доброта во всяком случае победит ваше честолюбие. Теперь же нам видно из опыта, что чем смиреннее мы себя держим, чем более мы вам уступаем, тем заносчивее и бесстыднее становятся ваши требования. Если мы это говорим, то не для того, чтобы вас обидеть, а для того, чтобы вы опомнились; мы скажем вам то, что для вас полезно, а приятное пусть говорят другие. Скажите по совести, чего вы еще можете честно от нас добиваться? Вы хотели отнять власть у капитанов партии,— они ее лишены; вы требовали сожжения мешков с именами их кандидатов, вы хотели новых преобразований,— мы на это согласились; вы хотели, чтобы гражданам, пострадавшим от аммониции, возвращено было право занимать должности,— это им разрешено. Мы простили по просьбам вашим тех, кто поджигал дома и грабил церкви, и услали в изгнание множество почитаемых и влиятельных граждан, чтобы вас удовлетворить. Во внимание к вам созданы новые ограничения для дворян. Где же конец вашим домогательствам и сколько времени еще будете вы злоупотреблять нашей уступчивостью? Разве вы не видите, что мы терпеливее выносили свое поражение, чем вы свою победу? До чего доведут этот город нескончаемые ваши раздоры? Неужели вы не помните, что, когда город разбился на партии, его победил Каструччо, жалкий гражданин Лукки, а ваш же кондотьер, герцог Афинский, подчинил его своей власти? Зато, когда город оставался единым, его не могли одолеть ни архиепископ Миланский, ни папа, с позором проигравшие долголетнюю войну. Почему же вы хотите, чтобы из-за ваших раздоров стал рабом во время мира город, отстоявший свою свободу от стольких врагов в годы войны? Что может получиться от раздоров ваших кроме рабства? Если вы грабите или будете грабить имущество, чем это может кончиться как не нищетой? Ведь этими благами благодаря нашему искусству в промышленном деле кормится весь город, и если мы их лишимся, то питать его будет нечем; те же, кто их захватит, не сумеют их сохранить, как бывает со всяким имуществом, приобретенным дурными средствами; последствием будут голод и обнищание города. Я и синьеры приказываем вам, а если приличие это допускает, просим вас остановиться и раз навсегда удовольствоваться твердым соблюдением законов, нами установленных; если же вы хотите перемен, добивайтесь их законными путями, а не мятежами и оружием; если желания ваши достойны, они всегда будут удовлетворены, и вы не позволите злостным людям вашими же руками губить отечество в осуждение и во вред самим себе». Слова эти выражали истину и поэтому сильно подействовали на граждан, которые от души благодарили гонфалоньера за то, что он ис-

полнил долг доброго правителя по отношению к ним и доброго гражданина по отношению к городу, причем изъявляли готовность всегда исполнять то, что им будет предписано. Синьерия же, чтобы дать им к тому возможность, назначила при всех высших магистратах по два гражданина, которые должны были обсудить вместе с синдиками, требуется ли для общего мира какое-либо преобразование, и донести об этом Синьерии.

XII. Пока дела таким образом налаживались, разразился новый мятеж, потрясший республику гораздо больше, чем первый. Большая часть поджогов и грабежей, случившихся в эти дни, учинялась городскими низами; те, кто показали себя смелее других, боялись, что, когда наступит спокойствие и важнейшие споры разрешатся, они будут наказаны за свои преступления и, как всегда бывает, покинуты теми, кто подстрекал их на злодейство. К этому прибавлялась ненависть неимущего народа к богатым гражданам и главарям цехов, ибо народ находил, что он за свой труд не удовлетворен так, как по справедливости этого заслуживал. Дело в том, что когда город во времена Карла I разделился на цехи, то каждому цеху даны были старшины и свое управление, причем устанавливалось, что члены каждого цеха по делам гражданским судятся своими цеховыми властями. Цехов этих, как мы уже говорили, было вначале двенадцать; с течением времени число их так увеличилось, что дошло до двадцати одного, и они стали так могущественны, что в несколько лет захватили в свои руки все управление городом. Так как одни цехи почитались важнее других, они разделились на старшие и младшие, причем семь цехов было объявлено старшими, а четырнадцать младшими. Это разделение и другие обстоятельства, о которых мы говорили выше, были главной причиной надменности капитанов партии, ибо должность эта всегда предоставлялась гражданам, издавна бывшим гвельфами, а они покровительствовали пополанам старших цехов и преследовали пополанов младших, а также защитников их. Отсюда — бесконечные мятежи против них, о которых мы уже говорили. При учреждении цехов многие ремесла, которыми живут неимущий народ и городские низы, не получили собственного цехового устройства, а были включены в различные цехи, близкие к ним по роду промысла; когда работники их не получали плату за свой труд или вообще подвергались преследованиям мастеров, им оставалось только обращаться к властям высшего цеха, эти последние, повидимому, не оказывали им той справедливости, на которую они считали себя вправе притязать; из всех цехов больше всего таких подвластных людей было и есть сейчас в цехе суконщиков, который прокармливал и прокармливает своим ремеслом большую часть городских низов и неимущего народа; цех этот самый могущественный и первенствует среди всех.

XIII. Низы, равно как и те, кто подчинялся цеху суконщиков и другим цехам, были по причинам, о которых уже говорилось, страшно озлоблены, а кроме того они боялись кары за поджоги и

грабежи; поэтому они не расходились по почам, чтобы обсудить происшедшие события, и указывали друг другу на угрожающую опасность. Один из участников собрания, самый ярый и бывалый, сказал для воодушевления других следующую речь[1]:

«Если бы нам предстояло обсудить, следует ли сейчас браться за оружие, жечь и грабить дома граждан и обкрадывать церкви, я был бы в числе тех, кто считает, что над такого рода решением надо очень и очень подумать, и, может быть, предпочел бы беспечную бедность опасной наживе. Однако теперь, когда уже сделано много зла и оружие обнажено, следует, по-моему, обсудить, какие у нас есть средства не выпускать его из рук и как мы можем спастись от последствий содеянного зла. Я твердо верю, что если нас этому не научили другие, то теперь нас научит необходимость. Вы знаете, что во всем городе стоит стон, что нас ненавидят, что граждане сплачиваются, а Синьерия непрерывно заседает с властями. Верьте, что нам готовят петлю и хотят обрушить новые силы на наши головы. Нам надо поэтому добиваться двух вещей и стремиться достигнуть своими решениями двух целей: первая — это найти способы избежать наказания за дела последних дней, вторая — получить возможность жить свободнее и обеспеченнее, чем прежде. По-моему, если мы хотим, чтобы нам простили старые преступления, мы должны натворить новые, удвоить злодейства, жечь и грабить как можно больше и постараться иметь много соучастников. Когда грешат многие, не отвечает никто, и вообще караются только мелкие преступления, большие же вознаграждаются. Когда страдают многие, мало кто хочет отомстить, ибо всеобщие обиды сносятся терпеливее частных. Умножая зло, мы легче добьемся прощения, и это откроет нам путь к целям, желанным для нашей свободы. Я считаю, что мы идем к верному выигрышу, ибо те, кто мог бы нам помешать, разъединены и богаты; разъединенность их дает нам победу, а богатства их помогут нам ее удержать, когда попадут в наши руки. Пусть не страшит вас древность их крови, о которой они нам укоризненно напоминают. Люди все одного происхождения и потому все они одинаково древнего рода и сотворены природой по единому образу. Разденьте всех догола, и вы увидите, что все мы похожи друг на друга: дайте нам их одежды, оденьте их в наши, и мы, без сомнения, будем выглядеть как дворяне, а они покажутся простонародием, ибо неравенство между нами создано только бедностью и богатством. Мне жаль, что многие из вас в душе раскаиваются в своих поступках и хотят воздержаться от новых злодеяний. Если это верно, то вы, конечно, не те люди, за которых я вас принимал, ибо ни совесть, ни бесчестие не должны вас пугать; победители, какими бы средствами они ни победили, никогда не знают позора. С совестью нам считаться нечего, ибо тот, кто подобно нам живет в страхе голода и тюрьмы, тот не может и не должен бояться ада.

[1] Речь эта, конечно, не исторический факт, а литературная композиция.

Если вы взгляните на образ действий людей, вы увидите, что все, достигшие великого богатства и могущества, получили его силой или вероломством; захваченное обманом или насилием они прикрашивают потом лживым словом «заработанное», чтобы только скрыть гнусность приобретения. Те же, кто по неопытности или глупости избегают этих способов, всегда задыхаются в рабстве и нищете. Верные рабы всегда остаются рабами, а праведники всегда бедны; освобождаются от рабства только предатели и смельчаки, а от бедности — только хищники и обманщики. Бог и природа предоставили блага мира всем людям, но достаются они больше грабежом, чем трудом, больше злом, чем добром. От этого и происходит, что люди пожирают друг друга, и маленькому человеку живется все хуже и хуже. Поэтому, когда есть возможность, надо брать силой, а более счастливого случая судьба нам не даст никогда, ибо граждане разъединены, Синьерия колеблется, власти напуганы; раньше чем они объединятся и на что-нибудь решатся, их легко можно захватить. Тогда мы или останемся единственными властителями города или получим такое участие в правлении, что не только будут прощены наши старые грехи, но мы всегда сможем угрожать новыми насилиями. Я признаю, что решение это смело и опасно, но когда нас вынуждает необходимость, смелость должна считаться благоразумием, а с опасностью мужественные люди в таких больших делах никогда не считались: предприятия, опасные в начале, вознаграждают себя в конце, и опасности можно избежать только через опасность; наконец, я считаю, что раз нам готовятся тюрьмы, пытки и казни, то надо скорее бояться бездействия, чем попыток себя обезопасить, ибо в первом случае бедствия очевидны, а во втором они сомнительны. Сколько раз слышал я ваши жалобы на жадность ваших хозяев и на несправедливость цеховых властей! Теперь настало время не только избавиться от них, но скрутить их так, чтобы уже им приходилось жаловаться и бояться вас, а не вам их. Случай дан нам удобный, но он крылат, и если мы его упустим, то напрасно будем стараться поймать его снова. Вы видите приготовления ваших противников; предупредим их намерения, и тот, кто первым возьмется за оружие, без сомнения окажется победителем на гибель врагу и на прославление себя; многих из нас ожидает почет, а безопасность будет для всех». Речь эта сильно воодушевила умы, и без того уже возбужденные ко злу; решено было взяться за оружие, как только удастся привлечь больше соучастников, и все поклялись помогать друг другу, если случится, что кто-нибудь из заговорщиков будет захвачен властями.

XIV. Пока эти люди готовились захватить власть в республике, слух об их замыслах дошел до Синьерии; на площади был задержан некий Симоне, который раскрыл весь заговор и сообщил, что восстание должно начаться на следующий день. Ввиду этой опасности Синьерия созвала Коллегии и граждан, которые вместе с синдиками должны были поддерживать в городе единение. Одна-

ко вечер наступил раньше, чем они сошлись, и названные граждане посоветовали Синьерии призвать консулов цехов, которые в один голос дали совет вызвать во Флоренцию всех солдат и на следующее утро послать на площадь гонфалоньеров во главе вооруженных отрядов. Пока пытали Симоне и граждане спешили на собрания, некто Никколо из Сан-Фриано чинил дворцовые часы; он понял в чем дело, и, вернувшись домой, поднял тревогу среди всех своих соседей, так что в одно мгновение на площадь Сан-Спирито сбежалось больше тысячи вооруженных людей. Шум этот дошел до других заговорщиков, и церкви Сан-Пьеро Маджоре и Сан-Лоренцо, назначенные местом сбора, наполнились вооруженными людьми.

Наступил день двадцать первого июля, и на площадь для защиты Синьерии явилось не больше восьмидесяти солдат; из гонфалоньеров не было никого, так как они боялись выходить из дому, зная, что весь город вооружился. Первым пришел на площадь простой народ, собравшийся в церкви Сан-Пьеро Маджоре, солдаты при появлении его не двинулись. Затем показалась остальная толпа, которая, не видя сопротивления, с ужасающим криком потребовала от Синьерии освобождения заключенных; когда в ответ на угрозы их все-таки не выпустили, она, чтобы вырвать их силой, подожгла дома Луиджи Гвиччардини; Синьерия, опасаясь худшего, освободила заключенных. Вернув их в свою среду, толпа выхватила знамя Правосудия у экзекутора и, шествуя с ним, подожгла дома многих граждан, преследуя тех, кого ненавидела по причинам общественным или частным. Многие граждане, мстя за личные обиды, натравляли толпу на дома своих врагов; для этого было достаточно, чтобы из толпы раздался хотя бы один голос: «К дому такого-то» или чтобы в эту сторону направился знаменосец. Сожжены были все бумаги цеха суконщиков. Натворив много зла, толпа, чтобы совершить какое-нибудь похвальное дело, произвела в рыцари Сальвестро Медичи и множество других граждан, в общем до семидесяти четырех, в числе пожалованных были Бенедетто и Антонио Альберти, Томмазо Строцци и другие близкие к ним люди; многие из них были вынуждены принять это пожалование насильно. В этих событиях всего замечательнее то, что можно было видеть, как множество людей поджигало дома тех самых граждан, которых они же немного спустя, в тот же день (так недалеко от благодеяния до угнетения), производили в рыцари; так было с гонфалоньером Правосудия Луиджи Гвиччардини. Члены Синьерии, видя, что их в самый разгар мятежа покинули солдаты, главари цехов и гонфалоньеры, растерялись, так как никто по данному приказу к ним на помощь не пришел; из шестнадцати знамен явились только гербы Золотого Льва и Белки, которых несли Джовенко делла-Стуфа и Джованни Камби. Они тоже пробыли на площади недолго и ушли, так как никто за ними не последовал. С другой стороны, граждане, видя ярость обезумевшей толпы и зная, что дворец брошен, частью

сидели по домам, частью пошли за вооруженной толпой, потому что, смешавшись с ней, они могли лучше защищать свои дома и жилища своих друзей. Таким образом сила мятежников росла, а власть Синьерии постепенно исчезла. Мятеж этот продолжался целый день, а когда настала ночь, восставшие остановились у дворца мессера Стефано, позади церкви Сан-Барнаба. Число их превышало шесть тысяч; еще до рассвета они угрозами заставили цеховые власти передать им их знамена. Утром они подступили к дворцу подеста со знаменем Правосудия и со знаменами цехов, и, когда подеста отказался передать им дворец, они ворвались силой.

XV. Желая сделать попытку столковаться с ними миром, так как не видно было способов подавить восстание силой, Синьерия призвала четырех своих сочленов и отправила их к дворцу подеста, чтобы осведомиться о намерениях восставших; посланные узнали, что главари толпы вместе с синдиками цехов и некоторыми гражданами уже приняли решение о требованиях, с которыми они хотят обратиться к Синьерии.

Они вернулись к Синьерии вместе с четырьмя[1] посланцами от восставших, предъявившими следующие требования: цех суконщиков не должен впредь приглашать судью из другого города; должны быть образованы три новых цеха: один для чесальщиков шерсти и красильщиков, другой для цырюльников, жилетников, портных и других швейных промыслов, третий для неимущего народа; два члена Синьерии всегда должны выбираться этими тремя новыми цехами, а другие три — четырнадцатью младшими цехами; Синьерия должна позаботиться о том, чтобы у этих новых цехов были здания, где они могли бы собираться; ни один человек, записанный в эти цехи, не может быть в течение двух лет принужден к уплате долга, если он меньше пятидесяти дукатов; ломбард не взыскивает процентов, и возвращается только ссуженный капитал; осужденные и высланные должны быть прощены; всем подвергшимся аммониции должны быть возвращены права на занятие должностей. Они требовали кроме того много всяких других преимуществ для зачинщиков движения и, наоборот, настаивали на изгнании своих врагов и на применении к ним аммониции. Требования эти были позорны и тяжелы для республики, но Синьерия, Коллегия Восьми и Совет народа сейчас же согласились на них, опасаясь худшего. Однако, для того чтобы они вступили в силу, требовалось согласие Совета Коммуны, но его пришлось отложить до следующего дня, так как в один и тот же день нельзя было созывать два Совета. Тем не менее цехи и толпа, казалось, были довольны и обещали, что все волнения прекратятся, как только закон вступит в силу.

---

[1] Макиавелли излагает содержание петиции восставших, поданной 21 июля 1378 г., неточно, не делая различия между петицией чомпи и петицией синдиков цехов, поданной в тот же день.

На следующее утро, пока дело обсуждалось в Совете Коммуны, нетерпеливая и изменчивая толпа пришла со своими знаменами на площадь и подняла такой дикий и страшный крик, что весь Совет и Синьерия пришли в ужас. Один из членов Синьерии, Гуэрриапте Мариньолли, в котором страх превозмог все другие страсти, покинул заседание под предлогом охраны нижних дверей и убежал домой. Когда он вышел на улицу, то при всем старании не мог скрыться от толпы, которая его узнала, но никакого зла ему не сделала, а только, увидав его, подняла крик и потребовала, чтобы члены Синьерии оставили дворец; в противном случае она грозила убить их детей и поджечь их дома. Тем временем закон был принят, и синьеры разошлись по своим комнатам, члены же Совета спустились вниз, но не выходили на улицу, а стояли в лоджии и во дворе, отчаиваясь в спасении города при виде такого бесстыдства толпы и такой злобы и трусости тех, кто мог бы ее обуздать или усмирить. Синьеры были также в смущении и сомневались в спасении отечества, видя, что они покинуты своим сочленом и что ни один гражданин не поддержал их не только помощью, но даже советом. Пока они пребывали в нерешительности, как им можно и должно поступить, мессер Томмазо Строцци и мессер Бенедетто Альберти, побуждаемые личным честолюбием и желанием остаться хозяевами дворца, а может быть искренно думая, что это будет правильно, убедили их уступить народному натиску и вернуться к себе домой уже в качестве частных людей. Этот совет, данный главарями восстания, вывел из себя двух членов Синьерии, Аламанно Аччайоли и Никколо дель-Бене; оба они, несмотря на то, что остальные уступали, почувствовали в себе какой-то прилив мужества и заявили, что не могут помешать другим уйти, но сами не сложат власти, пока не истечет законный срок, и уступят ее только вместе с жизнью. Спор этот усилил страх Синьерии и гнев народа; дошло до того, что гонфалоньер, готовый скорее закончить свое пребывание в должности с позором, чем итти на опасность, отдался под покровительство мессера Томмазо Строцци, который вывел его из дворца и проводил до дому. Другие члены Синьерии ушли таким же образом один за другим, а Аламанно и Никколо не захотели прослыть за людей более мужественных, чем благоразумных, и, видя, что они одни, в конце концов тоже ушли; дворец остался в руках толпы и военной Коллегии Восьми, не сложившей еще своих полномочий.

XVI. Когда толпа входила во дворец, знамя гонфалоньера Правосудия нес некто Микеле ди-Ландо[1], чесальщик шерсти. Босой, одетый в лохмотья, он поднялся по лестнице, сопровожда-

[1] Макиавелли, верный своей основной идее индивидуального исторического героя, ведущего за собой толпу, видит такого героя в Микеле Ландо и излагает его роль в восстании чомпи совершенно произвольно, сообразуясь не столько с фактами, сколько со своей теорией власти.

емый всей городской чернью, и, дойдя до приемной Синьерии, остановился и сказал, обращаясь к толпе: «Вы видите, что дворец этот ваш и город в ваших руках. Что, по-вашему, надо теперь делать?» В ответ на это все закричали, что хотят иметь его гонфалоньером, и пусть он управляет ими и городом, как находит нужным. Микеле принял власть и, будучи человеком умным и осторожным, больше взысканным природой, чем счастьем, решил успокоить город и прекратить беспорядки; чтобы отвлечь народ и выиграть время на подготовку, он распорядился сыскать некоего сера Нуто, которого мессер Лапо да-Кастильонкио назначил начальником стражи; большинство окружавших его отправилось исполнять это поручение. Чтобы осуществлять по справедливости власть, доставшуюся ему благодаря народному расположению, он приказал всенародно объявить, что никто не смеет ничего жечь или грабить. Для устрашения он велел поставить на площади виселицы. Преобразование городского строя он начал с того, что уволил синдиков цехов и назначил новых, отрешил членов Синьерии и Коллегий и велел сжечь мешки с именами кандидатов на государственные должности. Тем временем толпа приволокла на площадь сера Нуто и вздернула его на виселицу за ногу; все рвали его на части, и от него в одно мгновение ничего кроме ноги не осталось. Члены военной Коллегии Восьми, со своей стороны, назначили новых членов Синьерии, считая, что с уходом старой Синьерии они остались властителями города. Узнав об этом, Микеле послал им сказать, чтобы они сейчас же уходили из дворца, так как он хотел показать всем, что сумеет управлять Флоренцией без их советов. Затем он велел созвать синдиков цехов и выбрать новую Синьерию, в которую вошли четыре члена от рабочих и по два от старших и младших цехов; кроме того, он произвел новые выборы по жребию, разделил всех полноправных граждан, избирающих Синьерию, на три части, причем одну треть членов Синьерии выбирали новые цехи, другую — младшие и третью — старшие. Мессеру Сальвестро Медичи он отдал доходы от лавок на Старом мосту, взял для себя должность подеста в Эмполи; многим другим гражданам, стоявшим за простой народ, он оказал большие милости, имея в виду не столько вознаградить их за то, что они сделали, сколько найти в них людей, готовых в любую минуту защищать его от всех, кто будет ему завидовать.

XVII. Простой народ находил, что Микеле в своих преобразованиях государства слишком покровительствовал высшему слою пополанов; неимущим казалось, что они не получили такого участия в управлении, которое было им необходимо, чтобы удержать власть и защищаться; поэтому толпа с обычной своей смелостью вновь взялась за оружие, шумно повалила со знаменами на площадь и потребовала, чтобы синьеры вышли на ораторскую трибуну и обсудили новые меры, обеспечивающие низам безопасность и благополучие. Видя их наглость и не желая раздражать их еще больше, Микеле, не выслушивая требований, осудил форму, в ко-

торой они были предъявлены, и убедил толпу сложить оружие, ибо тогда ей будут сделаны все уступки, которые Синьерия, не теряя своего достоинства, не может сделать под угрозой насилия. Разгневанная поведением находящихся во дворце, толпа пошла к церкви Санта-Мария Новелла; там она выбрала из своей среды восемь главарей, назначила им слуг и все прочее необходимое, чтобы создать им влияние и почет; таким образом, власти заседали в двух местах, и город управлялся двумя разными правительствами. Главари простонародья постановили, что восемь человек, избранных от их цехов, должны постоянно жить вместе с членами Синьерии во дворце и утверждать все ее решения. Они отняли у мессера Сальвестро Медичи и Микеле Ландо все, что им было предоставлено их прежними постановлениями; многим из своих они дали должности и денежные пособия, чтобы они могли с достоинством занимать свои места. Когда все эти постановления были вынесены, чомпи, чтобы сообщить им законную силу, отправили двух человек из своей среды в Синьерию и поручили им требовать утверждения их Советами, пригрозив при этом, что если народ не добьется своего добром, то будет действовать силой. Посланцы с большой самоуверенностью и еще большей дерзостью изложили то, что им было поручено, и упрекали гонфалоньера за то, что, получив от них это достоинство и всякие почести, он показал по отношению к ним такую неблагодарность и так мало с ними считался. Когда они, наконец, перешли от упреков к угрозам, Микеле не мог вынести такой наглости и, думая больше о своей высокой должности, чем о низком происхождении, решил наказать их необычным способом за невероятную дерзость: он выхватил меч, которым был опоясан, и сначала тяжело их ранил, а затем велел их связать и бросить в тюрьму.

Когда об этом стало известно, толпа разгневалась; в полной уверенности, что, вооружившись, она достигнет того, что не удалось ей мирным путем, она с шумом и яростью схватилась за оружие и двинулась, чтобы заставить Синьерию покориться силой. Микеле, со своей стороны, предвидел события и решил их предупредить, полагая, что для славы его лучше быть нападающим, чем дожидаться врага, сидя за стеной, и потом бежать из дворца со срамом и бесчестьем, подобно своим предшественникам. Он собрал вокруг себя множество граждан, которые уже начинали раскаиваться в своих заблуждениях, сел на коня и, сопровождаемый многими вооруженными людьми, отправился к церкви Санта-Мария Новелла с намерением вступить в бой. Толпа, как мы уже говорили выше, пришла к такому же решению почти одновременно с тем, как Микеле выступил, и сама двинулась на площадь, но по воле случая обе стороны шли разными улицами. По дороге повернув обратно, Микеле увидал, что площадь занята, что у дворца дерутся, сам кинулся в схватку, разбил противников и частью выгнал их из города, частью заставил их бросить оружие и скрыться. После такого успеха волнения улеглись, и это произош-

ло исключительно благодаря мужеству гонфалоньера [1]. Своей храбростью, мудростью и великодушием он превзошел в то время всех граждан Флоренции и должен быть причислен к редким людям, облагодетельствовавшим свое отечество. Если бы замыслы его были коварны и честолюбивы, со свободой республики было бы кончено, и в ней установилась бы худшая тирания, чем при герцоге Афинском. Великодушие Микеле не допустило даже и мысли о чем-либо, противном общему благу; благодаря своей мудрости он повел дела так, что многие его сторонники ему уступили, а остальных он сумел укротить оружием. Такой поворот дел устрашил толпу и заставил лучших ремесленников опомниться и подумать о том, какой срам для людей, сломивших гордость знати, выносить господство смрадной городской черни.

XVIII. К тому времени, когда Микеле восторжествовал над простонародьем, новая Синьерия уже собралась; двое из ее членов были столь низкого и презренного состояния, что граждане чувствовали все более и более сильное желание избавиться от такого срама. Первого сентября, когда новая Синьерия вступала в должность, площадь была переполнена вооруженным народом, и как только старые синьеры вышли из дворца, вооруженные ряды заволновались и кто-то закричал, что они не позволят никому из низших сословий заседать среди членов Синьерии; чтобы удовлетворить их, Синьерия исключила обоих названных членов, одного из которых звали Триа, а другого Бароччо, и выбрала вместо них мессера Джорджо Скали и Франческо Микеле. Кроме того она упразднила цехи неимущего народа и лишила права занимать должности всех приписанных к ним, кроме Микеле Ландо, Лоренцо Пуччо и нескольких других, занимавших более высокое положение; высшие должности разделены были на два разряда, причем одни предоставлялись старшим цехам, а другие младшим. Установили, что пять членов Синьерии будут всегда выбираться от младших цехов, четыре от старших, а гонфалоньер должен принадлежать попеременно то к тем, то к другим. Когда этот государственный порядок вступил в силу, город на время успокоился. Хотя власть в республике была вырвана из рук рабочих, однако менее зажиточные ремесленники стали отныне более влиятельны, чем высший слой пополанов, который вынужден был уступить цехам и удовлетворить их, чтобы лишить простой народ их покровительства. Способствовали этому все, желавшие умаления тех, кто так грубо оскорблял столь многих граждан, прикрываясь именем партии гвельфов. Утверждению нового образа правления содействовали, между прочим, мессер Джорджо Скали и мессер Бенедетто Альберти, мессер Сальвестро Медичи и мессер Томмазо Строцци, которые, таким образом, сделались как бы властителями города. Это преобразование и осуществление его закрепило рознь между знатными пополанами и мелкими ремес-

[1] Оценка роли Микеле Ландо отражает только точку зрения Макиавелли, весьма расходящуюся в данном случае с реальной исторической правдой.

ленниками, начало которой было положено соперничеством Риччи и Альбицци; так как из-за этого в разные времена произошли важнейшие события и нам много раз придется об этой распре упоминать, то одну из образовавшихся партий мы будем называть *партией пополанов*, а *другую — партией простонародья*. Такое состояние длилось три года, и время это ознаменовано изгнаниями и казнями, так как правящие, окруженные недовольными во-вне и внутри, относились ко всем с величайшим подозрением. Недовольные, жившие в городе, каждый день пытались произвести переворот, так о них по крайней мере говорили. Недовольные, жившие вне города, вообще не считали нужным себя сдерживать и при помощи любого князя или республики сеяли раздоры то в одной, то в другой партии.

4. ФЛОРЕНТИНСКАЯ ХРОНИКА МАРКИОННЕ СТЕФАНИ.

Маркионне ди-Коппо Стефани — флорентинский деятель и хроникер. Известия о нем начинаются с 1366 г. Член Коллегии десяти защитников свободы (1372). Занимал видные государственные должности, был приором в 1379 г., а *впоследствии послом. Умер в 1403 г. Автор хроники, доведенной до* 1385 г. Его рассказ о восстании — это свидетельство лица, далекого от сочувствия восставшим как по положению, так и по своим взглядам умеренного гвельфа, сторонника правящей буржуазии. Рассказ написан весьма примитивно и в литературном отношении не может выдержать никакого сравнения с блестящей историко-политической импровизацией Макиавелли. Однако историческая ценность рассказа Маркионне не подлежит сомнению. Это свидетельство очевидца, выдержанное в сравнительно спокойном тоне; он излагает события почти день за днем, фиксирует важнейшие моменты развертывавшейся борьбы и дает много бытовых подробностей. Как одно из немногих дошедших до нас показаний современников хроника Маркионне Стефани имеет всю ценность источника.

Приводится отрывок из «Флорентинской хроники» Маркионне ди-Коппо Стефани (рубрики 795—806, за 1378 г.).

795. О том, как многие были осуждены и как народ поднялся на восстание.

В том году [1378] выбывавшими приорами, то есть Сальвестро Медичи и товарищами его, принято было решение сослать некоторых граждан, причисленных к дворянам или объявленных бунтовщиками [следуют имена]. Они были на десять лет лишены всяких должностей и прогнаны с занимаемых мест; приорам, находящимся у власти, то есть Луиджи, сыну мессера Пьеро Гвиччардини, *было предоставлено право выслать их на расстояние* тридцати миль от города; с ними так и поступили и сделали многое другое: кроме того, избраны были синдики цехов... то есть от каждого цеха из существующих двадцати одного. Синдиками были выбраны [пробел]. В это же время в день... июля получены были сообщения о том, что послы наши заключили мир между городом Флоренцией и церковью, а также самые договоры, установленные на известных условиях, именно с обязательством уплаты суммы... [пробел]. И стоила война эта 2 млн. 243 тыс. флоринов. В двадцатый день того же июля месяца 1378 г. четырнадцать младших

цехов просили приоров о том, чтобы от этих четырнадцати младших цехов избирался еще один приор, чтобы от семи цехов выбиралось одним приором меньше, так как семь старших цехов посылали в Синьерию семь приоров, а четырнадцать младших только двух; получив отказ, они соединились с частью простонародья: чесальщиками шерсти, шерстобитами, рабочими, мелкими торговцами и другими; они взбунтовали их и уговаривали явиться во вторник с оружием на площадь и требовать, чтобы им позволено было образовать цех и выбрать своих консулов; так и было сделано. Проведав об этом, приоры захватили четырех главарей, именно... [пробел], и подвергли их пытке веревкой. Как только об этом стало известно, люди из простонародья сейчас же взялись за оружие, выставили знамя, дарованное им герцогом Афинским, на котором изображен был ангел, и назвали себя «чомпи». Слово это восходит к временам герцога Афинского; сказать «чомпи» — все равно, что сказать «кум». Это испорченное французское слово, но по-французски оно произносится compère, а у нас его исказили и говорят «чомпи». Подойдя к площади, толпа начала расти, потому что к ней примкнули все мальчики из лавок [fattori] младших цехов и многие из старших. Приоры вызвали на площадь гонфалоньеров, но никто не пошел, кроме Джованни Камби, знаменосца Белки... [пробел] и знаменосца Льва. Толпа все увеличивалась и кричала, чтобы ей отдали заключенных; так как требование это не было выполнено сейчас же, она бросилась к дому гонфалоньера Правосудия, Луиджи Гвиччардини, сына мессера Пьеро, подожгла его, уничтожив много добра, в нем хранившегося. Отсюда все они кинулись поджигать дома двоюродных братьев гонфалоньера, сыновей Никколо Гвиччардини, а также дом Франческо Гидетти, стоящий напротив. Выручив заключенных, они побежали дальше жечь дома других граждан. Дабы нельзя было говорить, что они грабят, люди эти действовали так: подойдя к какому-нибудь дому, чтобы поджечь его, они хватали вещи, выносившиеся оттуда другими,— сукна, жемчуга, серебро, кровати — и жгли все это на кострах. Когда жгли дом Микеле ди-Ванни Кастеллани, один человек ни за что не хотел выпустить из рук петуха и кусок соленого мяса; я сам видел, как его ударили сзади пикой, а петуха выхватили, обломали ему ноги и бросили в огонь. Так жгли они во второй раз, но не грабили. При этом погибло много домов, загоревшихся от соседних или стоящих напротив, а несколько домов было частью разрушено ломами, чтобы спасти от пожара те, что находились рядом. Владельцы всех этих сожженных или разрушенных домов, а также братья и родственники их были отстранены от должностей с запрещением занимать их впредь. Затем восставшие выбрали некоторых граждан и насильно произвели их в рыцари; многие подчинились этому из страха, что иначе их подожгут или ограбят. При этом из осторожности поступали так: шли на площадь приоров, где находился капитан народа и граф Аверардо ди-Ландо, бывший

на службе республики; у тех, кто принадлежал партии, применявшей аммоницию, и готов был стерпеть посвящение в рыцари, чтобы спастись от пожара, были на площади друзья, говорившие: «вот этого, этого». Затем они шли дальше. Народ, жадный до всякой новизны, бросался то туда, то сюда, а они его увлекали. Таким образом, одних поджигали, а других посвящали в рыцари: бывало и так, что тот, у кого сожгли дом, становился рыцарем и, наоборот, посвящали кого-нибудь в рыцари, а затем поджигали его дом. Это была небывалая и самая странная путаница, которую когда-либо видели. Среди тех, кого народ насильно произвел в рыцари, находился прежде всего мессер Сальвестро Медичи, сын мессера Аламанно, и все члены Военной Коллегии Восьми. Между прочим, сделаны были рыцарями два человека, принадлежащих к младшим цехам, то есть к неимущему народу: один был мессер Гвидо Бандьера, чесальщик шерсти, которому назначено было 2000 золотых флоринов, но он получил всего 50, а другой был булочник, мессер Мео де-Грассо; некоторые из новых рыцарей дорожили этим достоинством, а другие старались от него отделаться; позднее, как мы скажем дальше, было вынесено особое постановление о тех, кто пожелал сохранить за собой пожалованное достоинство. На следующий день чомпи снова собирались жечь дома, но пошел невероятный дождь страшной силы; пробыв всю ночь под оружием, они устали, промокли и решили отдыхать; тогда приоры из боязни, как бы они не натворили еще больших бед, послали посредников, которые должны были вступить с восставшими в переговоры и узнать их желания; цехи, бывшие с восставшими заодно, начинали теперь раскаиваться, так как все мальчишки их лавок смешались с толпой и кричали: «Да здравствует неимущий народ!»; восставшие раньше требовали себе консулов, а теперь стали требовать не только консулов, но и приоров и многое другое. Между прочим, они настаивали на том, чтобы из их среды выбиралось двое приоров, которые сейчас же получили бы доступ во дворец, а двое из заседавших там приоров должны были удалиться; затем они требовали, чтобы их освободили от подчинения иногороднему смотрителю шерстяного или какого-либо иного цеха; все это изложено было в нескольких статьях; другие хотели, чтобы доходы с лавок на Старом мосту были пожизненно предоставлены мессеру Сальвестро Медичи, а площадь Старого рынка отдана была мессеру Джованни ди-Моне, дабы он пожизненно получал 300 золотых флоринов в год. Этот мессер Джованни ди-Моне был хлеботорговец, член Военной Коллегии Восьми. Приняв эти постановления, они сейчас же побежали за капитаном стражи, призванным в свое время Синьерией, чтобы казнить тех, кто был ею захвачен, и других. Это был жестокий капитан и звали его сер Нуто из Читта ди-Кастелло. Как только его взяли, на площади приоров тотчас же поставили виселицу, вздернули на нее сера Нуто, тело его растерзали, и каждый унес домой часть его трупа весом меньше унции. Затем

толпа пошла на приступ дворца подеста и в конце концов взяла его. Прежде чем итти ко дворцу, восставшие разослали по всем цехам приказания явиться к ним в Беллетри ин-Сан-Барнаба со знаменами под угрозой поджога домов. Члены цехов из страха пошли сами или послали своих людей. Тогда же они поняли, что поступили дурно, возмущая простой народ. Справившись таким образом с Советом Народа, восставшие проделали то же самое с Советом Коммуны и, восторжествовав вполне, потребовали, чтобы приоры оставили дворец и расходились по домам. Они разгромили дворец экзекутора, отняли у него знамя Правосудия, водрузили его на площади и от своего имени и от имени гонфалоньера Правосудия приказали приорам удалиться. Те, будучи людьми жалкими по ничтожеству и презренности, покинули дворец и пошли к себе домой; двоим из них, посвященным за день до того в рыцари народа, и прочим кавалерам оружие пригодилось: один был гонфалоньер Правосудия мессер Луиджи Гвиччардини, сын мессера Пьеро, другой — мессер Черрианте Мариньолли, сын мессера Маттео; он был приором и оказался таким воителем, что по первому слову убрался вон.

796. Как и для кого охранялся дворец приоров и восстановилась партия приоров.

В том же году 22 июля в час ночи потребовали названные чомпи, чтобы для защиты их и на совет им была поставлена Военная Коллегия Восьми, и вошли они во дворец со своим гонфалоньером Правосудия, неким Микеле Ландо, чесальщиком шерсти, мать которого торговала посудой; сам он, бывший чесальщик шерсти, служил в то время Алессандро ди-Николайо смотрителем чесальщиков, а его мать и жена промышляли продажей глиняной посуды. Весь этот и следующий день вплоть до ночи он, заняв место гонфалоньера, рассылал приказания именем гонфалоньера Правосудия неимущего народа, распоряжался дворцом и Синьорией, карал и миловал, держал у себя ключи, властвовал над городом, писал именем своей партии распоряжения и послания, бил в набат в первый же день, когда вошел во дворец избранником всего сходбища, и присвоил себе вместе с вышеназванными синдиками, мессером Сальвестро Медичи и Чрезвычайной Коллегией Восьми, власть избрать вновь приоров, гонфалоньеров и двенадцать лучших людей, ибо прежних больше они не хотели; при этом гонфалоньеры отрядов должны были оставаться до 8 сентября, а Коллегия Двенадцати до середины сентября. На следующий день они выбрали приоров, гонфалоньеров и Коллегию Двенадцати; имена всех я пишу по порядку, называя раньше более известные, а затем более мелкие (следуют имена).

797. В том же 1378 г. в июле месяце эти приоры и синдики учредили три новых цеха, именно: цех чомпи, названный цехом . . . .; второй цех красильщиков, валяльщиков

сукон, стригальщиков и других рабочих шерстяного дела; третий цех жилетников и цирюльников, к которым присоединили другие промыслы, первоначально причислявшиеся к другим цехам; теперь их отделили и присоединили к этому новому цеху. Они уже требовали себе таких же прав и преимуществ, как другие или как любой из четырнадцати цехов, и этого достигли.

798. Что решили синдики и как был создан приорат.

В том же году в августе месяце состоялись общие выборы, ибо приоры и гонфалоньеры были призваны только на то время, какое оставалось до конца полномочий отставленных властей; теперь хотели установить такой порядок: приоров должно было по обычаю быть девять — трое от трех старших цехов и от граждан, не занятых каким-либо ремеслом, трое от прежних четырнадцати младших цехов, трое от трех цехов, созданных вновь; каждые два месяца один из членов Синьерии становился гонфалоньером Правосудия; новые цехи получали, таким образом, двух приоров и одного гонфалоньера Правосудия; также по третям выбирались гонфалоньеры отрядов и Коллегия Двенадцати, а шестнадцатое знамя переходило по очереди то к одному, то к другому; так преобразовали они городской строй. Все это было постановлено во-время, то есть до 28 августа, когда должны были состояться выборы приоров и гонфалоньера; голосовать должны были приоры и их Коллегии, синдики, капитаны партии, Коллегия десяти защитников свободы, торговая Коллегия Девяти, в которой первоначально было семь членов, а двое было добавлено потом от младших цехов. Чрезвычайная Коллегия Восьми с мессером Сальвестро и мессером Бенедетто; от неимущего народа в голосовании участвовало много синдиков, ибо их было 68 только от трех новых цехов, тогда как от каждого из остальных голосовало трое. Когда настало время выборов, синдики были отвлечены другими делами, а к каждому приору присоединили еще одного добавочного выборщика; таким образом в голосовании участвовало . . . ., из чего вы видите, какова была численность выборщиков от трех новых цехов, независимо от гонфалоньеров, приоров, Коллегии Двенадцати и Коллегии десяти защитников свободы, которых оставалось всего двое, именно. . . .

799. О том, как открыт был некоторый заговор, как призваны арбалетчики и другие воины, учреждена должность ведающего счетоводством города и другие.

В том же году в августе узналось, что некоторые недовольные совершившимся стараются поднять народ и что одним из главарей их был Антонио, сын сера Уго Орланди. Когда об этом узнали, взят был некто Фино Този прихода Сан-Стефано и знамени Ехидны. Когда его привели к капитану, тот не допросил его с той строгостью, как это следовало, чтобы узнать все, а кроме того у

Фино Този нашлись друзья, так что капитан по записке приоров велел его освободить. Синдики заволновались, но, когда они решили схватить его опять, Фино уже не нашли. За разговоры или за заговор взяты были мессер Якопо Саккетри и Луиджи, сын Польтроне Кавальканти; как Луиджи, так и некий маляр, взятый вместе с ними, виновны были лишь в злонамеренных разговорах. Народ злобствовал от голода, ибо лавки стояли на запоре, а если даже и открывались, то не работали; цех суконщиков не хотел ничего делать; чомпи требовали себе всех должностей, но есть им было нечего, и они каждый день старались где-нибудь пограбить. Тогда же стали давать каждому желающему одно стайо зерна, записывая это на счет города, а затем возвращали эту ссуду зерном или деньгами; тогда же роздали жалованье за два месяца добрым 2000 арбалетчиков и другим солдатам и, таким образом, укрепили силу народа. Для той же цели выбрали ведающего всем счетоводством города и других, которые должны были доставить в город зерно, а в округ послали людей, чтобы ободрить крестьян и раздать деньги на три мили кругом; окружным крестьянам сбавили на одну треть поземельную подать, наложили на граждан города один заем в 40 тыс. флоринов и другой в 25 тыс. флоринов, отменили проценты ломбарду и установили, что возвращается в год одна двенадцатая часть долга, так что весь он будет погашен в двенадцать лет. Затем они постановили, чтобы больше никогда не было процентных займов, но чтобы произведена была оценка недвижимого имущества, дабы при нужде в деньгах можно было в течение шести месяцев налагать займы, какие только потребуются. Некоторых граждан сослали на расстояние 50 миль от города; они должны были оставаться в назначенном им месте целый год, являться каждый день к начальнику города и в конце месяца отсылать отчет о том, что они делали каждый день; кто этого не исполнит, должен был уплатить первый месяц 1000 флоринов, второй — 2000, а по истечении третьего месяца объявляется мятежником. [Следует список сосланных.]

800. О том, как восстал неимущий народ и какие великие перемены он произвел.

В том же году 29 августа восстали названные чомпи, вооружились и вышли на площадь; с ними шли все арбалетчики, нанятые приорами и синдиками; они были в большом возбуждении и кричали: «Да здравствует неимущий народ!» Пришли они все скопом и установили свои законы, которые и представили приорам и синдикам; прежде всего этими законами отрешены были синдики, все постановления их отменялись и полномочия их прекращались. Затем они установили, что ни один рыцарь не может занимать должностей, что у мессера Сальвестро отнимаются доходы от лавок на Старом мосту, а у мессера Джованни ди-Моне — доходы от лавок на Старом рынке, что по преступлениям,

совершенным до этого дня, следствия не ведется. С ними пришел их нотариус, некто сер Аньоло Латини, живший около колодца близ Сен-Систо, и некий Гаспарре ди- . . . . , живший на Виа Гибеллина и обучавший детей чтению; в 1353 г. он побывал на пытке как член секты патеринов; толпа стояла на площади и на рингьере приоров и кто-нибудь один говорил: «Пиши, Гаспарре: я хочу то-то», затем подходил другой и говорил: «А я то-то»; третий приставлял ему кинжал к горлу, рвал написанное, всовывал в руку лист бумаги и говорил: «Пиши»; четвертый вычеркивал все и кричал: «А я хочу, чтобы оставалось так». От речей их стоял ад кругом; затем они установили, что в течение двух лет никто не может быть подвергнут ответственности за долги ни лично, ни своим имуществом. Все эти постановления сейчас же вошли бы в силу, если бы не сер Вивиано, нотариус Канцелярии преобразований; чтобы отделаться от толпы и спровадить ее от Канцелярии, он сказал им, что решения их сейчас ничего не значат, так как заседание Совета окончено, а синдики, облеченные неограниченной властью, лишились ее после первой петиции, так что никакое решение, не принятое собранием всего народа, недействительно, поэтому они должны положить оружие, а желания их будут исполнены. Таким образом, постановления их на этот день задержались; позднее, когда они были приняты, сер Вивиано приложил к ним печати и возвратил их восставшим, которые и сохранили их у себя.

801. О том, как сер Лука ди-Панцано выступил, чтобы уничтожить дом партии и захватить знамя.

В тот же год и день, именно 28 августа 1378 г., рано утром, мессер Лука ди-Тотто ди-Панцано, когда-то причисленный к дворянам по жалобе своей невестки, обвинившей его в том, что он ее изнасиловал, а она от этого забеременела, направился в Сан-Марко и предложил свои услуги восставшим, которые почти все были возвратившимися ссыльными; они же последовали за ним и за его племянником Томмазино. Явившись на площадь, он просил о том, чтобы его вновь сделали пополаном; просьбу его исполнили, сняли с него рыцарство и сорвали с него шпоры, ибо теперь он уже был рыцарем флорентинского народа. Перестав быть рыцарем, мессер Лука просил, чтобы его вновь пожаловали рыцарем неимущего народа, который он называл народом божьим; так и поступили и сделали его своим начальником. Затем они все сейчас же направились к дому капитана народа и заставили открыть им двери; оттуда двинулись к тюрьме Скала, где сидели мессер Якопо Саккети, Луиджи Кавальканти и тот маляр, которого схватили с ними, как об этом рассказано выше; маляра повели на рингьеру и говорили ему: «Благодари бога и народ божий, освободивший тебя». Его заставили поцеловать знамя Ангела и дать обещание открыть лавку суконного цеха стоимостью

в 3000 флоринов. Он же обещал, что она будет стоить 6000. Тогда все закричали: «Это достойный человек, потому-то они и хотели ему зла». Вся толпа провожала его домой. Маляр, которому казалось, что он уже тысячу лет как ушел из дому, сказал жене: «Ступай, открой погреб, а вы простите меня; ешьте, пейте и подкрепитесь, я же немного отдохну». Спутники его хотели только выпить, ибо они утомились от жары и от оружия. Маляр вошел в дом и выбрался задним ходом. Они же пришли все на площадь, где Томмазино собрал всю толпу и велел ей следовать за мессером Лука, который повел ее ко дворцу партии и потребовал, чтобы ему открыли [здание]. Ключей не оказалось; тогда мессер Лука начал ломать дверь, чтобы ворваться во дворец и похитить знамя партии; о намерениях его судили разно: говорили, между прочим, что он замышлял пройти с этим знаменем по городу, возглашая: «Да здравствует неимущий народ и гвельфы!», и заодно собирался пограбить в разных местах, в частности разгромить своих врагов Каратези. Не утверждаю этого, ибо передаю только то, что говорили другие, а не он сам или его друзья. Однако что бы там ни было, но народу божьему было сообщено, что мессер Лука отправился ко дворцу партии с намерением взломать двери, похитить знамя и увлечь за собой толпу, тогда как отрядам под знаменем Ангела делать тут нечего, ибо знамя гвельфов им не нужно, потому что весь народ и так состоит из гвельфов. Говоривший это едва ли был большим другом мессера Лука. Услышав все это, божий народ сказал: «Noli tangere Christos meos», а затем все в один голос завопили: «Если он ведет нас за этим, разорвать его на куски». Вести об этом дошли до него, знамени на месте не было, а между тем мессера Лука известили, что толпа подступает и хочет его забрать; тогда все, кто был с ним, его покинули и побежали на площадь. Тут мессер Лука исчез, как ему с его новыми позолоченными шпорами и надлежало, ибо утром его принялись искать, и худо пришлось бы ему, если бы его нашли. Толпа повернула к церкви Санта Мария Новелла и просила дать ей убежище; затем все сложили внизу свое тяжелое оружие; им отвели капеллу, построенную мессером Аньоло Аччайоли, епископом Флоренции, во времена его епископства при Синьоре в 13[43] г., и в услужение приставили к ним монаха, о чем мы еще упомянем в другой рубрике.

302. Как неимущий народ учредил свои власти и установил свои законы.

Как уже сказано, восставшие провели вечер и всю ночь в церкви Санта Мария Новелла и просили приора прислать к ним нескольких достойных монахов, которые ободрили бы их духовно и телесно. Приор ответил, что не может прислать им монахов, пока они не ободрят друг друга сами, и сказал им еще много хорошего; после этого они собрались вместе и просили дать им мо-

нахов честных и добродетельных, которые бы преподали им нужные поучения и наставили делам божьим и полезным; просьба их была уважена. Разговаривая с монахами, все кричали, вскакивали и перебивали друг друга, и понять все, что они говорили, было невозможно. Затем выяснилось со слов их уполномоченных, что накануне постановлено было выбрать восемь человек, которые составили бы Коллегию, названную Коллегией Восьми из Санта Мария Новелла и имевшую над всеми настоящую власть. К этому делу все приступили сообща и выбрали восемь человек, имена которых следуют [пробел]. Затем они постановили, что Коллегия Восьми не может обойтись без Совета, и выбрали шестнадцать человек из неимущего народа по одному от каждого отряда; выбраны были следующие [пробел]. Утром же они установили свои законы, которых было много, но самые важные постановления были таковы: члены Коллегии Восьми и другие, которые будут выбраны от одного приората до другого, должны заседать во дворце приоров и без участия их не может быть принято ни одно решение, касающееся дел города; лишь по принятии его приорами и Коллегией Восьми оно может быть передано в Коллегии и Советы; они установили еще многое, относящееся к их состоянию, о чем мы сейчас упоминать не будем. В это время в Чрезвычайную Коллегию Восьми явился по своим делам мессер Смидуччо Сан-Северино из Анконской Марки, союзник Флоренции; двое из членов Коллегии Восьми решили испытать намерения чомпи и отправились в церковь Санта Мария Новелла в полной уверенности, что их встретят с почетом, подобающим их заслугам и сану приоров. Подойдя к капелле епископа Аччайоли, они прошли во второй двор, остановились у входа и велели сказать, что хотят говорить, но простояли больше двух часов и не могли добиться возможности что-нибудь сказать; в конце концов они прошли внутрь, но были встречены не слишком почетно, и чомпи оказывали гораздо больше внимания своим восьми уполномоченным народа божия, чем приорам. Когда они уже вернулись домой, пришел к ним названный мессер Бартоломмео Смидуччо за ответом по своим делам, но члены Коллегии встретили его в унынии и даже сказали ему так: «Мы ничего сделать не можем. Идите к восьми уполномоченным из Санта Мария Новелла». Они говорили это со зла, но мессер Бартоломмео принял их слова за ответ и отправился туда. Уполномоченные чомпи встретили его с честью и сказали, что дадут ему ответ в другой раз. Многие, прослышав о том, что мессер Бартоломмео удостоился такого почетного приема, стали его побаиваться, тем более что он был в родстве с тиранами Марки; заодно с чомпи были граждане с именами, как бывший гонфалоньер Мецца ди-Якопо Мецца и Аннибальдо Стрицци, только что благодаря неожиданному перевороту признанный не дворянином и полагавший, что он восстановлен в правах за то, что обильно снабжал восставших хлебом. Секретарем у них был сер Аньоло Латини.

803. О том, как были избраны новые приоры и как Коллегия Восьми из Санта Мария Новелла передала во дворец свои постановления и заставила приоров, новых и старых, им присягнуть.

В воскресенье 29 числа того же месяца того же 1378 г. из избирательных мешков вынуты были записки с именами новых приоров и гонфалоньера. Чомпи стояли на площади и кричали: «Такого-то не хотим; рвите записку; хорошо, хорошо». Все записки, которые им не нравились, были разорваны, и остались следующие имена [следует список].

Затем восемь уполномоченных из Санта Мария Новелла передали во дворец свои постановления и потребовали, чтобы приоры созвали под звон колоколов общенародное собрание и утвердили все ими совершенное. Приоры видели, что чомпи располагают как бы всем Приоратом и ничего сделать нельзя, как это уже сказано в предыдущей главе; еще больше задевало их за живое то, что некоторые из их же среды, пользуясь властью, присвоили себе то одно, то другое; между прочим, гонфалоньер Правосудия Микеле ди-Ландо заставил предоставить себе на год должность подеста в Барберино, и отпущено было 100 флоринов на покупку ему коня, знамени и щита. Постановления чомпи лишили Приорат всего, что у него было; во дворце не оставалось ни слуг, ни секретарей, ни нотариуса Канцелярии преобразований; приоры поэтому дали следующий ответ: они-де готовы исполнить все решения уполномоченных и не упустят ничего для этого необходимого, но утвердят все постановления зараз в среду, когда весь народ соберется при звоне колоколов по случаю вступления в должность вновь избранных приоров. Надо думать, что они так бы и поступили, если бы их не удержала мысль о том, что они этим отнимают у Микеле ди-Ландо всякую власть. Микеле был человек смелый и за ним шли ремесленники и другие люди, ибо он охранил в свое время мир в городе и приобрел расположение самых различных людей. Ответ был передан Коллегии Восьми уполномоченных народа божьего церкви Санта Мария Новелла. Обдумав его, они решили посовещаться и, тем не менее, послали во дворец двоих из своей среды вместе с нотариусом сер Аньоло Латини; посланцы должны были заставить старых и новых приоров поклясться, что они в среду внесут названные постановления в народное собрание и добьются утверждения того, что уже сделано, и того, что еще будет принято. Приоры ответили, что они посоветуются и дадут ответ потом; оба уполномоченных и нотариус не пожелали удалиться и вели себя так, точно они хозяева, а приоры их рабы. Разгневанные приоры тихо говорили друг другу: «Не будем уступать: это самая страшная опасность на свете; того и гляди, они захотят отдать город во власть какого-нибудь государя». Кончили они тем, что решили принести клятву; правда, некоторые ушли и не хотели присутствовать, но другие поклялись, а ушедшие в конце концов вернулись и

клятву принесли все, в том числе и те из вновь избранных приоров, которые были во дворце, ибо некоторые туда еще не пришли. Микеле ди-Ландо вступил в переговоры и настаивал на том, чтобы ему оставили или должность или подарки. Чомпи не согласились ни на что; тогда он стал настаивать на том, чтобы ему оставили только знамя, и сказал, что ничего другого не хочет. Они в этом отказали, понимая, что если отнять у него знамя, то власть останется в их руках. Понимая, что противники не хотят оставить им ничего, приоры все вместе удалились в капеллу и поклялись на распятии, что будут хранить втайне свои решения, так чтобы ни один чомпи ничего не узнал.

804. О том, как составился заговор против Коллегии Восьми из Санта Мария Новелла и против неимущего народа и как чомпи были разбиты.

В тот же вечер, когда приоры принесли клятву, они сообщили мессеру Бенедетто Альберти, который был в их распоряжений, чтобы он отдал приказание запереть в ночь с вторника на среду ворота Флоренции, разослав в то же время воззвания синьеров о помощи, которая должна непременно прибыть во Флоренцию в среду на рассвете. На состоятельных людей рассчитывать было трудно, так как все они убежали в окрестности или в укрепленные поселения и заперли свои дома. Торговцы переправили свои товары: кто в укрепленные места, кто в Пизу, кто в Болонью. В понедельник, подготовив все в окру́ге, приоры через верных ремесленников и торговцев распространили слухи, что Коллегия Восьми уполномоченных народа божьего грабит город и каждый день готова пустить в ход оружие; сообщили они и о клятве, которую их заставили дать, а также о том, что чомпи должны получить треть должностей и что с них этого вполне довольно; приоры прибавили, что надо быть настороже́. Торговцам и ремесленникам не нравились заведенные порядки, хотя они ничего не делали и никто, кроме разве простого народа, им о делах не напоминал.

Между прочим, среди постановлений, принятых восставшими, было и такое, по которому их консулы вместе с десятью советниками, избранными по новому порядку, могли лишать общественных и цеховых должностей всякого, кого им заблагорассудится. Делалось это для того, чтобы хозяевами стали ученики и служащие, а не мастера; консулы почти все были из учеников, ибо когда сожгли мешки с избирательными записками, по которым производились выборы приоров и других властей, то так же поступили и с мешками, по которым выбирали консулов, а когда эта должность была преобразована, то в консулы попали почти сплошь цеховые ученики, а не мастера. Приоры растолковали теперь добропорядочным ремесленникам, что чомпи намерены выбрать своим главарем мессера Бартоломмео ди-Смидуччо Сан-Северино. Это показалось довольно правдоподобным, так как

чомпи принимали его с почетом; кроме того, говорили,— не знаю, правда ли это,— будто чомпи собирались пройти по всему городу, грабить, гнать и убивать всех богатых и лучших людей, замуровать и огородить все выходы улиц и сильно сократить городскую черту; они включали в нее дом Спини и все пространство Порта Росса по сю сторону ручья, улицу Гарбо, дворец подеста и дальше от площади Сан-Фиренце до Кастель Трафонте; в этом малом квартале они намерены были укрепиться с награбленным добром, а затем продать город тому, кто даст больше, уйти с добычей в Сьену и устроиться там со своими богатствами. Ремесленники всю ночь переговаривались в великой тревоге, и, видимо, слухи распространились. Той же ночью Коллегия Восьми из Санта Мария Новелла призвала своих к оружию; вооружившись, они послали к приорам, чтобы снова потребовать от них клятвы и заставить поклясться тех из них, кто этого еще не сделал, а также Коллегии. Двое уполномоченных со своим нотариусом явились во дворец и сейчас же вызвали приоров, как выбывающих, так и вновь избранных, и произошло это во вторник утром, в последний день августа 1378 г. Собравшись, они начали их звать, и, так как не все сразу откликнулись, они кричали отсутствующим «Где ты?» с такой наглостью, точно они уже были хозяевами. Когда собрались все приоры, как выбывающие, так и новые, от них потребовали клятвы, но гонфалоньер Правосудия Микеле ди-Ландо сказал: «Подождите немного, я сейчас вернусь»; выбежав в комнату, где было оружие, он сейчас же вернулся и громко крикнул: «Где изменники?» С обнаженным мечом в руке он бросился на посланцев, догнал их у лестницы и нанес одному из них в голову удар, от которого тот покатился по ступенькам, налетел с размаху на какого-то беднягу монаха, поднимавшего наверх бочку вина, и так расшиб его, что тот опрокинулся и умер на месте; второго Микеле тоже ударил мечом и, казалось, пронзил ему бок, но в действительности ранил в руку. Прибежавшим за ним слугам его еле-еле удалось помешать ему убить обоих собственными руками. Их подняли и заперли где-то под лестницей, а весть о случившемся быстро дошла до Санта Мария Новелла. Толпа, понимавшая, что не суждено сбыться ее чаяниям, начала бить в колокол церкви Сан-Паоло; колокола Сан-Фриано, Сан-Джорджо, Сан-Никколо, Беллетри, Сан-Амброджо отвечали, и в конце концов восставшие собрались у Сан-Фриано. Приоры, узнав об этом, разослали гонцов в цеха и к гонфалоньерам и велели бить в набат; площадь мгновенно наполнилась народом, и появились цехи со своими знаменами. Гонфалоньер, думая застигнуть толпу в Санта Мария Новелла, двинулся туда со знаменем Правосудия, между тем как чомпи пошли на площадь со знаменем Ангела и с криком «Да здравствуют народ и цехи». Цехи же расположились у ворот дворца в сторону Кондотты; там они сосредоточились и все ждали приказа из дворца начинать дело. Приорам не хоте-

лось начинать в этот день, так как для полной уверенности в успехе они поджидали людей из окрестностей, которые должны были прибыть во Флоренцию утром. Все устали стоять при оружии; отряды со знаменами заперли выходы с площади, многие из арбалетчиков городского войска вполне теперь убедились, что обязаны повиноваться приорам, и стояли со своими знаменами. Гонфалоньер повернул и направился в Ольтрарно, рассчитывая найти там чомпи, а те, как уже сказано, явились на площадь. Тогда гонфалоньер остановился и дал своим людям отдохнуть. Когда он явился на площадь, было.... часов, и приоры сообщили всем цехам повеление принести свои знамена, так как они должны быть во дворце. Цехи сейчас же послали знамена, и приоры с почетом выставили их в окнах. Получив знамена цехов, приоры послали за знаменем чомпи, т. е. за знаменем Ангела, но те не захотели его отдать. Тогда Лиончино — один из приоров — два гонфалоньера и два члена Коллегии Двенадцати спустились вниз и потребовали у чомпи знамя, причем заявили, что благородные цехи и все прочие подчинились приказу приоров. Чомпи показалось слишком обидным, что ни один цех не поставлен с ними вровень, и они грубо отказали. Приорам хотелось сначала отобрать у чомпи знамя, а затем утром докончить свои приготовления. Около дома Антеллези стоял герб Золотого Льва, прикрытый щитом. Около Кондотты виднелись гербы Ключей и Белки, другие были наготове около Порта де-Синьори, у Сан-Пьеро Скераджо стоял Черный Лев, у входа на улицу Вакерегга поставлены были гербы Бича и Раковин, у Санто Ромоло расположились гербы Ехидны и Единорога. Один арбалетчик увидел, будто сверху из дворца летит камень, насторожился и выстрелил по дворцу. Другой стрелок из отряда Золотого Льва натянул лук, чтобы пустить стрелу в того, кто стрелял по дворцу, а чомпи, увидав это, в свою очередь натянули свои луки. Народ стал тесниться у дворца и забрасывать камнями чомпи, которые стояли у Рингьеры и под напором толпы начали теперь отступать по улице Магалотти. Слуги экзекутора стали тащить камни; толпа дрогнула и остановилась у дома Магалотти. Отряд Золотого Льва, понимая, что чомпи разбиты, двинулся вниз от Сан-Пьеро, от таможен и от дома Леони. Когда чомпи увидели, что на них наседают, они побежали так, что с них штаны летели. Некоторые из них, засевшие во дворце капитана, благополучно оттуда выбрались и смешались с толпой. Вообще тем, кто не сопротивлялся, ничего дурного не сделали. Воинские части, прибывшие на площадь еще до полудня, скакали по городу вместе с гонфалоньерами народных отрядов и в поисках чомпи обшаривали улицы, но те разбежались по полям и домам, а кое-кто успел даже перебраться через Арно; так произошло их поражение и убито было в схватке, может быть, шесть человек, а ранено восемнадцать. Толпа расположилась отдыхать и ужинать, солдаты оставались на площади всю ночь, а знамена отрядов были поставлены в домах гонфалоньеров, ибо говорили, что чомпи около

4 часов снова попытаются собраться. Чтобы разогнать их, приоры сейчас же приказали бить во все колокола, в том числе и в церквах, дабы всякий бодрствовал эту ночь. Толпы обыскивали весь город, и кто только мог бежать, постарался как можно скорее ночью удрать из Флоренции и ее окрестностей. Утром солдаты и народные отряды со знаменами вышли на поиски за город, но не нашли ничего, кроме виноградников, тянувшихся на целую милю за воротами, и собирали виноград так усердно, что очень мало бочек осталось пустыми.

805. О том, как новые приоры вступили в должность и о дальнейшем ходе дел.

В том же 1378 г. в первый день сентября вступили в должность названные выше приоры: трое от семи старших цехов и от граждан, не занимающихся ремеслами, трое от четырнадцати младших цехов и трое от трех цехов неимущего народа, который неистовым ревом своим заставил взять из среды его гонфалоньера Правосудия. Утром Микеле ди-Ландо с товарищами сделал ошибку, заявив, что они дали клятву передать должность тому, кого облекут властью синдики, и что они хотят поступить именно так. Вместо того, чтобы отправиться в обычное место на Рингьеру, вручили знамя гонфалоньеру чомпи в зале заседаний, а когда выбывающие приоры приняли от новых клятву и уходили из дворца, они говорили им: «Вас шестеро, а этих трое, сумейте же сделать так, чтобы ваша взяла». Когда народ увидел, что Микеле ди-Ландо и другие приоры ушли из дворца, где остались чомпи, поднялся крик: «К оружию, к оружию, долой чомпи, долой их!» Площадь была переполнена, и шум стоял великий; приоры послали приказ о том, чтобы ремесленные старшины в числе 21 собрались в Сан-Пьеро Скераджо и обсудили, что надлежит делать; собрание постановило, что ни один чомпи к должностям города не допускается, но сохраняются два цеха, именно цех красильщиков и прочих и цех жилетников и прочих; пять приоров выбираются от этих шестнадцати цехов, четверо от семи старших цехов и граждан, не занимающихся ремеслами, а гонфалоньер выбирается по очереди то от пяти приоров, то от четырех; на этот раз гонфалоньер будет выбран от пяти приоров младших цехов, а нынешний гонфалоньер и приор от уничтоженного цеха отрешаются. Из шестнадцати гонфалоньеров отрядов девять должны быть от шестнадцати цехов, а семь от семи старших и от граждан, не занятых в ремеслах, а в Коллегии Двенадцати лучших людей семь должны быть от младших цехов, а пять от старших и от граждан, не работающих в ремеслах. Обо всех этих решениях было сообщено во дворец в знак согласия цехов. Старшие цехи нашли, правда, что их обидели, но не настаивали, чтобы не возбуждать новых несвоевременных споров.

806. О том, как граждане были призваны для выборов приоров.

В тот же год, месяц и день, когда 21 старшина вынесли названное постановление, Коллегии обсуждали это дело и другие. Народ сейчас же поднял крик «Долой, долой!» Гонфалоньеру Правосудия, Бартоло ди-Якопо, прозванному Бароччо, было объявлено, что народ не хочет ни его, ни других. Сам по себе Бартоло был человек достаточного состояния, чесальщик шерсти; из дворца он ушел здрав и невредим, так же, как и другой приор чомпи, чесальщик Джованни ди-Доменико, прозванный Триа. Под звон колоколов собрался весь народ и утвердил все вынесенные постановления, как эти, так и другие. По образцу этого всенародного собрания были созваны и другие: все решалось под острием меча, и ни одно постановление собрания не выносилось как должно, а только по насилию. Спрашивали: «Согласны ли вы на это?» Каждый отвечал «да», и никто под страхом смерти не осмелился бы сказать «нет». Вернувшись во дворец, синьеры произвели, как полагалось, выборы по жребию на свободные большие должности и викариаты, а также выборы подеста больших городов, в частности в Пистойю; для выборов на большие должности в мешки было положено столько же записок с именами кандидатов шестнадцати цехов, сколько от семи старших и неработающих граждан; тот, на кого падал жребий, вступал в должность, и кажется, что на долю шестнадцати чаще выпадали викариаты; с другими должностями обстояло иначе: если кто-нибудь из семи старших цехов оставался на должности шесть месяцев, то на другие шесть месяцев выбирался кто-нибудь из шестнадцати цехов. Вместо исключенных приоров и гонфалоньера выбраны были следующие граждане: гонфалоньером Правосудия Франческо ди-Келе, ветошник от квартала Сан-Спирито: мессер Джорджо, сын мессера Франческо Скала, от квартала Санта Мария Новелла, вместо упомянутого Джованни, по прозванию Триа; и названный гонфалоньер Франческо вместо Бартоло Бароччо. Срок их должности истек в то же время, как и для других приоров, их коллег.

5. ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ФЛОРЕНТИНСКОЙ СИНЬЕРИИ, ПОЯВИВШИХСЯ ВО ВРЕМЯ ВОССТАНИЯ ЧОМПИ И ВСЛЕД ЗА ЕГО ПОДАВЛЕНИЕМ.

Приводимые ниже отрывки из двух постановлений Синьерии: а) от 21 июля и б) от 11 сентября 1378 г. характеризуют преобразовательную работу флорентинского правительства, проходившую под давлением восставших чомпи. Постановление от 21 июля, появившееся в самый разгар восстания, санкционирует одну из трех поданных восставшими петиций, именно петицию младших цехов.

Второе постановление, принятое вскоре после подавления восстания чомпи, несмотря на ликвидацию многих важных уступок, вырванных у правящих классов Флоренции восставшими массами (как, например, образование особого цеха чомпи), тем не менее вынуждено признать происшедшие в результате восстания общественные и политические сдвиги.

Постановление Синьерии от 21 июля 1378 г.

Синдиками и старшинами цехов и ремесленников[1] города Флоренции вам, господам приорам цехов и знаменосцу Правосудия флорентинского народа и флорентинской Коммуны, подается петиция о том, чтобы вы соблаговолили ради общественного блага и спокойствия вышеназванного народа и Коммуны постановить, утвердить и подобающим образом осуществить все нижеследующие преобразования...

...Всякий, кто до сих пор, начиная с 1357 г., добровольно или по предписанию господ капитанов гвельфской партии города Флоренции отказался от занятия должностей во флорентинской Коммуне или гвельфской партии или в каком-либо из цехов или корпораций или же вследствие упомянутого отказа оказался неправоспособным для занятия этих самых должностей или какой-нибудь из них, пусть будет восстановлен в этих должностях и вновь приобретет правоспособность для занятия их с соблюдением той процедуры, которую применяют при восстановлении в правах всякого подвергшегося аммониции[2] за гибеллинство, согласно установлениям, принятым в только что минувшем июне...

Далее пусть приоры цехов и знаменосцы Правосудия вместе со знаменосцами цеховых организаций и 12 добрыми мужами вышеназванной городской коммуны и обе их партии[3] выступят активно и распорядятся подготовить новые мешки[4] и произвести новые выборы по жребию Совета коммуны: и вышеназванный Совет должен быть переизбран, как только будут изготовлены вышеупомянутые мешки. Сверх того должны постоянно избираться в названный Совет 10 флорентинских граждан, принадлежащих к партии пополанов, от каждого квартала, сверх установленного до сего времени числа членов в названном Совете; а эти избранные сверх установленного числа пусть считаются обладающими и действительно обладают такой же балией[5] и такой же властью, как и другие члены названного Совета...

Далее, пусть капитаны гвельфской партии города Флоренции, под угрозой штрафа в 1000 флоринов золотом с каждого из них, возьмут на себя обязательство, в течение ближайших пяти дней, считая со дня, в который настоящее «Постановление» будет утверждено в Совете господина подесты и Коммуны Флоренции, передать со всеми подобающими формальностями господам приорам и знаменосцу Правосудия королевское знамя названной партии. А сверх того, пусть капитаны названной партии, как настоящие

[1] Имеются в виду младшие цехи и их сочлены.

[2] Этот термин разъяснен в примечаниях к извлечению из «Флорентийской истории» Макиавелли, стр. 155.

[3] Т. е. пополаны и чомпи.

[4] Тут разумеются мешки для избирательных записок.

[5] Так назывались во Флоренции чрезвычайные полномочия каждой победившей партии для проведения неотложных мероприятий и для расправы со своими политическими противниками.

так и будущие, или иные представители данной партии не дерзают держать у себя названное знамя или подобное ему...

Далее, пусть на средства городской Коммуны Флоренции непременно будет куплено вполне достаточное и удобное помещение и передано в полную собственность неимущему народу города Флоренции для собраний в его стенах цеха и консулов указанного неимущего народа [1] и для доставления других удобств этому самому цеху. И пусть будет признано возможным и необходимым израсходовать на это помещение в связи с его покупкой из средств названной Коммуны сумму размером до 500 золотых флоринов; и пусть казначеи казны названной Коммуны под угрозой штрафа в 1000 золотых флоринов с каждого из них в пользу городской Коммуны Флоренции за невыполнение вышеуказанного обязуются выдать, заплатить тому, с кем будет договорено указанными консулами вышеназванного неимущего народа, всю сумму размером до 500 полновесных золотых флоринов флорентинской пробы из каких бы то ни было средств названной Коммуны, хотя бы они были отпущены или предназначены на что-либо другое, притом без всякой выплаты или удержания каких-либо сборов и какой-либо гарантийной записи, лицензии или визы и без всяких излишних формальностей, а лишь принимая во внимание настоящее переустройство и имеющееся решение вышеназванных консулов. Названное помещение должно быть куплено в срок до 15 числа наступающего августа включительно.

А по поводу этой самой петиции названные господа приоры и знаменосец [2], официально сговорившись между собой, и совместно со знаменосцами цеховых организаций и с Коллегией двенадцати добрых мужей флорентинской городской Коммуны, наконец, на общем собрании народа [3] и Коммуны города Флоренции, представленных достаточным количеством их сочленов, постановили в день 21 июля 1378 г.: названную петицию как в целом, так и в отдельных ее пунктах надлежит продвинуть, подвергнуть жеребьевке, утвердить и осуществить.

Постановление Синьерии от 11 сентября 1378 г.

Ревностно стремясь к согласию цехов и ремесленников, в особенности младших цехов города Флоренции, и ко благому и мирному состоянию и управлению данным городом, великолепные господа приоры цехов и знаменосец Правосудия народа и Коммуны Флоренции согласно решению, торжественно принятому ими

---

[1] Этот цех был одним из трех новых цехов, возникших во время восстания чомпи; он был ликвидирован сейчас же после подавления восстания; два других цеха удержались; об их составе см. приводимый ниже отрывок из «Постановления Синьерии от 11 сентября 1378 г.».

[2] Тут разумеется знаменосец Правосудия.

[3] Этот термин покрывает организованное в цехи ремесленное население города Флоренции.

совместно со знаменосцами цеховых организаций и Коллегией двенадцати добрых мужей Коммуны Флоренции, постановили в 11-й день сентября месяца 1378 года следующее:

...жеребьевка[1], произведенная в только что минувшем месяце августе, пусть остается в силе, а в настоящий момент должен быть сделан для обслуживания вышеназванных 16 младших цехов, существующих как внутри, так и вне города, при выборах ими на какую-либо или для какой-либо из всех вышеуказанных должностей города Флоренции, а также должностей в партии гвельфов и должностей дома и корпорации купцов города Флоренции — один единственный сак или мешок для избирательных записок, в котором могли бы поместиться все те жеребья 14 младших цехов, которые придется и которые следует туда опускать согласно изданным на этот счет установлениям. Подобным же образом обстоит дело с жеребьями двух новых цехов, которые уже пришлось опускать в мешки, изготовленные для народа божия, и которые должны быть туда опущены согласно названным установлениям; а эти два цеха называются: один — цех красильщиков, аппретурщиков и других его сочленов, а другой — цех жилетников, портных, стригальщиков сукон и прочих его сочленов[2].

Б. ИЗ КНИГИ МАКИАВЕЛЛИ «ГОСУДАРЬ»

[начало XVI в.].

Если для проявления доблестей Моисея необходимо было народу израильскому томиться в египетском рабстве; если для проявления величия души Кира было нужно, чтобы персы были угнетены мидянами; если, наконец, для блеска достоинств Тезея нужны были междоусобия между афинянами,— то точно так же и в наше время для того, чтобы среди нас появился мощный освободитель, было необходимо, чтобы Италия дошла до такого жалкого состояния, в котором мы ее теперь видим, чтобы она была более угнетенною, чем народ еврейский, более порабощенною, чем персы под игом мидян, более разделенною междоусобиями, чем земли афинян,— без вождей, без всяких прав, измученною, разрозненною, наводненною варварами и отягощенною всякого рода бедствиями.

И до нашего времени для Италии порой как бы мелькала зарница, при свете которой, казалось, являлись люди, избранные богом для ее освобождения; но все эти люди были как будто бы останавливаемы судьбой еще задолго до окончания своего велико-

---

[1] То есть выборы по жребию на городские должности.

[2] Затем идет подробное описание всей процедуры выборов по жребию во Флоренции.

Постановления Синьории (provvisioni) от 21 июля и 11 сентября 1378 г., из которых выше приведены отрывки, взяты из приложений к книге Capponi Cino «Storia della republica di Firenze», т. I, pp. 594—602, Firenze 1875. Перевод с латинского указанных отрывков сделан М. В Бердоносовым.

го подвига, и Италия, истомленная и полумертвая, все еще ждет того избранника, который уврачует ее раны, остановит грабежи и насилия страждущей Ломбардии, положит конец поборам и лихоимству, истощающим Тоскану и Неаполитанское королевство, и исцелит, наконец, застарелые ее язвы, сделавшиеся от времени фистулезными.

Без отдыха, без остановки Италия молит небо, чтобы оно послало ей, наконец, освободителя, который избавил бы ее от жестокости и наглости варваров. Она готова встать и итти под всякое знамя, которое развернут во имя ее свободы. Но на кого может она положиться с большей уверенностью, как не на ваш знаменитый род[1], который по своим наследственным добродетелям, по своему счастью, по благодати, полученной от бога и церкви, вполне обладает возможностью предпринять и достигнуть чуда ее освобождения?

...В вашем деле справедливость засияла бы в полном блеске, так как война всегда справедлива, когда она необходима, и оружие свято, если оно поднимается в защиту угнетенных. На это дело вас зовет голос целого народа, а при таком единодушии успех не заставит себя ждать; надобно только, чтобы вы последовали примеру тех героев, которых я изобразил вам как достойные образцы для подражания...

Пусть до сих пор ни один из итальянцев не сумел исполнить того, чего теперь Италия ждет от вас как от представителя знаменитого рода; пусть посреди стольких революций, обуревавших Италию, и посреди стольких войн, театром которых она была, могло показаться, что ныне в ней угасла всякая доблесть. Во всех ее неудачах нет ничего удивительного; все они происходили оттого, что все ее прежние учреждения устарели, сделались негодными, и до сих пор не нашлось человека, который сумел бы их обновить. Возьмите это обновление на себя. Нет ничего в мире, что в такой степени способствует проявлению величия человека, стремящегося к славе, как умение дать стране новые законы и новые учреждения, если эти законы и эти учреждения лягут на прочном основании, если законодатель сумеет придать им должное величие. Им удивляются и их превозносят все люди.

Италия представляет собою страну, способную принять самые широкие реформы. Пусть только правитель ее проявит отвагу, и доблесть проснется в каждом итальянце. Посмотрите, как на дуэлях и при распрях небольшого числа лиц итальянцы превосходят храбростью, ловкостью и соображением всякие другие национальности. И если в то время, когда они собираются большими армиями, все их достоинства как бы исчезают бесследно, то виною этого не они, а слабость их вождей. Обыкновенно каждый итальянец, надеющийся на себя, не умеет повиноваться, а так как каждый из

[1] Макиавелли обращается к молодому Лоренцо Медичи, племяннику папы Льва X и внуку знаменитого Лоренцо Великолепного.

воинов уверен в себе, то в войсках и нет повиновения; между тем, до сих пор не являлось еще ни одного вождя настолько доблестного, чтобы по личным качествам или по удачам он стал настолько выше других, чтобы все невольно были вынуждены признать над собою его превосходство. Такому вождю все войско охотно стало бы повиноваться. От этого-то и происходит, что уже около двадцати лет все армии, состоявшие из одних итальянцев, во всех войнах, происходивших за это время, испытывали одни только поражения.

Это засвидетельствуют как дело при Торо, так и позднейшие дела при Александрии, Капуе, Генуе, Вайле, Болонье и Местри.

Если вы как представитель знатного рода захотите подобно великим людям, в разные эпохи освобождавшим свое отечество, отважиться на подобный подвиг, то прежде всего и главнейшей славой своего предприятия вы должны поставить организацию национального войска, так как национальное войско представляет самых лучших, самых верных и самых храбрых солдат; каждый из них, будучи лично храбрым, станет еще лучше, если будет знать, что о нем заботится, им повелевает и оценивает его заслуги — его государь. С таким оружием Италия в состоянии будет прогнать иностранцев.

Макиавелли, Государь, СПБ 1869, стр. 109—112.

В. САВОНАРОЛА.

1. ОБЛИЧЕНИЕ РИМА И ПАПЫ [1496 г.].

Тебе говорю, Рим, готовься, ибо наказание твое будет велико. Сожмут тебя железным кольцом, истребят тебя мечом, огнем и пламенем... Бедная Италия! Я вижу тебя завоеванной. Бедные народы! Я вижу всех вас угнетенными... Италия, ты больна тяжкой болезнью. Рим, ты болен смертельной болезнью. Ты погубил свое здоровье и оставил бога, ты болен грехами и бедствиями, терзающими тебя... Если ты хочешь выздороветь, оставь твою пищу: оставь твою гордость, твою заносчивость, твою роскошь, твою жадность. Эта пища ввергла тебя в болезнь, она же влечет тебя и к смерти... Италия смеется над этим, Италия не обращает на это внимания, не хочет лекарств и говорит, что медик бредит. О неверные! Так как вы затыкаете уши свои и не хотите обратиться к правде, то господь говорит: Италия запятнана кровью, полна скверны, распутства и преступлений. Я наведу на нее самый дурной народ, какой только найдется, унижу князей ее и сломлю гордыню Рима. Народ этот завладеет ее святынями, осквернит ее храмы за то, что они превратили их в седалища преступников, я сделаю их хлевами для свиней и коней. Это менее огорчит господа, чем то, что их сделали седалищами преступников... О Италия! Тогда будет смятение за смятением: смятение войны за голодом,

моровая язва за войной, смятение с одной стороны, смятение — с другой. Пройдет молва за молвой, то есть услышат о варварах, идущих отсюда, и о варварах, наступающих в другом месте. С востока и с запада, со всех сторон, один за другим, будут распространяться слухи. Будут искать видений пророческих и не найдут их, ибо господь говорит: теперь мой черед проповедовать. Обратятся к астрологии, но та не послужит ни к чему. Иссякнет священство, оно потеряет свое достоинство. Князья облекутся во власяницы, народы будут потрясены смутами. Всеми овладеет страх. Как они судили, так и сами будут судимы.

2. ПРОПОВЕДЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 28 июля 1495 г. ОБ ОТМЕНЕ ПАРЛАМЕНТА.

Я раздумывал об этом твоем парламенте, и он мне казался лишь средством к разрушению всего государственного порядка, необходимо поэтому отменить его окончательно. Подойди сюда поближе, народ. Разве ты теперь не господин? Да. Тогда будь настороже и не собирай парламента, если не хочешь потерять твоей власти. Знай, что слово «парламент» означает желание взять управление из рук народа. Запомните это сами и научите тому же детей ваших. Народ, когда ты услышишь звон колокола, зовущего тебя в парламент, поднимись, извлеки меч свой и скажи: чего тебе нужно? Разве не может сделать того же совет? Какой закон ты хочешь провести? Разве Совет не в состоянии создать его? Поэтому я желал бы, чтобы издано было такое постановление, по которому Синьерия при своем вступлении во власть приносила бы присягу в том, что она не будет созывать парламента. Если же все-таки кто-нибудь задумал бы собрать его, то тому, кто откроет заговор, пусть дадут вознаграждение: члену Синьерии 30 тыс. дукатов, другому — 1000. Если желающий собрать парламент будет член Синьерии, пусть отсекут ему голову; если кто-нибудь другой, пусть на него смотрят как на бунтовщика и пусть конфискуется у него все имение. И пусть все гонфалоньеры клянутся, что они, как только услышат звон набатного колокола, собирающего народ на парламент, прежде всего устремятся грабить дома членов Синьерии. Четвертая часть всего награбленного имущества идет гонфалоньеру, остальное делится между его помощниками. Точно так же, когда члены Синьерии захотят созвать парламент и сойдут для этого на площадку перед Палаццо, уже тем самым пусть они перестанут считаться членами Синьерии, и можно изрубить их на куски без всякого греха.

Виллари, Савонарола и его время, т. I, стр. 226.

3. ЗАКОН 13 августа 1495 г. ПРОТИВ МЕДИЧИ.

Так как реформа настоящего государственного строя имеет целью обеспечить свободу флорентинского народа, так как желательно навсегда сохранить это правление, чтобы не только мы, но

и дети папы пользовались святой свободой и чтобы никто в своей гордыне не осмеливался сделаться тираном и подчинить себе граждан, а также зная, что самый легкий путь к уничтожению нашей свободы и нового хорошего государственного строя есть парламент, и принимая, наконец, во внимание, что не может быть никакого случая, по поводу которого представилась бы нужда собирать парламент после того, как вся власть перешла в руки народа, настоящего и законного господина города, который может издавать всякие новые законы, не прибегая к созыву всего городского населения и т. д.,... великолепные члены Синьерии и гонфалоньеры постановляют и приказывают: на будущее время парламент не должен быть собираем, Синьерия впредь должна приносить присягу, что она не будет созывать его, а кто отважится на это, будет подвергнут смерти; открывшему же заговор будет дано 3000 флоринов.

Виллари, Савонарола и его время, т. I, стр. 227.

4. СМЕРТЬ САВОНАРОЛЫ.

День Ваий, накануне которого умер король Карл [VIII, французский], был концом власти и авторитета Савонаролы во Флоренции. Уже давно его обвиняли перед папой в том, что он произносил оскорбительные проповеди против правов духовенства и римской курии, способствовал распрям в городе и уклонился от католического вероучения. Его вызывали несколько раз в Рим по поводу этих обвинений, но он всякий раз находил извиняющие его обстоятельства для отказа; наконец, папа в предшествующем году отлучил его от церкви. Это отлучение прервало на несколько месяцев его проповеди, и если бы он продолжал воздерживаться от них дальше, он легко получил бы отпущение. В самом деле, папа не очень настаивал на обвинениях Савонаролы, и если он так сурово к нему отнесся, то это обстоятельство объясняется главным образом настойчивостью врагов проповедника. Но Савонарола, думая, что его молчание уменьшит его влияние, которое так выросло от потрясающей силы его речей, снова поднялся на церковную кафедру, утверждая, что его отлучение противно воле божией, наносит ущерб общему благу, а вследствие этого несправедливо и не имеет силы; он неблагоразумно дошел даже до того, что стал нападать на поведение папы и римского двора. Эта смелость возбудила против него многих из горожан. Его враги, число которых росло с каждым днем в среде народа, громко осуждали его неповиновение и вызывающее поведение, которое могло настроить папу Александра против флорентинцев в такое время, когда папа готов был стать на их сторону и выдать им Пизу и когда, следовательно, они имели основание щадить его самолюбие. Другие, став на сторону Савонаролы, утверждали, что из-за соображений земных не следовало противодействовать воле божией и что не должно допускать, чтобы под таким предлогом пап при-

учали вмешиваться в дела республики. Несколько дней прошло в таких спорах; папа в ярости против Савонаролы угрожал в своем гневе отлучением всему городу, так что магистраты сочли нужным запретить смелому проповеднику выступать публично.

Он повиновался, но некоторые монахи из его же ордена стали проповедовать вместо него с такой же, как он, откровенностью; и так как раздоры царили одинаково как среди духовенства, так и среди мирян, другие монашеские ордена без устали продолжали яростно выступать в своих проповедях против Савонаролы. Ярость этих монахов дошла до того, что один доминиканец, сторонник Савонаролы, и один кордельер, его противник, согласились броситься в огонь в присутствии всего народа, дабы доказать этим испытанием, является ли Савонарола пророком или обманщиком.

Поводом к этому странному и удивительному испытанию было то, что сам Савонарола в своих проповедях говорил, что, если понадобится, он бросится в огонь для того, чтобы доказать истину своих положений, и что бог дарует ему милость выйти из огня целым и невредимым.

Узнав об этом опасном испытании, устроенном без его ведома, Савонарола был смущен и употребил все средства, чтобы воспрепятствовать этому, но дело зашло слишком далеко, и многие флорентинцы, которым хотелось, чтобы город был раз и навсегда освобожден от волнений, производимых в нем пророком, понуждали обоих противников к тому, чтобы они приступали к испытанию, которое сделалось в конце концов неизбежным.

Вот почему в назначенный день оба монаха, сопровождаемые всеми их собратьями, отправились на дворцовую площадь, куда сошлось множество народа, не только флорентинцев, но и жителей соседних городов. И вот кордельеров предупредили, что Савонарола договорился со своим последователем, что тот возьмет с собою в руку св. причастие, когда он пойдет в огонь; они подняли крик и указывали, что поступать так, значит подрывать авторитет религии: как пала бы вера в слабых умах, если бы причастие сгорело. Савонарола, присутствовавший при этом, несмотря на возражения, настаивал, и в результате получилась перебранка, которая помешала испытанию.

Это приключение было в такой мере пагубным для авторитета Савонаролы, что на другой день, воспользовавшись случайным брожением, враги его, заручившись согласием верховного из магистратов, осадили монастырь св. Марка, захватили Савонаролу и двух из близких к нему монахов и отвели их в тюрьму.

Во время беспорядков родственники тех, кто был обезглавлен в предшествующем году, убили Франческо Валори, всеми уважаемого гражданина, который стоял во главе партии Савонаролы и всячески препятствовал, чтобы дело казненных пошло на пересмотр. Савонаролу допрашивали, не применив к нему особо тяжких пыток, и его показания довели до всеобщего сведения. Опровергнув обвинения в дурном поведении, корыстолюбии, в связи с

иностранными державами, он признал, что он не был вдохновляем свыше в своих пророчествах, но что он делал их, исходя из собственных заключений, основанных на глубоком размышлении над священным писанием; что в данном случае у него не было никаких дурных побуждений, ни желания добиться высших церковных почестей и что единственной его целью было содействовать созыву вселенского собора, при помощи которого можно было бы реформировать нравы духовенства и восстановить обезображенную скверною церковь в том ее виде, в каком она была во времена апостолов. Он говорил, что было бы для него большею славой, если бы он совершил столь спасительное и святое дело, чем быть папою, потому что оно могло бы быть совершено только средствами истинной веры, помощью исключительной добродетели и в силу великого преклонения со стороны всех людей, тогда как папское место добывается часто дурными путями и удачею судьбы.

Он повторил свои заявления в присутствии многих монахов даже своего ордена; но если верить тому, что его сторонники опубликовали впоследствии, он употреблял такие выражения, которые могли получить различное толкование.

На основании приговора генерала доминиканцев и епископа Ромолино, который был потом кардиналом Сорренто, комиссаром папы, Савонарола и два других монаха были лишены духовного сана и выданы светской юстиции, которая приговорила их к повешению и сожжению. При совершении казни такая же толпа народа и в том же месте была, как и тогда, когда хотели совершить испытание огнем. Он умер мужественно, но не произнес ни одного слова, на основании которого можно было бы судить о том, был ли он виновен или нет. Поэтому его смерть не остановила пересудов или, вернее, человеческого пристрастия. Ибо одни остались убежденными в том, что он был обманщиком, а другие продолжали крепко верить, что либо опубликованный допрос был сфабрикован, либо муки пыток, но не истина, одержали победу над его слабым и хрупким телом. Но даже и эту слабость они извиняли примером старшего из апостолов, который, не будучи в темнице и не подвергаясь пыткам, при одном только слове служанки и воина несколько раз отрекся от своего господа, коего божественные поучения он слушал и созерцал его бесчисленные чудеса.

Гвиччардини, История Италии, кн. 3, гл. IV.

III. УПАДОК ИТАЛЬЯНСКОЙ ТОРГОВЛИ В XVI в.

Венецианский купец и банкир XV—XVI вв. Джироламо Приули оставил интересный дневник, в котором он изо дня в день записывал свои впечатления о событиях, имевших мировое значение и — увы — чрезвычайно тягостных для итальянской торговли: об открытии португальского морского пути на Восток. Взятие Константинополя турками в 1453 г. и открытие морского пути на Восток португальцами было началом конца итальянской торговли и итальянских городов-республик.

ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИРОЛАМО ПРИУЛИ.

1501 г., июль. 24 числа пришли письма из Португалии от посланника венецианской Синьерии, отправленного туда для того, чтобы тщательно разузнать правду о путешествии в Индию [1], затеянном португальским королем, ...так как это предприятие имеет для венецианского государства больше значения, чем война с турками и всякая другая война, какая бы ни случилась. Посланник этот пишет от 6 июня следующее:

«Светлейший государь и пр.

...Король Португалии отправил корабли в Индию, которые в настоящее время вернулись, но из 13 кораблей 7 погибло в пути. ...Пока прибыл лишь один корабль в 300 тонн, остальные, по словам прибывших, находятся недалеко..., корабль этот принадлежит флорентинцу Бартоломео Маркионе, равно как и груз, который состоит из 300 приблизительно кантаров [2] перца, 120 кантаров корицы, от 50 до 60 кантаров камеди, 15 кантаров росного ладана; гвоздики не привезли, так как мавры ее всю забрали, также и имбиря, так как его нет там, где португальцы принимали груз, но он родится в Каликуте [3]. Дешевых пряностей они не привезли вовсе...»

Вот письмо, написанное венецианскому сенату лицом, заслуживающим доверия; однако я предоставляю мудрому читателю судить о нем как ему угодно, ибо в этом письме заключаются вещи крайне удивительные для нашего времени, прямо-таки невероятные..., но со временем истина выяснится лучше. Сообщают, что как сам король, так и другие купцы отправили с этими кораблями в это путешествие в Индию кораллов и всяких тканей на сумму до 60 тыс. дукатов. Но какая от этого прибыль — судить невозможно, так как все пряности были привезены в Португалию. Правда, погибло 7 кораблей, но остальные 6 привезли столько товаров [4] и на такую сумму денег, что даже трудно оценить... И если это путешествие повторится, а это, как мне кажется, легко может слу-

---

[1] Здесь дело идет о второй экспедиции в Индию под командой Кабраля. Эскадра из 13 каравелл вышла из Лиссабона 9 марта 1500 г., вернулась 24 июня 1501 г.

[2] Кантар — 150 «больших» венецианских фунтов, равных 72 килограммам.

[3] Каликут — на западном, Малабарском, берегу Индостана.

[4] Было привезено из Индии: 2000 кантаров перца, 800 кантаров корицы, 400 кантаров имбиря и т. д.

читься, король Португалии сможет называться королем денег, так как все съедутся в его страну, чтобы купить пряности, а деньги останутся в Португалии вместе с той прибылью, которая будет получаться каждый год от такого путешествия. Когда пришло в Венецию это известие, оно вызвало большую досаду во всем городе, каждый был поражен, что в наше время найден путь, о котором никогда ни в древние времена, ни при наших предках не слышали и не ведали. И сенаторы признали, что эта весть — худшее, что венецианская республика когда-либо могла получить, кроме разве потери самой свободы: и войны и труды, которые сейчас или в иное время могли бы случиться, имеют чрезвычайно мало значения по сравнению с этим известием. И это потому, что нет никакого сомнения, что венецианское государство достигло такой известности и славы только благодаря морю, непрерывной торговле и плаваниям, которые производятся тут, и ежегодным рейсам, с которыми каждый год венецианцы на своих галерах и кораблях привозят большое количество специй; с прекращением всего этого можно ожидать всего наихудшего. И все с деньгами съезжались в Венецию покупать пряности и другие товары и привозили также свои товары. Отсюда — от пребывания иностранцев, от покупки и продажи и от постоянной, каждый год и во всякое время, торговли венецианское государство достигло того блеска, в котором оно сейчас стоит, и это только торговыми экспедициями и морской торговлей... Теперь же, когда найден этот новый путь из Португалии, португальский король будет свозить все пряности в Лиссабон, и, несомненно, венгерцы, немцы, фландрцы, французы и все загорные народы, которые приезжали в Венецию закупать пряности, теперь обратятся в Лиссабон, который ближе ко всем этим странам, и туда легче ездить, и там они все будут иметь дешевле, а это важнее всего. И это потому, что пряности, прибывающие в Венецию, проходят через всю Сирию и через все страны султана и повсюду платят огромнейшие поборы и равным образом в Венеции платят невыносимые пошлины. Вследствие этого при провозе через страну султана в Венецию расходы так велики, что то, что стоило один дукат, возрастает в цене до 60 и даже до 100 дукатов. Король же Португалии, найдя путь с другой, обратной, стороны, несет лишь расходы на каравеллы, что составляет очень немного по сравнению с вышеуказанными тратами, и поэтому он может продавать пряности гораздо дешевле венецианских купцов. Далее, если он захочет везти товар во Фландрию, Венгрию, Англию, Францию и в другие места, то будет дешевле доставить их из Португалии и вывезти их из Лиссабона, нежели из Венеции. Отсюда я заключаю, что если это путешествие из Лиссабона в Каликут установится так, как оно началось, то венецианским галерам и венецианским купцам не будет хватать пряностей, а если иссякнет эта торговля в Венеции, то можно считать это все равно, что иссякли пища и молоко для младенца. И я ясно вижу разорение венецианского государства, ибо если не будет торговли, не

будет и денег, от которых произошла и слава, и известность Венеции. Многие полагали еще, что это — неверное известие, другие говорили, что король Португалии не сможет продолжать эти экспедиции в Каликут, так как ведь из 13 каравелл, отправленных в Индию, вернулись невредимыми только 6 и что отсюда будет больше убытка, чем пользы; не найдется также людей, желающих отправиться туда, рискуя жизнью. Другие подбодряли себя, говоря, что государь-султан [1] примет меры против этого, так как если пряности не будут привозиться в Сирию и в Александрию, то он потеряет большой доход, который он извлекал отсюда...

Одно только — и самое важное: от этого известия пряности всех сортов сильно упали в цене в Венеции, так как обычные покупатели, услыша эту новость, стали очень сдержанны в покупках. Я прошу читателя извинить меня за то, что написал все это вперемешку и нескладно: это вещь новая и огромного значения для нашей родины. Она слишком взволновала меня, и я несколько увлекся пером, больше, нежели это подобает.

1504 г., февраль. 5 числа прибыли в Венецию три галеры из Александрии... Они пришли пустыми, без груза пряностей. Никогда еще ни на чьей памяти не было видано, чтобы галеры из плавания возвращались без груза пряностей...

Прибывшие из Александрии купцы говорили, что султан [египетский] предпринимает решительные меры, чтобы добиться того, чтобы португальцев не принимали в Индии, в Каликуте. В Александрии говорили, что каравеллы не были приняты в Каликуте, а что пряности, которые они везут в Лиссабон, награблены с мавританских кораблей, но все же это со слов мавров, которые не знали об этой экспедиции.

1506 г., июнь. В письмах из Генуи, прибывших самым быстрым образом, сообщалось, что в Лиссабон 24 мая прибыли каравеллы, груженые пряностями, вернувшиеся из путешествия в Индию, с грузом в 25 тыс. кантаров перца и сандала. То же самое известие пришло и в письмах из Антверпена во Фландрии, посланных с величайшей поспешностью... В них подтверждалась эта новость, а кроме того добавлялось, что в Лиссабон пришло 5 каравелл из Каликута с вышеуказанным грузом, за ними идут еще десять, которые скоро прибудут. Эта новость доставила всему городу большое огорчение, так как этим наносится большой ущерб [венецианскому] мореплаванию. И теперь все убедились и всем стало ясно, что отныне это путешествие в Индию установилось и что каждый год будут прибывать оттуда португальские каравеллы, венецианские же купцы не смогут плавать в Сирию, так как они не в состоянии будут закупать там пряности, ибо все они будут с другой стороны скупаться в Индии португальцами.

---

[1] Египетский султан, под властью которого находилось сирийское побережье.

IV. ИЗ «ГОСУДАРСТВА СОЛНЦА» КАМПАНЕЛЛЫ.

Джан Доменико Кампанелла, в монашестве Томас (1568—1639),— знаменитый итальянский публицист и философ. В юношеских летах он принял монашество, но скоро навлек на себя подозрение в свободомыслии, так как он восставал против церковной схоластики и ее авторитета Аристотеля. Обвиняемый неоднократно в ереси и материализме, он долго скитался по всей Италии, заявив себя уже в это время сторонником идеи единого мирового государства с идеальным общественным строем, который впоследствии превратился в коммунистическую организацию его «Города солнца». В 1597 г. в Калабрии, находившейся в то время под игом Испании, он проповедует восстание, о котором мы, к сожалению, знаем очень мало. Пьетро Джанноне в своей «Гражданской истории Неаполитанского королевства» (Неаполь 1723) говорит: «Кампанелла едва было не вызвал восстания всей Калабрии своими новыми идеями и освободительными республиканскими планами. Он заходил так далеко в своих планах, что предполагал даже преобразовать королевства и монархии и создать новые законы и новые системы управления общества». В среде населения Калабрии, подавленной испанским владычеством, в среде разоряющегося мелкого дворянства и многочисленной безработной в эту пору упадка Италии интеллигенции проповедь Кампанеллы и идеи утопического коммунизма имели большой успех. Восстание было назначено на 10 сентября 1599 г., но заговорщики были выданы. Кампанелла был обвинен в политическом преступлении и ереси, был подвергнут страшным пыткам, обнаружив при этом исключительную твердость духа, а затем был брошен в тюрьму, где и просидел больше 25 лет. Мужество никогда не покидало его (см. далее его «Гимн солнцу»). Именно здесь окончательно созрели его идеи об идеальном общественном строе и был написан его «Город солнца», изданный в 1623 г.

Ниже приведены два отрывка из этого сочинения: о собственности и о труде в идеальной общине «Города солнца».

О ТРУДЕ И ОБЩИНЕ В «ГОРОДЕ СОЛНЦА».

(Гостинник и Мореход беседуют между собою, и Гостинник, заинтересованный рассказами Морехода о чудесной стране, спрашивает Морехода об учреждениях Города солнца. На это Мореход отвечает ему.)

Мореход.

Народ этот появился из Индии, бежавши оттуда после поражения монголами, разбойниками и насильниками, разорившими их родную страну, и решил вести философский образ жизни общиной... У них все общее. Распределение всего находится в руках должностных лиц, но так как знания, почести и наслаждения являются общим достоянием, то никто не может ничего себе присвоить.

Они утверждают, что собственность образуется у нас и поддерживается тем, что мы имеем каждый свое отдельное жилище и собственных жен и детей. Отсюда возникает себялюбие, ибо ведь чтобы добиться для своего сына богатства и почетного положения и оставить его наследником крупного состояния, каждый из нас или начинает грабить государство, ежели он ничего не боится, бу-

дучи богат и знатен, или же становится скрягою, предателем и лицемером, когда недостает ему могущества, состояния и знатности. Но когда мы отрешимся от себялюбия, у нас остается только любовь к общине.

Гостинник.

Так ведь никто же не захочет работать, раз будет рассчитывать прожить на счет работы других, в чем Аристотель и опровергает Платона.

Мореход.

Я плохой спорщик, но тем не менее уверяю тебя, что они пылают такою любовью к родине, какую и представить себе трудно; гораздо больше даже, чем римляне, которые, как известно по преданиям, добровольно умирали за отечество, потому что значительно превзошли их в отрешении от собственности. Я, по крайней мере, уверен, что и братья, и монахи, и клирики наши, не соблазняйся они любовью к родным и друзьям, стали бы гораздо святее, меньше были бы привязаны к собственности и дышали бы большей любовью к ближнему.

Гостинник.

Это, кажется, говорит блаженный Августин, но я заключаю, что среди этого рода людей никакого значения не имеет дружба, раз у них нет возможности оказывать друг другу взаимные одолжения.

Мореход.

Наоборот, огромное: следует ведь обратить внимание на то, что хотя им и неоткуда делать друг другу никаких подарков, потому что все, в чем они нуждаются, они получают от общины, и должностные лица тщательно следят за тем, чтобы никто не получал больше, чем ему следует, никому однако не отказывая в необходимом,— но дружба у них проявляется на войне, во время болезни, при соревновании в науках, когда они помогают друг другу. Но в городе солнца, где обязанности, художества, труды и работы распределяются между всеми, каждому приходится работать не больше четырех часов в день; остальное время проводится в приятных занятиях науками, собеседовании, чтении, рассказах, письме, прогулках, развитии умственных и телесных способностей, и все это делается радостно. Не разрешается лишь играть в кости, камешки, шахматы и другие сидячие игры, а играют там в мяч, лапту, в обруч, борются, стреляют в цель из лука, аркебузов, метают копья и т. д.

Они утверждают, что крайняя нищета делает людей негодяями, хитрыми, лукавыми, ворами, коварными, отверженными, лжецами,

лжесвидетелями и т. д., а богатство — надменными, гордыми, невеждами, изменниками, рассуждающими о том, чего они не знают, обманщиками, хвастунами, черствыми, обидчиками и т. д., тогда как община делает всех одновременно и богатыми и вместе с тем бедными: богатыми — потому, что у них есть все, бедными — потому, что у них *нет никакой* собственности; и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им. И поэтому они всячески восхваляют благочестивых христиан и особенно превозносят апостолов и взаимно делятся знаниями.

Все сверстники называют друг друга братьями: тех, кто старше их на двадцать два года, зовут они отцами, а тех, кто на двадцать два года моложе,— сыновьями. И должностные лица внимательно следят за тем, чтобы никто не нанес другому никакой обиды в этом братстве.

ПОЛЬЗА ОБЩЕГО ТРУДА.

Всякую службу называют они учением, говоря при этом, что одинаково почтенно ногам ходить... а глазам видеть и языку говорить; ведь по необходимости и глаза выделяют слезы, а язык — слюну... Поэтому каждый, на какую бы службу ни был он назначен, исполняет ее как самую почетную. Рабов, развращающих нравы, у них нет: они в полной мере обслуживают себя сами и даже с избытком. Но у нас, увы, не так: в Неаполе семьдесят тысяч душ населения, а трудятся из них всего какие-нибудь десять или пятнадцать тысяч, истощаясь и погибая от непосильной и непрерывной работы изо дня в день. Да и остальные, пребывающие в праздности, пропадают от безделья, скупости, телесных недугов, распутства, ростовщичества и т. д. и множество народа портят и развращают, держа его у себя в кабале, под гнетом нищеты, низкопоклонства и делая соучастниками собственных пороков, чем наносится ущерб общественным повинностям и отправлению полезных обязанностей. Обработкой полей, военной службой, искусствами и ремеслами занимаются кое-как и только немногие и с величайшим отвращением.

«ГИМН ВЕСЕННЕМУ СОЛНЦУ».

«Так как молитва моя еще не услышана, я обращаюсь теперь к тебе, о Феб.

Я вижу тебя сияющим в знаке Овна и оживляющим вновь все существующее.

Ты возвращаешь к жизни всех погибающих, всех умирающих.

Верни же к жизни из милости и меня, любящего тебя превыше всего.

Как можешь ты оставлять в душной, сырой и темной тюрьме того, кто всегда прославлял тебя?

Дай мне покинуть тюрьму в то самое время, когда зеленая трава пробивается из-под земли.

Ты заставляешь подниматься в деревьях сок и превращаешь его в цветы, из которых со временем вырастают плоды...

Ты будишь от долгого сна кротов и хомяков, ты даруешь силу и движение самому ничтожному червячку...

О солнце! Нашлись люди, отрицающие в тебе разум и жизнь и ставящие тебя таким образом ниже насекомых.

О них я писал, что они еретики, что они неблагодарны и мятежны по отношению к тебе, и они похоронили меня живьем, потому что я тебя защищал...

Если я погибну, кто тогда будет защищать тебя? Кто будет называть тебя живым храмом, изображением и высокочтимым ликом истинного бога, высшим благодетельным светом мира, блаженным повелителем звезд, жизнью, душою и чувствованием всех низших существ?

О смилуйся надо мною, божественный и плодотворный источник света, дабы свет твой, наконец, просиял надо мной».

V. ПОЛЬША XI—XV вв.

ВВЕДЕНИЕ.

Польское государство, образовавшееся на рубеже IX и X вв., носит в ранний период своего существования все черты дофеодального «варварского королевства». Дружина еще окружает непосредственно князя, который довольствует ее из получаемых от населения даней (см. отрывок донесения еврейско-испанского купца Ибрагима ибн-Якуба, документ № 1).

В XI в. Польша — феодальное государство. Дружинники осели на землю и превратились в крупных землевладельцев. Эксплоатация крестьян господствующими классами вызывает уже в XI веке их протест против феодалов, с чем очень живо рассказывают польский летописец, так называемый Галль, и русский летописец Нестор (см. документ № 2).

Польские князья в это время чаще всего — вассалы императоров Германии. Стремление их освободиться от вассальной зависимости и стать самостоятельными королями приводит к столкновению с Империей. Мы приводим высказывание немецкого летописца Лямберта о коронации Болеслава Смелого (1076 г.), этот отрывок (документ № 3) характеризует, с одной стороны, внутреннее положение Германии, с другой стороны — польско-немецкие отношения в XI веке. В споре между светской и духовной властью в XI веке польские правящие классы (как и в Венгрии) становятся на сторону папы, у которого они ищут поддержки против немцев.

Роль церкви, ее доходы, богатство и влияние в течение следующих веков увеличиваются все больше и больше. Документ № 4 (подтверждение папой Иннокентием II владений и прав гнезненского архиепископства) свидетельствует о положении и богатстве церкви в Польше. Сложившийся в Польше феодализм имеет там свои специфические особенности, но в основном напоминает западноевропейский феодализм. Вместо дружинников появляются в Польше уже в XI веке «вои», владельцы земли на так называемом рыцарском праве (обязанные нести за свои владения военную службу).

Чем более слабеет сила сопротивления угнетаемых классов, тем менее нуждаются господствующие классы в сильной государственной власти. В 1138 г. Польша распадается на уделы. Духовные и светские вельможи добиваются от князей иммунитетов, т. е. права суда над населением своих феодов. Приводимая далее иммунитетная грамота свидетельствует о правах феодалов над крепостными (документ № 5).

Располагая огромным количеством свободной земли, польские землевладельцы приглашают колонистов из Западной Европы, преимущественно из Фландрии и Германии. Здесь, в Польше, колонистам предоставляются весьма выгодные условия. Такую же колонизацию «на немецком праве» мы наблю-

даем в Венгрии и Чехии. Впоследствии, убедившись, что труд лично свободных крестьян более производителен, польские помещики стали переводить польские деревни «на немецкое право». Документ № 6 (Локация деревни «на немецком праве») говорит об условиях локации — о правах и обязанностях колонистов и помещика.

В 1241 г. Польша подверглась первому нашествию татар, которые разорили всю южную часть страны. Татарские набеги усилили колонизацию. На стр. 206 приводится отрывок из великопольской летописи о татарских набегах (документ № 7).

В процессе колонизации «немецкое право» распространялось не только на деревни, но и на города (см. документ № 8 — «Города на немецком праве»). Развитие товарно-денежных отношений, рост городов (с XIII в.) приводит к усилению значения горожан и объединению Польши Владиславом Локотком, который, опираясь на шляхту, устрашенную ростом влияния городов и буржуазии, воссоединяет польское государство.

Добившись сильной власти, землевладельцы не желают лишать себя свободы и самостоятельности; отсюда их выступления против короля Казимира III (1333—1370), стремящегося обуздать своеволие отдельных вельмож при помощи городов и крестьянства. Казимир III подавил выступление польских вельмож (конфедерация Матько Борковича, познанского воеводы 1351 г.), занимался строительством городов, покровительствовал крестьянам (знатные называли его презрительно «мужицким королем»). В 1364 г. Казимир основал Краковский университет, второй по времени возникновения после Пражского (1348) в Средней Европе (см. документ № 9—10).

Польская шляхта воссоединенной Польши стремится к увеличению своих владений, к получению Поморья (устья реки Вислы с важным для хлебного вывоза портом Данцигом) от Тевтонского ордена и к захвату русских земель. Польские землевладельцы видят в молодом литовском государстве своего естественного союзника в борьбе с немцами (орденом), которые угрожают независимости Литвы, и в разделе русских земель. Результатом является так называемая Кревская уния в 1385 г. В 1410 г. польско-литовские войска одерживают над орденом решительную победу у Грюнвальда (см. документ № 11), но Поморья еще не получают.

Весь этот отдел составлен и все переводы сделаны заново с польского языка М. С. Б л и з н я н с к и м. Введение написано им же.

ИБРАГИМ ИБН-ЯКУБ О ПОЛЬШЕ X в.

(Rocznik Towarzyctwa Przyjaciól Nauk, Poznán 1887.)

Ибрагим Ибн-Якуб — испанский еврей, купец-путешественник (mercator cursorius), живший в X веке, рассказывает о польском князе Мешке I (960—992).

Донесение Ибрагима помещено в «Книге путешествий и стран» испанско-арабского ученого Аль-Бекри (XII в.).

§ 2. 1. А имеет он (Мешко I) 3 тыс. дзра[1], а это воины, одна сотня которых равна десяти сотням других. И он этим людям дает *одежду и коней*, и оружие, и все, что им надо.

2. А когда у кого-нибудь из них родится ребенок, то он (Мешко I) сразу же после рождения ребенка назначает ему содержание независимо от того, мужского или женского рода ребенок. А когда он становится совершеннолетним, то женит его, если он мужского пола, и платит за него свадебный подарок отцу невесты...

3. Свадебный подарок у славян значителен (и их обычаи в этом отношении подобны обычаям берберов).

5. А брак происходит по воле их князя, а не по их выбору. И князь заботится о их расходах и покрывает свадебные расходы. И является он как бы заботливым отцом по отношению к своим подданным[2].

2. ВОССТАНИЕ КРЕСТЬЯН В ПОЛЬШЕ XI в.

(Летопись так называемого Галля, книга I, § 19.)

Эксплоатация масс феодалами вызывает восстание этих масс. От *польского летописца Галля-анонима* (начало XII в.) мы узнаем о крестьянском восстании в Польше в 30-х годах XI в.

...Рабы восстали против своих господ, освобожденные невольники против благородных мужей, забирали их жен... и преступно захватывали высокие [государственные] должности. Кроме того, покидая католическую веру, о чем мы не можем говорить без плача и рыдания, они подняли бунт против епископов и священников; некоторых из них подвергли якобы лучшей смерти, убивши мечом, других, якобы достойных худшей смерти, убили камнями.

Русский летописец Нестор говорит о вышеприведенных событиях следующее:

...И было большое волнение в ляхской земле; люди, восстав, убивали епископов и попов, и бояр своих, и было у них волнение.

---

[1] Дзра, вероятно, значит дружинник.

[2] Дело идет, конечно, только о дружинниках князя.

3. НЕМЕЦКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ О КОРОНАЦИИ ПОЛЬСКОГО КОРОЛЯ БОЛЕСЛАВА II СМЕЛОГО [1076 г.].

(Lamberti Hersfeldensis annales, Mon. germ. hist., scrip. V, стр. 225.)

Первые польские князья стремились к королевской короне, которая была символом независимости от Германии. Императоры старались не допускать этого, но все же некоторые из князей, пользуясь борьбой между императором и его вассалами, объявляли свою независимость и принимали королевский титул. Так поступили Болеслав Храбрый (1025) и Болеслав Смелый (1076). Последний воспользовался борьбой между Генрихом IV и папой Григорием VII.

Польский князь [Болеслав Смелый], который уже в течение долгих лет был ленником немецких королей и государство которого уже давно было завоевано тевтонским оружием и обращено в провинцию, увидев, что немецкие князья, занятые внутренними смутами, не будут в состоянии поднять оружие против чужих народов, набравшись спеси, присвоил себе королевский сан и звание, возложил корону..., и помазали его 15 епископов. Когда об этом узнали [немецкие] князья, которым дорога была честь отечества..., начали взаимно себя укорять, что, в то время как они губят один другого, выросла мощь варваров в такой степени, что чешский князь уже троекратно опустошил немецкое государство огнем и железом, польский же бесстыдно посягнул на королевскую корону против законов и к позору нашего немецкого королевства.

4. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПАПОЙ ИННОКЕНТИЕМ II ВЛАДЕНИЙ И ПРАВ ГНЕЗНЕНСКОГО АРХИЕПИСКОПСТВА [1136 г.].

Приводимый документ свидетельствует о богатстве церкви в Польше в XII в. и об источнике ее доходов.

... Из поместий мы перечисляем следующие по собственным именам:

с Гнезна, с Острова, с Лекна, с Накла, до самой реки Плитницы, с Ленда, с Калиша, с Чезрамя, с Руды полностью десятины зерна, меда и железа, с харчевен, с рынков, с куньих и лисьих шкур и [десятины] со свиней, с пошлины как в самом городе, так и на всех дорогах в окрестности названных городов и замков;

также жнинский округ с десятинами, с рынком, с озерами и со всей светской властью, который [жнинский округ] состоит из следующих деревень... [следует перечисление деревень];

также Зендово со следующими... [перечисление имен]... Все эти с другими пришельцами и со всем потомством составляют собственность архиепископа.

Также Лович с десятинами, с деревнями и их жителями, с охотой, с бобрами и с полной светской властью принадлежит исключительно только епископу.

Также Нер по всему течению между Туром и Хелмном с бобрами и их сторожами, с рыбаками и их деревнями принадлежит

только архиепископу; также монастырь св. Марии в Ленчицах с сотней рабов и с его деревнями, с четырьмя озерами, а именно...; также Бралин... с двумя виноградниками и теми, которые их возделывают, и с их деревнями, из которых одна принадлежит Плоцку, а другая Влоцлаву. Кроме того, пекари и кухари, коневоды и сапожники, вместе со своими сборами, которые были предназначены при основании монастыря; ...также деревня в окрестности Бытома под названием Звершов с крестьянами, копателями золота и с двумя харчевнями принадлежит только архиепископу...

5. ИММУНИТЕТНАЯ ГРАМОТА.

О судебных правах Топорчиков и Старжов.

(Kodeks dyplomatyczny Wielkopolski, том II, стр. 667.)

В XII в. в Польше, раздробленной на феодальные поместья, растет значение духовных и светских вельмож. Они добиваются от князей иммунитетов, т. е. права суда над населением своих феодов. Такие иммунитеты получали церкви, монастыри, епископы, вельможи в течение XII, XIII и XIV вв.

Приводим отрывок привилегии, в которой король Казимир III подтверждает двум польским родам Топорчиков и Старжов права, полученные ими при прежних государях.

... Господин Ян Плаза предстал [пред нами] и просил наше королевское величество, чтобы мы соизволили подтвердить их [т. е. Топорчиков и Старжов] право, которое они давно имели от своих предков, что он теперь и доказал при помощи достоверных свидетелей. Поэтому мы... даем и подтверждаем всем Топорчикам и Старжам и их законным наследникам названное право во всех их поместьях, где они их теперь имеют или в будущем могут иметь, в том, что ни сам король, ни судья, ни подсудок, ни какой-либо судебный чин не должны судить ни крестьян, ни слуг названных господ, а только они сами, а именно Топорчики и Старжи и их законные преемники должны судить их крестьян и слуг, а именно — казнить, вешать, пытать огнем и т. д.

6. ЛОКАЦИЯ ДЕРЕВНИ «НА НЕМЕЦКОМ ПРАВЕ».

(Kodeks dyplomatyczny Wielkopolski, том II, стр. 46.)

В XIII в. в Польше (а также в Чехии и Венгрии) идет немецкая колонизация. Монастыри, церкви, вельможи и сами князья польские, располагая огромным количеством свободной земли, приглашают из Западной Европы (главным образом из Фландрии и Германии) колонистов и предоставляют им землю. Землевладельцы заключают с колонистами в лице солтыса (основателя деревни, на латинском языке — scultetus, по-немецки — Schultheis) договор, в котором определялись их права и обязанности. Колонисты получили в вечное пользование землю, обыкновенно по одному лану на хозяйство. Колонисты пользовались собственным судопроизводством, во главе которого стоял солтыс. Обязанности крестьян, пользовавшихся немецким правом, состояли главным образом в уплате оброка. Колонизация способствовала хозяйственне-

му развитию Польши, так как колонисты принесли с собой более высокую сельскохозяйственную технику (трехпольную систему и железный плуг). Вначале землевладелец обязывал солтыса не принимать в свою деревню польских крестьян. Но так как труд лично свободных колонистов был более производителен, нежели труд крепостных, польские феодалы сочли выгодным наделять и польские деревни «немецким правом». Приводим документ для иллюстрации прав и обязанностей крестьян, пользовавшихся «немецким правом».

Граф Ян Чехославич из Галева переводит свое поместье Радлин на «немецкое право».

...Мы, граф Ян, сын Чехослава из Галева, вместе с братом нашим Войцехом желаем, дабы дошло до сведения каждого из современных и будущих, которые увидят эту грамоту, что наше поместье, называемое повсюду Радлино, мы отдаем Мартину, именуемому «из Станева», и его законным наследникам для локации на немецком праве, на том именно праве, которым пользуются горожане и город Новый Тарг; согласно договору жители названной деревни должны будут платить ежегодно с каждого малого лана[1] 2 меры пшеницы, 4 меры ржи, 6 мер овса по пыздрской мере, вярдунек серебра, имеющий хождение, и этот чинш они будут обязаны привозить на наш ближайший двор. И чтобы те, которые обрабатывают [землю] в названной деревне, могли выплатить это, все они получают 9 лет, свободных от всяких даней и платежей. Упомянутый же М[артин], солтыс, и его наследники будут по праву локации свободно владеть седьмым лапом со всем правом и властью, какие мы имеем в наших [имениях]. Солтыс и его потомство получают в названной деревне в свою пользу 2 сада со всем чиншем и доходом и третью деньгу[2] с каждого судебного дела. А кроме того дали мы упомянутому М[артину], солтысу, и его наследникам право совершенно свободно строить в этом поместье мельницы, сколько найдут нужным; они могут свободно владеть харчевней, мясной лавкой, прудом, а тоже продавать сукно. Даем М[артину], солтысу, право судить, рубить голову и члены тех, кои в упомянутой деревне провинились бы. Притом, если бы нам кто-нибудь подал жалобу на солтыса, он не будет иначе отвечать, как только перед другим солтысом по немецкому закону. Кроме того, мы желаем, чтобы упомянутый М[артин], солтыс, и его наследники могли беспрепятственно охотиться на зайцев, куропаток, фазанов, ловить рыбу в водах упомянутого поместья, в любой части. Наконец, упомянутые крестьяне должны нам доставлять воз с двумя лошадьми для похода. Церкви же тоже даем два свободных лана. А дабы кто-либо из потомков наших не осмелился легкомысленно нарушить нашу дарственную запись, законно составленную, мы сию грамоту нашею печатью подтвердили.

Дано в Козминке, 1291 г...

[1] Большой или франкский лан = 45 моргенам, малый или фландрский лан = 30 моргенам; морген — около $^1/_2$ га.

[2] Третью часть дохода.

7. ВЕЛИКОПОЛЬСКАЯ ЛЕТОПИСЬ О ТАТАРСКИХ НАБЕГАХ.

(Из «Monum. Polon. hist.», том II, стр. 561.)

71. О первом нашествии татар на Польшу и Венгрию.

Года господня 1241 Батый, татарский король, с ордой татар, диким и неисчислимым племенем, шел через Русь с намерением напасть на Венгрию. Но прежде чем достичь венгерской границы, он направил часть татар на Польшу. И разорили они до тла город Сандомир и Сандомирскую землю, и убивали они народ, не щадя ни пола, ни возраста. Потом через Вислицу они напали на Краков, учинив великое опустошение. Загородили им [дорогу] под Ополем Владислав, Опольский князь, и Болеслав, Сандомирский князь, и сражались с ними. Но по воле божьей, не будучи в состоянии противостоять силе вражеской, обратились они в бегство. Затем эта татарская орда, ограбив Серадз, Ленчицу и Куявы, дошла до Силезии. Тут, при городе Лигнице, Генрих, сын Генриха Бородатого, князя Силезии, Кракова и Великой Польши, во главе многих тысяч рыцарей крепко загородил им дорогу и смело сразился с ними, уповая на божескую помощь. Но волею господа, который часто карает верных за грехи, достопочтенный сей князь потерял 4 тыс. рыцарей и сам погиб. Погиб тогда и князь Болеслав, называемый Шепеткой. Самому же Батыю, татарскому королю, как только он вторгся в Венгрию, загородили [дорогу] венгерские короли, два брата Коломан и Бела, но, потеряв в битве много своих, бежали. И шел Батый, опустошая Венгрию, убивая людей, и знатных и простых, не щадя ни пола, ни возраста, и переправился за реку Дунай. Сидел он в этом королевстве больше года, производя над народом ужасные насилия и жестокий грабеж городов.

8. ГОРОДА «НА НЕМЕЦКОМ ПРАВЕ».

Привилегия, выданная князем Болеславом городу Кракову, который получает так называемое магдебургское право.

(Kodeks dyplomatyczny m. Krakowa, том I, № 1.)

С XIII в. начинают в Польше появляться так называемые города «на немецком праве». Образцом городского устройства в Польше служит Магдебург, отсюда — магдебургское право городов. Вроцлав такое право получил в 1242 г., Познань — в 1253 г., Краков — в 1257 г. Приводим текст привилегии города Кракова, в которой подробно определены права и обязанности горожан и войта (advocatus).

Во имя отца и сына и духа святого, аминь... Таким образом, намереваясь основать в Кракове город и собрать там людей с разных концов света, доводим до сведения всех как настоящих, так и будущих, что мы, Болеслав, милостью божией князь Краковский и Сандомирский, вместе со светлейшей нашей матерью Гжимиславой и с благородной супругой нашей Кунегундой, на том праве его [Краков] колонизируем, на котором был основан и город Вроцлав, но не по тамошнему обычаю, а согласно праву и форме города

Магдебурга, так, чтобы в сомнительных случаях, если бы таковые возникли, обращались к тамошнему писаному закону. Прежде всего мы желаем точно исполнить, и мы обещали нашим войтам Гедкону, называемому Стильвойт, Якову, бывшему судье вНиссе, и Дитмару, называемому Вольк, которые предстали перед нами лично, без нарушения исполнять следующее: все горожане, проживающие в этом городе, в течение шести лет не должны будут платить никакого оброка, никакой подати, как поголовной, так и с имущества, представляющего их собственность или [собственность] общины; с лавок же, в которых продается сукно, и с лавок перекупщиков, ввиду того, что мы их выстроили согласно обещанию за свой счет, мы будем получать пять шестых арендной платы, упомянутые же войты [будут получать] наследственно одну шестую. Это, однако, не по праву, а по особой нашей милости. По истечении же этих шести лет они будут обязаны платить с каждого дворища[1] полфунта серебра по тому немецкому весу, который в срок уплаты будет в употреблении; упомянутым войтам мы даем также право и возможность иметь или же по их воле передавать на вечные времена мясные, пекарские и сапожные лавки так, чтобы владельцы этих лавок были навсегда свободны от всякого оброка. Войты же по истечении льготных лет получат на вечные времена и без обязанности оплачивать каждый шестой дом в городе, что опять-таки не по праву, а по нашей особой милости. Равным образом они будут владеть наследственно без платежа другим домом за городом, в котором режут скот. Разрешаем также и обещаем без нарушения придерживаться [правила], в силу которого вышеупомянутые войты без всяких платежей и пошлин на вечные времена будут возить свои товары по всему нашему государству и княжеству, другие же жители этого города в течение 10 лет будут пользоваться такой же свободой. Мы также обещаем войтам и всем жителям, что никогда не назначим им никакого — ни специального, ни земского — войта, но если бы возникло дело, требующее большего расследования, мы либо сами будем присутствовать, либо пошлем своего заместителя, дабы провести это дело. Далее желаем и разрешаем упомянутому городу, чтобы он имел наследственно под плуг, на пастбища и для других целей деревню, называемую повсеместно Рыбитвы, со всеми ее угодьями, но за исключением озер; сверх того — пространство, которое находится между городом и Прондником в кольце от вышеупомянутой деревни Рыбитвы до самой деревни Кроводжи, но таким образом, чтобы была включена и эта Кроводжа с угодьями, с сохранением, впрочем, за епископом его прав как на землю и мельницы, так и на названную реку. На этой же реке мы даем войтам или тем, кому они это право передадут, две наши мельницы и третью мельницу, которая когда-то принадлежала братьям[2]

[1] Дворище — площадь в 36 локтей ширины, в 72 локтя длины. Локоть равен 57 см.

[2] То есть монахам.

из Мехова, и еще четвертую, которая принадлежала енджеевским братьям; если же они могли бы построить на этой реке больше мельниц, не принося никому ущерба, в таком случае мы признаем за ними это право, под тем условием, чтобы они были обязаны платить от каждого колеса, которые имеются теперь и которые будут, вярдунек ходячей монетой. Мы, кроме того, отдаем городу в пользование реку Вислу вместе с обоими берегами от границ Зверинца до границ Могильского монастыря, чтобы каждый мог свободно ловить рыбу и чтоб упомянутые войты свободно могли построить три мельницы и владеть ими наследственно без какой-либо платы с тем, однакоже, ограничением, чтобы они мололи зерно, предназначенное для нашего употребления, в самом городе или поблизости, а именно на пространстве трех миль. Если же кто-нибудь захотел бы поставить на этой реке больше мельниц, то это он сможет сделать по воле и с разрешения войтов под тем, однакоже, условием, что он будет обязан уплачивать в нашу пользу полгривны от каждого колеса. Кроме того, мы отдаем всему городу в вечное пользование весь лес на верховье Вислы, называемый обыденно Фатимехом. Мы признаем также за названными войтами как наследственную собственность 30 франкских ланов, свободных от всяких платежей и повинностей и вообще от княжеского права и от всякого оброка. Ввиду же того, что существует юридический принцип, что истец должен вносить жалобу в суд, которому подлежит ответчик, мы распоряжаемся и хотим, чтобы краковский горожанин в случае, если бы у него была жалоба против поляка из краковской епархии, выступал перед польским судом, и, наоборот, если у поляка будет дело с горожанином, тогда войты вынесут приговор и решат дело. И войты, в свою очередь, нам обещали, что они не примут в число граждан ни одного ни нашего крепостного (ascriptus), ни церковного, ни какого-нибудь иного, ни свободного поляка, который до сих пор жил в деревне, чтобы таким образом не пустели наши, епископские, церковные или какие-нибудь другие поместья. А мы также за этими войтами и всеми жителями этого города, настоящими и будущими и их потомками признаем даже по истечении льготных лет, чтоб никто из них ни сам не выступал и не высылал [никого] на войну против кого бы то ни было или на защиту от врага за пределами Краковского княжества в пределах тех границ, которые мы имеем теперь или по милости божьей в будущем будем иметь. Желаем еще и ставим этому городу условием, чтобы чеканщики монет, которые со временем будут, вносили без всяких препятствий и без требования с чьей-либо стороны краковскому епископу Прандоте и его преемникам по праву краковской церкви полностью и без ущерба десятину с монеты и чтобы епископ мог наложить церковное наказание на каждого, кто не внесет этой платы или задержит ее против срока внесения остальных девяти частей в нашу казну или [казну] наших наследников.

9. КАМЕННАЯ ПОЛЬША.
(Janko z Czarnkowa, стр. 628.)

О короле Казимире III (1333—1370) говорили, что он застал Польшу деревянной, а оставил ее каменной.

Приводим отрывок из мемуаров современника Казимира Янко из Чарнкова, который рассказывает о строительстве городов и замков в Польше при Казимире. Польская историография признала за королем Казимиром титул «Великий».

Этот король правил государством лучше всех польских князей, ибо он, как второй Соломон, отличился тем, что строил города, дома и замки. Прежде всего он украсил краковский замок удивительными постройками, башнями, скульптурами, картинами и дивно прекрасными крышами. Напротив же краковского замка, за Вислой, около церкви, которая называется Скалка, он построил город, который от своего имени назвал Казимиром. Он построил еще много других городов, как Величку, Скавину и Ланцкорону, замок Олькуш, Бендзин и Лелев, город Чорштын с замком, замки в Неполомицах, Ойцове, в Кшепицах; в Сандомирской земле замок и сам город Сандомир, Вислицу, Шидлов, Радом, Опочно, Вавельницу, город Люблин, город и замок Сецехов, Солец, замки в Завихосте и в новом Корчине; в Великой Польше — города Калиш, Пыздры, Ставишын, замок и город Конин, замки в Накле, Велюне, Мендзыжече, Остшехове, город Велюнь, замок Болеславец; в Куявской земле — Крушвицу, Злоторыю, Пшедеч и Быдгошч; в Серадзкой земле — сильный замок в Петрокове, город и замок в Иновлоде; в Мазовии — город Плоцк, а тамошний замок, который имел одну лишь стену, окружил еще второй; в русской земле — город Лямбургу, или Львов, и два его замка, замок Перемышль, замок и город Санок, город Кросно и замки в Любачове, Трембовле, Галиче и Тустане. Все эти города и замки он снабдил очень сильными стенами, строениями и высокими башнями, глубокими рвами и иными укреплениями для украшения королевства и для защиты и безопасности польского народа.

За время царствования этого короля появилось в лесах, рощах и на выкорчеванных полях почти такое же количество городов и деревень, сколько их прежде было в польском королевстве.

10. КАЗИМИР III, «МУЖИЦКИЙ КОРОЛЬ».
(Dlugosz, Dzieje III, 325.)

[Казимир заботился о том], чтобы крестьяне и деревенские колонисты не были притесняемы шляхтой и рыцарством. Поэтому упомянутые крестьяне и колонисты, жившие под властью рыцарства и шляхты, когда их господа и помещики обижали их, обращались к королю, а он разбирал их обиды и с суровой справедливостью вступал на их защиту. Поэтому ни один из панов, даже самых могущественных и обладающих огромными поместьями, не

осмеливался самовольно расправляться со своими крестьянами, чинить над ними насилие и несправедливость, ибо король Казимир за каждое беззаконие и злоупотребление назначал суровое наказание. В этом он шляхте казался слишком надоедливым и неприятным, поэтому он не избегнул осуждения и того, что шляхта и рыцарство называло его мужицким королем. Но король, терпеливо перенося такую насмешку, не переставал выступать в защиту сирот, вдов и пришельцев, чинить над каждым правосудие, наказывать мошенников, воров, грабителей и правонарушителей с одинаковой всегда справедливостью для убогого и для богача.

11. БИТВА ПРИ ГРЮНВАЛЬДЕ.

Приглашенный в 1226 г. Конрадом Мазовецким (польским удельным князем) для борьбы с литовским племенем пруссов Тевтонский орден[1] в течение XIII в. под предлогом обращения язычников в христианскую веру кроваво расправился с пруссами и захватил их земли (между нижним течением Вислы и Немана, нынешняя Восточная Пруссия). Не ограничиваясь этими захватами, он угрожает независимости Литовского государства (основанного в середине XIII в.) и границам Польши, а в 1309 г. захватывает польское Поморье с Гданском (Данцигом). Опасность, угрожавшая Литве и Польше со стороны ордена, стремление Польши к получению обратно земель, захваченных крестоносцами, являются одними из главных причин польско-литовской унии 1385 г., острие которой было направлено против ордена. В 1409 г. вспыхивает война между Польшей и Литвой, с одной стороны, и Тевтонским орденом — с другой. Самым ярким эпизодом этой войны является битва под Грюнвальдом (15 июля 1410 г.), в которой польско-литовское войско одержало решительную победу над рыцарским ополчением ордена. Победа под Грюнвальдом задержала экспансию немцев на восток и послужила городам и дворянам, подданным ордена, сигналом для восстания против ига крестоносцев. Приводим отрывок из истории Длугоша (польского историка XV в.), в котором он ярко описывает ход Грюнвальдской битвы (Dlugosz, t. IV, 35).

Во вторник... 15 июля Владислав[2], король польский, решил на заре выслушать святую обедню... Пройдя две мили, откуда видны были пылающие вокруг поместья неприятеля, он остановился на полях деревень Танненберга и Грюнвальда, которым предстояло в этот день прославиться битвой, и приказал разбить шатры между рощами и чащами леса, которые со всех сторон закрывали это место; походную же часовню [велел] поставить на возвышенности над озером Любно, для того чтобы, пока войско будет занимать свои позиции, он мог выслушать богослужение.

Уже магистр прусского ордена Ульрих из Юнгингена прибыл в деревню Грюнвальд, которую ему предстояло увековечить своим поражением, и остановился со своим войском около нее.

---

[1] Тевтонский орден — один из рыцарских орденов, был основан в Палестине во время третьего крестового похода. В начале XIII в. рыцарей пригласил в Венгрию для борьбы с половцами венгерский король Андрей II, но, убедившись в их стремлении создать государство в государстве, изгнал их из своей страны. В Польше рыцарей Тевтонского ордена называли kryżakami, что в русском переводе значит крестоносцы.

[2] Владислав Ягелло, первый представитель династии Ягеллонов на польском троне. Даты его царствования в Польше 1386—1434 гг.

Король Владислав, никак не смутившись от столь внезапного и неожиданного прибытия неприятеля, счел самым главным, прежде чем начать войну, отдать сначала должное богу; поэтому он направился в походную часовню, где с большой набожностью выслушал две обедни [1]; [в то время, когда он] слушал обедню, королевское войско под руководством Зындрама из Машковиц, краковского мечника [2], литовское же под командой великого князя Александра [3], построенные в регулярные колонны и хоругви [4], с удивительной быстротой выступили в полном порядке и расположились в вооружении против неприятеля: поляки — на левом крыле, литовцы — на правом.

Когда Владислав, король польский, окончил совсем свои молитвы, [в ответ] на настойчивые просьбы и призывы не только Александра, великого князя литовского, но и своих рыцарей, которые торопили его к битве, привстал и, облачившись оружием, покрылся с головы до ног замечательными воинскими доспехами. В то время как рыцари опять начали взывать и настаивать, чтобы [король] поскорее дал знак к битве и король одевал уже на голову шлем, имея намерение начать битву, довели до его сведения, что от крестоносцев прибыли два герольда, из которых у одного на щите был герб римского короля, т. е. черный орел на золотом фоне, у второго же герб штеттинского князя, гриф [5] на белом фоне, и что они держали в руках два меча наголо, без ножен, требуя, чтоб их допустили к королю, к которому их и привели польские рыцари, стоявшие в дозоре.

Те, приветствуя короля, едва изъявляя перед ним знаки уважения, изложили свое посольство следующими словами, которые Ян Менжик перевел с немецкого на польский: «Пресветлейший король! Великий магистр прусского ордена Ульрих шлет тебе и твоему брату [6] через нас, своих герольдов, два меча для предстоящей битвы, чтобы ты с их помощью и с оружием твоего народа с большей решительностью и с большим мужеством, чем ты проявляешь, приступил к битве и чтобы ты не прятался в этих рощах и чащах, а выступил бы бороться в открытом поле. Если же ты полагаешь, что у тебя слишком мало места для движения твоих отрядов, то магистр прусского ордена Ульрих уступит тебе то поле, которое он занял своим войском, сколько захочешь, лишь бы он мог вытащить тебя на борьбу; или же, наконец, выбери себе

---

[1] Крестоносцы вели захватническую борьбу против литовцев под предлогом обращения их в христианство; после обращения литовцев в христианство (1387) тевтонские рыцари начали утверждать, что литовцы только для виду приняли католичество, на самом же деле являются тайными язычниками. Длугош поэтому подчеркивает набожность Владислава.

[2] Мечник — сановник, носящий королевский меч.

[3] Александр — христианское имя великого князя Витовта.

[4] Отряды.

[5] Сказочная птица.

[6] Послы имеют в виду Витовта, двоюродного брата Владислава Ягеллы; послы не называют ни его имени, ни титула великого князя.

сам место, на котором хочешь бороться, лишь бы не откладывал битву». Так королю говорили герольды. Было заметно, что в то время, когда они выполняли свое поручение, войско крестоносцев заняло позиции на более широком поле, желая этим как бы подтвердить то, о чем магистр ордена предупреждал.

...Владислав же, король польский, выслушав столь высокомерное и полное надменности посольство, принял из рук герольдов оба меча и, без проявления по отношению к ним гнева или какого-либо презрения, заплакал и, ни с кем не советуясь, с удивительными, как бы с неба ниспосланными, смирением и терпением спокойно ответил: «Хотя в моем войске достаточно оружия и я не нуждаюсь в том, чтобы получать его от врагов, но для большего усиления безопасности и защиты верного моего дела я принимаю во имя бога эти два меча от врагов, алчущих крови моей и моего народа»...

Когда раздался боевой сигнал, все королевское войско громко запело родной гимн Богородице, а потом с приподнятыми копьями бросились в битву...

Когда они сошлись в бою, поднялся столь ужасный шум и треск от ударов копий, бряцания оружия и лязга мечей, что он слышен был на несколько миль в окружности. Витязь шел на витязя, оружие ломалось с треском, попадали в лицо направленные друг против друга острия стрел...

...Так оба войска[1] сражались почти целый час с равным успехом и так как одно другому не уступало поля битвы, мужественно добиваясь победы, трудно было предвидеть, кто победит. Крестоносцы, заметив, что на левом крыле, где было польское войско, было им трудно и опасно бороться, так как передние отряды уже подались назад, они направили оружие на правое крыло, состоящее из литовцев, которых они надеялись легче разбить, потому что они шли менее густыми колоннами, имели более слабых лошадей и худшее вооружение. Их намерением было, разбив литовцев, приняться за поляков. Но им не совсем удалось исполнить их намерение. Когда закипела битва с литовцами, русскими[2] и татарами, литовские отряды, не будучи в состоянии выдержать натиска врагов, начали колебаться и отступили. Тем смелее стали на них наступать крестоносцы, а тесня их все сильнее, заставили их бежать...

...После бегства литовцев, когда пыль, которая мешала сражающимся узнавать друг друга, благодаря мелкому дождю немного улеглась, началась между поляками и рыцарями во многих местах ожесточенная и упорная битва. Наступали крестоносцы, упорно добиваясь победы, и в общей свалке большое знамя поль-

---

[1] Войско крестоносцев состояло из 20 000 человек (52 хоругви); войско поляков насчитывало около 16 000 человек (51 хоругвь); войско Витовта — около 10 000 (состояло из литовских, русских и татарских отрядов).

[2] Дело идет в данном случае о смоленских полках в войске Витовта.

ского короля Владислава со знаком белого орла... упало на землю, но более смелые и испытанные в боях польские рыцари, которые боролись под этим знаменем, заметив это, подняли знамя и отнесли куда следует. Польское рыцарство, желая смыть с себя эту обиду, ударило с яростью на врага, разбило его наголову и заставило бежать... те отряды, которые с ними сражались. Тем временем прибыли те крестоносцы, которые возвращались с погони за литовцами и русскими, ведя с торжеством и триумфом к своему лагерю большое количество пленных. Но, заметив, что дела складываются неблагоприятно для них, они оставили пленных и обозы и бросились скорее в битву, чтобы поддержать своих, которые уже слабо сопротивлялись победителям. После прибытия свежего подкрепления отчаянная схватка закипела с новой силой. С обеих сторон непрестанно падали мертвые. Крестоносцы в смятении и беспорядке, терпя большой урон в людях и потеряв вождей, кажется уже собирались удариться в бегство, когда чешское[1] и немецкое рыцарство поддержало их..., и, хотя крестоносцы некоторое время выдерживали наступление, в конце концов, однако, окруженные со всех сторон подавляющими силами королевских войск, они были разбиты наголову... Погибли также великий магистр прусского ордена Ульрих, маршалки, комтуры, рыцари и самые знаменитые в прусском войске сеньеры погибли, остальные пустились в бегство... Неприятельские лагери с большой добычей, возы и весь обоз магистра ордена и прусского рыцарства захватили и обобрали польские воины. Было также найдено в лагере крестоносцев несколько возов, нагруженных оковами, которые крестоносцы, уверенные в победе, приготовили для того, чтобы вязать поляков...

Кроме того, было найдено в лагере и на подводах крестоносцев много бочек вина, к которым солдаты после разгрома врага, усталые от битвы и от летней жары, бросились было с поспешностью, чтобы утолить жажду: одни колпаками, другие перчатками, третьи башмаками черпали вино и пили. Но Владислав, король польский, опасаясь, чтобы войско, опьяненное вином, не было обессилено..., приказал разбить все бочки и вылить вино на землю...

Ограбив возы и лагери неприятеля, королевское войско взобралось на возвышенность, на которой раньше занимали позицию тевтонские рыцари, и оттуда оно увидело толпы и многочисленные отряды бегущих врагов со сверкающими на солнце латами, которыми были покрыты почти все рыцари. Преследуя затем врага, поляки очутились у какого-то болота и трясины и насели на пруссаков; немногие из них осмелились оказать сопротивление, поэтому их легко одолели; остатки войска, которые были пощаже-

[1] Чехи в это время поддерживали орден; некоторые добровольческие отряды чехов, которыми командовал Ян Жижка, будущий вождь таборитов сражались на стороне поляков.

ны по приказанию короля, были взяты в плен. Отсюда Владислав, король польский, велел преследовать бегущих пруссаков дальше, но он наставлял рыцарей, чтобы они воздержались от убийств. Врага преследовали на протяжении от 10 до 20 миль. Немногим из тех, которые раньше удрали с поля битвы, удалось спастись бегством. Значительная часть рыцарства попала в плен, а когда [пленников] привели в лагерь, победители обращались с ними милостиво... Многие утонули в пруду, находящемся в двух милях от побоища, вследствие большой давки и натиска. Наступившая ночь помешала продолжать погоню. Пало в этой битве пятьдесят тысяч врагов, а сорок тысяч взято в плен [1]. Знамен было захвачено, как говорят, пятьдесят одно. Победоносное войско получило богатую добычу. Так ли велико было, однако, количество убитых, утверждать с уверенностью не осмелюсь. Но на несколько миль дорога была устлана трупами, а земля была пропитана кровью; в воздухе раздавались крики и стоны умирающих.

VI. СЕРБИЯ В XIII—XV вв.

ВВЕДЕНИЕ.

Сербия в течение долгого времени входила в состав Византии и лишь во второй половине XII в. превратилась в самостоятельное государство при Стефане Немане, основателе династии Неманичей, но большого значения Сербия достигла лишь в середине XIV в. при царе Стефане Душане (1331—1355). Его царство включало в себя почти весь север Балканского полуострова. Его могущество нашло свое отражение в самом важном предприятии его царствования — в собрании законов и обычаев, которыми должны были руководствоваться сербы в судебном процессе. Это и есть знаменитый «Законник *царя Душана*», выдержки из которого приведены *ниже*. Это великое царство *пало вместе с поражением сербов при* короле Лазаре, которое они потерпели от турок на Косовом поле (1389). Сербия превратилась сначала в два зависимых от турок княжества, а по завоевании турками Константинополя (1453) стала простой турецкой провинцией (1459).

Публикуемые ниже документы характеризуют различные стороны исторического развития Сербии. Первый из них — договор Стефана Уроша с Дубровником — относится к XIII в. и отражает торговые связи Сербии того времени с важнейшим торговым центром на Адриатическом побережье. Последний документ этого раздела, относящийся к XV в., свидетельствует, что эти сербо-дубровнические связи сохранялись до самого падения Сербии. Дубровнические *купцы были если не исключительными, то во всяком случае главными посредниками в торговле Сербии с другими странами.* Недаром поэтому на протяжении всей средневековой истории Сербии можно наблюдать стремление к поддержанию дружественных отношений с Дубровником. Гарантии безопасности купцам, льготы, пожалования земель — вот политика сербских королей в отношениях с этой торговой республикой. Но и дубровчане прекрасно понимали выгоды дружбы с владетелями Сербии. Знаком этого «уважения», о котором говорит договор Стефана Уроша, было, например, признание прав гражданина Дубровника за Стефаном Душаном и другие подобные акты признательности и дружбы. Когда Законник Душана вводит кары за ограбление купцов и нарушение свободы торговли, надо *иметь в виду, что этими купцами были прежде всего дубровчане.* Замкнутая в горные ущелья, отгороженная от моря Сербия высоко ценила торговое посредничество родственной ей республики Дубровника.

Вторым мы помещаем извлечения из Законника Стефана Душана. Этот памятник, исключительный по значению при изучении средневековой Сербии, вскрывает различные стороны общественного быта Сербии XIV в.

Законник состоит из двух частей: первая, утвержденная собранием сербских феодалов 1349 г., вторая — дополнения к ней, принятые собранием 1354 г.

Душанов Законник — важнейший памятник сербского средневекового права, сводящий воедино действовавшее в славянских странах Балканского полуострова византийское право с выработавшимися жизнью нормами сербского права, до тех пор отражавшимися лишь в хрисовулах кралей. Однако, рожденный в шуме классовых битв XIV в., Законник не был просто опытом кодификации. Он является боевым актом феодально-властельской верхушки, господствовавшей в Сербии того времени, актом, вызванным различными проявлениями крестьянского недовольства — развитием богомильства, которое было не только ересью, но и учением, выступавшим на борьбу против феодального строя, а также крестьянскими волнениями и мятежами. Если эти классовые моменты видны уже в первой части, то вторая почти целиком посвящена им. Законник не только подводил итоги, но вводил и новое; он значительно ухудшил положение крестьян, закрепостив их окончательно и прикрепив к земле.

Приводя этот памятник, мы отбросили некоторые статьи, дополняющие помещаемые или дублирующие их. Значительно сократили мы и часть, посвященную внутреннему строю церкви.

Последний приводимый документ относится ко времени, недалекому от окончательного падения Сербии. Он свидетельствует о крепости связей с Дубровником, он рисует нам сокровища крупного сербского феодала периода турецкого завоевания. До известной степени он позволяет судить об имуществе властелей и более раннего времени.

Первый и последний документы мы даем по изданию А. Соловјева «Одобрани споменицы српског права», Б. 1926. Законник дается по изд. В. С. Новаковича «Законик Стефана Душана», Б. 1898.

Приводимый отрывок из цикла старинного сербского эпоса о Косовой битве рисует разгром сербов турками. Художественные достоинства сербских песен, особенно Косовского цикла, делают их одними из лучших иллюстраций этого мало освещенного другими источниками периода. Мы приводим отрывок из песни о Косовой битве — «Царь Лазарь и царица Милица» (по последнему переводу под ред. Н. Кравцова — «Сербский эпос», Academia 1933).

Весь настоящий отдел о Сербии, включая введение и примечания, составлен С. А. Никитиным.

1. ДОГОВОР КОРОЛЯ СТЕФАНА УРОША[1] С ДУБРОВНИКОМ[2]

[1254 г.].

Я, Стефан Урош, с помощью божией краль всей сербской земли и Поморья[3], обещаю находящемуся здесь князю дубровническому Злату Андрею и всем властелям дубровническим и всей общине градской...

1) Как держали земли и виноградники до смерти господина отца моего[4], так и держите. А что окажется засаженными виноградом, или какие земли занятые после [его смерти], то должно быть исправлено судом, и что суд найдет принадлежащим моему королевскому величеству, будет мое, а что скажет ваше — то вам.

2) Суд пусть собирается от Михайлова дня до Георгиева дня[5], где будет нужно, и собирается пусть там, где и прежде, в дни отца моего.

3) Оба судьи пусть приносят присягу, что будут судить по правде.

5) И если где-либо случится преступление между людьми моего королевства и вашими людьми — пусть судом установлена будет правда.

6) Если войска мои где-либо встретятся с вашими людьми, — будут ли они с товарами или без товаров,— да не чинят им никакого зла.

7) Это я сделал, чтобы жили по закону, как в дни господина моего отца.

10) И вы уважайте мое королевское величество, как уважали господина отца моего.

12) Торговцы ваши пусть идут на Бресково[6] и, уплативши там

---

[1] Стефан Урош, король сербский (1243—1276).

[2] Дубровник — область на побережье Адриатического моря с главным городом Дубровником. Дубровник имел крупное торговое значение для всего Балканского полуострова и служил промежуточным пунктом в торговле с Италией и другими европейскими странами. Первоначально Дубровник был византийским городом, в начале XIII в. перешел под власть Венеции, а в середине XIV в., после поражения Венеции Венгрией, перешел к ней. С завоеванием Балканского полуострова турками и Дубровник подпал их власти. Однако это подчинение торговой республики далеким от нее странам было мало существенно, и Дубровник сохранял большую самостоятельность.

[3] Поморье — часть побережья Адриатического моря, принадлежащая Сербии.

[4] Стефан Первовенчанный (1196—1228) — король сербский.

[5] Михайлов день — 8 ноября, Георгиев день — 26 ноября ст. стиля.

[6] Бресково — самый старый торговый пункт средневековой Сербии; играл большую роль в сербо-дубровнических торговых отношениях.

десятину с соли, после того пусть проходят через всю землю моего королевства свободно.

И как хочет все это сохранить мое королевское величество, так бог да сохранит меня в сем веке и будущем.

В лето 6762[1] индиктион 12[2] месяца августа 23 утверждено мое это обещание перед архиепископом и перед князем Георгием и перед жупаном Стефаном.

Стефан Урош, с помощью божией краль всей Рашской земли и Поморья.

2. ЗАКОННИК ЦАРЯ СТЕФАНА ДУШАНА [1349 г.][3].

I.

Закон благоверного царя Стефана.

В лето 6857[4] индикта 2, в праздник вознесения господня, месяца мая 21 день. Этот Законник составлен православным собором нашим — преосвященным патриархом кир-Иоанникием и всеми архиереями, и духовенством, малым и великим, и мною, благоверным царем Стефаном, и всеми властелями моего царства, малыми же и великими.

Этих законов положения были:

3. И ни один брак пусть не совершается без венчания; если же совершится без благословения и разрешения церкви, таковой пусть расторгнется.

4. В духовных делах всякий человек пусть имеет повиновение и послушание своему архиерею. Если же кто окажется согрешившим против церкви или нарушившим волею или неволею что-либо [из правил] этого Законника, должен повиниться и исправиться перед церковью. Если же ослушается и отстранится от церкви [и] не захочет исполнить повеления церкви — пусть будет отлучен от церкви.

6. По ереси латинской, что обратились христиане в латинство[5], пусть обратятся в христианство. Если же кто окажется

---

[1] 1254 г. нашей эры.

[2] Индикт (или индиктион). В Византии существовал счет времени по пятнадцатилетиям. Порядковый номер года в пятнадцатилетии назывался индиктом.

[3] Царь сербский Стефан Душан (1331—1355) — первый из сербских владетелей, присвоивший себе титул царя. На короткий срок он собрал в своих руках не только сербские земли, но и завоевал ряд византийских областей. Однако могущество его было непрочно. Сила сербских феодалов не была сломлена. Уже сам Душан разделил Сербию на 16 областей, раздав их в управление своим родственникам и вельможам, многие из которых после смерти Душана объявили себя независимыми. Сербия вновь распалась на ряд феодальных княжеств.

[4] 6857 г. соответствует 1349 г. нашей эры.

[5] Буквально — «обратились к причащению опресноками». Одним из спорных вопросов между православной и католической (латинской) церковью был вопрос, какой хлеб — на закваске (как учит православная церковь) или пресный (как думают католики) — должен служить для причастия.

непослушным и не возвратится в христианство, пусть будет наказан, как написано в Законнике св. отцов.

9. *И если окажется еретик, женившийся на христианке, если* захочет, пусть окрестится в христианство; если же не окрестится— пусть возьмут у него жену и детей, и он им пусть дает часть от дома, а сам будет изгнан.

10. И если окажется живущий среди христиан еретик, пусть будет заклеймен и изгнан; так же должен быть заклеймен тот, кто будет его укрывать [1].

11. И святители [архиереи] пусть поставят духовенство во все приходы — по городам и селам. И только те будут духовниками, [которые получили благословение от святителя [с властью] духовно вязать и решать], и их пусть всякий слушает по закону церковному. Те же духовники, которых не поставили архиереи, да будут изгнаны и пусть их накажет церковь по закону [2].

13. И митрополиты, епископы и игумены по подкупу пусть не ставятся. И отныне, если будет обнаружен поставивший митрополита или епископа или игумена по подкупу, да будет проклят и тот, *кто его поставил.*

20. И люди, которые с волхованием извлекают покойников из могил и сжигают их [3], то село, какое это сделает, пусть платит вражду [4]; если же будет поп, пришедший на это [волхование], пусть лишится священства.

21. И кто продаст христианина в иную — неверную — веру, пусть у него будет отсечена [рука] и отрезан язык [5].

---

[1] Выражением «заклеймен» мы передаем стоящее в подлиннике выражение «пусть будет жжен по лицу». Это и предыдущее правило направлены не против иноверцев-иностранцев, а против сербских еретиков и в первую очередь — против богомилов.

[2] Эта статья, как и предыдущая, направлена главным образом против еретической иерархии. Известно, что среди богомилов были так называемые «совершенные», которые играли роль духовенства в богомильских общинах. Их-то, прежде всего, и имеет в виду данная статья Законника.

[3] В основе этой статьи Законника лежит старинная и сохранявшаяся вплоть до XIX века вера в оборотней и вампиров. Южные славяне и сербы, в частности, считали, что если через труп покойника перескочило животное или перешагнул человек, если не соблюдены все должные обряды при погребении, то человек этот через дырку в могиле выходит на землю. Эти выходцы невидимы, но отличаются огромной тяжестью. Они ездят по ночам на лошадях, вырывают хвосты у кур, могут причинять болезни. Они существуют с момента смерти до первого весеннего грома. Если же им удается спастись от грома, они становятся вампирами и бывают видимы. Они не имеют костей, живут среди людей, а ночью устраивают сборища, где поют и пляшут.

Чтобы предупредить опасность от этих выходцев и окончательно загнать их на «тот свет», раскапывали с особыми заклинаниями могилы. Если труп плохо разлагался — это был признак превращения в невидимку. Тогда труп кололи кольями и жгли. Этим все неприятности от такого покойника устранялись.

[4] Вражда — наказание за некоторые преступления в виде штрафа определенного размера.

[5] Имеется в виду продажа в рабство. Торговля рабами сохранялась в Сербии до XV в. Помимо пленных, обращавшихся в рабство, положение отроков приближалось к состоянию рабов.

22. И властельские люди, которые сидят по церковным селам и катунам [1], пусть всякий возвратится к своему господину [2].

23. Пусть церкви не будут обязаны поносом [3], за исключением, если царь куда идет, тогда пусть везут его.

25. Церквами пусть обладает господин царь и патриарх и логофет [4], но никто другой.

26. Церкви все, какие находятся на земле моего царства, освобождаются [5] от всех работ, малых и великих [6].

27. И церкви царские пусть не подчиняются великим церквам [7].

33. Церковные люди [8] по всякой тяжбе пусть судятся у своих митрополитов и у епископов и игуменов. Если оба принадлежат к одной церкви, пусть судятся у своей церкви. Если же тяжущиеся из двух церквей, их должны судить обе церкви.

34. И какие есть меропские [9] села в моем царстве — в Загорье [10] и в других местах — церковные люди пусть не ходят на меропщину [11] — ни на сенокос, ни на пашню, ни на виноградники, ни на какие другие малые и великие работы. Я — царь — осво-

---

[1] Катун — горная местность, где расположены пастбища.

[2] Разные группы феодалов средневековой Сербии имели разные права Владения церкви были освобождены от воинской повинности. Это привлекало крестьян, бежавших от своих владельцев на церковные земли.

[3] Население Сербии было обязано натуральной повинностью по перевозке клажи для войска, короля и т. п Ее выполняли при помощи своего скота. От этой тяжелой повинности короли иногда освобождали отдельные церковные владения. Законник освобождал от нее (за исключением нужд короля) все церковные владения.

[4] Логофет — один из придворных чиновников королевского двора Сербии. Обязанностью логофета было заведовать царской канцелярией. Ему же принадлежала власть над церквами. Название логофет заимствовано из Византии.

[5] При переводе опущено повторение титула «царствами».

[6] Работа — повинность. Малые и великие работы — совокупность повинностей крестьян. Крестьяне в Сербии были обязаны пахать землю и сеять, обрабатывать виноградники и хмельники, косить сено, строить города и укрепления и т. д. Эти повинности, выполнявшиеся личным трудом и скотом крестьян, носили название великих и малых работ.

[7] Великая церковь — название высших степеней церковного управления — патриархия, митрополии. Царские церкви — церковные владения, главным образом монастыри, пользовавшиеся независимостью в экономическом и правовом положении от митрополий и патриарха. Чаще всего это были церкви и монастыри, при которых хоронили членов правящей фамилии, или являвшиеся вкладами на помин души (задужбины), а также некоторые, пользовавшиеся особым покровительством.

[8] Церковные люди — население земель, принадлежащих церковным организациям.

[9] Меропскими селами называли все те поселения — царские, церковные или принадлежавшие отдельным феодалам — властелям,— жители которых отбывали повинность на землевладельцев. Они обычно назывались меропхами.

[10] Загорье — в данном случае то же, что Сербия, в отличие от завоеванных византийских земель.

[11] Меропщина — барщина, т. е. повинности, какие должны были отбывать крестьяне своим трудом, и натуральное обложение в виде десятины с вина, воска, меда, скота и т. д.

бодил их от всех работ, чтобы работали только церкви. Кто же погонит метохию[1] на меропщину и нарушит царский закон, то у того начальника пусть будет конфисковано имущество и [сам он] наказан.

35. И передал я — царь — игуменам церкви, чтобы владели всяким домом, кобылами и конями, и овцами, и всем прочим, и чтобы во всем они были свободны, как следует по закону и по правде и как написано в хрисовулах[2] святых основателей.

38. Отныне и впредь мои царские жеребята и кони пусть не отдаются на прокормление[3] ни церквам, ни церковным селам.

39. Властели и властеличичи[4] — сербы и греки, находящиеся в государстве моего царского величества, получившие баштины[5] по хрисовулам от меня и все, чем они владеют до этого собора, пусть те баштины будут тверды[6].

40. И все хрисовулы и указы, данные моим царским величеством, и те, которые будут даны, и те баштины, что даны первыми правоверными царями, да будут тверды. И пусть ими свободно располагают — [хотят] ли дать церкви или на помин души, или продать кому-либо.

41. Если властель был бездетным или если дети были, но умерли, после его смерти баштина пуста, пока в его роду не найдется [потомок] до третьего племянника, — пусть он и получит его баштину.

42. Все баштины свободны от всех работ и податей, исключая сока[7] и воинской службы по закону.

43. Ни господин царь, ни краль[8], ни госпожа царица не могут

---

[1] *Метохия* — греческое название церковных владений. В Сербии, находившейся под сильным влиянием Византии, было много заимствованных слов и названий, особенно относящихся к церковному устройству и государственному управлению.

[2] Хрисовулами называли грамоты (или указы) сербских королей и царей. Обычно при учреждении нового монастыря или пожаловании каких-либо земель церкви это пожалование сопровождалось изданием хрисовула, в котором перечислялись пожалованные владения; а также права и льготы, предоставляемые новому владельцу. Самое слово «хрисовул» заимствовано из греческого языка и в переводе значит «златопечатанное слово».

[3] Прокормление царских коней было одной из повинностей землевладельцев, от чего Законник освобождает церкви.

[4] Властели и властеличичи — название сербских землевладельцев-феодалов, обязанных военной службой по призыву царя (краля). Властель — крупный феодал-землевладелец, властеличич — более мелкий.

[5] Баштина. В средневековой Сербии, а также и в Болгарии, различались два вида земельного держания: баштина и прония. Первая из них была наследственным владением, сходным с тем, что на Руси называлось вотчиной. В одном документе о пожаловании земли в баштину говорится, что она предоставляется «им и их детям после них в баштину, навсегда». Прония — была условным, временным владением, дававшимся за выполнение определенной службы. Бывали случаи, когда пронии в дальнейшем переходили в баштины.

[6] Законник подтверждает прочность баштинного владения.

[7] Сок — подать на землю, дававшаяся натурой государю.

[8] Краль — в этом месте значит наследник царского престола.

ни у кого взять баштину насильно, ни купить, ни выменять, если ее владелец сам не захочет.

44. И отроки[1], которых имеют властели, пусть будут им баштиной[2] и детям их в баштину вечную; но в приданое отрок даваться не должен.

46. И отроки, кто их имеет, пусть будут им в баштину. Освободить их могут только властель или его жена или сын, и никто другой освободить их не может.

49. Если какие-либо чужие войска перейдут границу, пограбят землю царскую и возвратятся тем же путем, то пограничные властели[3], через землю которых прошли иноземцы, должны за все заплатить.

50. Властель, выбранивший и осрамивший властеличича, пусть платит 100 перперов[4], а властеличич, выбранивший властеля,— 100 перперов, и пусть будет бит палками[5].

55. И если себр[6] выбранит властеля — платит 100 перперов и будет заклеймен. Если же властель или властеличич выбранит себра — платит 100 перперов.

59. Никто не может ни продать пронию, ни купить, если не владеет баштиной. Из прониарской земли никто не может отдавать церкви, если же отдает, пусть не будет твердо (т. е. может быть отнято)[7].

60. Всякий должен везти царя, когда он едет куда-либо — город до жупы[8], жупа до жупы и опять жупа до города.

67. Отроки и меропхи, живущие вместе в одном селе, всякую плату, приходящуюся [на них], пусть платят по количеству душ. Как плату платят и работу работают, так пусть и землю держат.

68. Меропхам закон по всей земле. В неделю пусть два дня работают прониару и дают ему в год царский перпер, и пусть косят ему один день сено все могущие работать и также работают день в винограднике, если же кто не имеет виноградника, то пусть один день выполняют ему другие работы. И все, что наработает меропх, все они приобретают, а иного ничего сверх закона пусть у них не отнимается[9].

---

[1] Отрок — несвободный человек, близкий по положению к рабу.

[2] В данном месте баштиной называется наследственная собственность на отрока.

[3] Основной обязанностью властелей пограничных областей была охрана границ государства.

[4] Перпер — золотая монета.

[5] Этой статьей устанавливается обычное для феодального общества неравенство наказаний за преступления, совершенные против лиц различного социального положения.

[6] Себр — свободный человек, но не принадлежавший ни к духовенству ни к властелям. Иногда понятие себр употреблялось как общее для свободных и крепостных — меропхов.

[7] О пронии см. прим. 5 на стр. 221.— Эта статья имеет в виду помешать превращению пронии, обязанной службой, в свободную от повинностей баштину.

[8] Жупа — сельский округ.

[9] Эта статья говорит о повинностях крепостного меропха прониару. При

69. Себры не могут собираться на сбор. Если кто будет собирать их — у такого отрезать уши и выжечь ресницы [1].

72. Если кто из несвободных придет на царский двор, всякому пусть будет оказана правда за исключением властельского отрока [2].

73. Село с селом пусть пасет, где одно село, там и другое, исключая законных заповедных лесов и лугов. В них никто не должен пасти [3].

82. Когда в селе остановится влах или албанец [4], то другой, идущий за ним, пусть не останавливается в том же селе. Если же остановится насильно, пусть платит штраф и за потравленное.

85. Кто скажет бабунское слово [5], то если он властель — платит 100 перперов [штрафа], если же не властель [6] — 12 перперов, и пусть будет побит палками.

86. Если убийство совершено непреднамеренно и без насилия, убийца платит 300 перперов; если же убийство преднамеренное — отрубить [убийце] обе руки.

93. Кто проводит чужого человека в чужую землю, обязать доставить хозяину семерых [7].

94. Если властель убьет себра в городе или жупе, или катуне — платит 1000 перперов, если себр убьет властеля — отрубить ему обе руки, и пусть платит 300 перперов [8].

чтении ее следует иметь в виду 139 статью Законника, устанавливающую право меропха судиться с господином. Что же касается повинностей меропха баштинникам, то о них говорят многочисленные хрисовулы. В хрисовуле Душана Призренскому Архангельскому монастырю (1348) устанавливаются два рабочих дня в неделю. Очень подробно перечисляются повинности крестьян-меропхов в хрисовуле краля Милутина (ок. 1313—1318). Там устанавливается площадь земли, обрабатываемой меропхом под озимые, яровые и другие посевы. Так же, как в 68 статье Законника, меропх обязывается работать в винограднике и косить сено, а также выполнять другие работы (см. А. Соловјев, «Одобрани споменици српског права», Б. 1926, стр. 135, 92—95).

[1] Усиление крепостного гнета в Сербии XIV в. нашло себе яркое выражение в этой статье Законника. Законодатель стремится обезопасить себя от крестьянских волнений и запрещает сельские сходы (соборы). Право совместного обсуждения тех или иных вопросов (т. е. право собираться на собор) остается привилегией феодальной верхушки — властелей и духовенства.

[2] При сопоставлении этого пункта Законника со 112 статьей его выясняется, что отрок не мог найти не только суда (правда), но и не находил убежища от своего хозяина (см. ст. 112).

[3] Эта статья говорит об общинных пастбищах, находившихся в руках жуп. Каждая жупа была обязана наблюдать за своим скотом, чтобы он не заходил на пастбище другой жупы. Для предупреждения этого были установлены штрафы за потраву. Если на территории жупы оказывалось властельское или царское село, оно пользовалось правом пасти свой скот на жупном пастбище.

[4] Наряду с оседлым сельским населением в Сербии были скотоводы румыны (влахи) и албанцы. Так как они со своими стадами переходили с места на место, то случаи потрав бывали часто.

[5] Бабунами называли богомилов.

[6] Некоторые списки Законника говорят в этом месте о себрах.

[7] Речь идет о способствовании к бегству несвободного человека от одного землевладельца к другому, что свидетельствует о нужде в рабочих руках.

[8] Эту статью следует сопоставить со статьями 50 и 55.

96. Кто окажется убийцей отца или матери, или брата или своего ребенка — пусть будет такой убийца сожжен на огне.

97. Кто вырвет бороду у властеля или доброго человека — отрубить ему обе руки [1].

98. Если два себра друг у друга вырвут бороду — штраф за это 6 перперов.

99. Если кто подожжет дом или гумно, или солому, или сено — село обязано выдать поджигателя. Если же не выдаст — платит все, что обязан был заплатить и претерпеть поджигатель [2].

103 Отроки должны судиться по всем своим проступкам у своих господ, а по царевым, т. е. за кровь [3], вражду [4], за воровство, разбойничество и прием [беглых] людей, — у судей.

106. Если какое-либо зло учинит властельский дворянин [5], то если он прониаревич, оправдывает его отцовская дружина поротою [6], если же себр, то испытывается котлом [7].

111. Кто осрамит судью, то если он властель — у него все отнимается, если же село — пусть будет разграблено и разорено.

112. Кто, — будь то мой царский человек, церковный или властельский, — убежит из темницы, пусть будет свободен со всем тем, с чем придет [8].

---

[1] Борода считалась знаком чести, а повреждение ее — нанесением человеку бесчестья. Точный смысл термина «добрый человек» неясен. Некоторые исследователи считают его относящимся ко всякому честному и почтенному себру. Вряд ли эти попытки удачны. Общий тон сербского законодательства, ставящий себров во всех отношениях ниже властелей, заставляет в этом сомневаться.

[2] Эта и некоторые другие статьи Законника устанавливают коллективную ответственность села за невыдачу преступников. Это были остатки разрушаемого феодалами общинного самоуправления, о котором Энгельс применительно к Германии говорил: «Общинники первоначально в равной степени участвовали в законодательстве, управлении и судопроизводстве в пределах марки» (Ф. Энгельс, Марка, Партиздат 1933, стр. 10).

[3] Кровь — убийство.

[4] Вражда — название одного из видов штрафа, взимавшегося за различные преступления. Некоторые думают, что в данном случае речь идет о случайном убийстве. Это подтверждается одним более поздним документом, где говорится: «за убийство и вражду» (Соловјев, 210). Однако встречаются и другие случаи, где этот термин имеет иное значение, например: «если человек обокрадет церковь и вражду учинит» (там же, 104). Повидимому, вернее предполагать, что речь идет о всей совокупности караемых этим штрафом преступлений.

[5] Властели и церковные землевладельцы имели состоявших у них на службе людей — дворян; как видно из данной статьи они могли происходить из правящего феодального класса (прониаревич) и из себров.

[6] Прониаревич — сын прониара, т. е. человек властельского происхождения, так как владели прониями и несли службу лишь властели. Порота — клятва свидетелей.

[7] Испытание котлом состояло в следующем: подозреваемый в краже или другом преступлении ставился около большого котла с кипятком. В котел бросали кусок раскаленного железа или накаленный камень; подозреваемый засучивал рукава и обеими руками должен был это железо или камень вытащить. Если он обжигал руки — это было знаком его виновности.

[8] Эта статья Законника и другая, какую мы не приводим, устанавливают право убежища для убежавших из темницы и пленных, явившихся на двор

115. Кто принял принадлежащего кому-либо человека из чужой земли [1], а он бежал от суда своего господина, если беглый представит милостивую царскую грамоту [2], она не должна признаваться недействительною. Если же не представит милости — возвращается ему (т. е. господину).

118. Купцов, ходящих по царской земле, не волен никто из властелей или других людей задерживать насильно или распаковывать их товар и навязывать им силой деньги. Кто же силой будет разгружать или распаковывать товар — платит 500 перперов.

120. Царский царинник [3] не в праве принуждать или задерживать кого-либо [4], чтобы он продавал ему товар за бесценок. Пусть всякий свободно ходит по торгам со своим товаром.

123. ... Где рубили саксы [5] лес до настоящего собора, пусть той землей и владеют. Если у кого-либо из властелей они несправедливо отняли землю, пусть судятся с ними по закону святого краля [6]. Впредь пусть сакс не рубит [лес], а где рубит, там пусть не пашет и не селит людей, пусть земля остается пустой и растет лес...

124. Греческие города [7], которые взял господин царь и выдал им хрисовулы и указы, что они имеют и чем владеют до этого собора, тем пусть и владеют; пусть это будет твердо и ничто не отнимается у них.

126. За все, что будет ограблено или украдено на городской земле вблизи от города, платит округа.

127. Где разрушится городское укрепление или башня, их поправляют жители того города [и жупа, являющаяся округой этого города].

128. Когда господин царь будет женить сына или крестить и будет нужно ему строить двор и дом, пусть помогает всякий, и малый, и великий.

царя или патриарха. Существенно, что в ней подчеркнуто бегство из тюрьмы. В позднейшем добавлении к Законнику имеются статьи, запрещающие неосновательное заключение властелями в тюрьму. Очевидно это было одним из способов расправы феодалов с крепостными. Бегство крестьянина непосредственно от владельца не давало ему свободы.

[1] Чужая земля — владение другого властеля.

[2] Эту грамоту он мог получить, очевидно, в случае неправильного суда.

[3] Царинник — сборщик пошлин.

[4] «Кого-либо» — Законник имеет в виду купца. Другой статьей Законника устанавливается штраф за задержку купцов в 300 перперов.

[5] Саксы — с XIII в. горное производство Сербии было в руках немцев, которых звали саксами. Они добывали руду, плавили металл.

[6] Святой краль — краль Милутин (1282—1321). Он установил, что споры этого рода (о владении землей) должны решаться смешанным судом на основании клятвенных показаний свидетелей.

[7] В войнах с Византией (1331—1334 и 1341—1352) Стефан Душан захватил значительную часть византийских владений на Балканском полуострове. Ко времени издания Законника он завладел Македонией, Албанией, Эпиром, Фессалией и некоторыми другими областями.

129. Во всяком войске воеводы имеют власть, равную царской. Всему, что они прикажут, пусть повинуются. Если кто-нибудь их ослушается в чем-либо — им такое же осуждение, как преслушникам царя. И суды, малые и великие, бывающие в войске, пусть судятся воеводами и никем другим.

II.

139. Меропхам в земле моего царства не вправе господин ничего учинить противное закону. Только то, что написал царь в Законнике, обязаны они делать и давать. Если же [господин] сделает ему что-либо вопреки закону, царское мое повеление, чтобы всякий меропх мог судиться со своим господином: будь то мое царское величество или госпожа царица, или церковь, или властели моего царства и кто бы то ни было другой. Никто не властен удерживать его от суда моего царства, но пусть судят его судьи по правде. И если меропх выиграет дело, пусть судья моего царства отдаст его на поруки, что господин все заплатит меропху в срок, и после того не вправе господин причинять зло меропху [1].

142. Если кто из властелей и властеличичей, которым царем даны земли и города, окажется насильственно завладевшим селами и людьми или чем-либо другим, нарушит закон царский, установленный мною на соборе, то отнимется у него земля, а тот, кто устроил [этот захват], пусть платит все со своего дома, и будет наказан, как перебежчик [2].

145. Повелевает мое царское величество во всех землях [3] и городах, и жупах и по окраинам, чтобы не было разбойника и вора ни в чьем владении. И таким образом укротится воровство и разбой: в каком селе будет обнаружен вор или разбойник, то село пусть будет разграблено, а разбойник повешен головой вниз, вор же ослеплен, а господин того села — приведен связанным к моему царскому величеству, и платит за все, что с самого начала причи-

[1] Эта и помещаемые ниже статьи входят в состав дополнения Законника, изданного в 1354 г. По мнению одного из исследователей, издание этого дополнения было вызвано крестьянскими волнениями, последовавшими после издания Законника. Они явились реакцией сербской деревни на окончательное юридическое оформление крепостного права и усиление феодального гнета. Но эти выступления крестьян не привели к улучшению их положения. Хотя 139 статья и носит видимость соблюдения законности, однако нововведения, какие устанавливает грамота 1354 г., лишь отягощают крепостную зависимость. Достаточно указать на то зверское калечение, какое вводится для бежавших от господина меропхов,— клеймение и распарывание носа,— и те жестокие меры против разбоев, под именем которых скрывались в значительной степени крестьянские бунты. Недаром и здесь сохраняется ответственность сельской общины.

[2] Уже 44 статья Законника свидетельствовала о погоне властелей за крепостными рабочими руками. Этот процесс за несколько лет, протекших после издания Законника, повидимому, принял особенно широкие размеры. Соперничество феодалов, стремившихся к наибольшему усилению, было очень значительно. В погоне за крестьянами выигрывали наиболее сильные властели, своими захватами разорявшие хозяйство мелких владельцев.

[3] Земля — область.

нил разбойник или вор, и кроме того наказан, как вор и разбойник[1].

163. Все судьи, когда судят, пусть записывают судебные решения и хранят у себя, а другой список, переписавши, дают оправданному по суду...

166. Если пьяница... нападет на кого, ударит и окровавит, но не до смерти, у такого пьяницы выкалывать глаза и отсекать руку. Если пьяный будет задевать кого-либо или собьет шапку, или иначе оскорбит, но не окровавит, дать ему 100 палок и бросить в темницу, а выведя из темницы — бить его еще и отпустить[2].

169. Если в каком-либо селе, вне городов и торгов, будет обнаружен золотых дел мастер, пусть будет то село разграблено, а сам он сожжен[3].

171. Еще повелевает мое царское величество. Если мое царское величество напишет грамоту по злобе на кого-либо или по любви и милости, и эта грамота отменяет Законник..., судьи не должны верить такой грамоте, но судить и решать дела по правде.

174. Землевладельцы, имеющие наследственные земли, виноградники и купленные земли, могут свои виноградники и земли отдавать в приданое или дарить церквам, [или продать], но при этом работники остаются на том же месте, за тем господином, где будет село. [Если же на том месте, у того господина, чье село, не будет работника], он может эти виноградники [и нивы] взять себе[4].

190. Если в жупе родятся жолуди, то половина их — царю, а половина — властелину, чья земля[5].

[1] Эта статья о разбоях устанавливает ответственность землевладельца за разбои, совершенные его людьми. Душан стремится привлечь феодалов к более решительной борьбе с грабежами. Другая статья, которую мы не приводим, привлекает к ней сельских старшин, чиновников, старейшин скотоводческого населения. Все они при нахождении разбойников в их владениях отвечают как соучастники. Очевидно, те явления стихийного протеста крестьянских масс, вероятно, выражавшиеся в действии небольших отрядов удальцов-гайдуков, приняли настолько широкий характер, что только такими угрозами можно было заставить сельские власти выполнять полицейские функции.

[2] Статья характерна для жестокости средневековых наказаний.

[3] Закон стремится вести борьбу не с ювелирным промыслом, а с незаконной чеканкой монеты, которая была, повидимому, распространена довольно широко. В Сербии XIV в. не было единой государственной монеты. Некоторые из сербских феодалов продолжали чеканить свою монету, но их Душан старался подчинить некоторому контролю, устанавливая пункты, где могла выпускаться монета.

[4] В этой статье говорится о наследственном крестьянском держании земли, обязанной повинностями в пользу господина. Земли, оставшиеся без работника — выморочные, и земли беглых переходят к господину.

[5] В сельском хозяйстве Сербии большое значение имело скотоводство и в частности разведение свиней. Короли неоднократно и до Душана устанавливали различные привилегии в пользу своего скотоводческого хозяйства. Так, Милутин запрещал на торгах (базарах) покупать мясо у других торговцев, «пока не продастся кралево». Душан имел огромные стада свиней, на откорм которых и шли жолуди, упоминаемые в Законнике. За сохранность королевских стад отвечали окрестные крестьяне, платившие за украденных свиней.

201. Если меропх убежит куда-либо от своего господина в другую землю [1] или в царскую, где его найдет господин, пусть заклеймит его и распорет ему нос и даст на поруки, чтобы был опять его, а другого ничего не возьмет с него.

3. ИЗ СЕРБСКОГО ЭПОСА.

Царь Лазарь и царица Милица.

И как утром утро засияло,
Ворона два черных прилетали [2],
Прилетали от Косова поля
И на царском тереме уселись,
А на белу башню они пали —
Черный ворон говорит другому:
«Это ль терем Лазаря владыки [3]?
Что же в нем души живой не видно?»
В терему никто это не слышал,
Только лишь царица услыхала,
Из своей светлицы выходила
Воронам двум черным говорила:
«Ради бога, птицы, расскажите,
Вы откуда утром прилетели?
Не летите ль от Косова поля [4]?
Не видали ль там два сильных войска?
Между ними не было ли битвы?
Чье же войско в битве победило?»
Отвечают вороны Милице [5]:
«Слава богу, царица Милица,
Мы сегодня от Косова поля.
Там сошлися сильные два войска,
Рать на рать ударила, сразились.
У обеих их цари погибли [6].

---

[1] Другая земля — земля другого землевладельца. Статья эта дополняет другие, закрепляющие крестьян.

[2] Ворон считался вещей птицей.

[3] Лазарь — сербский князь, правивший южной Сербией (1370—1389). Погиб в знаменитой битве 15 июня 1389 г. на Косовом поле, где войско турецкого султана разгромило соединенную сербскую армию.

[4] Косово поле — долина р. Ситницы, близ г. Приштины. На нем разыгралась битва сербов и турок. После некоторого успеха сербов турки их потеснили. Это вызвало отступление отрядов Вуковича и Вука Бранковича, которые за это были заклеймены, как изменники. Лазарь и другие воеводы попали в плен и были казнены сыном Мурата Баязетом.

[5] Милица — жена Лазаря. После его смерти правила Сербией, став вассалом Турции. Умерла в 1405 г.

[6] Во время Косовой битвы один из приближенных Лазаря — Милош Обилич — пробился к султану Мурату и смертельно ранил его кинжалом. Сам он был зарублен турками. Мурат умер от этой раны еще до поражения сербов.

Кое-что осталося от турок,
А от сербов если и осталось —
Раненые, мертвые остались».
Не успели речь окончить птицы,
Подъезжает тут слуга Милутин[1]:
В левой держит правую он руку,
И на нем семнадцать ран зияют;
Даже конь облит юнацкой кровью.
Говорит Милутину царица:
«Что, ты болен, мой слуга Милутин?
Уж не выдал ли царя ты в битве?»
Отвечает ей слуга Милутин:
«Помоги мне слезть с коня, царица,
Освежи меня водой студеной,
И умой вином больные раны.
Я от тяжких ран изнемогаю».
Помогла Милутину царица,
И водой она его умыла,
И вином ему отерла раны.
Как вернулись к Милутину силы,
Начала расспрашивать Милица:
«Что случилось на Косовом поле?
Где погиб супруг мой, царь наш Лазарь?
Где погиб и Юг-Богдан, отец мой[2]?
Где погибли Юговичей девять[3]?
Где погиб наш воевода Милош[4]?
Где погиб, скажи мне, Вук Бранкович[5]?
Где погиб и Банович Страхиня[6]?»
Отвечает ей слуга Милутин:
«Все они на Косове остались,
Где погиб наш славный князь-царь Лазарь.
Много копий там разбито в щепки,
Там разбито сербских и турецких,
И турецких,— только сербских больше.
Там ломали копья свои сербы,
Защищали государя-князя,
Старый Юг убит в начале битвы,
В первой схватке Юговичей восемь —

---

[1] Милутин — вымышленное имя.

[2] Юг-Богдан — один из сербских князей. Достоверность его исторического существования неясна.

[3] Юговичи — сыновья Юг-Богдана.

[4] Милош Обилич — см. прим. 6 на стр. 228.

[5] Вук Бранкович — один из сербских феодалов, вождь противной Лазарю партии. Гибель Лазаря в битве с турками привела к его идеализации. Отступление Вука создало легенду об его измене, хотя Бранкович все время боролся с турками и умер в тюрьме.

[6] Банович Страхиня — воевода. Историческая достоверность его сомнительна.

Восемь братьев — все убиты вместе,
Брат не выдал брата дорогого.
Храбрый Бошко был убит последним:
Он носился с знаменем по полю,
Разгонял один он силу турок,
Будто сокол голубей гоняет.
Где стояло крови по колени,
Там убит был Банович Страхиня;
Был убит наш воевода Милош
У Ситницы, у воды студеной,
Где не мало перебил он турок:
Погубил султана он Мурата
И еще двенадцать тысяч турок.
Бог простит грехи его, а вместе
И его родителей: оставил
О себе он память, долго будут
В песнях петь о Милоше, доколе
Будут сербы и Косово поле.
Что ж сказать о Вуке? Будь он проклят
И с отцом и с матерью своею!
Будь он проклят с родом всем вовеки!
Изменил на Косове он сербам [1]
И увел с собой двенадцать тысяч
Конной силы, госпожа Милица».

4. ЗАПИСЬ О ПРИЕМЕ ДУБРОВНИКОМ НА ХРАНЕНИЕ ИМУЩЕСТВА ДЕСПОТА ЮРИЯ БРАНКОВИЧА [2] [1441 г.].

Я, князь, властели и вся община властей правящего города Дубровника, приняли от славного господина деспота Георгия господаря Сербской земли... на хранение нижепоименованное имущество:

А прежде всего дукатов [3] золотых 10 мешков, а в каждом мешке 5 тыс... (следует число монет в каждом мешке).

---

[1] См. прим. 5 на стр. 229.

[2] Юрий Бранкович — сербский князь (1427—1456), носивший титул деспота, признанный за сербскими повелителями византийским императором и обычно носимый византийскими правителями областей (наместниками). Бранкович был одним из последних сербских государей; он находился уже в вассальной зависимости от турецкого султана и был обязан платить ему дань и помогать в войнах. Его дочь была взята султаном в свой гарем. Теснимый турками, а от Дуная венграми, он с трудом отстаивал призрачную независимость своей страны. Как раз в 1441 г., после разгрома, нанесенного ему турками за два года до того, Бранкович готовился к новому столкновению с Турцией. Ему для этого была нужна безопасность и свобода распоряжаться своими средствами, что он и находил в Дубровнике. Богатства его сослужили свою службу, и в 1433 г. соединенные силы Бранковича и польско-венгерской рати, призванной им на помощь, нанесли туркам поражение.

[3] Дукат — золотая монета.

...Сумма 50 тыс., а из них венецианских 43 тыс. 5 сот и 53 дуката и венгерских 613 дукатов, и турецких 313.

И золота в цепочках 6 мешков: 1 — цепей 65, весом 101 литр 10 унций 4 аксаги[1]... [следует перечисление веса каждого мешка]... Сумма золота шестьсот и одиннадцать литров и унция, 2 аксаги.

И серебра смешанного с золотом два мешка... Сумма 343 литра 6 унций 4 аксаги. А вышеуказанные 2 мешка оставлены запечатанными печатью... митрополита.

И серебра белого 29 мешков... (следует перечисление веса каждого)... Сумма 2 тыс. и 9 сот и 27 литров 6 унций 3 аксаги.

И аспер[2] 32 мешка, из них 20 мешков в каждом по 30 тыс. аспер, 6 мешков — в каждом по 40 тыс. аспер, 2 мешка — в каждом по 35 тыс. аспер, 2 мешка — в каждом по 25 тыс. аспер, 2 мешка — в каждом по 20 тыс. аспер. Сумма тысяча тысяч аспер, которые весят 3 тыс. и 5 сот литров и 2 унции 3 аксаги.

И вещей серебряных — 9 чаш весом 99 литров и 2 унции, два шандала больших весят 24 литра 9 унций, два шандала малых весят 14 литров 2 унции, один подсвечник весит 6 литров 8 унций... один рукомойник весит 15 литров 4 унции...

2 ведра весом 1 литр 8 унций, 50 чаш с надписями и позолоченные, все весом 53 литра 6 унций. Сумма вещей 348 литров 4 унции.

А по этой вышенаписанной сохранной выписи приняли мы, пока жив господин деспот Юрий, он волен взять вышеуказанное по своему желанию и что скажет с ней сделать. А по его смерти — его жена, госпожа Ирина, а по Ирининой смерти — трем сыновьям его, — или им все сразу взять, или каждому свою часть. А если бы захотели взять данное на сохранение, не может взять того, что не внесено в эту запись и лист верющий с печатью, который нам представили посланники господина деспота.

А это написано в выборной палате и думе боголюбимого города нашего Дубровника в лето от рождества христова 1441 года, месяца января в 25 день. И повелели запечатать этот лист нашей обычной великой вислой печатью дубровнической. А написал наш логофет Никша Звездич по повелению властей Дубровника и переписал в великой общине слово в слово. Боже, помилуй его.

---

[1] Сербская система мер веса была заимствована из Византии. Основной единицей веса был литр, составлявший единицу, близкую по весу к римскому фунту; он делился на 12 унций, а унция — на 6 аксаг. Весовая величина литра не была одинакова. В частности, в Дубровнике применялось два литра: тяжелый — для взвешивания обычных предметов, и легкий — для определения веса драгоценных металлов и бисера. Последний, а о нем, повидимому, и идет речь в документе, весил около 330 граммов.

[2] Аспер — мелкая турецкая монета.

VII. ЦЕРКОВЬ И КУЛЬТУРА.

ВВЕДЕНИЕ.

Настоящий отдел дает документы, характеризующие идеологию средневекового общества в эпоху расцвета феодализма в XII—XIII вв., и завершается характеристикой раннего гуманизма в лице нескольких его крупнейших представителей.

Документы этого отдела группируются вокруг нескольких основных тем, в пределах которых выделяются в свою очередь более узкие тематические рубрики.

Первая группа документов характеризует церковь как политическую феодальную организацию, владетельницу привилегий и иммунитетов и разнообразных богатств и доходов.

Могущество церкви в XI—XIII вв. в значительной степени обусловливалось также и ее сравнительной сплоченностью, объединением местных церковных мирков вокруг римского епископа — папы. В теории церковь была монархией, имевшей невидимым главой христа, а его заместителем на земле полномочного владыку и распорядителя церкви — папу. Из ряда документов, возводящих эту теорию в закон для церкви, мы выбрали один, сравнительно поздний, но зато очень краткий и определенный в своих формулировках (№ 1). Исключительное положение папы находит внешнее выражение в особой одежде, тиаре (корона) и пышном придворном церемониале (№ 2).

Материальной базой могущества церкви были ее громадные земельные владения, составлявшие чуть не треть европейской территории, а также разнообразные платежи, шедшие церкви и в натуральной и в денежной форме. Для оправдания огромного богатства церкви и отражения вызываемых им нареканий сложилась своеобразная теория, указывавшая назначение ее «временных поместий» (№ 3).

Независимость церкви от светской власти обеспечивалась судебным и налоговым иммунитетом церковников (№ 4 и 5).

Церковные доходы, кроме того, что церковь получала от своих поместий, состояли прежде всего из десятины со всего, «что производится ежегодно». Во взимании десятины церковь проявляла большую настойчивость (№ 6 и 7). За разные услуги, нередко довольно сомнительного свойства, папы получали от различных королей признание их вассальной зависимости, связанное с обязательством защиты церкви и денежных платежей. В особенности любопытны в этом смысле отношения папства с королями Сицилии. Роберт Гвискар, нормандский хищный рыцарь, узурпировал власть над Апулией и Калабрией. Папа освятил этот захват, на что не имел никакого права, узаконив власть Роберта. Роберт стал вассалом римского престола и начал выплачивать

ежегодно значительный взнос в папскую казну. И последующие захваты норманнов в южной Италии отражались в регистрах папских доходов соответственными дополнениями (№ 8).

Не только папа, но и другие церковные вельможи — кардиналы, епископы, аббаты крупнейших монастырей располагали средствами, ставившими их в одном ряду с королями и крупнейшими князьями, с которыми они соперничали размерами доходов и численностью военных свит (№ 9 и 10). Связанные происхождением и воспитанием с феодальной знатью, они, приняв церковный сан, сохраняли привычки жизни больших сеньеров, не очень обременяя себя исполнением своих священнических обязанностей (№ 17).

Свои чисто религиозные права церковь также сумела сделать источником дохода, продавая за деньги прощение грехов. Эта торговля вызывала нарекания уже в XII в (№ 11—12).

Последняя группа документов (№ 13—16, 16а) этой части раздела посвящена монастырю и монашеству.

Монастыри были своеобразными союзами, в которых многие черты феодальных отношений находили очень яркое выражение. Строго проведенная иерархия с возведенным на степень высшей добродетели повиновением младших старшим (№ 13, § 5) составляет основу монастырского общежития. Высоко над всеми властью и почетом вознесен аббат, за ним идет приор, в повиновении у которого находятся прочие должностные лица из монастырской братии (№ 14). Монах не мог иметь никакой индивидуальной собственности (№ 13, § XXXIII), но монастырь в целом выступает перед нами обыкновенно как крупный или даже крупнейший земельный собственник, связанный чересполосицей владельческих интересов с окружающим его феодальным миром. Монастырь — сложная организация, строй которой приспособлен к руководству обширными и обыкновенно разбросанными поместьями (№ 14). Монахи — рачительные и строгие хозяева. Они насаждают в монастырях ремесла, особенно переписку книг. Большое значение имела работа монастырей по расчистке лесов (№ 15а), с XI в. значительно расширившая площадь возделываемой земли в Европе. Труд предписывается монаху как непреложная обязанность (№ 13, § 43), но монашеский труд был более религиозным упражнением, чем хозяйственной необходимостью, и автор «Правил св. Бенедикта» утешает тех монахов, которых нужда заставляет жить трудом рук своих. Целью предписаний о труде, как и других, действительно суровых предписаний устава св. Бенедикта (о пище, о молитве и др.), было воспитание дисциплинированных и ревностных слуг церкви, не имеющих никаких интересов, привязанностей и радостей вне служения ей.

Огромные богатства церкви, ее политическое влияние и идеологическая роль делали ее, по словам Энгельса, «наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя» («Крестьянская война в Германии», М.-Л. 1931, стр. 33). Поэтому движения эксплоатируемых классов принимали форму борьбы против церкви, а критика феодального строя принимала форму критики церковного вероучения.

Социальный протест принимал форму религиозной «ереси».

Ереси и посвящена следующая группа документов нашей главы. При пользовании ими нужно иметь в виду, что все они вышли из-под пера противников, а многие — и гонителей ереси. Церковные обличители ереси перено-

сили полемику против нее в сферу чисто богословских вопросов. Поэтому источники очень подробны в вопросах религиозных и мало дают для характеристики политических и социальных воззрений «еретиков», которые для нас наиболее интересны.

Еретики противопоставляли освящавшему феодальный строй церковному учению не научное мировоззрение, а «исправленную» и «очищенную» веру. Еретики опирались в своей критике на те же евангельские книги, авторитет которых признавала и церковь. Последняя объявляла все возражения против ее учения результатом недомыслия невежд и, стремясь приостановить ставшее для нее опасным обсуждение религиозных вопросов в народе, стала преследовать распространение религиозных книг среди мирян (№ 18—20). В этом ее поддерживала и светская власть.

Обострение классовой борьбы в эпоху крестовых походов, связанное с развитием городов, вызвало рост еретических движений и обострило борьбу с ними как церковной, так и светской власти (№ 22 и 23). Среди еретических движений в XII—XIII вв. особенное значение приобрели ереси альбигойцев, или катаров, и вальденсов. Катары (№ 24 и 27) с самого начала противопоставили церкви свое вероучение и организацию. Вальденсы (№ 28 и 29) вначале стремились к компромиссу с церковью, но затем, под влиянием гонений, становились во все более враждебное отношение к ней. Жестокими мерами преследовала церковь еретическое движение. Против катаров, распространившихся в южной Франции, был снаряжен крестовый поход (№ 24), сопровождавшийся страшными жестокостями (№ 26). Для борьбы с ересью был создан специальный суд — знаменитая инквизиция, щедро назначавшая свои то позорящие (№ 31), то кровавые (№ 32) наказания. Одних карательных мер для борьбы с ересью было недостаточно. Церковь использовала и средства убеждения, пытаясь проповедью вернуть к католицизму альбигойский юг Франции, принимая личину бедности — без какого-либо отказа от богатства (№ 25 и 30). Особый монашеский орден — доминиканский — поставил своей целью борьбу с ересью через проповедь (№ 30). Когда проповедь оказалась малоуспешной, доминиканцы стали действовать инквизицией.

Третий раздел этой главы посвящен религиозной идеологии.

Церковь выдвигала последовательное аскетическое мировоззрение, отрицавшее ценность земной жизни, ставившее целью человеческого существования приготовление к загробной жизни и осуждавшее в своих крайних формулировках всякую человеческую деятельность как пустой «труд и томление духа» (№ 33). Это воззрение служило обоснованием для притязаний церкви как представительницы высших целей на владычество над этим осужденным ею миром. Аскетизм, которым проникнуты и вышеприведенные «Правила св. Бенедикта», служил для церкви также воспитательной системой, подготовлявшей преданных ей борцов, подавивших в себе самые естественные желания и потребности, всецело посвятивших себя служению религиозным целям (№ 34).

Сложное церковное учение с его запутанными и непонятными богословскими тонкостями недоступно было народу. А между тем, церковь стремилась властвовать над умами и душами, которые надо было соответственно настроить надлежащей духовной пищей. Особенно делала это необходимым конкуренция «ереси», отнимавшая у церкви многих ее приверженцев.

И вот церковь развивает такие идеи, выдвигает такие образы, которые должны глубоко врезаться в умы, потрясать чувства. Триединый христианский бог в повседневном религиозном обиходе почти совершенно вытесняется Мадонной. Вокруг ее имени возникают бесчисленные легенды. Ее образ представляется церковной поэзией и искусством так ярко, что появляются влюбленные, отказывающиеся от семейной жизни ради верности прекрасной даме (№ 38). Она — надежная заступница верных, но суровая карательница непочтительных. Церковный писатель, сообщая о чуде, не забывает разъяснить его мораль (№ 36 и 37). Церковь распространяет веру в чудеса, которые служат помощью в самых безысходных жизненных положениях и посылаются выполняющим обряды и молитвы (№ 40). Наградой верным служит рай, блаженство которого церковная литература расписывает с возможной яркостью: даже пение одной райской птицы доставляет в течение 200 лет блаженство (№ 39). Церковь воспринимает народную веру в демонов и перерабатывает ее в целую «науку» (№ 35). Демоны кишат повсюду, вредят людям, вносят раздор, и только церковь может разоблачить хитрость врага и защитить от него (№ 41 и 42). В особенности народная вера в вещих женщин превращается в «ученой» обработке церковных писателей в страшное учение о ведовстве, породившее инквизиционное преследование ведьм (№ 46). Диким поверьям стремятся дать подходящее объяснение и, освятив их авторитетом церковной кафедры, вновь пускают в народ (№ 47). «Ученая» переработка сделала народное поверье зловещим, жестоким и мрачным — черты, которых лишена была вера в ведьм до того момента, когда к ней прикоснулась сухая рука схоластики.

Вера в демонов вызывает стремление использовать их силу для достижения отдельными людьми определенных, недозволенных целей. Этого, думали в средние века, нетрудно достигнуть, либо обеспечив поддержку со стороны дьявола ценой собственной души, либо приобретя власть над ним с помощью чернокнижия — магического искусства (№ 45 и 48).

Религиозным духом проникнуты находившиеся также в руках церкви школьное образование и наука, которым посвящена следующая группа документов. К XIII в. относится расцвет средневековой науки, центром которой становится Париж (№ 49) с его университетом. Средневековый университет представляет привилегированную самоуправляющуюся общину (№ 50). Церковь следила за направлением преподавания и установила цензуру книг (№ 51, 52). Основой обучения были «семь свободных искусств», составлявшие общеобразовательный фундамент для более специального образования (№ 53, 54). Учение было трудным. Знания не столько преподавали, сколько вбивали в учеников (№ 55, 56). Особую трудность представляло то, что преподавание шло на чуждом латинском языке, который был также языком церковного богослужения и проповеди. Многие научались только читать без понимания смысла читаемого (№ 58), что приводило нередко к комическим ситуациям (№ 59).

Наука, преподававшаяся в университетах, получила название схоластики[1].

Учителя схоластики, схоласты, старались, используя философию Аристо-

[1] Схоластика значит дословно — школьная наука (от латинского слова «схола» — школа).

теля, согласовать церковное учение с разумом. Еще в начале XIII в. были случаи сожжения церковью книг Аристотеля (№ 52), а к середине XIII в. его сочинения уже читались и комментировались во всех высших школах. Церковь сначала очень подозрительно относилась к знанию. Многие церковные писатели XI—XII вв. называли философию не занятием, а глупостью, а в XIII в. крупнейший из схоластов — Фома Аквинский (1225—1274) доказывал на основании признанных церковью авторитетов превосходство «науки» над прочими занятиями людей (№ 60). Схоласты не без труда преодолели предубеждение церкви против «науки». Даже сочинения Фомы Аквинского, впоследствии признанного святым и учителем церкви, в некоторых странах после его смерти временно запрещались. Схоластическая «наука» победила, потому что она отвечала потребностям господствующего класса своего времени. Церковь нуждалась в доказательстве правильности своих учений для борьбы с ересью. Феодалам нужна была политическая теория, разъяснявшая важные в то время экономические и политические вопросы, например, о ростовщичестве, о нормировке цен, об отношении светской и духовной власти и др. Схоласты удовлетворяли эти запросы и нередко выступали в роли советчиков пап и государей. Фома Аквинский даже написал целый трактат «О правлении князей», отвечая на обращенный к нему вопрос кипрского короля о том, каким должен быть идеальный государь. В своем громадном труде «Сумма богословия» Фома Аквинский рассмотрел с церковной точки зрения богословие, философию и этику, коснувшись попутно многих важных экономических и политических вопросов. В то же время, стремясь конкретизировать церковное учение о боге и загробном мире, схоластика разбирала совершенно пустые вопросы, например «какого возраста и пола будут люди после воскресения», «в раю ли был сотворен человек» (№ 61) и т. п. Богословие считалось самым почетным и богоугодным занятием (№ 62). Естествознание в средние века разрабатывалось мало, хотя и здесь были достигнуты некоторые успехи, отмеченные Энгельсом в «Диалектике природы» (изд. 1932 г., стр. 41). Из естественных наук известное развитие получила химия (или алхимия, как она тогда называлась). Алхимики стремились найти «философский камень», т. е. вещество, от соединения с которым неблагородные металлы превращались бы в золото. Не разрешив, разумеется, этой задачи, алхимики, однако, произвели массу опытов, ознакомились со свойствами многих веществ и создали богатую химическую аппаратуру. Знаменитейший из алхимиков Рожер Бэкон (1214—1294) высказывал смелые мысли о значении наблюдения природы для науки и техники (№ 63—65).

Сухость и отвлеченность средневековой науки и суровый режим средневековой школы нередко отвращали школяров от «бездны премудрости». Но они не порывали связь со школами и университетами. Они носили студенческую одежду, вращались в научной среде и, что привлекало более всего, числились клириками и пользовались большими привилегиями. В поисках покровителей и средств существования они ходили от монастыря к монастырю, из города в город. Их прозвали поэтому вагантами, то есть бродягами. В этой подвижной среде сложилось насмешливое отношение к феодальному обществу и церкви, отщепенцами которой были ваганты. Аскетической морали церкви они противопоставляли жизнерадостные песни, жадность и богатство прелатов высмеивали в острой сатире (№ 67 и 68).

Средневековая поэзия и наука нашли свое наиболее яркое выражение в творчестве итальянца Данте (1265—1321), впитавшего в себя всю сумму знаний и идей своего времени и воплотившего их в высокохудожественных образах (№ 69 и 70). Его «Божественная комедия» — целая энциклопедия средневековой науки и политики. Поэма написана Данте в распространенной в средние века форме путешествия по загробному миру — от глубин ада через чистилище к вершинам рая. Но традиционная схема использована поэтом для новых целей. В загробном мире его внимание привлекают не только потусторонние предметы. Он все время помнит о земле и свое фантастическое путешествие использует для продолжения политической борьбы, активным участником которой он был в течение всей своей жизни. Он осуждает своих врагов, помещая их в ад, он возвеличивает своих героев, отводя им место в раю. Он пользуется путевыми встречами для обсуждения вопросов своего времени и благодаря разнообразию этих встреч достигает большой полноты в изображении своей эпохи, выступая при этом суровым и решительным судьей людей и событий.

«Италия была первой капиталистической нацией» («Маркс и Энгельс об искусстве», М. 1933, стр. 94), и гражданин передовой Флоренции Данте мог во многом возвыситься над феодально-католическими воззрениями. Так, симпатизируя гибеллинам, он помещает в ад Бонифация VIII и некоторых других пап, что было в те времена очень смелым шагом и решительно шло в разрез с важнейшими учениями церкви. Он помещает жертву недозволенной любви Франческу-да-Римини в ад, но явно обнаруживает симпатию к ней и ее судьбе, хотя с церковной точки зрения она была страшной грешницей. Однако, несмотря на значительные расхождения с традиционными воззрениями, Данте стоит еще на почве феодализма и католичества. Этот переходный характер его творчества отметил Энгельс, говоря: «Конец феодального средневековья, начало современной капиталистической эры отмечены колоссальной фигурой. Это — итальянец Данте, одновременно являющийся последним поэтом средних веков и первым поэтом нового времени («Маркс и Энгельс об искусстве», М. 1933, стр. 94). В этой яркой характеристике Энгельс выразил основное противоречие мировоззрения и поэзии Данте и указал ее историческое место.

Следующая группа источников посвящена ранним представителям гуманизма. На первом месте здесь стоит знаменитый итальянский поэт Франческо Петрарка (1304—1374). Поэтическая слава Петрарки основывается на его сонетах в честь Лауры: под этим вымышленным именем он воспевал свою возлюбленную (№ 71, 72). Сонеты Петрарки замечательны тонким анализом и ярким изображением чувства. Интерес поэта направлен на внутренний мир человека и на его переживания. Это — отличительная черта гуманизма, давшая ему название[1] и означавшая значительный отход от традиционного католического мировоззрения. В Италии XIV в. начало складываться новое, буржуазное общество, идеологами которого стали гуманисты. Петрарка был также автором многих трактатов о морали, написанных по-латыни и очень

---

[1] В эпоху гуманизма противопоставляли интерес к «божественному» (studia divina) интересу к человеку (studia humana); представителями последнего были гуманисты.

ценившихся современникам (№ 73). Он выступал и как патриотический поэт, протестуя против бесчинств полчищ Карла IV Люксембургского, хозяйничавших одно время в Италии (№ 74). Однако политические взгляды Петрарки не отличались твердостью, и его неустойчивость вызывала нарекания уже у современников.

Младшим современником Петрарки был гуманист и писатель Джованни Боккаччьо (1313—1375). Слава Боккаччьо основана на его знаменитом сборнике ста новелл — «Декамерон». В «Декамероне» Боккаччьо ярко обрисовал современное ему общество, выведя в нем *представителей самых разнообразных* классов. Особенно многочисленны в «Декамероне» рассказы о церковниках, с которыми автор ведет непримиримую литературную борьбу, осмеивая их распущенность, леность, невежество и в особенности жадность (№ 76). В «Декамероне» осуждается аскетическое мировоззрение, суровым предписаниям которого противопоставляются права человеческой природы, сила чувства, радость любви.

Гуманист XV в. Поджо Браччолини (1380—1459) был выдающимся ученым и знатоком классической литературы и древних языков. Он разыскал множество забытых рукописей древних авторов и опубликовал большое число ранее неизвестных их произведений. Как и другие гуманисты, Поджо был врагом духовенства, хотя и состоял сам на службе папской курии. Он издал сборник коротеньких рассказов — фацеций, в которых остро осмеял священников и монахов (№ 77).

В трактате другого гуманиста XV в., Пико де ла Мирандолы (1462—1494), «О достоинстве человека» (№ 78) отражено новое, гуманистическое воззрение на человека. Человек у Пико — не жалкое и греховное существо, каким его изображали аскеты. Человек у Пико де ла Мирандолы свободен и обладает творческой волей.

Последние три документа (№ 79—81) представляют свидетельства современников об изобретении книгопечатания, имевшем громадные последствия для истории европейской культуры и стоявшем в преддверии крупнейших перемен в жизни и культуре европейских народов.

ПЕРЕЧЕНЬ КНИГ, ИЗ КОТОРЫХ ЗАИМСТВОВАНЫ ПРИВОДИМЫЕ НИЖЕ ДОКУМЕНТЫ.

А. Документы, вновь переведенные составителем отдела для настоящего издания и впервые появляющиеся на русском языке.

№ 1 и 2 — Hinschins, Das Kirchenrecht der Katholiker u. Protestanten, SS. 196 u. 219.
3 — A. Galante, Juris canonici fontes selecti, p. 175.
4, 5, 6, 7, 17 — Mansi, Collectio amplissima concillorum, v. 22, pp. 591, 1030.
22, 25, 43, 52—150, 1042, 1006, 984, 753, 1010, 812.
8 — Muratori, Antiquitates Italiae medii aevi, t. v. p. 853.
9 — Monumenta Germanae Historica scriptores XVII, 238.

10 — Gisleberti Chronicon Hanoniense (Rerum germ. scriptores), p. 143—144.

11, 12 — W. Köhler, Dokumente zum Ablasstreit von 1517, Tüb. 1902, SS. 8 u. 42—43.

14, 15, 27 — D'Achery, Specilegium, Parisiis 1723, t. I, pp. 86 sq. 709, 208—209.

28 — Döllinger, Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters, B. II, № 1.

29 — Вульфиус, Вальденское движение, II, 1916.

30—Martene et Durand, Thesaurus novus anecdothorum t. IV, p. 1677 и сл.

31 — *Molinier, L'inquisition au midi de la France*, p. 411.

33—Migne, Patrologiae cursus completus, series latina, t. 217.

36, 38, 39—Klapper, Exempla aus Handschriften des Mittelalters, Heidelberg 1911, pp. 29, 40, 27.

37, 40, 41, 42 — Caesarii Heisterbacensis Dialogus miraculorum, ed. Strange.

44—II. 62, II. 255, I. 287, I. 324, II. 237.

45—Alberti Magni De secretis mulierum. Item. De virtutibus herbarum, lapidum et animalium, Amstelodami 1669, pp. 123, 135, 137, 136, 147, 152.

50, 51, 54—Cartularium universitatis parisiensis, ed. *Denifle et Chatelain*, Paris 1889, sq. I. 136, I. 316, II. 504.

53 — Petri *Alfonsi Disciplina* clericalis, herausgeg. von Hilka u. Söderhjelm, Heidelberg 1911, p. 10—11.

60 Thome Aquiniatis De veritate fide catholicae, Nemansi, 1853, p. 2—3.

61—Thome Aquinatis Opera omnia, t. V, p. 451, Romae 1889.

67—Carmina burana, herausgeg. v. Schmeller, Breslau 1889, S. 22—33.

Б. Источники, заимствованные из прежних русских переводов.

13, 16, 18—21, 23, 24, 26, 55, 62, 66.	Д. Н. Егоров, Средневековье в его памятниках, М. 1913, стр. 71 и сл., 85, 250, 251, 252, 253 (с восстановлением значительных пропусков по оригиналу), 257 и сл., 271, 27 и сл.
15а	Н. П. Грацианский, Из истории сельскохозяйственной техники во Франции в феодальный период.
32	Ч. Ли, История инквизиции в средние века, т. I, стр. 348.
34	В. Конради, Книга о святом Франциске, П. 1912, стр. 21—22.
35, 45—48	Н. Сперанский, Ведьмы и ведовство, М. 1909, стр. 103, 119, 159—160, 163. 164.
49, 56—59, 68	Н. Сперанский, Очерки по истории народной школы в Западной Европе, стр. 30, 32, 134, 248—249, 270.
63—65	Н. А. Морозов, В поисках философского камня, П. 1909, стр. 52, 66, 74.
69	Данте Алигиери, Божественная комедия, ч. II, перев. Горбова, М. 1898, стр. 87—89.
70	И. И. Гливенко, Хрестоматия по всеобщей литературе, ч. I.
71—72	Петрарка, Автобиография. Исповедь. Сонеты. М., стр. 269, 270, 272.
73, 74, 77, 78	А. К. Дживелегов, Возрождение, М.-Л. 1925, стр. 13 и сл., 17—18, 33.
75, 79—81	П. Н. Ардашев, Хрестоматия по новой истории, изд. 2-е, стр. 51—52.
76	Боккаччьо, Декамерон, т. I, стр. 72 и сл.

I. ЦЕРКОВЬ, ЕЕ ПРИВИЛЕГИИ И БОГАТСТВА.

1. ЦЕРКОВНОЕ ПЕРВЕНСТВО РИМА И ПАПЫ.
(Постановление Флорентинского собора 1439 г.)

Устанавливаем, что святой апостолический престол и римский первосвященник владеют первенством во всем мире и что оный первосвященник есть преемник блаженного Петра, князя апостолов, и подлинный наместник Христа и является главой всей церкви и отцом и учителем всех христиан и что ему передана господом нашим Иисусом христом полная власть... пасти, поучать и направлять вселенскую церковь.

2. ЦЕРЕМОНИАЛ ПАПСКОГО ПРИЕМА [XII в.].

Все смертные, а в особенности верные христу, независимо от их достоинства и выдающегося положения, лишь только предстают они пред взором первосвященника, должны трижды преклонять на определенном расстоянии перед ним колени и в честь спасителя нашего Иисуса христа, которого он замещает на земле, облобызать его стопы. Император, короли, крупнейшие князья, представители князей и властителей допускаются в первую очередь к поцелую в руку и в уста, прочие только к стопам. Кардиналы дважды низко кланяются, а на третий раз, подойдя близко, преклоняют колени и целуют ногу у первосвященника, управляющего святыней. Кардиналы целуют правую руку у застежки мантии, епископы только колено, императоры, короли и крупнейшие князья — руку и ногу.

3. ИЗ КНИГИ «О ЧЕСТИ ЦЕРКВИ» ПЛАЦИДИЯ, МОНАХА НОНАНТОЛАНСКОГО [XII в.].

VII. О церковной собственности.

То, что однажды было дано церкви, навсегда принадлежит христу и никоим образом не может быть отчуждено из владения церкви, настолько, что даже сам строитель церкви, после того как посвятил ее богу и велел освятить, впредь не может иметь на нее никакого права. Ведь не может он в ней распоряжаться или назначать на должности. Об этом свидетельствует священнейшее писание не только нового, но и ветхого завета. Итак, то, что дается

церкви, как всем известно, дарится ей для того, чтобы питать из этого бедняков христовых, и для того, чтобы служащие богу имели в сакрарии[1] средства к существованию и, будучи постоянно заняты созерцанием божественного и непрестанным его восхвалением, могли бы всегда, вне тревоги мира сего, преданнейше служить господу. Тем именно, кто производит траты ради церкви святой, то есть служит в сем мире святым беднякам, говорит господь: «Приобретайте друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители».

4. СУДЕБНЫЙ ИММУНИТЕТ ДУХОВЕНСТВА.

(Из привилегии Ричарда Львиное Сердце нормандской церкви.)

Во-первых, определено относительно клириков, чтобы ни в коем случае не подвергались они аресту со стороны светских властей, кроме как за убийство, кражу или за такое исключительно позорное деяние, которое подлежит уголовному взысканию, но и в этом случае, если они раньше будут разысканы церковными судьями, пусть остаются для суда в церковной курии.

5. НАЛОГОВЫЙ ИММУНИТЕТ ДУХОВЕНСТВА.

(Постановление IV Латеранского собора, 1215 г.)

Против консулов и правителей городов и прочих, кои пытаются обременять церкви и церковников налогами или поборами и другими повинностями, Латеранский собор, желая позаботиться о церковном иммунитете, под страхом анафемы[2] запрещает подобную дерзость: нарушители и их покровители по предостережении подвергаются отлучению, пока не представят соответствующего удовлетворения.

6. ДЕСЯТИНЫ.

(Постановление Лондонского собора 1175 г. о десятинах.)

Все десятины земли как от злаков, так и от плодов принадлежат господу и ему посвящаются. Но поелику находятся довольно многие, которые не желают платить десятин, постановляем, чтобы их увещевали, согласно предписаниям господина папы, однажды, дважды и трижды уплачивать десятины с зерна, с вина, с плодов древесных, от приплода животных, от ягнят, от сыра, от льна и прочего, что производится ежегодно. Если они не исправятся после увещания, пусть знают, что подвергнутся анафеме.

---

[1] Сакрарий — святилище, храм, здесь — место хранения священных предметов.

[2] Предание анафеме — особая форма отлучения от церкви. Анафемствование сопровождалось страшными проклятиями и запретом верующим иметь какое-либо общение с осужденными.

7. ПОСТАНОВЛЕНИЕ IV ЛАТЕРАНСКОГО СОБОРА О ПЕРВООЧЕРЕДНОЙ УПЛАТЕ ДЕСЯТИНЫ [1215 г.].

С чрезмерною жадностью пытаются некоторые обманывать церковь относительно десятин, взимая чинши и налоги с плодов и початков, которые иногда остаются не обложенными десятинами... Желая противодействовать потерям церквей и опасностям для душ, мы постановляем, чтобы в знак прерогативы[1] всеобщего владычества церкви взиманию налогов и чиншей предшествовала уплата десятин; или, по крайней мере, те, кому поступили чинши и налоги, с которых не взысканы десятины..., должны быть принуждены... к отчислению десятины церквам, которым они причитаются по праву.

8. ИЗ «КНИГИ ЧИНШЕЙ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ»[2].

Сицилия. В то время, когда Роберт Гвискар, нормандец, захватил королевскую власть над Сицилией[3], он, прикоснувшись к святому евангелию, поклялся за себя и за своих наследников платить господину папе Николаю[4] и его преемникам по XII денариев в папской монете с каждой воловьей упряжки. Через некоторое время, когда папа Иннокентий[5] отправился в Галлютий, Рожер, бывший тогда королем Сицилии, начал выплачивать ему по 600 сквифатов[6] ежегодно. Впоследствии король Гильом, его сын, прибавил за Марсию, которой он овладел во времена того же папы Иннокентия, 400 сквифатов.

9. ДОХОД ЕПИСКОПОВ.

(Из анонимного описания Германии конца XIII в.)

В этой Тевтонии[7] есть четыре светских князя, в права которых входит избирать римского короля: один — герцог Саксонии, и он имеет 2 тысячи марок дохода; палатин, то есть герцог Баварии, и у него 20 тысяч дохода: 5 тысяч от дворца и 15 тысяч — от герцогства; маркграф Бранденбургский, и он получает 50 тысяч марок; король Чехии, и у него верных 100 тыс. марок.

Есть и трое князей духовных, избирателей короля римлян, именно: архиепископ трирский, который имеет трех подчиненных

---

[1] Прерогатива — преимущество, особое право.

[2] «Книга чиншей римской церкви» — обширный перечень доходов римской церкви, получавшихся ею как со светских, так и с церковных владений. «Книга чиншей» составлена около 1192 г. камерарием (верховным казначеем) римской церкви Ченчи, впоследствии папой Гонорием II.

[3] Здесь историческая действительность искажена, так как Роберт Гвискар не был королем Сицилии.

[4] Николай II (1059—1061).

[5] Иннокентий II (1130—1143).

[6] Сквифат — золотая монета.

[7] Германии.

епископов и 3 тысячи марок дохода...; архиепископ майнцский, который имеет 17 подчиненных епископов и 7 тысяч марок верно сосчитанного дохода; архиепископ кельнский, о котором известно, что у него только пять подчиненных епископов, а доход его все-таки исчисляется в 15 тысяч марок.

Кроме этих трех архиепископов, насчитывается четверо других, именно: рижский, имеющий 7 подчиненных епископов и насчитывающий тысячу марок дохода; магдебургский, у которого есть 7 подчиненных епископов, и многие говорят, что он получает 4 тысячи марок дохода; бременский, который имеет 7 подчиненных епископов и которому его слугами приписывается доход в 5 тысяч марок; зальцбургский, у которого 7 подчиненных епископов и считается 20 тысяч марок дохода и больше.

Всего же в Тевтонии епископов и архиепископов шестьдесят.

10. СВИТЫ ЦЕРКОВНЫХ СЕНЬЕРОВ.
(Из хроники графства Геннегау, XII в.)

Достаточно известно, что на этом сейме[1] было, как сказано выше, 70 тысяч рыцарей[2], так как у вышеназванных князей было там столько воинов, а именно — у герцога Чехии 2 тысячи; у герцога австрийского 500; у пфальцграфа рейнского 1000 или более; у ландграфа тюрингенского 1000 и более; у господина Конрада, майнцского архиепископа, родственника императора[3],— 1000; у господина Филиппа, кельнского архиепископа, родственника графа Геннегау, 1700; у господина архиепископа магдебургского 600; у аббата фульдского 500, не считая других князей.

11. ИНДУЛЬГЕНЦИИ. АБЕЛЯР О ТОРГОВЛЕ ИНДУЛЬГЕНЦИЯМИ [около 1140 г.].

Есть некоторые священники, которые не столько по заблуждению, сколько по любостяжанию обманывают прихожан, уверяя их в том, что за денежные приношения отменяются или ослабляются наказания, наложенные в эпитимью; думают они не столько о том, чтобы угодить господу, сколько о том, чтобы побольше получить денег. И не только священники, но и начальники священников, то есть епископы, как мы знаем, до того охвачены этим любостяжанием, что когда при освящении церквей, посвящении алтарей или благословлении кладбищ или при каких-либо других празднествах собирается простой народ, от которого они ожидают обильных приношений, то они щедры в смягчении наказаний: отпускают всем то четвертую, то третью часть наказания, разумеется, под видом какой-нибудь милости, но в действительности — по крайней жадности.

---

[1] Имперский сейм 1184 г.
[2] Обычное у средневековых историков преувеличение.
[3] Фридрих Барбаросса.

12. ФОРМА ПОЛНЕЙШЕГО ОПРАВДАНИЯ И ОТПУЩЕНИЯ ПРИ ЖИЗНИ[1].

Да сжалится над тобой (имя рек) господь наш Иисус христос по своему святейшему и благочестивейшему милосердию; да освободит тебя; и властью его и блаженных Петра и Павла, апостолов его, и апостольской властью, мне данной и на тебя распространенной, отрешаю тебя от всех грехов твоих уничтоженных, исповеданных и забытых; также от всех падений, преступлений, проступков и сколько-нибудь тяжелых провинностей..., а также от каких бы то ни было отлучений, суспенсаций[2] и интердикта и других церковных приговоров, осуждений и наказаний, наложенных судебной и людской властью, если ты им подвергся; даем тебе полнейшее прощение и отпущение всех твоих грехов, насколько простираются в этой области полномочия святой матери церкви. Во имя отца и сына и святого духа аминь.

13. МОНАШЕСТВО.

Из «Правил монахов святого Бенедикта».

«Правила монахов св. Бенедикта» составлены в VI в. Они сыграли крупнейшую роль в истории европейского монашества. Почти все вновь возникавшие монастыри до XIII в. клали в основу своих уставов «Правила» Бенедикта.

Это историческое значение первого бенедиктинского устава и его живое действие в течение многих столетий объясняют воспроизведение здесь этого раннего памятника среди значительно более поздних.

V. О послушании.

Первая ступень смирения — беспрекословное послушание. Сие надлежит всем, для кого нет ничего дороже христа. Ради святого служения, которое они обещали, или ради страха геенны или ради славы жизни вечной они не должны ни мгновения медлить, раз что-либо прикажет старший, как если бы это приказал сам бог. О сих говорит господь: «Слухом ушей повиновался мне»; он же говорит ученикам своим: «Слушающий вас меня слушает».

Итак сии, оставив немедленно все свое, отказавшись от собственной воли, вскоре освободив руки свои и оставив неоконченным занятие свое, послушной стопой поспешают делами своими за гласом приказующего, и точно в единый миг веление наставника и исполнение ученика,— то и другое, окрыляемое страхом божиим,— совершается одновременно, наибыстрейше.

Кого охватит любовь к достижению вечной жизни, те и взыскуют узкого пути (поелику господь говорит: «Тесен путь, ведущий в жизнь»), так что, живя не по своему хотению и повинуясь не своим стремлениям или вожделениям, но ходя под чужой волею и властью, живя в киновиях [общежитиях], жаждут иметь

[1] Таково официальное название индульгенции.
[2] Суспенсация — временное отрешение от должности или бенефиция.

над собой аббата. Таковые, без сомнения, подражают словам господа, говорящего: «Я не пришел творить волю мою, но того, кто послал меня». Но самое послушание сие тогда будет угодно богу и приятно людям, когда повеленное исполняется бестрепетно, безропотно, безотлагательно, ревностно и беззаветно, ибо послушание, оказываемое старшим, богу воздается; ведь сказано: «Слушающий вас меня слушает». И повиноваться ученики должны с ясным духом, ибо «доброхотно дающего любит бог». Когда же ученик повинуется не от души и ропщет хоть не устами, а только в сердце своем, то, и исполнив, не угоден он будет господу, видящему ропот его сердца, и таковым исполнением не достигнет он милости, но подпадет каре, положенной за ропот, если не исправится и не искупит вины своей.

XVI. Как на дню служить богу.

Говорит пророк: «Семикратно в день прославляю тебя». Оное семиричное священное число нами исполнится, если мы будем совершать долг нашего служения в заутреню, в час первый, третий, шестой, девятый, в первую и вторую вечери[1]. ...О ночной же службе тот же пророк говорит: «В полночь вставал славословить тебя». А посему... и ночью поднимется славословить его.

XXX. Как наказуются мальчики меньшего возраста.

Всякому возрасту и разуму — особливые меры. А посему, если мальчики, по малолетству или по малому разумению, совершат грех, за который полагается отлучение, то их усмиряют строгими постами, обуздывают тяжким сечением, дабы исцелились.

XXXIII. Должны ли монахи иметь какую-нибудь собственность

Особливо этот порок нужно с корнем вырвать из монастыря. Чтобы никто не смел что-либо давать или принимать без благословения аббата или иметь что-либо в виде собственности: никакой вообще вещи, ни книги, ни дощечек для письма, ни грифеля, ни вообще чего-либо.

XXXIX. О количестве пищи.

Полагаем достаточным для ежедневной еды, как в шестый, так и в девятый часы[2], во все месяцы, по два горячих блюда, ради болезненности многих, дабы, если кто-нибудь не может есть одно, он питался бы другим. Итак, два горячих блюда достаточны для всей братии, буде же случаются яблоки или овощи, то прибавляется и третье. Хлеба весового фунт должен хватить на день, бу-

[1] Заутреня — в 3 часа утра; час первый — 5 час. утра; час третий — 8 час.; час шестый — 11 час.; час девятый — 2 часа дня; вечеря — 4 часа; вторая вечеря — 6 час.

[2] То есть 11 или 12 час. и 2 или 3 часа дня.

дет ли одна трапеза или завтрак с обедом. Если полагается обед, то из того же фунта третья часть удерживается келарем [1] для раздачи обедающим. Если случится большая работа, то от власти и благоусмотрения аббата зависит, буде нужно, прибавить, но избегая, паче всего, объяденья, дабы никогда несварение не касалось монаха, ибо ничто столь не противно христианину, как объядение, по словам господа нашего: «Смотрите же за собой, чтобы сердца ваши не отягчались объядением»... От еды же мяса четвероногих пусть все и всегда воздерживаются кроме совершенно слабых и больных.

XLIII. О ежедневных трудах.

Праздность — враг души, а посему в определенное время братья должны быть заняты трудом телесным, в другое же время душеспасительным чтением. А посему считаем нужным распределить то и другое время так, чтобы от пасхи до 1 октября, выйдя рано, с часа первого [2] и почти по четвертый, они работали, что будет нужно; с четвертого же часа и вплоть до шестого пусть слушают чтение. После шестого же часа, поднявшись от стола, пусть отдохнут на ложах своих при полном молчании, буде же кто захочет читать для себя, пусть читает так, чтобы не беспокоить другого. «Час девятый» совершается раньше, в половине восьмого часа, и вторично пусть работают, что нужно, до вечери. Если же местные условия или бедность потребуют, чтобы они сами занялись сбором плодов, да не огорчаются, ибо тогда они воистину монахи, буде живут трудом рук своих, как отцы наши и апостолы. Все же работы пусть назначаются точно, из-за малодушных.

LIV. Может ли монах получать письма и иное что.

Монах никоим образом не должен получать писем от родных или от кого-либо из мира, ни писать им, а также не должен принимать или делать приношения и подарки без благословения аббата.

14. ИЗ ЗАПИСИ ОБЫЧАЕВ КЛЮНИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ [около 1100 г.].

1) О старшем приоре.

Когда нужно избрать приора, сначала господин аббат совещается об этом со старшими конгрегации [3], затем сообщает свое мнение в капитуле [4], и то, что ему угодно, одобряют все. Избирае-

[1] Келарь — монастырский эконом, на котором, между прочим, лежала забота о больных.
[2] Счет «часов» — см. в примеч. в гл. XVI.
[3] Конгрегация — здесь монастырь.
[4] Капитул — в монастыре собрание монахов.

мый, если он человек благоразумный, просит снисхождения, отговаривается неспособностью к подобной должности...

Но с часа своего назначения он выступает первым после господина аббата относительно всех дел и обстоятельств, духовных и светских, касающихся монастыря. Все, кто управляет каким-либо поместьем, повинуются ему; и если они хотят сделать что-нибудь важное, пусть никоим образом не делают ничего без его совета и согласия. На левом клиросе он стоит впереди всех, а в рефектории[1] — за крайним столом, который находится по правую руку от господина аббата, и если последний не присутствует, он садится в его кресло.

2) О деканах, которые являются попечителями поместий.

Помощниками приора в мирских делах являются братья, которых мы по нашему обычаю зовем деканами. Скажу кое-что о специальных правилах, которые их касаются. Все, поместья которых находятся не далее полудня пути, должны каждую субботу до звезд являться в монастырь: ведь только там надевают они чистое платье и бреются.

Не будет никакого прибытка, если декан не занимается тщательно полями и виноградниками и не заботится об овцах и упряжных животных. Ничего пусть не имеет у себя скрытого и ничего пусть не передает на сторону: это строжайше запрещено нашими старшими. Когда совсем будут собраны хлеб и вино, по обычаю прибывает приор и смотрит, сколько есть в погребе, что есть в житнице. Он оставляет, сколько находит нужным, для продовольствования декана и приходящих странников, а также для нужд земледелия, остаток же велит доставить в монастырь...

Декан ни за какую вину не сечет своих слуг.

3) О камерарии.

Наш камерарий сам блюдет все доходы, которые мы можем иметь от наших поместий, и своевременно их собирает. Но, впрочем, третью часть из них оставляет деканам в силу того, что очень много есть такого, в чем они нуждаются и не только для возделывания земли, но также и для самих себя, ибо по большей части они живут там[2]. Больше всего это делается ради странников, так как если их не принимать, это было бы, конечно, совсем бесчеловечно. В тех же поместьях, которые расположены так далеко, что ни вино, ни хлеб, которые там производятся, не могут быть к нам перевезены, они продаются на месте, а деньги передаются камерарию. Наконец, все золото или серебро, всяких животных, откуда бы они к нам ни поступили в дар, примет он сам, кроме

[1] Рефекторий — монастырская столовая.
[2] То есть вне монастыря, в поместьях.

той доли, о которой я здесь скажу. Если кто-нибудь даст нам десять солидов или больше, это всегда отсчитывается келарю для того только, чтобы он мог оказать братьям нездоровым или несколько ослабшим милосердие помимо того, что вообще дается всем. И если случится, что подарят нам корову, и ее примет он для поддержания выгона, который находится в его распоряжении. Овцы и быки передаются непосредственно деканам поместий: овцы ради навоза, которым должно покрывать поля, быки для пахоты. Занавесы, золотые и серебряные сосуды, которые могут служить для богослужения или для украшения церкви, принимает сакристан [1]. Из прочего, как сказано раньше, все идет в руки камерария, и вполне по делам, ибо часто случается, что из всего, что производится ежегодно, совсем ничего не имеем мы для поддержания временной жизни, кроме того, что приобретаем за деньги; коль скоро дело идет о жизненных потребностях, все, что относится к одежде, должно приобретаться не от случая к случаю, а постоянно и сполна.

4) Об апокрисиарии.

Апокрисиарий — это тот, кто сторожит сокровищницу церкви и под наблюдением кого находятся приношения простого народа к алтарям. Чтобы он мог достойным образом выполнять свою службу, предоставляется ему помощь достаточного числа братьев, среди которых один занимает более важное место: главным образом он должен заменять апокрисиария в его отсутствие...

Также двери церкви поручаются особому лицу, чтобы всегда запирались и открывались они своевременно; и для этого тщательно подбирается человек строгих нравов и не смешливый, чтобы приходящие и выходящие не нашли в нем какой-нибудь слабости...

Он должен заботиться о своевременном благовесте к каждой отдельной службе, однако не осмеливаясь делать ничего, кроме приказанного старшим или установленного обычаем.

5) О раздатчике милостыни.

Смотритель гостиницы принимает всех чужеземцев, совершающих путь верхом. Подобным же образом раздатчик милостыни принимает всех приходящих пешком, кроме посланцев, приносящих письма, которых принимает смотритель гостиницы. Для каждого из принятых раздатчик милостыни получает от хранителя хлебных амбаров фунт хлеба, а для уходящих на следующий день по полфунта на каждого. Тою же мерою он дает уходящим и приходящим вино...

---

[1] Сакристан — хранитель предметов, служащих при исполнении религиозных обрядов.

6) О банях.

Всем приятно, побрившись, тотчас же также помыться в бане. Но о наших банях не много есть что сказать — ведь только два раза в год бываем мы в бане: перед рождеством господа и перед пасхой. Для этого декан поместья в течение всей предшествующей недели доставляет слуг и дрова, чтобы каждый мылся в кадке или без кадки теплой водой. Для того и другого, чего более захочется, предоставляется возможность. Если к звону колокола монах уже вошел в баню и вследствие этого пропустил одну установленную службу, это не ставится ему в вину.

15. МОНАХИ-РЕМЕСЛЕННИКИ.

Врачи, писцы и другие монастырские мастера должны, если им поручает аббат, с полным смирением и почтением заниматься своим мастерством. Если же кто-нибудь из них возгордится знанием своего мастерства, возомнив, что он приносит какую-то пользу монастырю, то столь презренный устраняется от занятия своим мастерством, пока не смирится.

15а. РАСЧИСТКА ЗЕМЕЛЬ МОНАСТЫРЕМ.

(Из анонимного «жития», XII в.)

Монахи рубили лес, вычищали кустарник и, когда срубленный материал высыхал, жгли его, имея в руках шесты, именуемые в простонародии вилами, и поворачивая ими горящие головни, как это обычно делается при заимках.

16. ОПИСАНИЕ ВЛАДЕНИЙ ФУЛЬДСКОГО МОНАСТЫРЯ.

О пределах бенефиций сего Фульдского монастыря, как мы узнаем из некиих свидетельств древних и как находим в истинном предании некиих записей многовековой древности, между собой не разнствующих.

В провинции Саксонии сей монастырь имел три тысячи мансов. Из них должны быть наделены бенефициями шесть имперских князей, так чтобы каждый имел по пятьсот мансов. Но, о горе! иной князь, побуждаемый жадностью, которая никогда не чувствует себя удовлетворенной, владеет более чем тремя тысячами мансов! И, мало того, влекомые алчной жадностью свыше меры, князья, домогаясь и разинув пасть, вторгаются в священные поместья, вожделеют поглотить доходы братии, своевольно, не по праву, берут церковные десятины, присваивают себе людей

св. Бонифация[1] и выколачивают из них ценз, какой только хотят. Творя сии и подобные дела, они являются не ревнителями, но гонителями монастыря; навлекая на себя тяжесть апостольского отлучения и поступая вопреки предписаниям королей, они снискивают себе вечное проклятие.

В провинции Тюрингии Фульдский монастырь имел три тысячи мансов. Из них должны были быть наделены бенефициями шесть имперских князей, так чтобы каждый имел по пятьсот мансов. Но, о горе... [и т. д.]

[То же самое повторяется относительно владений монастыря в провинциях: Гессен, Ветерац, Рейнской, Вормсской, Баварии и Аллемании.]

Кроме сих князей, наделенных бенефициями, есть еще великое множество герцогов, маркграфов, пфальцграфов, графов, фогтов, судей и прочих князей саксонских, гессенских, тюрингенских, франконских, аллеманских, фризских, лотарингских и других провинций, князей и господ, наделенных бенефициями из владений св. Бонифация, кои, как приличествует, хранят верность и преданность сему монастырю и аббатам братии, усердно служащим в нем богу...

17. ПОСТАНОВЛЕНИЕ IV ЛАТЕРАНСКОГО СОБОРА.

О пирах прелатов и о нерадении их по отношению к божественным обязанностям.

С сожалением отмечаем, что не только некоторые низшие клирики, но даже иные церковные прелаты проводят почти половину ночи, уже не говоря о прочем, в пышных пирах и непристойных разговорах. Отводя для сна остаток ночи, насилу подымаются они к дневному пению птиц и отправляют утреннюю службу с непрерывными пропусками[2]. Есть и другие, которые совершают богослужение едва лишь 4 раза в год и, что еще хуже, считают неважным присутствовать при службах, а если они когда-нибудь и присутствуют при церковных службах, то, уклоняясь от молчания, старательно прислушиваются к разговорам мирян и, пока изливают услышанное в недозволенных беседах, не обращают с должным вниманием слуха к божественной службе.

---

[1] *Люди св. Бонифация — люди монастыря в память св. Бонифация.*

[2] Очень распространенная в церковном законодательстве и литературе жалоба на пропуск слов и, в особенности, слогов в словах молитв нерадивыми клириками. Цезарий Гейстербахский рассказывает в назидание виновным в этом грехе историю об одном аббате, встретившем дьявола с большим мешком. Оказалось, что дьявол собрал целый мешок пропущенных монахами слогов, чтобы на страшном суде бросить его на чашу весов и получить души этих монахов для ада.

II. «ЕРЕСИ» И БОРЬБА С НИМИ.

18. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ БИБЛИИ НА НАРОДНОМ ЯЗЫКЕ.
(Послание Иннокентия III «Ко всем верным во христе» Мецской епархии (12 июня 1199 г.).

Сообщил нам достопочтенный брат наш, епископ Мецский, что и в городе Меце и по всей епархии немалое количество мирян и [особенно] женщин, охваченных сильным влечением к Писанию, стали переводить себе на язык французский послания апостола Павла, псалтирь, книгу Иова и некоторые другие. Прилежат они сим переводам с великой любовью,—о если бы и с таковой же осторожностью! Ибо на тайных своих собраниях эти миряне и жены позволяют себе изрыгать неподобное, проповедуя друг другу... А некоторые презирают простоту своих пастырей, и когда те читают евангелие, они про себя бормочут, что у них-де в их книжках изложено это лучше и что сами-де они могут прочитать проникновеннее. Хотя стремление к пониманию Писания и поучению, согласно с Писанием, подлежит не столько запрету, сколько поощрению, тем не менее приходится их изобличать за их тайные сборища, за недозволенное проповедничество, за издевательство над простотой пастырской... Тайные ведь глубины веры нельзя всюду и всем излагать, ибо не всюду и всем они понятны..., и посему было сказано, в божественном законе, что «если и зверь прикоснется к Торе, он будет побит камнями», так и простяк и невежда да не посмеют касаться высот Писания и проповедовать другим.

19. ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЙ СОБОРА В ТУЛУЗЕ [1229 г.].

Запрещаем мирянам иметь у себя книги Ветхого и Нового Завета, разве что псалтирь или молитвенник... Но и сии книги строжайше запрещаем иметь в переводе на народный язык.

20. ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЙ СОБОРА В БЕЗЬЕ [1246 г.].

Что касается божественных книг, то мирянам не иметь их даже по-латыни; что же касается божественных книг на народном наречии, то не допускать их вовсе ни у клириков, ни у мирян.

21. ЭДИКТ КАРЛА IV [1369 г.].

...А посему мы строжайше предписываем и повелеваем, чтобы книги на народном наречии, а также трактаты и проповеди, будь то отдельные листы, тетради или целые томы..., которые могут дать случай к лжеучению и лжепроповеди, обследовались инквизитором или его помощниками [и отбирались] как у белого и черного духовенства, так особенно у мирян, тем более что мирянам обоего пола по каноническим установлениям не подобает

читать чего бы то ни было из Писания, хотя бы на народном языке, дабы чрез плохое понимание они не впадали в ересь и заблуждения.

22. ЦЕРКОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ «ЕРЕТИКОВ».
(Постановление IV Латеранского собора.)

Отлучаем от церкви и предаем анафеме всякую ересь, подымающуюся против сей святой, православной католической веры... Осуждаем всех еретиков, какими бы они именами ни назывались: хотя обличие у них разное, но хвосты[1] взаимно сплетены между собою, ибо в отношении суеты они сходятся на одном.

После осуждения пусть их выдают светским властям..., предварительно лишив клириков их званий, с надлежащим указанием наказания: с тем, чтобы имущество осужденных этого рода, если они были мирянами, конфисковалось; если же они были клириками, то оно обращается в пользу церквей, от которых они получали содержание.

Однако если светский государь, в котором нуждается церковь, после указания церкви не позаботится очистить свою землю от сей еретической мерзости, пусть митрополит и прочие епископы соответствующей провинции наложат на него оковы отлучения. И если он пренебрежет дать удовлетворение позже года, пусть будет оповещен об этом верховный первосвященник[2], чтобы после этого он лично объявил его вассалов свободными от верности ему, а страну предложил бы занять католикам, которые, изгнав еретиков, владели бы ею без всякого противоречия и сохраняли бы ее в чистоте веры.

23. ЭДИКТ ФРИДРИХА II ГОГЕНШТАУФЕНА ПРОТИВ «ЕРЕТИКОВ».

2. Постановляем и утверждаем, чтобы еретики, каким бы именем они ни обозначались и в каком бы месте империи ни были осуждены церковью и переданы светскому суду, были наказаны с надлежащим тщанием. Если же какие-либо из вышереченных, будучи схвачены, устрашенные ужасом смерти, захотели бы вернуться к единению в вере, то таковые, сообразно с каноническими постановлениями, должны быть заключены для отбывания наказания на вечные времена в темницу.

3. Далее, если какие сысканы будут еретики в городах, местечках или иных селениях империи инквизиторами апостольского престола или другими ревнителями православной веры, то те, кто в данном месте обладает юрисдикцией, должны схватить оных еретиков по доносу инквизиторов и других добрых католиков и, схватив, держать под строгой стражей, пока их, осуж-

---

[1] Обычное в церковной литературе сравнение ереси с хвостатым чудовищем.
[2] То есть папа.

денных церковным приговором, не уничтожат смертью, их, которые отвергали таинство животворящей веры.

4. Такому же наказанию постановляем предавать всех, кого враг в своем коварном лукавстве соблазняет выступать на поощрение еретических заблуждений или оказывать еретикам недозволенную защиту, ибо гнусное деяние равняет всех, кого пятнает, если только вышереченные, по увещании, не отступятся и не пожелают подумать о своем спасении.

24. АЛЬБИГОЙСКАЯ «ЕРЕСЬ». ЦЕЗАРИЙ ГЕЙСТЕРБАХСКИЙ: «О ЕРЕСИ АЛЬБИГОЙСКОЙ».

Цезарий Гейстербахский — видный писатель первой половины XIII в. (умер около 1240 г.). Его «Беседы о чудесах» являются обширным сборником средневековых легенд и одним из самых ярких памятников средневекового мировоззрения. Точка зрения автора — монаха цистерцианского монастыря — строго церковно-католическая.

Во времена папы Иннокентия[1], предшественника ныне правящего Гонория, когда еще продолжался раскол между королями Филиппом и Оттоном[2], кознью дьявола альбигойские ереси стали возрастать или, вернее, созревать. Сила ереси была так велика, что пшеница веры во всей той стране, казалось, превратилась в плевелы заблуждения. Посланы были аббаты нашего ордена[3] и несколько епископов, чтобы мотыкой православной проповеди с корнем вырвать плевелы, но достигли они малого, ибо препятствовал супротивник людской, сеятель всякого зла...

Альбигойцы признают два начала: бога доброго и бога злого, который, говорят они, сотворил все тела, как добрый бог — все души... Воскресение тел они отрицают; смеются над всеми благодеяниями, оказываемыми мертвым живыми[4]; ходить в церковь или молиться там они считают совершенно бесполезным; крещение отвергают...

Они говорят, что ожидают славы для духа. Один монах, прибывший с упомянутыми аббатами, увидел рыцаря, который разговаривал со своим крестьянином, сидя на лошади. Сочтя его еретиком, как то и оказалось, монах подошел и говорит: «Скажите мне, честной муж, чье это поле?» Когда тот ответил: «Мое», монах продолжал: «И что вы делаете с его плодами?» «Я,— ответил рыцарь,— живу от них со своею семьею, кое-что также расходую на бедных». На вопрос монаха: «Чего хорошего ожидаете вы от этой милостыни?» — рыцарь ответил так: «Жду, чтобы дух

[1] Иннокентий III (1198—1216).

[2] Филипп II Швабский и Оттон IV Брауншвейгский. Их междоусобие, вызванное борьбой за престол в Германии после смерти Генриха VI (1198), закончилось в 1208 г. смертью Филиппа II.

[3] Автор был монахом цистерцианского ордена.

[4] Всевозможные заупокойные службы, которые в католической церкви играют важную роль, особенно в связи с учением о чистилище. Церковь утверждала, что ее молитвы могут сократить срок очистительных наказаний души в чистилище, а усердность молитв зависела от щедрости родных умершего.

мой со славою переселился после смерти». Тогда монах: «Куда переселился?». Говорит рыцарь: «По заслугам своим. Если он жил хорошо и заслужил того у бога, то он войдет в тело какого-нибудь будущего князя или короля или иной знатной особы и будет в нем услаждаться; а если жил плохо, то войдет в тело несчастного и бедного, в котором будет мучиться». Глупец верил, как и другие альбигойцы, что душа проходит сообразно заслугам через разные тела, даже животных и змей.

И настолько усилилось заблуждение альбигойское, что вскоре заразило почти тысячу городов, и если бы не было подавлено мечом верных, то захватило бы и всю Европу.

В год господа нашего 1210-й проповедовали по всей Германии и Франции принять крест против альбигойцев, и в следующем году поднялись против них в Германии — Леопольд, герцог Австрийский, Энгильберт, тогда еще препозит, а ныне архиепископ Кельнский, брат его Адольф, граф Бергский, Вильгельм, граф Юлихский, и многие другие разного чина и звания; то же произошло во Франции, в Нормандии и в Пуату. Главой и проповедником этого похода был Арнольд, аббат в Сито, впоследствии архиепископ Нарбонны. И пришли они к большому городу по названию Безье, в котором, говорят, было более 100 тыс. человек, и стали его осаждать. У них на глазах еретики осквернили книгу св. евангелия и сбросили ее вниз христианам, стреляя и крича: «Вот ваш закон, несчастные». Христос же, насадитель евангелия, не оставил без отмщения нанесенную ему обиду. Ибо некоторые воины, возгоревшись ревностью к вере, точно львы, и по примеру тех мужей, о которых читается в книгах Маккавейских, подставили лестницы и бесстрашно взошли на стены, и, когда еретики, самим господом приведенные в смятение, отступили, они открыли ворота, и город был взят. Узнав из возгласов, что там вместе с еретиками находятся и православные, они сказали аббату: «Что нам делать, отче? Не умеем мы различить добрых от злых». И вот аббат (а также и другие), боясь, чтобы те еретики из страха смерти не прикинулись православными, а впоследствии опять не вернулись к своему суеверию, сказал, как говорят: «Бейте их всех, ибо господь познает своих». И перебито было великое множество.

25. МИССИЯ ЦИСТЕРЦИАНСКИХ АББАТОВ ПРОТИВ АЛЬБИГОЙЦЕВ.

(Из «Исторического зерцала» Винцента из Бовэ, XIII в.)

Посланы были папой Иннокентием[1] 12 аббатов цистерцианского ордена с легатом апостолического престола[2] в альбигойскую землю, чтобы, проповедуя католическую веру, обезвредили они яд ереси. Собрав собор епископов, архиепископов и других

[1] Иннокентий III.

[2] Уполномоченный представитель папы, посланный с особым поручением.

прелатов этой области, они стали совещаться с ними, каким образом более удобно выполнить то, ради чего они сюда прибыли. В то время как они заботились о решении этого вопроса, выступил достопочтенный Дидак, епископ Осмский[1].

Вот каков был его совет, поданный божественным духом: оставив пышность излишней роскоши, обнаруживать которую в тратах, в конных свитах, в одеждах и разной утвари действительно достаточно неуместно для пришедших проповедовать бедного Христа, надо выставить свою истинную и евангельскую бедность и показать верность христу не только словами и губами, но и делами и руками; и таким образом они могли бы подлинным соблюдением религиозной святости возвратить к истине веры души, которые еретики дурачили поддельной добродетелью и подобием благочестия. И все склоняются к его совету и вызываются действовать согласно его словам. Сам он первый, согласуя свои дела со словами, начал делать то, в чем убеждал других: тотчас же отправил в Осму своих верховых слуг с утварью и разным снаряжением, какое он привез с собою. Удержал при себе лишь немногих из клириков и брата Доминика[2]...

Отослав домой слуг, стали они поодиночке принимать евангельскую бедность, ходить повсюду босыми и бодро проповедовать словом и делом веру христову, имея над собою как бы главой всего дела епископа Осмского.

26. ДОНЕСЕНИЕ ПАПСКОГО ЛЕГАТА АРНОЛЬДА, АББАТА СИТО, ПАПЕ ИННОКЕНТИЮ III О ВЗЯТИИ ГОРОДА БЕЗЬЕ.

...Пока бароны обсуждали, как бы высвободить находящихся в городе православных, какие-то сорви-головы, люди подлого звания и почти невооруженные, не выждав начальников, пошли на приступ и через два или три часа после того, как мы, к удивлению нашему, услыхали крик «к оружию, к оружию», уже овладели рвом и стенами, и город Безье был взят, причем наши не оказали пощады ни сану, ни возрасту, ни полу, и пало от меча почти 20 тыс. человек. Велико было избиение врагов, разграблен и сожжен был весь город — чудесное свидетельство о страшной божьей каре...

27. ИЗЛОЖЕНИЕ «ЕРЕСИ» КАТАРОВ[3] БОНАКУРСОМ.

Бонакурс — итальянский катар, перешедший в католичество. Около 1180 г. он написал против прежних своих единомышленников обличительное сочинение, в котором обрушивается на них с ненавистью ренегата. Книга

[1] Осма — город в Испании.

[2] Доминик (1178—1221) — впоследствии основатель ордена проповедников (доминиканского).

[3] Катары — альбигойцы. Сами они производили свое название от греческого слова, означающего «чистые». Их противники производили его от латинского слова «catus» — «кот», обвиняя катаров в совершении отвратительных действий с участием кота.

Бонакурса имеет значение как один из ранних и хорошо осведомленных источников для истории катаров.

Их ересь не только страшна, но и слишком ужасна и гнусна, чтобы ее излагать или слушать. Именно, одни из них говорят, что бог создал все элементы, другие говорят, что эти элементы создал дьявол; однако общее мнение катаров, что эти элементы разделил дьявол [1]. Они говорят также, что тот же дьявол создал Адама из грязи земной и заключил в него высшей силой некоего ангела света... Говорят, что он создал Еву, с которой сожительствовал, и от этого родился Каин, из крови которого... родились собаки, и поэтому они так верны людям... Супружество Адама и Евы, как они говорят, было запрещенным плодом. Они приводят и другое заблуждение, а именно, что все, что было создано в воздухе, в воде и на земле, было создано дьяволом, как-то: люди, [все] живое и неживое. От дочерей Евы и демонов, говорят они, родились великаны, которые узнали от демонов, своих отцов, что все сотворено дьяволом. Поэтому дьявол, жалея, что они знают это, сказал: «Раскаиваюсь, что создал человека» (книга «Бытия») [2].

О Христе они говорят, что он не имел живой плоти, не ел и не пил и не делал ничего по-человечески, но так казалось...

Говорят, что блаженный Сильвестр был антихристом, о котором говорится в «Посланиях»: «Сын погибели». С его времени, говорят они, церковь погибла [3].

Всех учителей церкви они хулят, а именно Амвросия, Григория, Августина, Иеронима [4]. Если кто-либо поест мяса, яиц, сыра или какой-либо животной пищи, они говорят, что он ест свое осуждение...

Они убеждены, что всякий, кто клянется, будет осужден, и верят, что никто не может спастись иначе, чем принятым у них

---

[1] Основная идея катаров — противоположность материального начала, которое они считали носителем зла, и начала духовного, в котором они воплощали добро. Каждое из этих двух начал имеет, по учению катаров, самостоятельного творца: злое и материальное — дьявола, доброе и духовное — бога. Этот резко проведенный дуализм (двойственность) служил катарам религиозной предпосылкой для резкой критики католической церкви с ее огромными богатствами, овеществлением религиозных понятий в изображениях и т. п.

[2] В библии все это создает и говорит бог. Считая все материальное дьявольским порождением, катары приписывают деятельности дьявола всю библейскую историю миротворения.

[3] Сильвестр I (314—335) — римский папа, которому согласно известной папской фальшивке — «Дару Константина» император Константин подарил Рим и Италию. Этим было положено, как думали в средние века, начало светскому владычеству пап и богатству церкви, в котором «еретики» видели источник всей порчи и всех зол в церкви. Поэтому все «еретики» с папы Сильвестра начинают новый период церковной истории, к которому они относятся с безусловным осуждением.

[4] Церковные писатели IV—V вв., сочинения которых церковь считает особенно авторитетными.

возложением рук, которое они называют крещением... По их мнению, дьявол только один; говорят, что луна — это Ева и что они сходятся раз в месяц... Все звезды они считают демонами. Наконец, они говорят, что помимо них никто не может спастись. Вот такова ересь катаров.

28. НАЧАЛО ВАЛЬДЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ.
(Известие инквизитора Бернарда Гвидона, начало XIV в.)

Вальдены или лионские бедняки. Они появились около 1170 г.; начало вели они от некоего лионского горожанина Вальдесия или Вальденса, который выделялся богатством и, оставив все, решил соблюдать бедность и совершенное евангелие, как соблюдали его апостолы. И после того как он велел перевести для себя на народный романский язык евангелия и некоторые другие книги из библии и даже некоторые сочинения святого Августина, Иеронима, Амвросия, Григория, ...он и его последователи... читали их слишком часто и понимали недостаточно здраво, ибо были не очень образованы. Они присвоили себе апостольское служение, дерзая проповедовать евангелие по весям и градам. И Вальдесий многих людей обоего пола сделал своими соучастниками в подобном безрассудстве, рассылая их для проповеди, словно учеников. Мужчины и женщины, простецы и необразованные, расходились они по деревням, проникали в дома, проповедовали на улицах и даже в церквах... и повсюду распространяли множество заблуждений.

Когда архиепископ лионский... запретил им это, они, презирая прелатов и клириков, ибо те в изобилии владели богатствами и жили в утехах,— ответили, что более, чем людям, должно повиноваться богу и что бог предписал апостолам возвещать евангелие всякой твари. За это они были отлучены и изгнаны из города и из отечества. Рассеянные таким образом по земле, они распространились по этой провинции и по близким и сопредельным областям Ломбардии. Отлученные от церкви, они, смешиваясь с другими еретиками и впитывая в себя их заблуждения, присоединили к собственным измышлениям ошибки и лжеучения существовавших прежде еретиков...

Вальдены имеют и назначают старшего над собой, которого они называют своим Majoralis. Все они неуклонно ему повинуются, как все католики папе...

Равным образом, после того как они совращены в это общество, называемое ими братством, и обещали повиноваться своему старшему и соблюдать евангельскую бедность, они должны впредь сохранять чистоту нравов и не иметь собственности. Но они должны продать все, что имеют, и деньги употребить сообща, а жить милостыней, которая им подается их верующими и сочувствующими.

29. ИЗЛОЖЕНИЕ ВАЛЬДЕНСКИХ УЧЕНИЙ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА КОНЦА XIII в.

1. Римская церковь — не церковь, а сборище скверных.

2. Нет у них другого главы на земле, кроме того, о котором говорится в евангелии от Матфея: «Не называйте никого отцом на земле» и в I Послании к коринфянам: «Всякому мужу глава Христос». Поэтому отрицают они, что господин папа — глава церкви и имеет власть вязать и решить, какую имел св. Петр.

3. Кроме степеней епископской, священнической и дьяконской, все другие степени священства не что иное как предания человеческие [1].

5. Церковные службы не божественны, и не должен человек ходить в церковь.

9. Нет чистилища после этой жизни.

10. Судьи или власти не могут присуждать к смерти, не совершая греха.

11. Клятва не может быть произнесена без смертного греха.

13. Слова святых отцов — только предания человеческие [2].

14. Церковь божия пала со времен папы Сильвестра.

18. Каждый праведный человек, получивший священство или нет, может совершать причащение.

19. Никто не может спастись вне их церкви.

30. ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ГЕНЕРАЛЬНОГО КАПИТУЛА ДОМИКАНСКОГО ОРДЕНА [XIII в.].

Постановляем, чтобы у братьев наших не было золотых и серебряных украшений, кроме чаш, ни шелковых одежд, ни драгоценных камней, и было бы не более одного колокола для благовеста...

Предписываем, чтобы братья наши добросовестно убеждали народ почитать церкви и прелатов, с верностью воздавать им по праву и своевременно посещать приходские церкви.

Также постановляем, чтобы в украшениях риз как алтарных, так и священнических не было драгоценных камней и золота.

Увещеваем братьев прилежнее заниматься тем, что важно для борьбы против еретиков и для защиты веры...

Братья должны в местах, где они часто бывают, выпрашивать хлеб в знак бедности.

31. ПОЗОРНЫЕ КРЕСТЫ НА ОДЕЖДЕ «ЕРЕТИКОВ» [XIII в.].

Приказываем и предписываем вам... в покаяние и во имя покаяния за упомянутую вину... постоянно носить на всякой вашей

[1] Это положение направлено против сложной иерархии католической церкви, в которой установилась длинная лестница степеней священства.

[2] Это положение делает необязательным авторитет церкви в религиозных вопросах.

одежде, кроме нижней рубашки, два желтых войлочных креста, один впереди на груди, другой сзади, между плечами; и вы должны заботиться, чтобы они были хорошо видны всегда, находитесь ли вы у себя дома или вне его. Эти кресты должны быть следующих размеров: одна полоса должна иметь две с половиной ладони в длину, а другая, именно поперечная — две ладони, и каждая три пальца ширины. Вы должны их без замедления чинить или заменять, если они порвутся или износятся от продолжительного употребления.

32. ЗАПИСЬ РАСХОДОВ ПО СОЖЖЕНИЮ ЧЕТЫРЕХ «ЕРЕТИКОВ» В КАРКАССОНЕ 24 АПРЕЛЯ 1323 г.

Дрова	55 су 6 денье
Хворост	21 » 3 »
Солома	2 » 6 »
4 столба	10 » 9 »
Веревки	4 » 7 »
Палачу по 20 су с головы .	80 »
Итого . . .	8 ливров 14 су 7 денье

III. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ. АСКЕТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ.

33. ИННОКЕНТИЙ III.

(Из трактата «О презрении к миру».)

О наготе человека.

Книга 1, глава 8. Наг он родился, и наг умрет. Наг появляется на свет, и наг сходит в могилу. «Наг,— говорит Иов,— я вышел из чрева матери моей, и наг возвращаюся туда» (Иов, кн. 1) «Мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем вынести из него» (к Тим. VI). Если же кто-нибудь родился в сорочке, пусть он размыслит, какую он приносит одежду?! Стыдно сказать, еще стыднее слышать, невыносимо стыдно видеть! Противную кожицу, запятнанную кровью.

О труде смертных.

Книга 1, глава 12. «Ибо птица рождается для полета, а человек рождается для труда» (кн. Иова). Все дни его полны трудами и скорбями, и даже ночью не отдыхает ум его. И что это, если не суета? Нет никого без работы под солнцем, нет никого без недостатка под луной, нет никого без тщеславия во времени.

Время есть замедление вещей преходящих. «Суета сует,— говорит Экклезиаст,— и всяческая суета». О, сколь различны стремления людей, сколь неодинаковы занятия! Однако, одна у всех цель и один результат: труд и томление духа.

О занятии мудрецов.

Книга 1, глава 13. Исследуют мудрецы, вычисляют высоту неба, ширину земли, глубину моря и обсудят частности, обдумают целое, всегда будут учиться или учить. А что приобретут от этого занятия, кроме скорби и удручения духа? Знал это по опыту сказавший: «Когда же я обратил сердце свое на то, чтоб познать мудрость и ученость, заблуждения и глупость, то узнал, что это труд и удручение духа, потому что при многой мудрости много раздражительности, и кто умножает познания, умножает скорбь» (Экклезиаст, 1). Ведь хотя надо, чтобы исследователь напрягался для ночных бодрствований и бодрствовал для трудов и усилий, однако, едва ли есть что-нибудь столь ничтожное, едва ли есть столь легкое, что человек понимал бы вполне, что он постигал бы ясно. Разве только то знают совершенно, что ничего не знают совершенно.

34. ЖИЗНЬ АСКЕТА.

Святой Франциск... не только отказывал себе во всяком излишке, но едва допускал самую необходимую домашнюю утварь. Ибо, говорил он, невозможно удовлетворять потребность, не возбуждая вместе с тем чувственного желания.

Он редко и мало вкушал вареной пищи, и, в таком случае, он часто посыпал ее пеплом или портил вкус прибавкой холодной воды. Сколько раз случалось, что он, приглашенный к столу знатных вельмож, питавших к нему великое благоговение, отведывал немного мясных блюд, чтобы исполнить предписание святого евангелия, а остальное клал за пазуху, делая вид, что он ест, чтобы другие не заметили. Что сказать о питье вина, когда он даже воды не пил достаточно, чтобы утолить жажду.

Он спал всегда на голой земле, нагой, подложив одну тунику; когда он освежал свое бренное тело сном, он чаще сидел, чем лежал, подложив под голову вместо подушки кусок дерева или камень.

Если же во время еды что-либо возбуждало его аппетит, то он почти никогда не дотрагивался до этого блюда.

Случилось однажды, что во время тяжелой болезни он съел немного куриного мяса. Несколько оправившись, он пошел в Ассизи и, дойдя до городских ворот, повелел брату, бывшему с ним, привязать ему на шею веревку и протащить его, как разбойника, по всему городу, возглашая и говоря: «поглядите на обжору, наевшегося втайне куриного мяса»...

На свое тело он смотрел как на сосуд погибели, не имел о нем ни забот, ни попечений и подвергал его всяческим испытаниям, чтобы не покориться из любви к нему мирским вожделениям.

РЕЛИГИОЗНОЕ СУЕВЕРИЕ.

35. ИЗ ТРАКТАТА ЖЕРСОНА «О ЗАБЛУЖДЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С МАГИЧЕСКИМ ИСКУССТВОМ».

Автор трактата — знаменитый богослов и канцлер Парижского университета Жерсон (1363—1429 гг.). Самый трактат вырос из речи, которую он держал однажды к лиценциатам медицинского факультета.

В естественной философии является правдоподобным, согласно же истинам веры является несомненным, что демоны существуют. Такого взгляда держались самые возвышенные из философов: Гермес трижды великий, Платон и все последователи его доктрины, Апулей, Порфирий и другие. Это нам ясно показывают собственные их труды, равно как труд Августина «О граде божием». Тезис, что демоны существуют, на философской почве гораздо легче защищать, нежели противоположный, ибо при этом остаются неприкосновенными рассказы о чудесных происшествиях, которые передаются достоверными историками у всех решительно народов. Им всем противопоставлять упорное отрицание — значит переходить в дерзости всякие границы и колебать основы человеческого общежития и союза, так как той силой, которая людей соединяет, скрепляет и сливает в одно целое, служат взаимное доверие и готовность друг друга слушать. У христиан же отрицание демонов и того, что они могут творить в природе очень многое, представляет учение, которое осуждено как ошибочное, нечестивое и противное св. Писанию. Итак, смеха достойны и суровой кары те, кто издевается над богословами, лишь только они заводят речь о демонах и действиями демонов объясняют различные явления, как будто бы это было вещью баснословной.

Проистекает же подобное заблуждение у некоторых образованных людей частью от недостатка веры, частью же от слабости и порчи рассудка. Душа их настолько занята чувственным, занята телом и заботами о нем или же ум их настолько погружен в изыскание частных, обязательных причин, что они оказываются совершенно не в состоянии разуметь вопросы об универсальном, о первых сущностях и о духовном и теряют способность к тонкому, возвышенному мышлению. Платон еще сказал, что величайшим препятствием к познанию истины является такая склонность верить лишь чувствам, не возвышаясь над их свидетельством. Так же говорили и Цицерон, и Августин в труде «Об истинной религии», и Альберт Великий, и Вильгельм Парижский; этому учит нас и опыт.

36. КАК ХУДОЖНИК НАПИСАЛ ИЗОБРАЖЕНИЯ ДЬЯВОЛА И СВ. МАРИИ.

Один художник изобразил на стене дьявола как мог более отвратительно, с рогами и острыми зубами. И в том же месте сделал изображение блаженной девы Марии такое благолепное и прекрасное, что прекраснее быть не может. Дьявол, зажегшись яростью против художника, сказал так: «Почему ты изобразил меня столь ужасным, а блаженную Марию столь прекрасной?» Ответил художник, что в действительности это так, как изображено на картине. Дьявол, сразу же разгневавшись, хотел сбросить художника с возвышения, на котором тот писал образ благой девы. Но образ... протянул ему свою руку и крепко удержал художника, чтобы он не упал.

37. О НАКАЗАНИИ ОДНОЙ МАТРОНЫ ИЗ ВЕЛЬДЕНЦА, КОТОРАЯ ГЛУПО ГОВОРИЛА ОБ ИКОНЕ СВ. МАРИИ.

В часовне замка Вельденц есть старая икона блаженной девы, держащей на руках сына, хотя и не хорошей работы, но зато наделенная многими чудесами. Одна матрона из этого замка, который находится в Трирском епископстве, стоя однажды в часовне и рассматривая эту икону, сказала, недовольная резьбой: «Для чего здесь стоит этот старый хлам?» Блаженная Мария, матерь милосердия, не обвиняя, как я думаю, суесловную женщину перед сыном своим, но предсказывая будущее наказание за вину, говорит другой матроне: «Так как эта госпожа (называет ее по имени) назвала меня старым хламом, будет она вечно несчастна до гроба». Лишенная через несколько дней после этого собственным сыном всех своих владений, движимых и недвижимых, она достаточно плачевно нищенствует по сей день, претерпевая наказание за суесловие. Вот как благая дева ценит и награждает почитающих ее и наказывает и смиряет хулящих ее.

38. ОБ ЮНОШЕ, КОТОРЫЙ ОБРУЧИЛ СЕБЯ СВЯТОЙ ДЕВЕ.

Рассказывают, что некий юноша преданнейше возлюбил святую деву и ежедневно пел ей молитвы. Его родители заставляли его жениться, хотя он охотнее избрал бы благочестивую жизнь. Был готов уже свадебный обед, когда... он вспомнил, что не выполнил молитв святой деве. И он сказал, что должен итти в церковь, чтобы совершить положенную молитву святой деве. Его друзья, удивляясь, сказали, что не приличествуют такие слова брачущимся. Тогда, хотели они или нет, он пошел в церковь один. Войдя внутрь, он увидел подле алтаря прекраснейшую даму, убранную драгоценнейшими украшениями и благоухающую. Юноша, однако, испугался и онемел. И сказала дама: «Друг, погляди, видел ли ты когда-нибудь такую прекрасную и

такую статную?» Ответил юноша: «Никогда не видел подобной тебе по красоте». И сказала дама: «Так почему же ты отказался от меня и взял другую невесту?» Спросил юноша: «Госпожа, кто ты?» Она ответила: «Я мать сына божьего». И говорит юноша: «Никогда не покину тебя и не возьму другой». И, вернувшись домой, юноша отпустил невесту и любовью свято служил в благочестии святой деве.

39. О МОНАХЕ, КОТОРЫЙ ПОЗНАЛ РАДОСТИ РАЯ.

Одному монаху, стремившемуся узнать, может ли быть радость без горечи, послана была птица, распевавшая некие райские мелодии. Последовав за ней в восхищении за стены монастыря, он как бы в экстазе пребывал в лесу в течение двухсот лет. Когда же птица улетела, он, вернувшись в монастырь, был принят как незнакомец.

40. О ПТИЧКЕ, ОСВОБОЖДЕННОЙ ОТ КОРШУНА ЗАСЛУГАМИ СВЯТОГО ЕПИСКОПА ФОМЫ.

Одна матрона, весьма почитавшая блаженного Фому Кентерберийского, страдала постоянными болезнями, и, когда ее беспокоили боли, она призывала этого мученика в таких словах: «Святой Фома, помоги мне». У нее была птичка, не знаю какой породы, которая, постоянно слушая эту молитву, совершенно достаточно научилась произносить ее. Однажды коршун, видя ее на воле, похитил ее и улетел. В момент похищения, пока еще не примяли ее когти этой птицы, она вскричала: «Святой Фома, помоги мне», и ее услышали все присутствовавшие. Бог, чтобы показать драгоценные заслуги своего мученика, велел коршуну отпустить птичку, которая с большим ликованием тотчас вернулась к своей госпоже. А коршун, претерпевая наказание за грабеж, упал мертвым на землю.

41. О ДЕМОНАХ, КОТОРЫХ ВИДЕЛИ В МАЙНЦЕ В ПЫШНОЙ ОДЕЖДЕ ОДНОЙ ЖЕНЩИНЫ.

То, что я собираюсь рассказать, передал мне один почтенный горожанин, утверждавший, что это действительно происходило в свое время, помнится, в Майнце. Однажды священник, совершая обход в церкви и кропя святою водою народ, встретил около церковной двери некую матрону, торжественно выступавшую и, наподобие павлина, пышно убранную всевозможными украшениями. Он заметил, что множество демонов расположилось на длиннейшем хвосте ее платья, *который она волочила за собой*. Были они маленькие, как мыши, черные, как эфиопы, с смеющимися мордами, плещущие руками и плещущие, как рыбы, пойманные в сеть. И поистине: женское украшение — сеть дьявола. Увидев это, он за-

ставил демонскую повозку[1] ожидать снаружи, созвав народ, заклял демонов, чтобы не разбежались. Она стояла испуганная, а священник,—ибо был он муж добрый и праведный,—достиг молитвами того, что народ удостоился увидеть это явление. Женщина, поняв, что из-за пышности одежды была она так осмеяна демонами, вернулась домой, переменила платье; и как для нее самой, так и для других видение стало поводом к смирению.

42. О ДЬЯВОЛЕ, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ ПОСЕЯТЬ НЕСОГЛАСИЕ МЕЖДУ ПУТЕШЕСТВУЮЩИМИ ДРУЗЬЯМИ.

Двое кельнских горожан, мужи богатые и почтенные и большие друзья, из коих одного звали Систапп, а другого Годефрид, отправились вместе к св. Иакову апостолу[2]. Однажды, когда они ехали одни, опередив других братьев, дьявол, ненавидевший их дружбу и согласие, при въезде в какой-то лесок сломал кнут Годефрида, висевший у него за спиной и довольно крепкий. Видя, что поблизости никого нет, он с возмущением крикнул товарищу: «Эй, брат, почему ты сломал мой кнут?» Несмотря на его отрицания, даже клятвенные, как мне передавал уже упомянутый Годефрид, он так рассвирепел против Систаппа, что едва удержал руки, чтобы не оскорбить его. Наконец, по милости божией и святого апостола придя в рассудок, он раскаялся перед дорогим другом, а зачинщик всего раздора—дьявол убежал посрамленный.

МАГИЯ И ВЕДОВСТВО.

43. РЕЛИГИОЗНОЕ ВРАЧЕВАНИЕ.
(Постановление IV Латеранского собора.)

Поелику телесная немощь иногда происходит от греха..., настоящим постановлением определяем и строго предписываем врачам телесным в случае приглашения к больным прежде всего напоминать и побуждать их призывать врачей духовных, чтобы после того, как будет для больных проявлена забота о духовном здравии, с большим успехом приступали к средствам телесной медицины, ибо где проходит причина, там проходит и действие. Этому постановлению, между прочим, подало повод то, что некоторые, находясь на одре болезни, впадают в состояние отчаяния, когда врачи убеждают их позаботиться о спасении души, и от этого они легче подвергаются опасности смерти.

---

[1] Демонской повозкой автор называет женщину за то, что она возила на себе демонов.

[2] К св. Иакову апостолу—в одно из культовых мест, связанных с этим именем.

44. АСТРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ.

(Из Цезария Гейстербахского.)

О звезде, которую видели в Кельне после полудня.

После смерти императора Генриха[1], когда во дворце в Кельне обсуждался вопрос об его преемнике, видна была ярчайшая звезда. Сбежавшись в курию епископа, все мы ее видели, но что обозначало столь необычайное видение, узнать не могли.

1) О громадной звезде, которая появилась после заката солнца.

Подобным образом в тот же год через две недели была видна после заката звезда такой величины, что она испускала блеск наподобие огня. Иудеи утверждали, что она была знамением приближения их мессии. Это говорили о звездных приметах. Далее приведу некоторые примеры об эфирном огне, именно о молнии и громе, которые рождаются от столкновения облаков, чтобы ты знал, что по слову спасителя кары небесные и великие знамения выпадали на долю даже нашего времени.

2) О громе и молнии.

В канун дня св. Матфея апостола будет два года, как в Кельне случилось событие довольно чудесное, и потому чудесное, что необычайное. В сумраке той же ночи упавший с неба огонь спалил башню св. Андрея, а также изгородь около курии одного каноника. Они были потушены усилиями многих горожан. В ту же ночь замерзла вода.

45. АЛЬБЕРТ ВЕЛИКИЙ.

«О свойствах трав, камней и животных».

Альберт Великий (1193—1280 гг.) — знаменитый схоласт, из немецкого графского рода Больштедт. Профессор богословия в Париже, потом в Кельне. Автор многочисленных сочинений, в том числе по естественным наукам. Доставил аристотелевской философии признание богословов и сделал ее основой, на которой он сам и последующие схоласты, особенно его знаменитый ученик Фома Аквинский, развивали свое учение. Сторонник строго папско-католических воззрений.

По мнению Альберта Великого, знание, принадлежащее к разряду благ, может быть использовано и для добрых и для злых целей. Из этого следует, что сама по себе магическая наука не составляет зла. Благодаря знанию ее можно избежать зла и достигнуть добра.

Альберт намеревается изложить результаты, найденные им у разных прежних авторов: «Сначала я расскажу о некоторых травах. Потом о некоторых камнях. В-третьих, о некоторых животных и их достоинствах».

Из первой книги. Девятая трава... лилия. Если ты соберешь эту траву при появлении солнца в знаке Льва и смешаешь с соком лавра и затем положишь этот сок под навоз в любое

[1] Генрих VI (1190—1197).

время, то заведутся черви. Если из них сделать порошок и повесить его кому-нибудь на шею или в его одежду, он никогда не заснет или не сможет спать, пока этот порошок не будет вынут. И если вышеупомянутое положишь под навоз и намажешь когонибудь родившимися оттуда червями, тотчас его охватит лихорадка. И если упомянутое положить в какой-нибудь сосуд, где находится молоко коровы, и закрыть шкурой коровы того же цвета, то все коровы потеряют молоко, как это было достоверно испытано в наше время...

Пятнадцатая трава... называется розой, и это трава, цветок которой наиболее известен. Возьми грамм ее и грамм горчицы и ножку мыши, повесь все это на дерево, и оно не будет давать плодов. И если упомянутое положить около сети, то в нее соберутся рыбы...

И если упомянутый порошок положить в лампу, которую после этого зажгут, то все будут казаться черными подобно сатане.

И если упомянутый порошок смешать с оливковым маслом и натуральной серой и намазать этим при солнечном свете дом, то он будет казаться объятым пламенем.

Из второй книги. Если ты хочешь одолеть врагов, возьми камень, который называется адамант, блестящего цвета, твердейший, так что нельзя разбить его, кроме как [помазав] кровью козла. Камень этот рождается в Аравии или на Кипре. И если привязать его с левой стороны, помогает он против врагов, и против нездоровья, и против животных диких и ядовитых, и лихих людей, и против ссоры и споров, и против яда, и от наваждения, и некоторые называют его диамантом...

Если хочешь прибавить мудрости и избежать глупости, возьми камень, который называется хризолит, светлозеленый, оправленный в золото; он изгоняет глупость и приносит мудрость.

Если хочешь одолеть зверей и истолковывать все сны и предсказывать будущее, возьми камень, который называется эсмунд или асмад. Он бывает разных цветов, уничтожает всякий яд, доставляет победу над противниками, дает дар пророчества и истолкование всех снов и делает понятным тайное.

Из третьей книги. Филин — птица достаточно известная...

Чудесны свойства этой птицы. Ибо, если ее сердце и правую ногу положить над спящим, тотчас он тебе расскажет все, что он делал и что ни спросишь у него, и это над нашими братьями в недавнее время было испытано...

Крот — животное достаточно известное. У этого животного есть удивительное свойство, как говорят философы. Если завернуть его ножку в лавровый лист и положить в рот лошади, она убежит от страха. А если положить в гнездо какой-нибудь птицы, то никогда не вылупится из яиц приплод. А если хочешь изгнать кротов, то положи на дворе крота и горящую самородную

серу, и все остальные кроты соберутся там, и от воды, в которой они варились, станет белою черная лошадь...

Если кто-нибудь будет носить слева сердце собаки, то все собаки онемеют перед ним.

46. ТЕКСТ БУЛЛЫ, ДАННОЙ ПАПОЙ ИННОКЕНТИЕМ VIII В 1484 г. ДОМИНИКАНСКИМ ПРОПОВЕДНИКАМ ШПРЕНГЕРУ И ИНСТИТОРУ.

К великому прискорбию нашему, дошел до нас неложный слух, что в некоторых частях верхней Германии, как-то: в провинциях, городах, землях, местностях и епархиях Майнцской, Кельнской, Трирской, Зальцбургской и Бременской округи множество лиц обоего пола, забывая о собственном спасении и уклоняясь от католической веры, распутничают с демонами, инкубами и суккубами и своими нашептываниями, чарованиями, заклинаниями и другими суеверными, безбожными, порочными, преступными деяниями губят и изводят младенцев во чреве матери, зачатие животных, урожай на полях, виноград на лозах и плоды на деревьях, равно как и самих мужчин и женщин, домашнюю скотину и вообще всяких животных, а также виноградники, сады, луга, пастбища, нивы, хлеба и все земные произрастания; что они нещадно терзают как внутренними, так и наружными жестокими болезнями мужчин и женщин, домашнюю скотину и других животных; что они тем же мужчинам не позволяют производить, а женщинам зачинать детей и лишают мужей и жен способности исполнять свой супружеский долг; что, сверх того, они кощунственными устами отрекаются от самой веры, полученной при св. крещении, и что они по подстрекательству врага рода человеческого дерзают совершать и еще бесчисленное множество всякого рода несказанных злодейств и преступлений, вводя в опасность погибнуть свои души, оскорбляя божеское величие и служа пагубным примером и соблазном для многого множества людей. И хотя возлюбленные сыны наши, Генрих Институтор и Яков Шпренгер из ордена братьев-проповедников, профессора богословия, были назначены и состоят в силу нашей апостольской грамоты следователями по делам о еретическом нечестии: первый — в вышеназванных частях верхней Германии, обнимающих, как надо понимать, и провинции, и города, и земли, и епархии и другие такого рода местности; а второй — в некоторых областях вдоль Рейна, однако иные клирики или миряне в этих странах, не в меру высоко ставя свое разумение, нагло и упорно утверждают, что так как в наказной грамоте не поименованы точно и в отдельности ни такого рода вышесказанные провинции, города, земли, епархии и другие местности, ни лица в них, ни преступления такого рода, то все это сюда не подходит и что поэтому вышепоименованным инквизиторам в вышесказанных провин-

циях, городах, епархиях, землях и местностях нельзя заниматься сыском и что их не должно допускать к наказанию, заключению в тюрьму и исправлению помянутых лиц за вышесказанные злодейства и преступления. Благодаря этому в названных провинциях, городах, епархиях, землях и местностях подобные провинности и преступления остаются безнаказанными, за что душам тех людей грозит очевидная опасность потерять вечное спасение.

47. ИЗ ПРОПОВЕДИ О ДЕЛАХ ВЕДЬМ.

Бес заключил с иными из людей договор и дал им слова и знаки. Стоит им сделать знак и произнести слово — и бес готов исполнить, чего они желают, так что бес производит колдовские деяния в угоду ведьмам. Возьми пример, и ты это поймешь. Когда ведьма хочет навести бурю или град, она берет метлу, становится в ручей и метлой перекидывает воду себе через голову: так и выходит град. Однако от перебрасывания воды через голову и от слова град пойти не может. Но бес, лишь только он завидит такой знак и заслышит слово, там в воздухе и в ветре принимается ведьме помогать и поднимает бурю. Да, скажет иной, а я этому вовсе не верю. Я верю, что стоит мне перекреститься, и нет мне до ведьмы дела. Не могут они этого.— Вот неразумные речи. Мы же своими глазами видим, что это в самом деле бывает. Конечно, не они это делают — это правда — делают это не они, но бес в угоду им может это производить, раз он видит знак и слышит слово, которому он их научил...

Ну вот, ты спрашиваешь меня: как должен я об этом думать? Могут ли ведьмы иссушать коров и вынимать у них молоко, так что те не дают больше молока? И могут ли они доить молоко из топорища или из шила? Я говорю: да, с помощью беса они все это могут. Как же это выходит? В природе существует известный закон, что бес может вещественные предметы переносить с одного места на другое с помощью свойственной ему силы, полученной им от всемогущего бога. Так, бес способен большую скалу перенести как перышко... Отсюда и выходит, что когда ведьма сядет на вилы, смажет их и скажет нужное слово, то она едет, куда хочет. Не в вилах тут, конечно, сила и не в мази: делает это бес, который везет ведьму на вилах, как только заприметит свое таинство и свой знак. Так же обстоит дело и с коровами. Молоко есть вещественный предмет, а, как мы сказали, бес с попущения божьего может любой вещественный предмет переправить с одного места на другое. Итак, бес может вынуть молоко из коровы, извлечь его из ее тела и перенести его в другое место, раз он завидит сделанный ведьмой знак. И, когда ведьма воображает, будто она доит топорище, бес может в одно мгновение перенести туда молоко и лить ей в подойник. А так как он остается при этом невидим, то ведьма и думает, будто молоко бежит из дерева или топорища.

48. ДЕЯНИЯ ЧЕРНОКНИЖНИКА.

[В город приехал чернокнижник и стал показывать свое искусство.]

Тогда к нему пристало восемь легкомысленных клириков, прося, чтобы он им помог в достижении их желаний. Он им ответил, что этого не сделаешь без круга, и начертил огромный круг с таинственными знаками, куда поместил всех восьмерых. Внутрь того же круга с одной стороны он поставил три кресла и *сказал клирикам, что там воссядут три евангельских волхва.* Вне круга же он устроил высокое седалище и пышно убрал его цветами. Когда наступила полночь, он начал свои действия. Он ободрал одного кота и пополам разрубил двух голубок. Потом он вызвал тех трех демонов, которых он выдавал за волхвов, а следом за ними и могучего их князя, которого он именовал Эпаномон. Он сказал демонам, что пригласил их на малое угощение, чтобы они помогли присутствующим клирикам достичь своих желаний. Кота он дал трем демонам в кругу, и те его в одно мгновение проглотили, голубок же он преподнес великому демону, *который также их немедленно пожрал. У него с собой был* хрустальный пузырек, и он заклятиями принудил великого демона стать крошечным и войти в пузырек, написав на печати альфу и омегу. Затем клирикам было предложено выразить свои желания. Один пожелал любви какой-то знатной женщины, и ему это было обещано. Другой сказал, что хочет быть в милости у герцога Брабантского, и получил на это обещание и т. д. ...После того в присутствии клириков магистр стал толковать со своими демонами о Христе и о всех христианах, говоря самые непозволительные вещи, чем были развращены и клирики. Из круга же он их не выпускал до солнечного восхода.

IV. ШКОЛА И ПРОСВЕЩЕНИЕ.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ШКОЛА И ОБРАЗОВАНИЕ.

49. КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ПАРИЖА В НАЧАЛЕ XIII в.

(Отрывок из сочинения, написанного около 1220 г.).

Почти все парижские школяры [студенты] как туземные, так и иностранные занимались исключительно только тем, чтобы учиться и исследовать что-нибудь новое.

Одни занимались исключительно для того, чтобы знать, но это одно любопытство; другие, чтобы прославиться, но это тще-

славие; наконец, иные учились, чтобы приобретать впоследствии выгоду, но это корыстолюбие и симония. Весьма немногие из них занимались, чтобы получать назидание или назидать других. Они вызывали один другого и спорили между собой не только по поводу различия мнений или для диспута, но даже различие стран возбуждало у них несогласия, ненависть, сильные ссоры, и они бесстыдно преследовали друг друга всякого рода бранью и оскорблениями. Англичан они называли пьяницами и шутами; детей Франции — гордыми, изнеженными и изукрашенными, как женщины; они говорили, что немцы на своих праздниках ведут себя неприлично и по-скотски; нормандцев называли тщеславными самохвалами; жителей Пуату — вероломными и льстецами; бургундцев — грубыми и глупыми, бретонцев — легкомысленными и непостоянными.

Вследствие подобных оскорблений часто дело переходило от слов к потасовке.

Я не буду говорить о тех учителях логики, перед глазами которых постоянно летали «египетские мухи», т. е. всякого рода софистические утонченности; никто не мог понимать их высокопарных речей, в которых, как говорит Исаия, не было никакой мудрости. Что касается до докторов богословия, «восседающих на Моисеевом седалище» (Матф. XXIII, 2), то они были напыщены наукою, но их жизнь никого не назидала. Проповедуя и не действуя, они сделались подобны «меди звучащей, или цимбалу звенящему» (I посл. Коринф. XIII, 1), или каналу, выложенному камнем, который остается всегда сухим, вместо того чтобы вести воду в сады ароматов. Они не только ненавидели друг друга, но старались угодливостью привлекать к себе учеников от других, искали славы для себя, но не заботились о душевном благе. Прислушиваясь к известным словам апостола: «если кто епископства желает, доброго дела желает»,— они множили свои пребенды[1] и домогались мест; но они желали не доброго дела, а отличия, и заботились особенно о том, чтобы «иметь первые места на пиршествах и в синагогах и чтобы им кланялись в народных собраниях» (Матф. XXIII, 6, 7).

Между тем как апостол Иаков (III, 1) сказал: «Братия мои, не многие делайтесь учителями»,— они, напротив, так старались о том, чтобы сделаться учителями, что не могли достать учеников иначе как просьбами и пожертвованиями. Но более безопасно учиться, нежели учить, и скромный слушатель дороже тщеславного и ограниченного учителя. Господь сохранил между ними небольшое число людей честных и богобоязненных, «которые не стояли на пути грешников, не сидели вместе с другими на отравленном седалище».

---

[1] Приход или епархия, дающая пастырю регулярный доход.

50. ПРИВИЛЕГИИ, ДАННЫЕ ПАПОЙ ГРИГОРИЕМ IX ПАРИЖСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ.

[13 апреля 1231 г., Латеран.]

Григорий, епископ, раб рабов божиих [1]... Каждый парижский канцлер, который непосредственно после этого должен быть избран в присутствии епископа... в парижском капитуле [2], куда приглашаются для этого два магистра, представляющих общину школяров, пусть присягнет, что он добросовестно, по разумению своему..., согласно чести и достоинству самих факультетов будет даровать разрешение на чтение богословия и декретов [3] только достойным и не допустит недостойных, без пристрастия к лицам и народностям. Но прежде чем дать кому-нибудь разрешение, пусть он не позже, чем через три месяца со времени просьбы о лиценции, тщательно соберет сведения как от всех магистров богословия, находящихся в городе, так и от других достойных и ученых мужей, от которых можно узнать истину, о жизни, знаниях и даре речи, а также о докторском экзамене [просителя] и видах на его успех, как и о прочем, что надлежит расследовать в таких случаях. Разузнав, таким образом, что приличествует и что является полезным, пусть он добросовестно даст просящему желаемое разрешение или откажет...

Пусть канцлер поклянется также, что он ни в коем случае не будет разглашать во вред магистрам их советов...

Что касается физиков и артистов [4] и прочих, канцлер добросовестно велит испытать магистров и, допуская [к преподаванию] только достойных, удалит недостойных...

Предоставляем вам возможность издавать правила или распоряжения, предусматривающие способ и время чтения лекций и ведения диспутов [5], об установлении одежды, о похоронах умерших, а также о баккалаврах [6] — кто, в какое время и что должен читать... Противящихся этим правилам и распоряжениям дозволяется вам соответственно обуздывать путем удаления из общины.

И если... чего да не будет! по отношению к кому-нибудь из вас или из ваших будет допущена несправедливость или чрезмерное бесчинство, именно смерть или увечье, то позволяется вам, если через 15 дней после отправления соответственного напоми-

[1] Папские грамоты особо важного значения (так называемые буллы) начинаются всегда этим титулом, пользоваться которым не мог ни один епископ, кроме папы.

[2] Соборный капитул представлял совет при епископе, состоявший из священников кафедрального собора.

[3] Декреты и декреталии — различные виды церковных законов.

[4] Артисты — специалисты в области так называемых «семи свободных искусств».

[5] Диспуты — одна из форм преподавания в средневековой школе.

[6] Баккалавр — ученая степень. Баккалавры в университете были младшими преподавателями.

нания вы не будете удовлетворены, прекратить лекции впредь до надлежащего удовлетворения. И если случится кому-нибудь из вас быть незаслуженно арестованным, позволяется вам приостановить чтение лекций... Предписываем также парижскому епископу так наказывать бесчинства виновных, чтобы сберегалась честь школяров, а злодеяние не оставалось безнаказанным...

Возбраняем, кроме того, задерживать школяра из-за долгового обязательства, так как это запрещено канонами и постановлениями закона...

Пусть, впрочем, летние вакации не растягиваются более чем на месяц, но во время вакаций баккалавры, если захотят, могут продолжать свои лекции. Запрещаем также с особою настойчивостью школярам — бродить по городу вооруженными, а университету — защищать нарушителей мира и занятий. А те, которые выдают себя за школяров, но не посещают ни школы, ни какого-либо магистра, пусть не пользуются никакими вольностями школяров.

51. ЦЕНЗУРА КНИГ.

(Из постановления генерального капитула Доминиканского ордена.)

[1256 г., в середине июня, Париж.]

Строго предписываем, чтобы все братья[1]... изъяли положения, осужденные парижским епископом и парижскими магистрами, из своих книг, если они в них были, а также, чтобы приоры провинций[2] или их заместители переправили их книги в свои провинции. И каждый из братьев, если найдет что-либо ошибочное, по его убеждению, в сочинении какого-нибудь брата, пусть сообщит об этом письменно магистру ордена[3].

52. СОЖЖЕНИЕ КНИГ АРИСТОТЕЛЯ.

В те дни[4]... читали в Париже некие книжки, составленные, как говорили, Аристотелем, излагавшие метафизику, недавно занесенные из Константинополя[5] и переведенные с греческого на латинский язык. Поелику они не только подали хитроумными идеями повод упомянутой *ереси*[6], *но* и могли возбудить новые, еще не появившиеся, все они были присуждены к сожжению, и на том же соборе[7] было постановлено, чтобы впредь никто не

---

[1] Доминиканские монахи.

[2] Провинции в монашеском ордене составляют монастыри известной страны и области, подчиненные административному руководству приора.

[3] Магистр — глава ордена в целом.

[4] Около 1209 г.

[5] После разграбления Константинополя крестоносцами в 1204 г. среди других сокровищ было занесено в Европу немало рукописей древних авторов, знакомство с которыми *способствовало* оживлению научной жизни в XIII в.

[6] Ересь Альмарика, профессора в Париже, развивавшего некоторые пантеистические идеи.

[7] Парижский собор 1209 г.

осмеливался под страхом отлучения их переписывать, читать или каким-либо образом хранить.

53. СЕМЬ СВОБОДНЫХ ИСКУССТВ [начало XII в.].

Один ученик спрашивал учителя и сказал: «Поелику есть семь искусств и семь испытаний и семь занятий, хотел бы я, чтобы ты мне их перечислил, в чем они состоят?» Учитель: «Перечислю. Эти искусства: диалектика, арифметика, геометрия, физика, музыка, астрономия. О том же, что представляет седьмое, есть много различных взглядов. Философы, которые не следуют пророчествам, говорят, что седьмое искусство — это нигромантия [1]. Другие философы, которые доверяют пророчествам и философии, хотят, чтобы это была наука, исследующая природу или элементы мироздания. Некоторые, пренебрегающие философией, утверждают, что это грамматика [2].

54. СВОБОДНЫЕ ИСКУССТВА — ОСНОВА ОБРАЗОВАНИЯ.

(Постановление докторов Парижского факультета церковного права, около 1340 г.)

Мы полагаем, что там, где отсутствует фундамент, нельзя производить надстройку и что не через нарушение последовательности степеней, а постепенно и своевременно должно восходить к более высоким должностям и наукам. И так как грамматика, логика, физика и прочие низшие науки суть путь и основание к другим, более высоким знаниям, устанавливаем и предписываем, что никто не должен допускаться к степени баккалавра канонического права на факультете декретов в Париже, сколько бы он ни слушал декретов и декреталий, если он сначала не будет достаточно тверд в начальных звеньях.

55. РАЗГОВОР ДЛЯ УПРАЖНЕНИЯ МАЛЬЧИКОВ В ЛАТИНСКОЙ РЕЧИ, СОСТАВЛЕННЫЙ ВПЕРВЫЕ ЭЛЬФРИКОМ (умер в 1005 г.), А ЗАТЕМ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ УЧЕНИКОМ ЕГО, ЭЛЬФРИКОМ БАТОЙ.

Ученики. Мы, мальчики, просим тебя, наставник, научить нас говорить по-латыни правильно, потому что мы неучи и говорим неправильно.

Наставник. О чем хотите вы говорить?

---

[1] Нигромантия или (чаще) некромантия — гадание с помощью вызываемых для этого душ умерших, вера в которое была сильно распространена в древности и средние века.

[2] Последние следуют наиболее распространенному и обычному перечислению семи искусств, в котором грамматике отводится первое место. На втором месте обычно стоит риторика. Физика среди свободных искусств в большинстве случаев не упоминается.

У. Что нам заботиться о том, что́ мы будем говорить, лишь бы речь была правильная, полезная, а не бабья болтовня и не искаженная.

Н. Хотите ли, чтобы вас пороли при ученьи?

У. Лучше нам быть поротыми ради ученья, чем оставаться невеждами; но мы знаем, что ты мягок и не станешь бить нас, если мы сами тебя к этому не принудим.

Н. Спрашиваю тебя, о чем ты будешь говорить? Чем, например, ты занимаешься?

У. Я дал монашеский обет. Ежедневно совершаю с братией по семи песнопений и занят чтением и пением, но тем не менее я хотел бы выучиться вести разговор по-латыни.

Н. А что знают вот эти твои товарищи?

У. Одни из них пахари, другие пасут овец, быков, некоторые даже охотники; иные рыбаки, иные птицеловы, есть купцы, сапожники, солевары, хлебники...

Н. Так вот, спрошу вас, для чего вы так усердно учитесь?

У. Потому что не хотим мы быть скотами неразумными, которые ничего не ведают, кроме травы да воды.

Н. А чего же хотите вы?

У. Хотим быть мудрыми.

Н. Какою мудростью? Хотите ли быть изворотливы и увертливы, ловки во лжи, хитроумны в ответах, себе на уме — в речах добрые, в помыслах дурные, на словах сладкие, а в душе яд таящие, яко гробы повапленные, внутри же их тлен?

У. Нет, не такой хотим мудрости, ибо не мудр тот, кто прикидывается мудрым, обманывая этим и самого себя.

Н. Так чего же вы хотите?

У. Хотим быть мудрыми в простоте, без лицемерия, уйти от зла и сотворить благо. Доселе, однако, ты рассуждаешь с нами глубокомысленнее, чем может понять наш возраст. Говори же с нами по-нашему, не столь глубокомысленно.

Н. Пороли тебя сегодня?

У. Нет, ибо я вел себя добронравно.

Н. Ну, а твоих товарищей?

У. Зачем ты спрашиваешь об этом меня? Я не смею выбалтывать тебе наших тайн. Каждый сам знает, пороли его или нет...

Н. Где спишь ты?

У. В опочивальне с братией.

Н. Кто подымает тебя к ночной службе?

У. Иногда я сам слышу призыв и встаю; иногда наставник мой будит меня сурово розгой.

Н. О, достойные мальчики и почтительные ученики! Ваш воспитатель наставляет вас в священных правилах повиновения, чтобы вы вели себя подобающе во всяком месте.

56. ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ В ШКОЛЕ (ИЗ «ШВАБСКОГО ЗЕРЦАЛА»).

Если учитель бьет ученика лозой или рукой не до крови, то он за это не отвечает. Если он разобьет ему в кровь нос, то и в этом случае он к ответственности не привлекается. Если же он ему раскровянит другие части тела и притом не лозой, то он должен за это отвечать, а если он убьет его насмерть, то подлежит суду.

57. МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЧИТЕЛЕЙ.

Что получаем мы, учителя, в награду за наши труды? Голодное житие, неприятности, надрыв сил, болезнь и постоянные огорчения. Всякая другая работа дает человеку жить; школьный учитель влачит свои дни в ужасной нищете, и гордость окружающих смешивает его с грязью. Последний писаришка, подьячий, бродячий монах смотрит на него свысока. Нет, лучше смерть, чем учительство.

58. ИЗ ПИСЬМА АБЕЛЯРА К ЭЛОИЗЕ.

Те, кто теперь обучается в монастырях, до того коснеют в глупости, что, довольствуясь звуками слов, не хотят иметь и помышления об их понимании и наставляют не сердце свое, а один язык... И что может быть смешнее этого занятия — читать, не понимая? К такому чтецу по всей справедливости прилагаются известные слова философа: «Осел с лирой». Ибо, что осел с лирой, то и чтец с книгой, когда он не умеет сделать с ней того, на что она назначена. И гораздо приличнее было бы таким чтецам заняться чем-нибудь другим, где была бы какая-нибудь польза, вместо того чтобы без толку глядеть на буквы Писания и ворочать его листы.

59. БОГОСЛУЖЕНИЕ НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ.

Однажды какой-то бедный школьник из Парижа пришел в один приход и стал помогать священнику совершать богослужение. Но этот священник, читая молитвы, так их искажал, что наш школьник ничего не мог понять в этих звуках. Тогда он сам принялся распевать, подражая тем крикам, которые он слыхал в Париже на улицах, когда там торговцы выкрикивают свой товар, как это делают разносчики, старьевщики и тряпичники. А священник все время думал, что школьник поет как следует, ибо он так же мало понимал школьника, как и школьник его, а прислушивался только к звукам.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ НАУКА.

60. ФОМА АКВИНСКИЙ О ЗАНЯТИЯХ НАУКОЙ.

Среди всех стремлений человеческих стремление к мудрости самое совершенное, самое возвышенное, самое полезное и самое приятное.

Именно самое совершенное потому, что человек, поскольку он отдается стремлению к мудрости, постольку получает уже некоторую часть истинного блаженства. Поэтому Мудрец[1] говорит: «Блажен муж, пребывающий в мудрости». Оно также самое возвышенное, ибо через него человек, который все совершает в мудрости, преимущественно приближается к подобию божественного. Поэтому, так как сходство есть причина любви, стремление к мудрости преимущественно связывает с богом через дружбу, вследствие чего сказано, что «мудрость есть безграничная сокровищница для людей; кто пользовался ею, стал сопричастником дружбы божьей».

Оно также самое полезное, ибо через самую мудрость достигается царство бессмертия: «сильное желание мудрости приводит к вечному царству».

Оно самое приятное, ибо «не имеет горечи сбережение ее и не докука жизнь с нею, а веселие и радость».

61. ФОМА АКВИНСКИЙ. ИЗ «СУММЫ БОГОСЛОВИЯ».

Для понимания приведенных ниже примеров схоластических рассуждений нужно ознакомиться с основными приемами схоластического научного изложения. «Сумма богословия» Фомы Аквинского, как и многие другие произведения средневековой науки, изложена в форме обсуждения вопросов. Каждый из таких вопросов построен по определенной, строго соблюдаемой схеме. В заглавии формулируется тема вопроса, например о десятине, о добродетели и т. д. Затем кратко перечисляется, что именно будет рассматриваться в изложении данного вопроса. В зависимости от числа таких более узких тем вопрос делится на известное число разделов. Каждый из этих разделов в свою очередь делится на четыре части. Сначала излагаются мнения, противоположные тому, которого придерживается сам автор. До XIV в. не было обычая называть имен своих литературных противников, и Фома приводит их мнения в безличной форме: «считается, что» и т. д. После изложения аргументов (доводов) своих противников схоласт приводит цитату из авторитета, которую он считает решающей для выяснения вопроса. Эта вторая часть начинается словами «но против». Затем схоласт подробно разъясняет значение приведенной цитаты для обсуждения вопроса и делает из нее нужные ему выводы. Эта часть начинается словами: «Отвечаю: надо сказать...». Изложив свои положительные взгляды, схоласт переходит к разбору приведенных им мнений своих противников. Так как эти мнения тоже основаны на церковном авторитете, то опровержение состоит в том, что доказывается неправильность сделанных из авторитета выводов.

И эта громоздкая схема проведена Фомой Аквинским без всяких отступлений через сотни вопросов и тысячи их разделов его громадной «Суммы».

---

[1] Мудрецом в средние века называли без дальнейших пояснений царя Соломона, авторству которого ошибочно приписывали ряд библейских книг, даже не связанных непосредственно с его именем.

Был ли человек сотворен в раю?

(Сумма богословия, часть 1-я, вопрос 102, раздел IV.)

1. К четвертому разделу приступаем так. Считается, что человек был сотворен в раю. Ангел ведь был сотворен в месте своего обитания, именно в эмпирее. Но рай до грехопадения был местом, предназначенным для пребывания людей. Следовательно, надо думать, что человек был сотворен в раю.

2. Далее, другие животные сохранились в месте своего происхождения, как, например, рыбы в воде и земные животные на земле, из которой они созданы. Человек же содержался в раю... Следовательно, он должен был быть создан в раю.

3. Далее, женщина была создана в раю. Но мужчина много достойнее женщины. Следовательно, мужчина тем более должен был быть создан в раю.

Но против — то, что говорится в книге «Бытия», глава II: «И взял бог человека и поселил его в раю».

Отвечаю: надо сказать, что рай был местом, приличествующим для обитания человека по отношению к непорочности первоначального состояния. Непорочность же эта принадлежала человеку не по природе, а по сверхъестественному дару божию. Следовательно, для того чтобы это[1] считалось заслугой божественной милости, а не человеческой природы, бог сотворил человека вне рая, а потом поселил его в раю, чтобы он обитал там на всем протяжении животной[2] жизни, потом же, когда бы он перешел к духовной жизни, он должен был быть перенесен на небо.

Следовательно, по первому пункту надо сказать, что эмпирей есть место, приличествующее природе ангелов, и потому они там сотворены. И подобным образом надо сказать по второму пункту, ибо эти места подходят животным сообразно их природе.

По третьему пункту надо сказать, что женщина была создана в раю не вследствие своего достоинства, а вследствие достоинства того элемента, из которого было создано ее тело. Ибо подобным образом в раю родились и дети, так как родители были уже там поселены.

62. МАТЕМАТИКА И БОГОСЛОВИЕ.

(Из письма магистров и школяров Оксфордского университета папе Иннокентию III.)

Свидетельствуем, что видели, и говорим, что знаем о жизни достопочтенного отца нашего Эдмунда, блаженной памяти архиепископа Кентерберийского, который не малое время был в нашем университете и учеником, и учителем... Уж лет шесть, как он был ректором артистического факультета..., продолжая чтение общего

[1] Пребывание Адама в раю.
[2] Телесной.

курса арифметики некоторым из своих коллег, как ему явилась однажды во сне благочестивая его мать, незадолго умершая, и сказала: «Сыне, что ты читаешь? Что это за знаки, над которыми ты так прилежно сидишь?» Он ответил: «Такие-то и такие-то» и показал ей чертежи, какие обычно бывают в этой науке. Тогда она схватила его руку и провела на ней три круга, начертав в них по порядку три слова: отец, сын, дух святый. Сделав это, она сказала: «Дражайший сын мой, сим знакам, а не каким-либо иным, отныне прилежи». Поставленный сном этим, словно откровением, на путь истинный, он немедленно перешел на изучение богословия и в короткое время столь удивительно преуспел, что по прошествии немногих лет занял кафедру профессора.

63. АЛХИМИЯ. РОЖЕР БЭКОН О ПРИРОДЕ МЕТАЛЛОВ.

1) Природа золота.

Золото есть тело совершенное, составленное из чистой, блестящей, постоянной, окрашенной в красный цвет ртути и из чистого, постоянного, окрашенного в красный цвет сульфура (серы). Золото совершенно!

2) Природа меди.

Медь — металл нечистый и несовершенный, составленный из нечистой, неустойчивой, землистой, красной без блеска горючей ртути. То же самое и относительно ее серы. Меди недостает прочности, чистоты, веса. В ней слишком много землистых негорючих частиц и нечистого цвета.

3) Природа железа.

Железо есть тело нечистое, несовершенное, составленное из ртути нечистой, слишком прочной, содержащей землистые частицы, белой и красной, но без блеска. Ему недостает плавкости, чистоты, веса. Оно содержит слишком много нечистой серы и землистых горючих частичек.

64. РОЖЕР БЭКОН О МЕТОДЕ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЗОЛОТА.

Если мы не знаем способов изготовления золота, то какова этому причина, как не то, что мы не наблюдаем средств, которыми каждый день природа совершенствует металлы? Не видим ли мы, что грубые вещества в рудных жилах так свариваются и уплотняются теплотой, находящейся внутри гор, что со временем трансформируются в ртуть? Не видим ли мы, что та же теплота, та же сварка, превращает жирные частицы земли в серу, а приложенная долго к этим двум началам — сере и ртути — зарождает соответственно их чистоте все металлы? Не видим ли мы, что природа производит и совершенствует металлы одним нагреванием?

О бесконечное безумие! Кто, спрашиваю, кто обязывает вас стараться делать ту же самую метаморфозу неестественными, фантастическими средствами? Вот почему философ говорит: горе вам, желающим превзойти природу и сделать металлы более совершенными посредством других приемов, плодов вашего безумного упрямства! Бог дал природе неизменные законы, то есть она должна действовать постоянным нагреванием, а вы, безумцы, вы ее презираете и не умеете ей подражать!

65. РЕЦЕПТ ИЗГОТОВЛЕНИЯ СЕРЕБРА И ЗОЛОТА ИЗ МЕДИ.

Возьми ртуть, сделай ее густой путем прибавки магнезии или сернистой сурьмы или негорючей серы. Сделай этим ее природу белой, и тогда, положив ее на медь, увидишь, что медь побелеет. Если сделаешь ее природу красной, то и медь покраснеет, и после нагревания сделается золото.

66. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ГЕОГРАФИЯ.

Надписи на полях мировой карты, составленной в северной Германии около 1284 г.

Рай — на крайнем востоке. Есть там древо познания добра и зла. Древо сие действительно видимо и телесно, как и всякое другое дерево.

Кругом земным называется он по круглой своей форме, так как он вроде колеса. Со всех сторон обтекает его по кругу океан и делит его на три части, то есть на Азию, Европу и Африку. Одна Азия составляет половину света, Европа и Африка — другую. Рассекает их Средиземное море. Азия названа по имени некой жены, которая, по свидетельству древних, владычествовала на Востоке. Занимает она [Азия] третью сторону, ограничивается она с востока восходом солнца, с юга — океаном, с запада же — нашим морем. С севера предел ее — озеро или болото Меотийское [Азовское] и река Таной [Дон]. Много в ней провинций, областей и островов.

Албания верхняя. Страна эта зовется Албанией, населена 26 племенами и названа так по цвету народа, потому что он родится с белыми волосами [1]. Начинаясь на востоке, у Каспийского моря, она простирается вдоль берега Северного океана до Меотийских болот, через многие пустыни. Собаки этой страны так велики и злобны, что могут растерзать быков и львов. Больше у них смысла, чем у других животных, ибо они одни знают свое имя, любят своих господ, защищают жилье, идут за них на смерть по доброй воле, устремляются с хозяином на добычу, не оставляют

[1] Albus — по-латыни — белый. Объяснение происхождения названия Албании построено, как и все средневековые этиологии, на случайном созвучии слов.

даже тело мертвого хозяина, так что по природе своей они недалеки от людей.

Амазонки. А вот страна амазонок. Они — женщины, сражающиеся как мужчины.

Царство Колхида. Здесь философы выдумали золотое руно, за которым якобы отправился Иона [1]. Вследствие этого между греками и троянами возгорелась война [2].

(Гог и Магог.) А вот здесь Александр [3] заключил два мерзких народа, которые антихрист будет иметь себе в товарищах. Они питаются человечьим мясом и пьют кровь.

Грифы — народ, от неистовства которых саксы, как говорят, пришли в Германию; между другими людьми они, как скорпионы между животными.

А вот антропофаги — скорые люди, ибо имеют ноги, подобные лошадиным; живут мясом и кровью людей.

Гирканский лес, а в нем птицы, перья которых светятся ночью; там же много и другого зверья...

Самарканд — город; лежит в Хазарии, то есть в Скифской земле; больше Вавилона, имеет в окружности сто миль, владеют им сообща царь поганый и царь христианский.

67. ВАГАНТЫ. ПАРОДИЯ ВАГАНТОВ НА ЕВАНГЕЛИЕ.

Начало святого евангелия — от марок серебра [4]. Во время óно сказал папа римлянам: «Когда придет сын человеческий [5] к престолу нашего величества, сначала скажите: друг, для чего ты пришел? Но если он будет упорно стучать [6], ничего не давая вам, то ввергните его во тьму кромешную». Случилось, однако, что некий клирик пришел в курию господина папы и возопил, говоря: «Пожалейте меня хоть вы, привратники папские, ибо рука бедности коснулась меня. А я беспомощен и беден, поэтому прошу, чтобы вы снизошли к несчастию и нищете моей». Но они, услышав это, вознегодовали и сказали: «Друже, бедность твоя да будет с тобою в погибели; иди назад к сатане, ибо не ощущаешь ты того, чем пахнут монеты. Аминь, аминь, говорю тебе: не войдешь

---

[1] Искажение имени Язона, героя античного мифа об аргонавтах.

[2] Также искажение античного мифа. Возникновение Троянской войны не связано с золотым руном.

[3] Александр Македонский.

[4] В подлиннике игра слов: евангелие от Марка (secundum Marcum, собственно, по Марку) — название одного из четырех евангелий, признаваемых церковью. Евангелие от марок серебра (secundum marcas argenti, собственно, согласно маркам серебра) — заглавие, основанное на созвучии с евангелием и содержащее насмешку над корыстолюбием прелатов.

[5] Подразумевается — Христос.

[6] Намек на слова Христа в евангелии от Матфея (VII, 7): «Стучите, и отворят вам».

в милость у господина своего, пока не дашь новенький квадрант[1].

Бедняк ушел и продал плащ и рубашку и все, что имел, и отдал кардиналам, привратникам и казначеям. Но они сказали: «И что нам в столь малом?» и бросили его перед дверями. И выйдя наружу, плакал он горько, не получая утешения.

Потом пришел в курию некий богатый клирик, растолстевший, разжиревший, совершивший в ссоре убийство. Этот дал привратнику, потом казначею, затем кардиналам. Но они думали про себя, что могли бы получить больше. Услышал господин папа, что кардиналы и слуги его получили от клирика многие дары, и ослабел чуть не до смерти. Но богатый клирик послал ему золотое и серебряное лекарство, и он сразу выздоровел.

Тогда господин папа призвал к себе кардиналов и слуг и сказал им: «Братья, смотрите, чтобы кто-нибудь не подкупил вас пустыми словами. Вот, даю вам пример, и как я беру, так и вы берите».

68. ВАГАНТСКАЯ ПЕСНЯ[2].

По обычаю юности иду я путем погибели и, забывая о добродетели, погружаюсь в бездну пороков: заботясь не о спасении, а о наслаждении, метрвец душой, я хлопочу только о своей плоти.

Почтенный владыка, я прошу у тебя прощения: доброй смертью я умираю, сладкой погибелью погибаю; грудь мою пронзают стрелы девичьей красоты, и кого я не могу обнять руками, тех обнимаю хоть сердцем...

По второму пункту должен я повиниться в игре. Хоть она и отпускает меня без нитки на теле, но, дрожа телом, киплю я душевным жаром, в пылу которого зарождаются самые лучшие стихи.

По третьему пункту помяну я кабак. Его я всегда высоко почитал и не перестану почитать до тех пор, пока не предстанут мне святые ангелы с пением: «Упокой душу раба твоего».

Моя мечта — умереть в кабаке. Пусть вино будет поставлено у самых уст умирающего. Тогда радостно прозвучит для меня песнь ангелов: «Боже, буди милостив к этому пьянице».

---

[1] Квадрант — мелкая римская монета. Здесь — намек на слова евангелия от Матфея: «Ты не выйдешь оттуда [из темницы], пока не отдашь до последнего квадранта».

[2] Прозаический перевод стихотворного оригинала.

V. ДАНТЕ. РАННИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ.

69. ДЖИОВАННИ ВИЛЛАНИ. «КТО БЫЛ ПОЭТ ДАНТЕ АЛИГИЕРИ ИЗ ФЛОРЕНЦИИ».

Д. Виллани — известный итальянский историк (1275—1348 гг.), написавший «Историю Флоренции», представляющую важный источник для истории его времени. Виллани сумел в немногих строках передать и основные факты биографии автора «Божественной комедии» и впечатление, которое его далеко незаурядная личность производила на современников.

В названный год 1321, в июле месяце, в городе Равенне, в Романье, скончался Данте Алигиери из Флоренции... И был он погребен в Равенне с большими почестями при входе в собор, в одежде поэта и великого философа. Он умер изгнанником из города Флоренции в возрасте приблизительно 56 лет. Этот Данте принадлежал к почетному и древнему гражданству Флоренции... и был наш сосед. Был он изгнан из Флоренции потому, что когда мессер Карл Валуа[1], из французского королевского дома пришел во Флоренцию в 1301 г. и изгнал оттуда партию Белых..., то названный Данте был в числе главных правителей нашего города и принадлежал к этой партии, хотя и был гвельф; таким образом, без всякой иной вины он вместе с названной партией Белых был изгнан из Флоренции и отправился изучать науки в Болонью, потом в Париж и в другие страны света. Он был весьма сведущ почти во всяких науках, хотя и был мирянином, был великий поэт и философ, одинаково в высшей степени красноречив в прозе и стихах, равно был высокий оратор в публичных речах, владел в совершенстве рифмой и писал самым изысканным и прекрасным слогом, какой только был на нашем языке до него и после него.

В своей молодости он написал книгу «Новая жизнь»... Написал он также «Комедию»[2], где в искусных стихах, вместе с возвышенными и тонкими вопросами из нравственных и естественных наук, философии, астрологии и богословии, в прекрасных и новых поэтических образах и сравнениях, в ста главах, или лучше сказать — песнях, он рассуждает и повествует о положении и состоянии ада, чистилища и рая, и так возвышенно, как только возможно, в чем может убедиться всякий, у кого достаточно тонкий ум. В этой своей «Комедии» он давал волю нападкам и обвинениям и, по обычаю поэта, может быть и более, чем следовало, но, вероятно, его изгнание было только причиной. Он написал еще «О монархии»,

---

[1] Брат короля Филиппа IV Красивого.

[2] Первоначальное заглавие поэмы Данте. «Божественной» ее стали называть впоследствии, выражая в этом эпитете восхищение перед поэмой. Под словом «комедия». Данте понимал не пьесу сатирического содержания, а произведение, написанное менее торжественным стилем, чем трагедия, и при этом не по-латыни, а на народном (итальянском) языке.

где рассуждал о власти папы и императора... Кроме того, он написал книжку, озаглавленную «О народной речи»... [в которой] он сильным и красивым латинским языком и с убедительными доводами разбирает все итальянские наречия.

Этот Данте, вследствие своей учености, был несколько горд и надменен и избегал людей и, как философ, был мало приветлив и не умел хорошо беседовать с простыми людьми, но благодаря другим его достоинствам, учености и гражданским доблестям, мне кажется, что ему подобает воздать вечную память в этой нашей хронике, хотя его великие труды, оставленные нам письменно, сами послужат истинным памятником и почетной славой для нашего города.

70. ДАНТЕ АЛИГИЕРИ.

«Божественная комедия».

Песнь пятая.

(Данте и Виргилий опускаются во второй круг Ада, где мучаются души предававшихся любви, гонимые страшным вихрем. Внимание Данте привлекает одна пара, и он просит Виргилия разрешить поговорить с нею. На призыв Данте эти две души, отделились от толпы, приближаются к Данте, и одна из них, Франческа да-Римини, рассказывает ему историю своей трагической любви к Паоло. Паоло, ее спутник, не произнося ни слова, сопровождает ее рассказ рыданиями.)

Я был в краю, где свет умолк вполне,
Где воздух был, как в бурю воет море,
Когда все ветры меж собой в войне.
Там адский вихрь, бушуя на просторе,
Без отдыха мчит души в царство мглы,
Крутит, бичует, умножает горе.
Когда ж примчит к окраине скалы,—
Со всех сторон тут плач, и стон, и крики,
На промысел божественный хулы.
И я узнал, что казни столь великой
Обречены плотские все слепцы,
Затмившие свой разум страстью дикой.
Пока мой вождь мне исчислял царей,
И рыцарей, и дев, скорбел я духом,
И обморок мрачил мне свет очей.
— «Поэт,— я начал,— весь прильнул бы слухом
Я к голосу четы, парящей там
И по ветру несомой легким пухом».
А он: «Дождись, как вихрь примчит их к нам;
Тогда моли любовью, силой гнета,
Влекущей их, и — прилетят к мольбам».
Лишь только ветр склонил их к нам с полета,
Как я вскричал: «Убитые тоской,
Приблизьтесь к нам, коль нет на то запрета».

Как голубки на зов любви живой,
  Недвижные простерши крылья, в лоно
  Гнезда летят лишь волею одной,—
Так, разлучась с толпою, где Дидона[1],
  Сквозь адский мрак, они примчались вновь:
  Столь силен был призыв мой, полный стона.
«О, кроткий дух, в ком дышит к нам любовь,
  Пришедший в тьму сквозь этот мрак презренный
  Взглянуть на нас, проливших в мире кровь.
Когда бы нам был другом царь вселенной,
  Молили б мы, да даст он мир тебе
  За скорбь об нас в тоске неизреченной.
Что б ни спросил о нашей ты судьбе,—
  Все выслушав, мы скажем на просторе,
  Покуда ветр как бы затих в борьбе.
Лежит страна, где я жила на горе,
  У взморья, там, куда нисходит По,
  Чтоб мир найти со спутниками в море.
Любовь, чью власть мы познаем легко,
  Вот эту тень моей красой пленила тела,
  Погибшей так, что вспомнить тяжело.
Любовь любить нам любящих велела
  И так меня с ним страстью увлекла,
  Что видишь, я и здесь не охладела.
Любовь в одну могилу нас свела;
  Того, кем мы убиты, ждут в Каине[2]...»
  Такая речь из уст их к нам текла.
Я, внемля им, поник лицом в кручине
  И до тех пор не поднимал главы,
  Пока поэт: «В каких ты думах ныне»?
И, отвечав, я продолжал: «Увы!
  С какою негой дум, с каким желаньем
  Они сошли к мученьям в эти рвы».
Потом, опять к ним обратясь, с рыданьем
  Сказал: «Франческа, грустный твой рассказ
  Меня до слез растрогал состраданьем.
Но объясни: томлений в сладкий час
  Чрез что и как неясные влеченья
  Вдруг сделались понятными для вас?»
И мне она: «Нет большего мученья,
  Как вспоминать былого счастья быт
  В дни бедствия; твой вождь такого ж мненья.

---

[1] Дидона — легендарная царица, о которой говорится в «Энеиде» Виргилия. Была влюблена в Энея, поэтому и находится в том месте Ада, где наказывается земная любовь.

[2] Каина — место в аду, где казнятся братоубийцы (от имени Каина, первого братоубийцы). Паоло и Франческа были убиты братом Паоло.

Но если так душа в тебе горит
  Узнать, как страсть возникла в нас вначале,—
  Скажу, как тот, кто плача говорит.
Однажды мы, в миг радости, читали,
  Как Ланчелот[1] любовью скован был.
  Одни мы были и беды не ждали.
Не раз бледнел у нас румянца пыл,
  И взор его встречал мой взор туманный,
  Но лишь в тот миг роман нас победил,
Когда прочли, как поцелуй желанный
  Улыбкой уст был приманен к устам,
  И он, теперь уж мне навеки данный,
Весь в трепете, к моим прилипнул сам...
  Был Галеот — твой автор, книга злая...
  В тот день мы дальше не читали там».
Так говорила тень; меж тем другая
  Так горько плакала, что, наконец,
  Я обомлел, как будто умирая,
И пал без чувств, как падает мертвец.

Песнь тридцать четвертая.

(Ад оканчивается четвертым отделением девятого круга, носящим название Джудекка. Это область страшного холода, где мучаются наиболее низкие предатели. Круг этот замыкается колоссальной фигурой мрачного чудовища Люцифера, величайшего из изменников.)

Я был, страшусь сказать, уж там, где льдом
  Со всех сторон затерты духи злые,
  Сквозя под льдом, как крошки под стеклом.
Лежат одни, стоят торчком другие;
  Кто головой, кто пятками поник;
  Кто, словно лук, ногами согнут к вые.
Когда мой вождь настолько вдаль проник,
  Что пожелал мне указать творенье,
  Имевшее прекрасный прежде лик,—
Стать пред собой он дал мне повеленье,
  Сказав: «Вот Дис и вот страна, где вновь
  Вооружись отвагой на мгновенье».
Как обмер я, во мне как стыла кровь,
  Сказать тебе, читатель, я не в силах:
  То выразить ничьих не станет слов.
Не умер я, хоть кровь застыла в жилах;
  Представь же сам, чем в ужасе я стал,
  И жизнь, и смерть утратив в тех могилах.

---

[1] Герой рыцарского романа.

Владыка царств злой горести восстал
До полугруди над льдяной пещерой;
И был не так я пред гигантом мал,

Как мал гигант пред лапой Люцифера:
Отсель пойми, каков весь рост его,
Коль члены в нем столь страшного размера.

Коль он, восстав на бога своего,
Так гнусен стал, как был сперва прекрасен,
То он отец, конечно, зла всего.

О, как же был мне вид его ужасен,
Когда узрел я три лица в нем.
Передний лик был цветом яркокрасен,

Другие ж два сливались с тем лицом
Над верхом плеч и, сросшись у вершины,
Вздымались гребнем над его челом.

Лик бледножелт был с правой половины,
Но тот, что слева, цвет имел людей,
Живущих там, где Нил паде в долины.

Шесть крыл, приличных страшной птице сей,
Под каждым ликом по два выходили:
Таких ветрил не встретишь сред морей.

Бесперые, на крылья походили
Нетопыря; он ими так махал,
Что из-под них три ветра бурей выли

И весь Коцит[1] от стужи замерзал.
Шестью очами плакал он и током
Кровавых слез три груди орошал.
Как мялами, он в каждом рте глубоком
Дробил в зубах по грешнику зараз,
Казня троих в мучении жестоком.

Но мощь зубов переднему в сто раз
Сноснее лап, которыми он с кожей
Всю спину в кровь сдирал ему подчас.

И вождь: «Вон тот, из всех казнимый строже,
Внутрь головой, ногами вне зубов,—
Искариот Иуда в верхнем ложе.

Из двух других висящих вниз голов —
Вот это Брут[2] торчит из черной щели:
Смотри, как он там корчится без слов.

Другой же — Кассий[3], столь могучий в теле.
Но сходит ночь, покинем сей предел,
Затем, что мы уж все в нем обозрели».

---

[1] Река в аду.

[2] и [3] Убийцы Юлия Цезаря.

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА.
ИЗ СОНЕТОВ НА ЖИЗНЬ ЛАУРЫ.

Благословляю день, и месяц, и годину,
И час божественный, и чудное мгновенье,
И тот волшебный край, где зрел я, как виденье,
Прекрасные глаза, всех мук моих причину.
Благословляю скорбь и первую кручину,
В какую вверг меня Амур в жестоком мщенье,
И страшный лук его, и стрел его язвленье,
И боль сердечных ран, с которой жизнь покину.
Благословляю все те нежные названья,
Какими призывал ее к себе, все стоны,
Все вздохи, слезы все и страстные желанья.
Благословляю все сонеты и канцоны,
Ей в честь сложенные, и все мои мечтанья,
В каких явился мне прекрасный образ донны.
В какой стране небес, какими образцами
Природа, оживясь, умела нам создать
Прелестный образ тот, которым доказать
Свою хотела власть и в небе и меж нами?
Богиня где в лесах иль нимфа над волнами,
Чьи локоны могли б так золотом блистать?
Чье сердце добротой так может удивлять,
Хотя мой век оно усеяло бедами.
Мечтатель пламенный, еще не встретясь с ней,
Божественных красот всей прелести не знает,
Ни томного огня пленительных очей;
Не знает, как любовь крушит и исцеляет,—
Кто звука не слыхал живых ее речей,
Не зная, как она смеется и вздыхает.

72. ИЗ СОНЕТОВ НА СМЕРТЬ ЛАУРЫ.

Когда она вошла в небесные селенья,
Ее со всех сторон собор небесных сил
В благоговении и тихом изумленье,
Из глубины небес слетевшись, окружил.
«Кто это?—шопотом друг друга вопрошали,—
Давно уж из страны порока и печали
Не восходило к нам в сиянье чистоты
Столь строго девственной и светлой красоты».
И, тихо радуясь, она в их сонм вступает,
Но, замедляя шаг, свой взор по временам
С заботой нежною на землю обращает
И ждет—иду ли я за нею по следам...
Я знаю, милая. Я день и ночь на страже.
Я господа молю. Молю и жду—когда же?

73. ИЗ КНИГИ «О СРЕДСТВАХ ОТ ПРЕВРАТНОСТЕЙ СУДЬБЫ».

Часть I. *Счастье.*

1) *О благородном происхождении.* Кровь всегда одного цвета. Но если она светлее другой, это создает не благородство, а телесное здоровье. Истинно благородный человек не рождается с великой душой, но сам себя делает таковым великолепными своими делами.

2) *О богатстве.* У богатого больше завистливых чувств, чем радости. Большие богатства приобретаются с трудом, хранятся с хлопотами, тратятся с огорчением. Если ты расточителен, израсходуешь их быстро. Если ты скуп,— превращаешься в сторожа, и богатство владеет тобою, а не ты богатством.

3) *О даче в рост.* Чем больше скупость, тем больше жестокость. Смерть приближается к тебе так, как к твоему должнику срок уплаты тебе. Ростовщики, как прокаженные, жили обыкновенно отдельно от других людей. Их избегали как людей, больных прилипчивой болезнью. Ибо ростовщик по-настоящему убивает человека.

4) *О смертной славе.* Многие надеются заслужить славу, будучи достойны бесславия, и поступают, как заблудившиеся: думают, что идут вперед, а возвращаются назад. Слава никогда не помогает мертвым. Живым она много раз была гибельна. Что было причиною смерти Туллия [1], если не великая слава о его учености? То же можно сказать о Сократе и Зеноне [2].

74. ИЗ КАНЦОНЫ «ИТАЛЬЯНСКИМ ВЛАСТЕЛИНАМ».

Италия моя! Хотя не исцелит
Мой стих тех ран кровавых,
Что губят тело чудное твое,
Но сердце так болит мое,
Что с берегов По величавых
Мой вопль до Тибра прозвучит.
Небесный царь! во имя той любви,
Что привела тебя в юдоль земную,
Отчизне милость ты яви.
Гляди: мою страну родную,
Мой край, тобой любимый,
Война, раздор неугасимый
Из-за пустых причин,
Как жестоко терзает.
Смягчи, отец и господин,
Сердца, что распря так ожесточает,

[1] Марк Туллий Цицерон — римский оратор и философ.
[2] Зенон — греческий философ.

И их открой, чтоб истина твоя
Влилася в них через меня.
Увы, кому судьба дала
Бразды правленья над страною,
К которой жалости в вас нет,
Зачем, вы дайте мне ответ,
На ваш призыв с войною
Германцев армия пришла?
Не льститесь вы мечтой пустою,
Что варвары поля чужие
Своею кровью обагрят!
Вожди слепые!
Да разве вы в сердцах продажных
Найдете веру и любовь?
Ведь тот, кто больше окружен
Толпой солдат наемных,
Тем больше и врагов
Имеет он.
И вот из той страны ужасной
Потоком хлынули они
На нивы нашей родины прекрасной.
И в том виновны мы одни!
Ведь сами мы призвали их,—
Так кто ж теперь спасет от них!

75. ПАПСКОМУ ДВОРУ В АВИНЬОНЕ [1].

Да поразит тебя небесный гром,
Негодный двор! Ты, бедных разоряя
И крохи их в свою казну сбирая [2],
Богаче и сильнее с каждым днем.
Гнездо измен, где все то зло творится,
Что губит ныне божий свет...
. . . .
В былые дни не спал ты на перине,
А наг и бос средь терний жил в кручине [3],
Но твой позор уж видят божьи очи.

[1] После борьбы папы Бонифация VIII с французским королем Филиппом IV Красивым папский двор был перенесен во французский город Авиньон, где и оставался в течение семидесяти лет (1309—1378).

[2] В числе многочисленных источников папских доходов были, между прочим, всячески поощрявшиеся папами массовые паломничества в Рим со всех концов католического мира по случаю папских «юбилеев» и других празднеств. Увлекаясь этими паломничествами, в надежде на обещанное папами отпущение грехов, множество не только богатых и состоятельных людей, но и бедноты стекалось в Рим, принося с собой свои последние гроши. Прямо или косвенно значительная часть паломнических денег попадала, конечно, в папскую казну. На это здесь и намекает Петрарка.

[3] Намек на первоначальную бедность и скромность жизни первых римских епископов.

ПАПСКОМУ ДВОРУ В РИМЕ[1].

Поток скорбей, обитель злобы дикой,
Храм ереси и школа заблуждений,
Источник слез, когда-то Рим великий,
Теперь лишь Вавилон всех прегрешений,
Горнило всех обманов, мрачная тюрьма,
Где гибнет благо, зло произрастает,
Живым — до смерти ад и тьма,—
Ужель тебя господь не покарает?
. . . .
Ну, что ж, ты прав, непогрешим ты у людей,
И Константин[2] не встанет из могилы.

76. БОККАЧЧЬО.

Декамерон.

Новелла шестая. *Некто уличает метким словом злостное лицемерие монахов.*

Когда все одобрили добродетель маркизы и милый урок, данный ею французскому королю, Эмилия, сидевшая рядом с Фьямметтой, по желанию своей королевы, смело начала рассказ. И я также не умолчу, как один почтенный мирянин уязвил скупого монаха словом столь же потешным, как и достойным похвалы.

Жил недавно тому назад, милые девушки, в нашем городе некий минорит, инквизитор нечестивой ереси, который, хотя и старался, как все они делают, казаться святым и рьяным любителем христианской веры, в то же время был не менее хорошим исследователем людей с туго набитым кошельком, чем тех, кто страдал умалением веры. При этой его ревности он случайно попал на одного порядочного человека, гораздо более богатого деньгами, чем умом, у которого не по недостатку веры, а, говоря попросту, потому, вероятно, что он был возбужден вином и излишним весельем, сорвалось однажды в своем кругу слово, что у него такое хорошее вино, что от него отведал бы и Христос. Когда о том донесли инквизитору, тот, узнав, что у него были большие поместья и тугой кошелек, с великим спехом начал против него строжайший иск, ожидая от него не умаления неверия в обвиняемом, а наполнения собственных рук флоринами, как то и случилось. Вызвав его, он спросил, правда ли то, что о нем сказывают. Простак отвечал, что правда, и сказал, как было дело. На это святейший инквизитор, особый почитатель св. Иоанна Златоуста, сказал: «Итак, ты сделал Христа пьяницей, любителем добрых вин, точно он Чиппчильоне или кто-нибудь из вашей

[1] В 1378 г. папский двор снова был перенесен в Рим. См. первое примечание на стр. 389.
[2] Император Константин Великий (306—337).

братии, пьяниц и завсегдатаев таверн? А теперь ты ведешь смиренные речи, желая дать понять, что это дело пустое. Не таково оно, как тебе кажется: ты заслужил за это костер, коли мы захотим поступить с тобой, как обязаны». Такие и многие другие речи он вел с ним с угрожающим лицом, как будто тот был сам Эпикур, отрицающий бессмертие души. В короткое время он так настращал его, что простак поручил неким посредникам умастить его руки знатным количеством мази св. Иоанна Златоуста (сильно помогающей против заразного недуга любостяжания клириков и особливо миноритов, которым не дозволено прикасаться к деньгам), дабы он поступил с ним по милосердию. Эту мазь, как вполне действительную, хотя Гален и не говорит о ней ни в одном из своих медицинских сочинений, он пустил в дело так и в таком обилии, что огонь, которым ему пригрозили, милостиво сменился знаком креста, а чтобы флаг был красивее,— точно кающемуся предстояло итти в крестовый поход,— положили ему желтый крест на черном фоне. Кроме того, получив деньги, инквизитор задержал его на несколько дней при себе, положив ему, в виде эпитимии, каждое утро быть у обедни в Санта Кроче и представляться ему в обеденный час; в остальную часть дня ему предоставлено было делать, что угодно. Все это он исполнял прилежно, когда однажды утром услышал за обедней евангелие, из которого пелись следующие слова: «Вам воздастся сторицею, и вы унаследуете жизнь вечную». Точно удержав их в памяти и явившись, согласно приказанию, перед лицом инквизитора в час обеда, он застал его за столом. Инквизитор спросил его, был ли он у обедни этим утром. «Да, мессере»,— поспешно ответил он. На это инквизитор сказал: «Не услышал ли ты при этом чего-нибудь, что вызвало в тебе сомнение и о чем ты желаешь спросить?» — «Поистине,— отвечал простак,— ни в чем, что я слышал, я не сомневаюсь, напротив, все твердо почитаю истинным. Слышал я, правда, кое-что, что возбудило во мне и еще возбуждает сильное сожаление к вам и вашей братии, монахам, когда подумаю я о несчастном положении, в котором обрететесь на том свете». Сказал тогда инквизитор: «Что это за слово, что побудило тебя к такому о нас сожалению?» Простак отвечал: «Мессере, то было слово евангелия, говорящее: «Воздастся вам сторицею». Инквизитор сказал: «Воистину так, но почему же эти слова расстроили тебя?» — «Я объясню вам это, мессере,— отвечал простак.— с той поры, как я стал ходить сюда, я видел, как каждый день подают отсюда множеству бедного люда чан и иногда и два большущих чана с похлебкой, которую отнимают у вас и у братии этого монастыря как лишнюю; потому если на том свете за каждый чан вам воздастся сторицею, у вас похлебки будет столько, что вам всем придется в ней захлебнуться». Хотя все другие, бывшие за столом у инквизитора, рассмеялись, инквизитор почувствовал, что укол обращен против их похлебочного лицемерия, совсем смутился, и, если бы не стыд за учиненное простаку дело, он учинил бы ему другое за то, что по-

тешной остротой он уколол и его и других тунеядцев. С досады он разрешил ему делать что заблагорассудится и больше к нему не являться.

77. ПОДЖО БРАЧЧОЛИНИ.

«Фацеции».

1) *О священнике, который похоронил собачку.* Был в Тоскане деревенский священник, довольно богатый, который, когда у него умерла любимая им собачка, похоронил ее на кладбище. Дошло это до слуха епископа, который, желая присвоить себе деньги священника, приказал вызвать его к себе как виновного в тяжком преступлении. Священник, который знал характер своего епископа, отправился к нему, захватив с собою пятьдесят дукатов. Епископ, когда тот явился к нему, сурово упрекал его в том, что он похоронил собачку на кладбище, и велел отвести его в тюрьму. «Отец мой,— сказал хитрый священник,— если бы знали, каким умом обладала та собачка, вы не удивлялись бы, что она получила погребение с людьми. Ибо и при жизни и в момент смерти она обнаружила ум больший, чем у человека». «Что это значит?» — спросил епископ. «Она,— отвечал священник,— в последние минуты своей жизни составила завещание и, зная бедность вашу, оставила вам пятьдесят дукатов, которые я и принес с собою». И епископ тогда одобрил как завещание, так и погребение, взял деньги и отпустил священника.

2) *О ростовщике из Виченцы.* Один ростовщик из Виченцы много раз просил некоего монаха, человека, пользовавшегося большим авторитетом и часто выступавшего с проповедями, сказать проповедь против ростовщиков и обрушиться со всей силой на этот порок, который был одним из наиболее укоренившихся в городе. Он повторял эту просьбу с такой настойчивостью, что это уже становилось монаху в тягость. Когда кто-то стал выражать удивление, что он не перестает настаивать на осуждении своей собственной профессии, он объяснил, чего он этим добивался. «Здесь,— сказал ростовщик,— очень много людей, которые дают деньги под проценты. Поэтому ко мне приходят немногие, и я зарабатываю мало. Но если других проповедь убедит оставить занятие ростовщичеством, я буду один зарабатывать все то, что теперь все они зарабатывают вместе». Эту историю, смеясь, рассказал мне тот монах.

3) *Как был посрамлен монах, громко кричавший.* Один монах, который часто проповедовал народу, имел привычку, как глупые люди, сильно кричать, и одна из женщин, бывших в церкви, плакала так громко, что ее рыдания переходили в вой. Монах заметил это несколько раз и, думая, что женщину приводили в такое состояние его слова, любовь к богу и собственная ее совесть, призвал ее к себе и спросил, почему она плачет и не его ли слова привели в возбуждение дух ее, и увещевал ее беречь свои громкие

рыдания и не расточать благочестивые слезы. И женщина ответила, что она плачет и голосит действительно от страдания и горя, что она вдова и ее бедный муж, умирая, оставил ей ослика, благодаря которому она зарабатывала скудные средства к жизни, что ослик этот имел привычку и днем и ночью реветь, совсем, как это делал монах во время проповеди, что ослик умер и она осталась без хлеба и что когда она слышит громкие крики монаха, похожие на голос ее ослика, ослик приходит ей на память и она невольно начинает плакать. Так глупый, ревевший более чем проповедовавший монах ушел, сконфуженный своей глупостью.

78. ДЖ. ПИКО ДЕ-ЛА МИРАНДОЛА.

Из трактата «О достоинстве человека».

В конце дней творения создал бог человека, чтобы он познал законы вселенной, научился любить ее красоту, дивиться ее величию. Я, говорил творец Адаму, не прикрепил тебя к определенному месту, не обязал определенным делом, не сковал необходимостью, чтобы ты сам, по собственному желанию, избрал место, дело и цель, какие ты свободно пожелаешь, и владел ими. Ограниченная у остальных существ природа внутренно стеснена законами, мною установленными; ты лишь один, не сдерживаемый никакой узостью границ, по своему произволу, очертишь границы той природы, в чьи руки я отдал тебя. Посреди мира поставил я тебя, чтобы тебе легче было проникнуть взором в окружающее. Я создал тебя существом не небесным, но и не только земным, не смертным, но и не бессмертным, чтобы ты, чуждый стеснений, сам себе делался творцом и сам выковал окончательно свой образ. Тебе дана возможность упасть до степени животного, но также и возможность подняться до степени существа богоподобного исключительно благодаря твоей внутренней воле.

О, высокая благость божественного отца! О, дивное и возвышенное назначение человека, которому дано достигнуть того, к чему он стремится, и быть тем, чем он хочет.

Животные, говорит Луцилий, из утробы матери выходят такими, какими им суждено остаться навсегда.

Небесные существа либо изначала, либо немного позже делаются тем, чем они будут вечно. Только человеку дал отец семена и зародыши, которые могут развиваться по-всякому. Каков будет за ними уход, такие они принесут цветы и плоды. Посеет он семена растений, вырастет существо чисто растительной жизни; будет давать волю инстинктам чувственности, одичает и станет как животное.

Последует он за разумом, вырастет из него небесное существо. Начнет развивать свои духовные силы, станет ангелом и сыном божиим!

ИЗОБРЕТЕНИЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ.

79. СВИДЕТЕЛЬСТВО ВИМФЕЛИНГА.

В 1440 г. по рождестве христове, в царствование императора римского Фридриха III, Иоанном Гутенбергом из Страсбурга был изобретен новый способ письма, чем было оказано великое и почти божественное благодеяние всему миру. Действительно, он первый изобрел в городе Страсбурге искусство печатания. Отсюда он переехал в Майнц, где счастливым образом завершил свое изобретение.

80. СВИДЕТЕЛЬСТВО АББАТА ТРИТЕМИЯ.

В это время жителем Майнца, Иоанном Гутенбергом, было изобретено чудесное, до сих пор неслыханное искусство печатать книги при помощи отдельных букв. Истратив на это изобретение почти все свое состояние и все-таки вследствие многих затруднений испытывая недостаток то в том, то в другом, он уже хотел бросить это дело. Но благодаря доброму совету и денежной ссуде другого майнцского гражданина, Иоанна Фауста, он счастливо довел его до конца. Сначала они вырезали буквы на досках и напечатали общеупотребительный словарь, однако ничего другого при помощи этих досок напечатать не могли, так как вырезанные на них буквы были неподвижны. Тогда они придумали отлить буквы латинского алфавита, названные ими «матрицами», при помощи которых они отливали букв из меди и олова столько, сколько было нужно, тогда как раньше они вырезывали их руками. Однако этот способ представлял столько трудностей, что они истратили на напечатание библии 4 тыс. гульденов, прежде чем был окончен 12-й лист. Но Петр Шеффер, сначала слуга, потом зять Иоанна Фауста, изобрел более легкий способ отливки. Долгое время оба они держали это изобретение в тайне, пока оно не было перенесено рабочими, без которых они не могли обойтись, сначала в Страсбург, а потом и ко всем народам.